

ЮЖНОЕ СИЯНИЕ

ОДЕССКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

2 (38)' 2021

Главный редактор
Станислав АЙДИНЯН

Выпускающий редактор
Сергей ГЛАВАЦКИЙ

Отдел поэзии
Людмила ШАРГА

Отдел прозы
Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

Отдел литературоведения
Евгений ДЕМЕНОК

Отдел литературной критики
Александр КАРПЕНКО

Общественный совет:
Евгений Голубовский (Одесса), Владимир Гутковский (Киев),
Олег Дрямин (Одесса), Олег Зайцев (Минск),
Вера Зубарева (Филадельфия), Андрей Костинский (Харьков),
Марина Матвеева (Симферополь), Юрий Работин (Одесса),
Олеся Рудягина (Кипшинёв), Анна Стреминская (Одесса).

Свидетельство о регистрации: серия ОД № 1563-434-Р от 16.11.2011 г.
Учредитель – Общественная организация «Южнорусский Союз Писателей»

Е-mail редакции: aurora_australis@lenta.ru
Интернет-версия журнала: ursp.org

© «Южное Сияние», 2021

В НОМЕРЕ

ПОЭЗИЯ

Одесса: Юлия Мельник. Всё, что знаешь о спящей земле. <i>Стихотворения</i>	4
Одесса: Александр Щедринский. Моё имя, как первое слово. <i>Стихотворения</i>	9
Одесса: Юлия Петрусевичюте. На чешуе глубоководных рыб. <i>Стихотворения</i>	14
Одесса: Анна Стреминская. На окраине города. <i>Стихотворения</i>	19

ПРОЗА

Одесса – Прага: Евгений Деменок. Хорошо. <i>Путевая проза. Продолжение</i>	23
---	----

ПОЭЗИЯ

Одесса – Филадельфия: Вера Зубарева. По кромке земли и неба. <i>Стихотворения</i>	39
Черноморск: Леонид Кулаковский. Если крик невесом... <i>Стихотворения</i>	43
Одесса – Нью-Йорк: Галина Ицкович. Каникулы среднего детства. <i>Стихотворения</i>	47
Одесса: Тина Арсеньева. Баллады. <i>Продолжение</i>	52

ПРОЗА

Монреаль: Лада Миллер. Монте-Кристо. <i>Рассказ</i>	57
Москва: Елена Вадохина. Мелодия старинного рояля. <i>Рассказ</i>	64
Одесса: Валентина Гайдаенко. Ружьё. <i>Рассказ</i>	68

ПОЭЗИЯ

Ростов-на-Дону: Ольга Андреева. Что касается звёздного неба. <i>Стихотворения</i>	71
Москва: Евгения Джен Баранова. Когда бывала кисточка лисой. <i>Стихотворения</i>	76
Симферополь: Марина Матвеева. Воздух – сам кислород. <i>Стихотворения</i>	80
Красноярск: Эльдар Ахадов. Воздух, беременный криками чаек. <i>Стихотворения</i>	86

ПРОЗА

Иерусалим – Одесса: Евгений Кузьмин. Трансляция. <i>Рассказ</i>	91
Одесса: Елена Кутинова. Интервью с мертвецом. <i>Иронический детектив</i>	99

«ФОНОГРАФ»

Резина: Сергей Чернолев. Это труд – состраданье. <i>Стихотворения</i>	108
--	-----

ПРОЗА

Санкт-Петербург: Анастасия Чурик. Дева тёмной воды. <i>Сказка</i>	113
--	-----

ПЕРЕВОДЫ

Уильям Хенли. Поэзия. <i>В переводах Игоря Лосинского</i>	130
--	-----

ПРОЗА

Одесса: Василий Кисиль. Соблазн познания: опавшие мысли. <i>Эссе</i>	137
Москва: Леонид Волков. Песни пьяного леса. <i>Автобиографическая проза</i>	156

«СЕТЧАТКА»

Москва: Ольга Медведко. Николай Гумилёв – поэт-пророк. К 135-летию Николая Гумилёва	160
Москва: Галина Вознесенская. Генрих Сапгир	166

«ЛИТМУЗЕЙ»

Москва: Андрей Краевский. Хмельной бродяжий ветер с моря. Аркадий Тимофеевич Аверченко	171
Севастополь: Виктория Миленко. «Эта милая, весёлая, любопытная...». К 110-летию сборника «Одесские рассказы»	178
Аркадий Аверченко. Одесситы в Петрограде. Фельетон	183

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» ЕЛЕНА СЕВРЮГИНОЙ

Творящий лирику в эпоху эпоса. О книге Вячеслава Куприянова «Противоречия»	186
Тоска цикад. О книге Сергея Пагына «Просто жизнь»	189
Рефрены времени. О книге Сергея Сутулова-Катеринича «Наташкина серёжка»	192
Падение в музыку. О книге Ростислава Ярцева «Нерасторженный праздник»	194
Благовест августа. О книгах Ксении Август «Преображение» и «Солнечный бумеранг»	197

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» АЛЕКСАНДРА КАРПЕНКО

Человек перед лицом рока. О книге Лидии Григорьевой «Термитник»	200
«Прикоснись к горящему горящим...». О книге Татьяны Кайсаровой «Чётки огня»	203
Путешественник по дорогам памяти. О книге Владимира Делбы «Рулетка судьбы»	206
«Жизняночка и умиранка». О книге Ольги Пильницкой «Сущение жизни – моё ремесло»	208
Глаза в глаза, из живого в живое. О книге Эльдара Ахадова «Люблю и помню»	211
«Человек играющий» в поэтике Александра Соболева. О книге «Между волком и собакой»	213
«Мой бедный Даня, или Жизнь длиною в любовь». О пьесе Натальи Гринберг и Романа Михеенкова «Пластинка на костях»	216

«ШКАФ»

Москва: Юлия Руденко. Формула богатства. Рецензия на книгу Галины Соколовой и Эллы Мазько «Тайные касания Ариадны»	219
Коломна: Александр Руднев. «Подземная река». Рецензия на книгу Юрия Гурфинкеля «Ещё леска походка...» ..	220
Краснодар: Дарья Тоцкая. Стихоосётр на вкус. Рецензия на книгу Анны Харлановой «Стихоосётр»	222
Москва: Станислав Айдинян. Огонёк постблоковской поры. Рецензия на книгу Евгения Чизрина «Старый кочевник»	224
Пекин: Ирина Чуднова. От деревенской лирики к метаметафоре. О поэзии Ростислава Русакова	226

ЮЛИЯ МЕЛЬНИК

ВСЁ, ЧТО ЗНАЕШЬ О СПЯЩЕЙ ЗЕМЛЕ

Заснуть на коленях у ветра, укрывшись дождём...
Шагнуть по песчаной косе к предзакатному свету.
Давай не стареть так поспешно. Давай подождём
На сизом причале, как ждут от любимых ответа.

Как хрупко молчанье несущего сеть рыбака...
Как бережны плечи влюблённых, одежду роняя...
Отсюда не видно – какие нас ждут облака
И встречи какие нас ждут – за оградами рая.

Придумать лес и убежать туда,
Где музыка и эхо – в каждой кроне,
Где в синей луже – белая звезда,
Похожая на детские ладони.

За ветки заглянуть, за кроны, за
Изгиб корней и под грибные шляпки.
Не уезжать, а лишь прикрыть глаза,
Со звоном на пол сбрасывая тапки.

Придумать лес, шагнуть во мглу и хруст
Из стен привычных, из привычек вечных,
Твердя заклятье леса – наизусть,
Его не доверяя первым встречным.

Затеряться в комнате – крошечным муравьём...
От цветка до цветка – как от Африки до Аляски.
И не слышит никто, как стучится сердце моё,
Умываясь дождём, сочиняя пёстрые сказки.

Вот урок – день за днём – слышать лишь дыханье своё,
Засыпать под густым одеялом багряной тучи.
Да, живут веселей – со страстями, с чашек битьём...
В этом гулком купе я одна. Не придёт попутчик.

Но касается вежливый ветер моей щёки:
 «Что, дурашка, грустишь? Оглянись, улыбнись скорее».
 Я б полцарства с конём отдала за чьи-то шаги.
 Но, как видно, полцарства с конём мне самой нужнее.

Полдня оттикало. У полдня – светлый норов.
 Там, за окном – спешащий, шумный город.
 Здесь, в комнате, – так тихо и светло,
 Как будто за оконное стекло
 Нас спрятали, как детские секреты –
 Три бусины, обёртку от конфеты...
 Ты помнишь это? Чудо под песком.
 Цветок сирени – с пятым лепестком,
 Крыло жука, перо – потерю чайки...
 Дороже этих кладов не случилось
 И, может, не придётся отыскать.
 Жизнь – всё быстрее. Всё толще – слой песка.

Как будто все книги прочитаны – сыплется день
 Полуденным солнцем, как будто – все песни пропеты...
 О чём ты тоскуешь, моё одинокое лето?
 О разных смешных пустяках, о весеннем дожде,
 О влажном присе, о звоне – в душе у пчелы,
 О девочке, сеющей Вечность игрушечным ситом,
 О тайне – непознанной, двери – ещё не открытой,
 О нити, не стянутой туго в морские узлы.
 А впрочем... Достаточно в комнату ветер впустить –
 И Кто-то спасёт, прикоснётся, умоет, развяжет...
 И Кто Он – спросить не сумеешь, и сам Он – не скажет...
 И вдруг понимаешь, что не о чем больше просить.

В небе тучи разбросаны, как подвенечные платья.
 А по небу беспечные музы летят нагишом.
 И твердит ветер что-то, похожее на заклятье:
 «Ты люби меня вечно...». Стремительным карандашом
 Зарисуй эту синь. Нарисуй одинокого Бога,
 Что пытается нас образумить, когда мы скорбим.
 Ты люби меня вечно... А если не сможешь – немного...
 А не сможешь немного – ну что же – тогда разлюби...

Дозваться до небес – всех гаджетов не хватит,
 А сердца тихий стук – так старомодно прост,
 Мелодию души два воробья подхватят,
 И долетит она до самых дальних звёзд.

Там, на другой звезде, мелодию расслышат,
 А здесь – под гул машин – такая маятня...
 И только поутру – мир так по-детски дышит...
 И будет так же петь и верить – без меня.

Как грань тонка меж счастьем и бедою,
 Забывшись на пороге темноты,
 Достаточно цветок полить водою,
 И кажется, что оживаешь ты.
 Что это ты пьёшь жадно, молчаливо –
 Глоток, глоток, ещё один глоток...
 Как мало надо, чтобы стать счастливой,
 Как солнца луч, как птица, как цветок.

Приди над чаем помолчать,
 Не поверяй в свои секреты...
 Вдруг огорошу невзначай
 Пустым и суетным советом.
 Вдруг слишком эта нить тонка,
 Которой держится молчанье.
 И от глотка и до глотка –
 Лишь головы твоей качанье.
 А дальше, право, как-нибудь...
 Мы справимся, мы всё сумеем,
 Мы выстоим – в раю ль, в аду –
 Где чай – ночных небес чернее.

Как неумело скрипку я держала,
 Как не умела – полюбить её...
 Я скрипачом себя воображала,
 Но убегала в детское житьё
 От хрупких нот, от мудрого терпенья,
 От правил, от торжественных начал,
 Учителя прощали нераденье,
 И только Бог на небе не прощал.
 Он по щекам хлестал меня порошей,
 Он в угол загонял, где боль и мгла,
 Чтоб не пылилась жизнь моя в прихожей
 Чужих страстей. Чтоб я играть смогла.

Не нагадай мне грусть, сутулая цыганка,
 А нагадаешь – что ж – возьму её с собой...
 В твоих глазах – черно, в твоих ладонях палка,
 И лишь на дне зрачков – есть проблеск голубой.

Как четки – бус огонь, платок – цветаст и ярк,
 Дай мимо проскользнуть и ничего не знать...
 А вдруг я и сама – из суетных цыганок?
 Недаром пыль дорог – мне свет и благодать.
 Как видно, нам с тобой – не усидеть на месте,
 Но дай ладонь прикрыть и душу уберечь.
 Пустая страсть пройдёт, лишь музыка воскреснет
 Из праха темноты, в рассветном серебре.

В такую ночь – лишь музыкой спасёшься,
 В такую ночь – лишь музыку возьмёшь...
 На комара ладонью замахнёшься,
 И лишь себе пощечин надаёшь.
 Когда от грусти приняты таблетки,
 И сон соседа хрупок за стеной,
 Приди, Бетховен, выпусти из клетки,
 Бах, напай водою ледяной.
 Не тронув барабанных перепонок,
 Звучит мотив – так нить его тиха,
 Что слышу только я. Сосед-ребёнок,
 Пусть не спугнёт тебя моя тоска.

К Пьеро приходит гость –
 Ночного ветра шорох.
 Звезда голубая горсть,
 Деревьев вечный шепот.
 Макает он перо
 В небесные чернила,
 О чём писать Пьеро,
 Всё было, было, было.
 Не спишь какую ночь,
 Под веками – усталость...
 И всё-таки отсрочь
 Сомненье, скуку, старость.
 Слов смутные штрихи,
 Гул крови в лёгком теле...
 Как пишутся стихи –
 Кто знает в самом деле?

Я хотела стать деревом – тысячи лет назад,
 Но затем я увидела – вишни сбивает град...
 Я хотела стать зверем – в далёком, густом лесу,
 Но затем я увидела в волчьих глазах слезу.

Я хотела стать снегом, лететь на твоё окно,
 Но затем я увидела – снега полным-полно,
 Впрочем, как и деревьев, и слёз – в глазах у зверья...
 И тогда я увидела: я – это просто я.

Расскажи о стрижах, всё, что знаешь о юрких стрижах,
Превратись в неуменье полёт чернокрылый сдержать...
Словно шляпки грибные – рассыпаны крыши во мгле,
Расскажи о земле, всё, что знаешь о спящей земле.

Расскажи обо мне, угадай меня в первом листе,
Преврати меня в краски, в прозрачный этюд на холсте,
Приходи ко мне снегом и тай, на ресницах дрожа,
Будь со мной только тем, что не вымолвить, не удержать,

Не укрыть одеялом и не напоить молоком,
Я привыкла к тебе, я уже не грущу не о ком,
Средь пустых скоростей – хрупкой бабочкой бьёшься в груди...
Я привыкла к тебе, одиночество, не уходи.

АЛЕКСАНДР ЩЕДРИНСКИЙ

МОЁ ИМЯ, КАК ПЕРВОЕ СЛОВО

бюргер так хочет жевать свой бургер.
бюргеру – нет – не нужна война.
в каждом возвышенном демиурге
тайно мерещится сатана.

в Шиве танцующем и в Распятом
видится многоэтажность зла.
словно от дымчатых опиатов,
шпиль увивает мурло козла.

бюргер не хочет об этом слышать.
нужен ремонт и седьмой кредит.
войны пусть будут для нуворишей,
а человек пусть один сидит.

деток воспитывает и яйца
жарит, и фрау целует нос.
ну а на пасху приносит зайца,
пойманного под грядой берёз.

бюргеру ямы не рыть лопатой.
бюргеру – тихий и сытый быт.
а по болотам идут солдаты –
каждый с нагрудной доской: «убит».

– ну вот и всё. и инцидент исперчен,
как говорится вашим визави.
в любви вина, отечества и женщин,
пожалуй, очень мало от любви.
и назарет горит седой бумагой,
садясь на окровавленный венец.
я – часть той силы, что, желая блага,
творит и вправду благо, наконец.

– ты кто?

– я – пётр! павел! я – пуда!

я – тот, кого признаешь ты в других.
кто повсеместно обещает чудо,
но создает одну лишь гору книг.

а в книгах ль чудо, назарянин? в них ли?
сойди с креста! ты – царь. они – толпа!
гляди. шаги конвойного утихли.
сними со лба своё клеймо раба.

– остановись, мгновенье! ты прекрасно!
– ну и дурак. ведь крест уже есть крест.
и содрогнётся за завесой красной
еврейский храм. и тьма падёт окрест.
ты не воскреснешь. ибо воскресенье –
то ж благо, чудо, что придумал я!
– ты кто?
– я сталин, питлер... я – есенин!
хлопушка площадного бытия.

мой гамлет спит, уснув башкой в салате.
ему ли на подмостки выходить?
пусть гул затих, хозяин сел в халате
и закурил, ведь некому налить.

прошедший век. грядущий. между ними –
мы, словно зубы мудрости во рту,
неясно, коим господом хранимы –
тем, что был там; что будет; иль что тут?

не выяснить итоговую драму.
натянута хроническая нить.
господь твердит раздетому адаму,
что он раздет, а значит, будет гнить.

и сколько б ни ушло на свете суши,
сколь ни сменяло б солнце свой ночлег –
нам проклинать всегда милей минувший,
а возводить в фавор грядущий век.

истории такой нас учит сам аллах,
что надобно въезжать в столицы на ослах.
что конь – оно не то: брыкалист и суров;
что могут отогнать его со всех дворов.
конь сразу привлечёт у стражи интерес –
мол, кто таков, зачем, какой покинул лес –
и выбросят с коня, копьём дырявя грудь –
зачем оно тебе? с конём не повернуть.
спокойней на осле. вниманье – только смех.
и бдительность храпит, и тепшит сразу всех.
осёл – из цирковых, и сам ты – арлекин,
а не какой-то там скайвокер знакин.
и так ты на осле, кряхтя и волочась,
дойдёшь хоть до кремля, хоть в ядерную часть.
войдёшь в любой гарем, в высокий кабинет.
ведь на ослов ни такс, ни прочих писем нет.
бывало, кто коней своих водил в сенат.
а что же быть с ослом? осёл не виноват.

какой уж там сенат. ведь, глядя на ослов,
 увидишь тот же ряд: обилие голов –
 никто не отличит. лишь галстук нацепи.
 пусть кони в мыле, пусть гепарды на цепи.
 ослы же – вопреки, в законе, во хмеле –
 ни шкуру не сдерёшь, ни вырежешь филе.
 протяжное «и-а!» – почти что про страну:
 могучий клич за мир, за русскую весну.
 ослиная тоска, ослиные рога –
 такой же миф, как о кисельных берегах.
 ослиная моча – крепчайший этанол,
 пусть допинг, за каким кончается футбол.
 осёл башкой кивнёт – и вот уже пророк:
 один кивок – «нью-йорк», а два – уже «восток».
 хорошие ослы в цене за сто друзей,
 а что уж о рублях – то списаны в музей.
 а главное, что здесь, как можно наблюдать,
 нужны одни ослы для права выбирать.

войди же в дверь, как нить идёт в ушко.
 как метит чемпион не в молоко,
 а в яблочко. так ты войди вовнутрь,
 пока горчит последствие минут.
 войди. руками шею обними,
 чтоб ветер влетал протяжно нотой «ми»
 и говорил, что ты есть, монамур,
 единство всех проклятий и культур.
 схвати предмет какой-то со стола,
 тем обозначив, что ты здесь была
 когда-то раньше, помня до сих пор,
 что ты хозяйка этих синих штор.
 так, комнаты небрежно обойди:
 мол, здесь висел христос (господь, прости),
 а здесь обилие книг в углу слыло
 намёком, что хозяин – не фуфло.
 так, изучи всё то, что раньше вдруг
 ты бросила, оставила, мой друг.
 и выбирай – то ль плакать, то ль идти
 напором, что с тобой нам по пути.
 ведь всё равно под этим я сломясь:
 не выгоню, скажу, что я сдаюсь.
 скажу: любовь удушливей, чем ты,
 что мою шею держишь у черты.
 скажу: «приляг». скажу: «я так устал.
 но где же ты была, пока я спал?»
 ты скажешь, улыгнувшись: «суть ли в том?»
 теперь я здесь. и выпорхну с трудом». «
 спасибо, что была ты раньше здесь.
 спасибо, что теперь ты снова есть».
 ни слова больше. с летом мотылька
 моя безвольно падает рука.
 и сверху ты сидишь, смотря на всё.
 и начинаешь ход. меня трясёт,
 трясёт квартиру и наш тленный мир.
 а дом – как будто выворот квартир.

и я кричу – ты прикрываешь рот.
 движение ещё – и поворот.
 и вот лежим мы, скинув два крыла...
 «скажи, родная, – где же ты была?».

внутри меня давно гремят снаряды,
 прокладывают гусеницы путь.
 кричат народы, шествуют парады,
 и движется то ль туча, то ли путч.

нутром я чую бритую россию,
 что прячет арматуру за спиной.
 и сбитый голубь в небе синем-синем –
 последний голубь участи иной.
 бегут обрезы стройными рядами,
 тела ложатся в кожанках своих.
 и цепь на шее с жёлтыми зубами –
 как переключка с выстрелом под дых.

я вижу разновекторные флаги,
 знамёна, крышевавшие лотки.
 обилие нацбанковской бумаги,
 что комнатным бухгалтерам с руки.

внутри меня полито «жигулёвским»,
 рвёт русский брат зелёное сукно,
 и полумесяц над звездой кремлёвской
 горит и льётся веною в окно.
 я вижу, как съедают утром птицы
 остатки пробудившихся солдат.
 а тот, кому пора сейчас родиться,
 с пелёнок направляется в штрафбат.

а за окном плывёт страна большая:
 мороженое, девки, кабаки.
 машины и игрушки из китая,
 без памяти иваны-дураки.

и как мне примирить мой бой в грудине
 и эту идиллическую гнусь?
 дай им, господь, не как на украине,
 чтоб сохранить языческую русь –
 коль в этом суть и больше нет греха в них.
 ведь грех в упор не видишь, как страну.
 укрой их, боже, царскими мехами,
 коль так сподручней им идти ко дну.

тихий ветер и тьма за гардиной.
 не дожили до тридцать второго.
 это ты называешь, марина,
 моё имя, как первое слово?

прорезает беззвучие кадра
проносящаяся электричка.
завершённая ночью декада
вспыхнет, словно столетия спичка.
ни надежд, ни гарантий не надо.
время вбито в асфальт, словно просьба,
сквозь который у зимнего сада
прорастают секундные гроздьи.
я хватаю их белой рукою,
я спешу, ибо плод быстротечен.
эти гроздьи – что гроздьи покоя –
кто не мёртв, тот, конечно, не вечен.
золочёной полоскою лета
утро слизжет остатки апреля,
где горящий конец сигареты –
это свет в окончанье тоннеля.
тишина. реализма картина.
новостройки – предмет оригами.
это голос звучит твой, марина,
или листья шуршат под ногами?
я стою у окна – тихий ветер,
тьма расстелена. лёгкие в норме.
электричка уходит *во свете*,
оставляя сквозняк на платформе.

Одесской Годовщине 2 мая

мой город, который я вижу во сне,
всё чаще горчит вавилоном.
и площадь, как море, как сердце в огне,
венчает игру миллиона.

он полисом был, он встречал корабли
в своём золотканом убранстве.
и шли от пределов известной земли
матросы в бравате и пьянстве.

он царское знамя в ладонях держал,
дышал свежим воздухом чести.
и синий прибой безмятежно бежал,
леча городские болезни.

но время вступает в седые права,
коль вечности нам не хватает.
и вниз полетела его голова,
в пыли площадной пролетая.

мой город живёт, застывая в январь.
семь лет – будто смена эонов.
но неизгладима сезонная гарь
и траурный дух вавилона.

ЮЛИЯ ПЕТРУСЕВИЧЮТЕ

НА ЧЕШУЕ ГЛУБОКОВОДНЫХ РЫБ

ЗАГАДКА

Говорят, этой ночью придёт удивительный ветер –
Белый-белый, откуда-то с дальних краин Вселенной,
Весь залитый речным молоком, звёздным семенем белым,
Древний, как мироздание, может быть, он старше смерти.

Одинокий седой исполин, старший брат Океана,
Выше скорости света, и, время само обгоняя,
Он плывёт среди звёзд во Вселенной от края до края,
И осколки планет – как песок под стопами титана.

И планету, как лодку во время прилива, поднимет,
Когда он проплывёт среди звёзд, вызывая цунами,
И его исполинское тело пройдёт над домами.
Ты, конечно же, знаешь его настоящее имя.

На чешуе глубоководных рыб
Записана история Вселенной
На древних неизвестных языках,
И если ты преодолеешь страх,
И будешь погружаться постепенно
На глубину сквозь тонны водных глыб, –
Сумеешь прочесть, как мир погнёт,
И кровь смешалась с океанской пеной,
И в тишине раздался первый вскрик.

И первый всплеск пенорождённых рук
Рассыпал в небе облака и звёзды,
И ласточкины узкие мосты.
Поля легли, как свежие холсты,
И загудел, и натянулся воздух,
Как до упора напряжённый лук.
И с тетивы сорвался новый звук,
И дух оделся жаркой медной плотью,
И стрелки перешли на новый круг.

ПИСЬМА С ТОГО СВЕТА

Вступление

Здесь не ведут дневников – здесь отсутствуют даты.
Здесь не бывает сегодня, и завтра не будет.
Время свернулось клубком в бесконечной секунде,
Яблоком вмерзло в нетающий снег циферблата.

Здесь ничего не случается, и не случится.
Не поднимают ресниц полусонные тени.
Белая вспышка внутри разорвёт сновидение.
Память срывается с ветки – безумная птица.

Птичий отчаянный крик обжигает и режет,
Память и боль возвращают подобие жизни.
Здесь не ведут дневников, но зато пишут письма,
Нежные письма, лишённые всякой надежды.

Письмо первое

Я пишу тебе, друг, с меловых берегов черноглазого Стикса.
Неподвижное зеркало, навзничь упавшее небо,
Превратившее тысячи звёзд горстью горького пепла
И забывшее все отражённые некогда лица.

Ледяная поверхность, кипящая угольной смертью.
Я боюсь прикасаться к воде. Я боюсь засмотреться
В непроглядную чёрную воду. У тени нет сердца,
И меня горстью пепла развеет над берегом ветер.

Тот, кто смотрит в глаза ледяного зеркального Стикса, –
Всё забудет. На этот раз будет не больно.
Я пишу тебе, друг, с меловых берегов, – и довольно,
Я пока что могу удержать на губах эту искру.

Письмо второе

Ночь забавлялась старыми часами.
Дрожала жизнь на острие иглы –
Секундной стрелки, быстрой, как стрела.
Взялись играть в гляделки зеркала,

Пугая перепутанными снами
Из глубины холодного стекла,
Бросая в лица пригоршни золы.

На дне колодца тлели огоньки, –
Горели неотправленные письма,
Горела память, и саднил ожог.
Как эшелоны – вереницей строк –
Бесследно уходили дневники,
И память вспыхивала на короткий срок,
Пока секунда на игле повисла.
И ночь не пересыпала песок.

Письмо третье

А я люблю кузнечика в траве,
И на обрыве ласточкины гнёзда,
И золотым шитьём звенящий воздух,
Подвешенный в горячей синеве.

Я пью до дна кипящее вино,
И, обжигаясь, жаркий хлеб глотаю,
Брожу в полях и дохожу до края
Земли, и камнем падаю на дно,

И вижу звёзды – стаи белых птиц,
Медлительных созвездий перелёты.
И для меня почётней нет работы,
Чем прочитав одну из каменных страниц.

Письмо четвёртое

Мой братишка, кузнечик, дружок, а давай убежим
По безлюдным дорогам на пустоши красного Марса,
И останемся там навсегда. Где-то надо остаться,
Навсегда, потому что секундная стрелка дрожит,

Как лошадка, готовая к бегу по круту, но нет –
По спирали и вверх, разгоняется на поворотах,
И летит напрямик, за косую черту горизонта,
И уже затерялась среди безымянных планет.

Что такое планета ветров? – расскажи, расскажи –
Там дожди налетают, как дикие серые гуси,
Шелестят в камышах, надевают стеклянные бусы
На березу, на старую иву, и воздух дрожит.

На планете ветров все дороги ведут в облака –
От порога и вверх, над полями, всё выше и выше.
Слышишь, цокает дождик серебряной ножкой по крыше? –
И с разорванной ниточки сыплются в сад жемчуга.

Всё навыворот. Левую руку назначили правой.
Смотрят задницей, слушают членом, целуются носом.
Бабы носят усы до ушей, отвечают вопросом,
Президент игнорирует право
И ловит мышей.

Как быть зеркалу? Что отражать в перекошенном мире?
Подо льдом застывает серебряная амальгама.
Есть холодная память стекла,
До последнего шрама
Отразившего морду вампира
И лопнувшего, как струна.

Пандемия безумия. Вирусы шизофрении.
Что-то носится в воздухе, как ядовитые газы.
Не касайся строки новостей – наберёшься заразы,
И не слушай вранья и пустой болтовни из эфира.

Прогуляйся по берегу моря за руку с Шекспиром,
И послушай, что старый король говорил своим детям.
Посиди у воды. Ты один на далёкой планете,
И тебе наплевать, что случится с припадочным миром.

FOOTBALL SEASON IS OVER: HUNTER S. THOMPSON

Никаких больше игр. Футбольный сезон окончен.
Двадцать один, пятьдесят или семьдесят – только цифры.
Миф победил реальность. Уходим в мифы
И превращаемся там в бегущие строчки.

Двадцать один, пятьдесят или сто девяносто –
Это скорость, с которой мы гнались за свободой.
Километраж принято мерить на годы.
Хронометраж считают с поправкой на воздух.

Сколько тебе было лет, когда ты догнал свободу?
Сколько бежал с ней рядом, запах её вдыхая?
Стая ласточек или волков серая стая –
Пуля, пущенная в голову горизонту.

В октябре все дороги ведут то ли в дом, то ли в осень.
Каждый лист под ногами – страница из хроники лета,
Пожелтевший дневник, беспощадно разорванный ветром,
Разбросавшим забытые письма по брошенным гнёздам.

Расплавляются строчки письма, и стирается память,
И уходит вчерашняя жизнь в забытье и забвенье.
Кто-то плачет в полях, чей-то голос уносит течением.
Это просто октябрь, это время прощаться и плакать.

Дай мне спрятаться в яблоке, дай мне укрыться в орехе,
Я клубочком свернусь под землёй в самой маленькой норке,
Я залезу в ракушку, захопну шершавые створки,
Я иголку сумею надеть, как стальные доспехи.

Подари мне пылинку в пространстве, песчинку в пустыне,
И тогда я тебе расскажу, что такое свобода –
С горьким запахом дыма и вкусом осеннего мёда –
То, чего не отнять, когда руки и губы остынут.

Ослепительный мир, до краёв переполненный болью –
Это медная чаша кипящего горького мёда.
Обжигайся и жадно глотай золотую свободу,
На разбитых губах оставляя кристаллики соли.
Только острая боль и является признаком жизни.
Пей до дна, задыхаясь во сне от беззвучного крика.
На разбитых губах остаётся дурная улыбка.
Зато лучший ответ. Заменяет предсмертные письма.

И ночь стояла ангелом в плаще,
И фонари гуляли по бульвару,
И уплывали по ночной реке,
Как те любовники – рука в руке –
Плывут, навеки связаны попарно,
И обнажённо светятся в дожде.

И поцелуя не прервать, пока
Река времён течёт в открытый космос,
И дальше – к тёплым окнам дальних звёзд.
Сороки в небе выстроили мост,
И фонари уходят прямо к звёздам –
По Млечному пути – в руке рука.

АННА СТРЕМИНСКАЯ

НА ОКРАИНЕ ГОРОДА

Мы держим шар земной в руках – мы это знаем!
Да что нам тот Китай? – Давай его ломаем!
Демьянова Ухань накормит всех по горло
да так, чтобы совсем в «зобу дыханье спёрло».

Италия нежна, и март рядится маем...
Италия – цветок, давай его ломаем!
Что нам, хозяевам, Россини с Бруннелески?
Певучая Италия, задёрни занавески!

Всего нужнее страх в глазах больших и узких
и паника в умах: испанских, польских, русских...
Как хрупок шар земной – как шарики для ёлки.
Коль хрустнет – что виной? Мы соберём осколки!

ХЛЕБ

Не забыть взять с собою хлеба –
вот ведь батон у меня вчерашний.
Хлеб должен быть, где бы ты ни был,
когда есть хлеб – всё не так уж и страшно! –
говорила она, собирая свои пакеты.
Хлеб для чаек, кости – собакам.
Вставала, чтоб ехать на море почти что с рассветом,
возвращалась домой почти что с закатом.
В то утро она тоже кормила чаек,
но море проглотило её вместе с батоном хлеба.
Маленькую старушку с кожей цвета чая
проглотила большая волна под сияющим небом.
Но не верьте – это лежит не она
на берегу, простыней накрытая белой.
Она превратилась в чайку там, на волнах,
и выросли крылья у её иссохшего тела.
Звали её Лариса, а может быть, Анна...
И улетела она в счастливой своей рубашке.
Хлеб – это та же небесная манна,
когда есть хлеб, всё не так уж и страшно.

На окраине города, как на окраине жизни
живу и вдыхаю этот воздух неторопливый.
Два листа – золотой и красный с небес, как приз мне,
а на рынке: яблоки, груши, цветы и сливы.

А люди кругом-то строят коттеджи, цветы сажают.
И всюду новая жизнь рвёт паутину старой.
Только я ничего не строю: ни дома, ни даже сарая,
и мне хватает ветвей вместо стен и арок.

На окраине жизни небо видней и ближе,
его не закроют ни баннеры, ни небоскрёбы.
Кот рыжий на рыжих листьях шубейку лижет.
Хризантемы у каждых ворот, было красиво чтобы.

Горячим супом кормят божжей волонтеры,
ведь холодно нынче. Божжи съели суп торопливо.
А мне бы немного любви и поменьше сора
в душе. Мне побыть бы немного счастливой.

Мне бы тепла от этой осени взять бы,
от жарких её костров, от листьев рыжих и алых.
Мне бы вязанье из слов по вечерам вязать бы,
вплетая туда золотые слова, что осень роняла.

Е. Голубовскому

На Большой Арнаутской сапожник сидел – дядя Сеня.
Поэт Игорь Павлов меня привёл в мастерскую
и сказал: «Дядя Сеня поэзию любит: Есенина,
Блока, Пушкина, но и нынешних милует все».

«Читай стихи! – сказал мне, кивнув, сапожник. –
если понравится, я обувь чинно бесплатно!»
Я присела на стул и скинула босоножки,
и читала ему стихи, что нравились, вероятно...

Я читала, а Сеня стучал потихоньку,
вбивая слова молотком в каблучки и подметки.
«Читай ещё!» – он повторял монотонно
и закончил работу ловко и чётко.

«Ты читаешь стихи, как будто молишься, – он мне сказал. –
Поэтесса – что с неё взять!» – вынес вердикт сурово.
«Вот стихи настоящие: жизнь это лишь вокзал», –
и прочитал стихотворение Кочеткова.

Мы уходили с Павловым, я цокала каблучками –
как будто мы побывали в лучшей из всех Одесс...
И казалось, что рядом шли, подбитые лишь словами
ботинки поэтов, цокали каблучки поэтесс.

СТЕКЛО

И у меня в этом мире была свадьба.
За несколько дней до неё стекло разбилось в серванте.
Может, и был в нашей семье лад бы,
но муж оказался взрывной, как испанские гранды.

Впрочем, он сам из испанских детей и часто
рассказывал, что отца и мать расстреляли
после войны в Москве. Говорил он страстно
и сжимал кулаки, вспоминая всё до деталей.

«Я вырос в семье полковника КГБ, – говорил он, –
меня приучили стирать, убирать, мыть посуду.
В шестнадцать лет из дома меня удалили,
мне рассказали: кто я, зачем и откуда.

И с тех пор я выживал так неумело...
Бог меня выпустил в мир для мук неизменных».
Я его слушала, и у меня то и дело
возникла мысль, что мы из разных вселенных.

А когда он сердился, глаза его так мутнели,
что были похожи на тину долгими днями...
И звон стекла мне слышался еле-еле,
как будто битые стёкла сыпались между нами.

Каждый носил судьбу – стеклянный сосудик,
пытаясь её оградить от горя руками.
Но пришла разлука и распорядилась нами.
Битые стёкла судеб, битые стёкла судеб...

ОКРАИНЫ

Я лежу, но выйти бы во двор –
старый виноград подвергли казни.
Человек всегда другому вор,
друг, товарищ, шулер и проказник.

Надо мною – чистый звёздный атлас,
в ковш, наверно, намело немало снега...
Туча на востоке чешет патлы,
но сияет ласковая Вега.

И сияет Сириус кольцом...
Только ярче всех «Кадорр» – название!
«Бизнес с человеческим лицом»
побеждает время с расстояньем.

А вокруг «Кадорра» хижин ряд
прилепился в круговой поруче.
И витает хлебный аромат,
слитки хлебные хватают чьи-то руки.

Скоро, скоро Новый Год придёт
и мешок чудес для нас притащит.
Нам чудес не нужно, Новый Год!
Только лишь закрой Пандоры ящик!

Беды извергает мир из недр,
но окраины стоят, хоть еле-еле...
Степовая даст степного ветра,
Мельницкая горе перемелет.

Прошу – не отнимайте снег,
его кристаллы, хлопья, искры.
Не отнимайте детский смех,
снежки и санки, шум и визги!

У высших сил прошу, молюсь:
оставьте лёгкое круженье!
Оно излечивает грусть,
поправ земное притяженье.

Снег обеляет всех и всё:
людей, киоски, лимузины.
Уравнивает он Басё
и Брейгеля – ведь всё едино.

И Сальваторе Адамо
поёт свою «Гомбе ленежо».
Шансон из детства, что само
легло на плечи снегом свежим.

А утром глянешь – и тетрадь
сияет первой чистой гладью.
Как будто жизнь переписать
возможно, в будущее глядя.

Музыка твоего имени звучит в моей голове...
С музыкой твоего имени я иду по траве,
я иду по асфальту, а рядом поток машин.
Имя твоё я слышу в хаосе лиц и спин.

Имя твоё – колокольный звон и чуть-чуть свирель
на фоне быта, зимы промозглой, где плесень, прель.
Имя твоё излучает свет и тепло,
когда между нами зимы ледяное стекло.

Твои поцелуй меня согреют на множество зим вперёд –
даже когда состарятся мои щеки, глаза и рот.
Музыка твоего имени будет звучать во мне
в буднях тяжёлых и в зыбком, счастливом сне.

ЕВГЕНИЙ ДЕМЕНОК

ХОРОШО путевая проза продолжение

Глава пятая. Троодос

Я привык смотреть на окружающее сквозь призму истории. Началось это не так давно, с десятков лет назад, но привычки обладают особенным свойством – когда ты приобретаешь какую-то, вскоре кажется, что она была у тебя вечно.

В общем, я не знаю, хорошо это или плохо, но так точно интереснее. И моя сегодняшняя поездка в Троодос – историческая. Весь вчерашний вечер я читал о двух легендарных отелях – «Форест Парк» и «Беренгария». И теперь еду по следам Дафны дю Морье и Йоргоса Сефериса, египетского короля Фарука и греческой принцессы Ирины, Уинстона Черчилля и Хаима Вейцмана; еду попробовать коктейль *Brandy Sour* в «Forest Park» и пообщаться с привидениями на развалинах когда-то роскошной «Беренгарии».

Если Кипр – отдельная вселенная, то Троодос – это вселенная во вселенной. Те, кто не бывал на Кипре, обычно представляют его как остров вечного лета со всеми присущими этому атрибутами – пальмами и вечной жарой, что соответствует действительности, но не полностью, и не могут поверить, что зимой на Кипре вполне можно кататься на лыжах, санках и радостно хохотать, проваливаясь в снег по пояс. Деревня Платрес – если ехать в Троодос из Лимассола – как раз и является климатическим водоразделом. Ниже, к морю, снега уже не бывает, а выше – заснеженный Олимп с несколькими лыжными трассами и почти альпийская природа, с растущими только тут уникальными троодосскими соснами. И даже дома тут отделаны серым сланцем в совершенно альпийском стиле, так, что можно в определённый момент решить, что ты находишься не посреди Средиземного моря, а где-нибудь в Баварии или Швейцарии.

Утро на Кипре нужно начинать с кофе. Кофе на юге оказывает на организм совершенно иной эффект, нежели в центре Европы или на севере. Тут можно себе позволить четыре-пять чашечек в день без малейших отягчающих последствий вроде сердцебиения или головной боли. Кофе по-кипрски, эспрессо, фраппе – вот ежедневный джентльменский набор. Кофейни по утрам переполнены, и даже в «Старбаксе» тут совсем другой ассортимент, нежели на континенте. Некоторые особенно счастливые люди проводят в кофейнях целый день, назначая тут встречи и решая рабочие вопросы. Но выпить кофе можно и в «Сигме» – любом из заведений лучшей на острове сети кондитерских, работающих круглосуточно и без выходных. Одна из них расположена как раз на полпути в Платрес. От обилия сладостей разбегаются глаза, и мысли о диете улетучиваются в один миг. В конце концов, Кипр – это место, где нужно радоваться жизни. Думать о здоровье гораздо проще в серой Праге с её скучной и безвкусной едой.

Чтобы доехать до «Беренгарии», названной в честь жены Ричарда Первого, известного всем нам как Львиное Сердце, нужно проехать деревни Платрес и Троодос и добраться до Продромоса. По одной из местных легенд, молодожёны – а венчались они 12 мая 1191 года именно на Кипре, в часовне нынешнего Лимассольского замка, – побывали и в Продромосе. Не очень понимаю, зачем им нужно было тащиться так далеко в горы, ведь путь туда даже сегодня, на автомобиле, по отличному серпантину занимает добрый час. Это похоже на выдумку – ведь уже первого июня Беренгария с сестрой Ричарда отплыла в Акко. И вообще паломничество в горы Троодоса началось гораздо позднее, в 1930-х. Причём ездили туда вовсе не кататься на лыжах, как сейчас, а спастись от летней жары. Англичане, жившие в Египте, Ливане, Палестине, быстро поняли, что Троодос – это самые близкие и доступные для них на Ближнем Востоке горы. Поэтому главный слоган местной отельной рекламы был таким – у нас на десять градусов ниже, чем на побережье. И туризм пошёл в гору.

Глядя сейчас на «Форест Парк» и «Беренгарию», диву даёшься тому, как по-разному сложилась судьба. Ведь построены они были почти одновременно – «Беренгария» в 1931-м, «Форест Парк» в 1936-м,

и оба отеля очень быстро стали не то что популярными, а чуть ли не культовыми. В 1936-м и в 1938-м в «Форест парке» дважды останавливается Дафна дю Морье; она пишет здесь семейную хронику, а потом знаменитую «Ребекку», через несколько лет экранизированную Хичкоком. В 1954-м тут же останавливается греческий поэт Йоргос Сеферис, будущий Нобелевский лауреат – именно здесь после почти семилетнего перерыва к нему возвращаются стихи. «А в Платрах соловьи тебе всю ночь уснуть мешают», – писал он. Наверное, соловьи пели в пятидесятых гораздо громче – меня за три приезда в «Форест парк» они ни разу не побеспокоили.

Это звёзды. Соревнование между отелями шло и за них, и, конечно, за просто богатых постояльцев. Никто не хотел дать слабину. И в первые годы – даже пару десятков лет – они шли «ноздря в ноздрю». Сколько политиков мирового уровня в них останавливалось! В том же «Форест Парке» – Индира Ганди и Эрих Хоннекер, Даниэль Ортега и Вацлав Клаус, греческая принцесса Ирина и английская принцесса Мария, дочь короля Георга V; в «Беренгарии» – Уинстон Черчилль, первый израильский президент Хаим Вейцман. И в обоих – мой любимчик, египетский король Фарук, ловелас и плейбой, азартный игрок и любитель роскоши. О его пребывании тут до сих пор ходят легенды. Одна из них – о том, что именно Фарук попросил местного бармена изобрести алкогольный коктейль, который походил бы на холодный чай – он ведь был мусульманином, а значит, не мог пить алкоголь, тем более в присутствии челяди. Так появился «*Brandy Sour*» – две части кипрского бренди, одна часть лимонного сквоша, две-четыре капли битера и газированная вода со льдом. Для коктейля лучше всего использовать те самые жёлто-зелёные, сладко-горькие кипрские лимоны...

Ах, Фарук! Сейчас он кажется мне символом тех славных старых времён, когда Левант был не взрывоопасным регионом, а средоточием, центром *Dolce vita* – с его синим морем, ярким солнцем и яркими людьми. Хотя, наверное, это всего лишь моя фантазия, и взрывоопасным он был всегда... Глядя на ту же Грецию из Праги, а уж тем более из Германии, кажется, что всё там зыбко, нестабильно, кризис следует за кризисом, при этом пир во время чумы, то политической, то экономической, никогда не прекращается. Но когда приезжаешь в Афины, начинает кружиться голова – от радости, простора, высокого голубого неба, чувства свободы. И понимаешь, что тут можно не просто жить, причём, как показывает история, долго, но можно жить счастливо, и северные серость и уныние – вовсе не панацея, и лучше всё-таки жить ярко, нежели спокойно.

Так и Фарук – он жил ярко, несмотря на бесконечные проблемы, внутренние и внешние, несмотря на то, что ему пришлось вступить на трон шестнадцатилетним, совершенно неподготовленным к власти юношей, и нужно было бесконечно балансировать между англичанами, итальянцами и своими собственными, египетскими, националистами. Зато его искренне любил народ, а отец оставил ему огромное состояние – одну седьмую всей пахотной земли Египта, сотни автомобилей, десятки дворцов, почти два миллиарда долларов в сегодняшних деньгах. Фарук часто ездил в Европу, где спускал огромные деньги на покупки, и, говорят, съедал по шестьсот устриц в неделю, что поначалу никак не сказывалось на его комплекции. Высокий – 182 сантиметра ростом, стройный, он был секс-символом своего времени, попал на обложку «*Time*», а «*Life*» восторженно писал о нём как об образце молодого мусульманского джентльмена. Он был женат дважды, первый раз на девушке из знатной семьи, во второй на простолюдинке, и с первой женой боялся поначалу заниматься сексом – стеснялся своего крошечного пениса. Но потом преодолел смущение, да ещё как – бесконечно менял любовниц, самыми известными из которых были египетская актриса Лилиан Виктор Коэн, итальянская певица Ирма Капече Минутоло, которая потом утверждала, что он сочелся с ней тайным браком, и две писательницы – шведка Биргитта Стенберг, известная своей бисексуальностью, и англичанка Барбара Скелтон. Его определённо тянуло к литературе – первое королевское обращение к народу поразило всех своей поэтичностью, что не удивительно, потому что автором его был его знаменитый наставник, писатель, спортсмен и путешественник Ахмед Хассаненин. Позже Фарук порвал отношения с Хассаненином, узнав о том, что тот состоял в любовной связи с его матерью – он был страшно разгневан тем, что мать не хранит память об отце.

Ирма Капече Минутоло характеризовала Фарука как нежного и чувствительного, что наверняка правда. Он был умен, хитёр, умел нравиться, кроме родного языка прекрасно говорил на английском, немецком, французском, итальянском, но в середине прошлого века человеку такого уровня трудно было надеяться на постоянство и стабильность. В конце концов, после шестнадцати лет правления и проигранной Израилю войны его свергли, и остаток жизни он провёл в изгнании. Да, в изгнании, но в каком! Он ушёл из Египта на своей королевской яхте *El Mabrousa*, которая была построена ещё в 1864 году для его деда, Исмаила-паши, и перевезла в изгнание четверых египетских правителей. Получил от своего друга, князя Ренья III, паспорт Монако, жил в Риме, играл в казино в Монте-Карло, проводил много времени в Женеве и Париже и не переставал тратить деньги на поддержание того образа жизни, который он так любил. Роскошь и гедонизм – чёрт побери, разве это не привлекательно? К счастью, деньги у него оставались, несмотря на то, что многое после революции было конфисковано. В его дворце нашли огромную

коллекцию порнографии – скандал! Да, он был коллекционером, знатоком, его огромная, восемь с половиной тысяч экземпляров, коллекция монет была одной из лучших в мире, и когда её решили продать с аукциона, «Сотбис» вынужден был разбить её на части, потому что купить целиком не мог никто. В общем, Фарук продолжал есть по утрам икру, а по вечерам – устриц и запивать их минералкой и колой. Когда на Виа Витторио-Венето, в самом центре светской жизни Рима, у очередной певички или актрисы появлялись дорогие украшения, первым вопросом было: «Фарук»? Говорили, что он знал в Риме каждую проститутку. Знаменитый Гор Видал вспоминал однажды вечер на этой самой Виа Венето, проведённый в обществе Фарука – тот целовал сосок проститутки, а когда промчавшийся мотоциклист выхватил у неё из рук сумочку, Фарук даже не оторвался, а потом рассмеялся и дал ей денег, чтобы она не слишком переживала. «У каждой страны должен быть хотя бы один собственный король Фарук», – написал потом Видал.

В конце концов Фарук набрал вес – почти сто пятнадцать килограммов – и стал для многих олицетворением некоего карикатурного восточного деспота-самодура – в своих карикатурных тёмных очках и с неизменными телохранителями рядом. Способствовали этому и его странные привычки. Например, однажды он украл карманные часы у Черчилля, вернув их потом со смехом и объяснив, что это была шутка, и он тренировал навык, полученный от карманника, помилованного им однажды в обмен на обещание обучить его премудростям этой профессии. Ещё одна громкая история – когда Фарука стали мучить навязчивые ночные кошмары, в которых его разрывали на части львы, он отправился в каирский зоопарк и застрелил двоих. Наверное, кошмары прекратились – по крайней мере, больше в зоопарке он не появлялся. Ещё одним помешательством стало коллекционирование. Первым номером всегда шли женщины, а дальше всё подряд – драгоценные камни, живопись, антиквариат, вплоть до бритвенных лезвий и бутылок из-под «Кока-колы». Почти все его женщины оставили о нём воспоминания – Барбара Скелтон, например, писала о том, что Фарук любил плавать в обнажённом виде и заниматься сексом в бассейне своего дворца, что был уверен в себе, мил и обаятелен, обожал оральный секс и подшучивал над всем на свете – тем, что толстеет и превращается в «живот с головой», тем, что лысеет, но никогда не подшучивал над размером своего пениса.

Наверное, можно объяснить любовь женщин к нему его положением и состоянием – кого не соблазнят власть и деньги? Но мне всё же кажется, что как минимум половину успеха составляло его обаяние.

Умер Фарук в сорок пять лет, сразу после своего привычного позднего ужина во французском ресторане в Риме – он съел дюжину любимых устриц, лобстер «Термидор», жареного ягнёнка с жареным картофелем, сливочно-каштановый «Монте Бьянко» с апельсинами, выпил две большие бутылки минеральной воды с «Кока-Колой», закурил дорогую сигару, схватился за горло и упал лицом в тарелку. Сначала все подумали, что это – очередной розыгрыш. Оказалось, всё более чем серьёзно. Фарук умер через несколько минут после того, как попал в больницу. Сопровождавшая его пышногрудая блондинка Анна Мария Гатти тут же исчезла. Вскрытие не проводили, официальной причиной смерти назвали сердечный приступ, но до сих пор ходят слухи, что его отравили египетские спецслужбы – недаром он всегда носил с собой оружие. В день смерти, например, при нём была *Beretta 950 Jetfire*.

В мыслях о Фаруке пролетело полпути в горы, и я пропустил множество красивейших пейзажей.

Люди любят читать о других людях. Все мы – существа до мозга костей социальные. А с появлением социальных сетей совершенно в социальном погрязли. Бесконечно ходим по кругу и без усталости ковыряемся в нюансах человеческих взаимоотношений. Публикации на политические темы неизменно привлекают громадный интерес, потому что политика – это и есть бесконечные попытки урегулировать жизнь социума. С ней могут соперничать разве что светские сплетни. Человечество ослеплено тщеславием, отсюда и мода, и стремление к успешности. Но ведь кроме социума в мире есть огромное количество другого, не менее важного. Даже более. Искать и находить присутствие божественного в мире – вот что может дать настоящую стабильность и придать настоящий смысл жизни. В социальных отношениях его нет. Суэта человеческого общества, суэта новостей заслоняют божественный свет. Но есть и прямое присутствие божественного рядом с нами – это природа. Она живёт по естественным законам и не извращает их, в отличие от человека, которому дарована свобода выбора.

Поэтому каждая поездка в природу – это небольшая передышка в бессмысленном галопе жизни. И если во время неё не пялиться в телефон и не думать о постороннем, эффект будет замечательный.

В полутора часах езды от Праги, как раз на границе с Германией, есть место, куда меня постоянно тянет – скальный массив, расположенный на территории двух стран. Свою часть чехи называют Чешской Швейцарией, а немцы – Швейцарией Саксонской. Уже сто пятьдесят лет это излюбленное место для прогулок художников. Там даже проложен специальный маршрут – *Malermweg*. В общем, это одна из колыбелей немецкого романтизма. Самые известные пейзажи этих мест написал Каспар Давид Фридрих, а Людвиг Рихтер, тоже часто там бывавший, написал как-то о том, что пейзажная живопись, как и музыка, вызывает выражение не конкретных, чётких мыслей, но лишь общих чувств и переживаний. И получается так потому, что люди давно утратили ключ к пониманию языка природы и покинули её

великую гармонию. Поэтому главные ощущения, которые возникают у нас при наблюдении природных красот – меланхолия и ностальгия.

И я бы мог с ним согласиться, не находясь я сейчас по пути в Троодос. Это в Германии природа меланхолична, какой бы красивой она не была. Средиземноморье – совсем другое дело. Тут общение с природой даёт чистую радость.

Я долго думал над тем, что же наполняет дни на Кипре почти детским счастьем. Близость моря? Буйство цветов и зелени? Божественно вкусная еда? Открытые и дружелюбные киприоты? Я думаю, всё это, но в самой большой степени – солнце, яркое кипрское солнце, на которое ты можешь рассчитывать каждое утро, которое не спрячется, не подведёт, которое заряжает бодростью и радостью и делает всё цветным, выпуклым и понятным. Лучшие вещи просты, как пел Джо Кокер. Жизнь под кипрским солнцем ярка и лаконична. А пронзительно синее небо даёт надежду на то, что всё будет хорошо. Сейчас. Завтра. Всегда. Жидко-голубое небо севера – вот причина депрессий и меланхолий. На юге всё ярче – и цвета, и чувства, и запахи.

Я еду с открытыми окнами. На сиденье рядом – кусок зукисы, легендарного кипрского торта, и кусок яблочного пирога; под локтем – бумажный стакан с капучино и пластиковый – с фраппе. Воздух от колёс грузовика, который едет передо мной по серпантину, вздымает сухие, буро-коричневые сосновые иголки, которыми густо усыпаны обочины. Хвоя фантастически пахнет на солнце, этот запах запоминаешь сразу и на всю жизнь. Нынешняя осень удивительно тёплая, и в конце октября даже тут, в горах, почти нет пожелтевших деревьев, зато есть кактусы в два человеческих роста и агавы с цветоносами метра под три. Я проезжаю мимо поворота на монастырь Архангела Михаила в деревне Монагри с его фантастической старой церковью и двором, усаженным густо увешанными плодами апельсиновыми деревьями. Проезжаю Платрес и Троодос. Дорога уходит налево, вдоль Олимпоса, к Продромосу. И вот я тут.

В деревне тихо и малоллюдно, почти все кафе и магазины закрыты – во-первых, не сезон, во-вторых, туристов из-за карантина почти нет; но сразу бросаются в глаза несколько пар, напряжённо вглядывающихся в телефоны. Они, как и я, наверняка приехали в «Беренгарию» – пощекотать себе нервы, убедиться, что легенды о призраках имеют под собой основания, а главное, сделать фото, чтобы похвастаться потом в Фейсбуке и Инстаграме.

«Отель королей» и «Король отелей», «Дом богов» – как только ни называли «Беренгарию», в виде короны – или расправившей крылья летучей мыши – расположившейся на вершине холма, в одной из самых высоких точек на Кипре.

О «Беренгарию» пишут постоянно. Процветавший некогда отель заброшен уже больше тридцати лет, причём ещё в девяностых в номерах оставалось всё, вплоть до присыпанного пылью постельного белья. Знаю я это тогда, в 1999-м, когда в первый раз приехал на остров – непременно примчался бы сюда за сувенирами. Сейчас тут голые стены, сплошь покрытые граффити, вывалившиеся наружу камни, дыры вместо окон и разбитая голубая плитка в бассейне. Для съёмок фильмов ужасов вполне сойдёт.

Все подходы к отелю перекрыты – искателя приключений встречают столбы с запрещающими надписями и забор из железной сетки. Но удержать любопытных нельзя. В заборе кем-то давно прорезаны дыры, и я легко проникаю вовнутрь, а за мной – ещё три пары. Первая – молодые киприоты, парень с девушкой, причём одета девушка совсем по пляжному, что сильно контрастирует с атмосферой этого места; вторая пара – англичане лет пятидесяти, они не отвечают на моё приветствие, видимо, переживая, что нарушают запреты; третья – русские, наверняка начинающие художники, которые пришли рисовать на стенах. Вообще граффитисты напоминают мне собак – они обязательно должны пометить территорию. Я хорошо знаком с некоторыми из них, трое жили несколько лет в моей одесской квартире, от них я узнал много интересного о жизни стрит-артистов. В моём сравнении нет ничего оскорбительного, возможно, будь я на двадцать лет моложе, сам стал бы уличным художником; но то, что они выделывают с домами в центре Афин, кажется мне возмутительным. Правда, тут, у входа в заброшенный отель, граффити с ведьмой кажется очень уместным. В конце концов, похоже, что это самое страшное, что тут есть. Надо же как-то поддерживать легенду?!

А легенда такова. Открывшуюся в 1931 году «Беренгарию» построил богатый вдовец из Продромоса Иоаннис Коккалос, с детства мечтавший о владении огромной гостиницей. Поняв, что спрос на отдых в горах будет расти, он взял большие кредиты и построил роскошный отель – с отличными рестораном и баром, казино, ночным клубом, библиотекой, теннисным кортом, бассейном, телефоном в холле, горячей водой в номерах. В общем, по последнему слову техники. Спроектировал отель англичанин Уолтер Генри Кларк. Единственное, чего не было в номерах – ванн комнат. Но тогда это было делом обычным. И в тридцатые, и в конце сороковых, и в пятидесятые годы отель процветал. Тут устраивались конкурсы красоты и театральные представления, и «Беренгарию» стала на одно время известным культурным центром. А главное – тут с удовольствием останавливались просто богатые клиенты, наличие которых, собственно, и приносит успех любому бизнесу.

Всё шло хорошо и даже замечательно ровно до тех пор, пока был жив создатель. Умирая, он завещал трём своим сыновьям, Йоргосу, Костасу и Анастасиосу, заботиться о своём детище. Те пообещали, но обещания своего не выполнили. Точнее, выполнил лишь один – старший брат, который с утра до ночи занимался отелем. И сначала всё тоже было хорошо. Но двое других, никак не помогая, стали запускать руку в общую кассу. Начались ссоры. И однажды, увидев в очередной раз пустую чековую книжку, старший брат пошёл и бросился вниз головой в местное водохранилище. На этом несчастья не закончились – второй брат, сойдя с ума, вскоре повесился в холле гостиницы, а третий застрелился там же, у камина. Души их, так и не нашедшие покоя, по ночам вновь проявляются в отеле, и трое призраков продолжают и продолжают вечные споры...

По крайней мере, так гласит местная легенда.

Мало этого – по отелю бродят призраки покончившего с собой менеджера и двух погибших там женщин. Одна была найдена мёртвой в бассейне, а другая, с волосами цвета воронова крыла, одетая в белое платье, часто стоит на закате у одного из окон третьего этажа.

В общем, главное, за чем сюда едут теперь – это необычные ощущения. Испытал их и я.

Началось всё ещё снаружи. Когда я вошёл в лес, окружающий «Беренгарину», по кронам сосен пробежал вдруг ветер, и они тревожно загудели. Улыбнувшись нарисованной на стене у входа ведьме, я вошёл вовнутрь и поднялся по парадной лестнице, украшенной когда-то красной ковровой дорожкой. Ходить по отелю страшно, никогда ведь не знаешь, в какой момент рухнет перекрытие. Я добрался до осыпавшейся стены, выглянул наружу – оттуда открывался прекрасный вид на горы, – и, вернувшись к лестнице, поднялся на третий этаж. И вновь странные ощущения – вроде ничего особенного, но как-то не по себе. Необычный холодок в разгар тёплого, почти жаркого дня. Я поспешил спуститься вниз, чтобы выйти во двор, к заброшенному бассейну. Ощущение лёгкой тревоги не покидало, но солнце лечит от любых страхов. Не знаю, как можно было утонуть в таком неглубоком бассейне, но если очень постараться, всё возможно.

Я обошёл отель по кругу и вновь оказался у главного входа. На крыльце сидела та самая русская девушка, рядом стояли банки со спреями, а на лице её читалось недовольство – видимо, я гулял слишком долго и мешал им с молодым человеком приступить к делу, ради которого они сюда и приехали.

И только когда я вылез наружу через дыру и подошёл к машине, то понял, что припарковал её прямо рядом с теми самыми переплетшими свои стволы соснами, о которых пишу чуть ли не в каждом очерке об этих местах – мол, после смерти брата всё же объединились. И вновь – неожиданное лёгкое дуновение, волнение в кронах деревьев и холодок.

Пора ехать в Платрес.

По дороге вниз – вновь открытые окна и запах сосен. Чуть ли не на каждом повороте в Троодосе устроены смотровые площадки, и на каждой из них хочется остановиться, чтобы всё запомнить и всё сфотографировать. Море так далеко, что его отсюда даже не видно, и до самого горизонта тянутся уходящие вдаль горные гряды. Вместе с соснами всё это создаёт полное ощущение того, что находишься в сезанновском пейзаже.

Через пятнадцать минут я в Платресе. Перед «Форест парком» устроен специальный круг, раундэбаут – проехать его невозможно.

Исторические отели – это осколки старых времён. Отличные места для того, чтобы почувствовать ушедшую эпоху. Например, в женевском «*Noga Hilton*» легко можно снимать бондиану периода 60-х и 70-х. Деревянная отделка изголовья кроватей, давно утратившие актуальность встроенные радиоприёмники, холл – ты словно попадаешь в фильм с Шоном Коннери. Обстановка в «Форест парке» – смесь пятидесятых и девяностых. Нет, с удобствами всё в порядке – недаром владельцы так гордятся тем, что первыми на острове устроили ваннные комнаты с горячей водой во всех номерах. Но дух отеля, добротная деревянная отделка, старые фотографии на стенах, ещё более старые автомобили в гараже – всё сразу погружает гостя в славное и немного таинственное прошлое.

Я ехал сюда с тайной надеждой встретить хозяина, Ираклиса Скирианидиса. Из большого интервью с ним, которое я прочёл однажды в лимассольской газете, следовало, что он бывает в отеле почти каждый день, хотя и отдал его в управление несколько лет назад. Это понятно – Ираклису далеко за восемьдесят. Даже Геракл может себе позволить небольшой отдых.

Первое, что я увидел, въехав в тенистую аллею, начинающуюся сразу за каменной аркой, это стоящий в открытом гараже густо присыпанный пылью тёмно-бордовый «*Chevrolet Master Six*» 1936 года выпуска. Я уже знал, что на нём ездил Фарук, поэтому бросил свою машину рядом и обошёл «Шевроле» по кругу, жадно глядясь внутрь. Подёргал ручки – они легко открылись. Передние сиденья были завалены всяческим хламом, и я залез на заднее. Оно было продавленным, но мысль о том, какими знаменитыми задницами это было сделано, согревала.

Соседнее место в гараже пустует, и я поднимаюсь по каменной лестнице ко входу в отель, чтобы найти вторую машину. Так и есть – *Sunbeam Rapier* стоит прямо у входа. Справа от него, на стеклянной двери

маленькой пристройки, висит табличка: «Мини-музей Ираклиса Скирианидиса». Дверь заперта, но через окно видны были огромная книга для записи гостей, старые лампы, спинки от кроватей, тумбы, зеркала, керамические вазы, ночные горшки, старые бутылки и даже аппарат для перегонки зивании.

Я вхожу в холл, украшенный огромными холстами, написанными основателем гостиницы, Йоргосом Скирианидисом. В креслах сидят дамы и мужчины в костюмах тридцатых годов, рядом хлопочет гример, оператор выставляет свет. У стойки регистрации толпится группа пожилых гречанок. Я прохожу дальше, до стены, увешанной старыми фотографиями. Разглядываю знаменитых гостей отеля. Вспоминаю, что писал о Сеферисе подружившийся с ним благодаря Дарреллу Миллеру.

Вернувшись, прохожу через большой зал и выхожу на террасу. Лестница с неё ведёт вниз, к бассейну. На ступенях стоит большой белый кот. Поглядев на меня снизу вверх, он немного подвигается, чтобы я смог пройти.

Несколько человек занимаются чисткой бассейна, но лежаки вокруг него ещё не убрали, и при желании можно позагорать. Снизу, от бассейна, отлично виден закруглённый торец «баухаусного» корпуса, так выделяющегося среди здешней архитектуры. Когда я поднимаюсь, кот всё ещё стоит на ступенях.

Я ещё раз обхожу весь отель, снова всё фотографирую. Ираклиса, увы, нигде нет. Можно уезжать.

Но... Нередко бывает так, что человек, которого хочешь встретить, вдруг сам оказывается на пути, и вокруг, кроме нас, никого нет. Так было у меня с Виктором Ющенко в далёком уже 2004 году. Так было недавно с Катрин Денёв и пятнадцать лет назад с хранителем ключей от Храма Гроба Господня Ваджихом Нусейбе. Это случилось и сегодня.

Ираклис Скирианидис стоял у входа в отель, точнее, у своей машины, и смотрел прямо на меня. Невысокий, почти совсем лысый, с крупными чертами лица, восьмидесятилетний Геракл широко улыбался. Я не смог скрыть своего восторга и бросился к нему. Через минуту он уже рассказывал мне историю своей жизни.

– Этот чудесный *Sunbeam* отец подарил мне, когда я окончил лондонский колледж. Машине шестьдесят лет, а она всё ещё на ходу.

– А как можно попасть в этот крошечный музей?

– Сейчас я позову менеджера. Ключи у него. Мне самому интересно зайти – мы только-только его открыли.

Ираклис медленно уходит, за ним закрываются стеклянные двери отеля, и я остаюсь рассматривать его машину. Наконец он возвращается; за ним идёт недовольный менеджер, которого по пустякам отвлекают от работы.

– Всё, что тут собрано, сослужило когда-то свою службу в нашем отеле, – рассказывает Ираклис. – В этой книге регистрировали в сороковые годы посетителей. Вот спинка от кровати, на которой спал король Фарук. Он приезжал к нам в самом расцвете своего могущества – в 1946-м и 1949-м. Мой отец попросил тогда гостей, среди которых были и арабские шейхи, перебраться в соседние отели – иначе мы не разместили бы все тридцать человек его свиты. Фарук снял целый этаж и сам занял два лучших номера. Если бы такое случилось сегодня, и приехала, например, английская королева, вряд ли кто-то согласился бы уступить свой номер.

Я пробую представить себе визит Фарука. О том, с какой роскошью он путешествовал, можно судить по описанию во французской прессе его приезда в Довиль в августе 1950 года. Фарук устраивал тогда мальчишник перед свадьбой со своей второй женой, восемнадцатилетней Нариман Садик. Он отплыл из Египта на своей яхте Факр-эль-Бихар с эсминцем в качестве эскорта. С ним в Марсель прибыли повара, тридцать телохранителей-албанцев, секретари и врачи, специальные дегустаторы из Судана и множество другой obsługi. Фарук ездил по Франции в колонне из семи Кадилаков, окружённых мотоциклистами, а над ними летел самолёт, готовый в любую секунду приземлиться, если Фарук вдруг захочет взлететь. В Довиле его ждали сотни журналистов, которые жадно ловили каждую деталь его пребывания там – то, что его свита заняла двадцать пять номеров *Hotel du Golf*, то, как он объедается, поглощая за один раз множество блюд со сливками – телячьи отбивные, шампиньоны и затем малину, причём каждое блюдо пробовали заранее его дегустаторы. Воистину раблезианский персонаж! Играя в баккара, он в первый же вечер он выиграл в казино 20 миллионов франков, а во второй – пятнадцать. Но ему всё равно были рады – в итоге он спустил в казино море денег, оставаясь там каждую ночь до пяти утра.

Конечно, рады были ему и тут, в «Форест парке». Недаром Ираклис, тогда мальчишка, помнит детали его приезда до сих пор.

– А вот это, в витрине – ночные горшки, – продолжает он с улыбкой.

– Вы не сразу устроили в номерах уборные?

– Нет, они были сначала только в лучших номерах. Но каждую зиму и во второй половине сороковых, после того, как отель вновь заработал – во время войны тут был английский военный госпиталь – и в начале пятидесятых мы оборудовали номера уборными и ванными комнатами. Это то, чего не сделали в «Беренгари». Оттого они и прогорели. Клиенты любят комфорт.

– Я как раз хотел спросить вас о «Беренгариис». Все эти легенды о самоубийствах и призраках – правда или выдумка?

– Большею частью выдумка. Покончил с собой только старший сын, когда понял, что братья в очередной раз оставили бизнес без денег. Сами они прекрасно себя чувствовали. Один, кажется, жив до сих пор. Они просто сделали ряд ошибок. Во-первых, с ванными комнатами. Во-вторых, с бассейном. Мы советовали им сделать бассейн снаружи, возле теннисных кортов. Они нас не послушали и сделали его во дворе, в тени, где солнце бывает только полтора часа в день. Купальщики шумели и мешали тем, кто хотел отдохнуть в тишине. Шаг за шагом они двигались к закату.

– Как думаете, они когда-нибудь снова откроются?

– Возможно. К этому всё шло, здание купила серьёзная компания, собиралась начать реконструкцию, но помешал вирус. У них ведь прекрасное расположение. Если честно, лучше, чем у нас. Но пойдёмте, я вас чем-нибудь угошу.

Мы пили кипрский кофе на террасе и говорили о Кипре и его удивительной способности выживать в любые времена, при любых обстоятельствах.

– Вот посмотрите – это год полностью провален для туризма, а в отели продолжают вкладывать. Сегодня ночью за восемьдесят миллионов купили лимассольский «*Le Meridien*».

Ираклис рассказывает о том, что даже после замены коленных чашечек и операции на спине катается каждую зиму на лыжах, о том, как однажды представлял Кипр на Олимпийских играх в Сараево. Рассказывает о своей матери, управлявшей роскошным «*Victoria Hotel*» в Каире, об отце, который, помимо «Форест парка», построил легендарный «*Ledra Palace Hotel*» в Никосии. О том, как отец пригласил из Палестины архитектора Самуэля Баркаи, который учился у самого Ле Корбюзье и который построил первое на Кипре здание в стиле баухауса под надзором ещё одного легендарного архитектора, немецкого еврея Бенциона Гинзбурга. Местные строители, привыкшие использовать кирпич, очень переживали, что железобетонные столбы и перекрытия рухнут.

– Подписанные Баркаи чертежи висят в одном из коридоров. Но пойдёмте, я покажу вам свою комнату сокровищ.

Комната, все столы в которой были завалены старыми книгами и рукописями, шкафы уставлены кубками, а стены увешаны фотографиями знаменитых гостей отеля, напоминала пещеру сокровищ из сказки об Алладине.

– А вот мой прапрапрадед, – говорит Ираклис, протягивая мне фотокарточку. – Он сфотографировался семнадцатого июля 1849 года. Оригинал вот, на цинковой пластине. Чтобы сделать отпечатки с негатива, я специально летал в Лондон.

Это добило меня окончательно. Переполненный впечатлениями, я сердечно поблагодарил гостеприимного хозяина, пообещав в следующий раз привезти свои книги, и побрёл к машине.

Нужно было пообедать.

Платрес в конце октября почти пуст. Отели и рестораны, за редким исключением, закрыты. В немногих открытых живут и едят молодые русские мамы с детьми и британские пенсионеры. Все русские девушки похожи – у них надутые губы, злые и надменные лица, и все они кричат на своих детей. Англичане предпочитают держаться от них на расстоянии, но это не всегда получается, особенно во время обеда.

Я заказываю мясное мезе. Из всего обилия свинины, говядины и баранины самой вкусной неожиданно оказывается поджаренная кровяная колбаса. Напротив меня, уткнувшись в газету, сидит пожилой англичанин. Он похож на шпиона из старых фильмов – тёмные очки Ray Ban, блестящая лысина, золотой перстень на мизинце. Когда сидящая сзади компания русских мамаш уходит, он откладывает газету в сторону и заказывает пиво. Как он прав! Я прошу официанта принести такое же. Поглядев друг на друга и улыбнувшись, мы молча поднимаем вверх бутылки.

Ну что же, можно с чистой совестью ехать домой.

Полчаса обратного пути пролетели незаметно. Я заехал за сыном, и, пока он делал уроки, сидел под пальмой во дворе и думал о памяти и забвении.

Даже отель может стать местом памяти – и о хозяевах, и о гостях.

Что уж говорить о собственно памятниках.

Муниципалитет Агиос Афанасиос, нынешняя часть Лимассола, где находится наш гостевой дом, возник после войны 1974 года. Шесть тысяч беженцев из Морфу, Фамагусты, Кирении приехали тогда в город. Почти в каждой семье были свои погибшие и пропавшие без вести. Один из беженцев, скульптор-самоучка Филиппос Япанис, и установил тут памятник – в виде корабля беженцев, от корпуса которого, как и от самого Кипра, осталась лишь половина. Парус, исполненный как сеть с крупными ячейками, символизирует тех, кто смог вырваться из турецких тюрем и лагерей, а буквы, запутавшиеся в нём – инициалы имён погибших и пропавших без вести.

Любые памятники – способ борьбы с забвением.

Сохранение памяти о выдающихся людях – один из способов подтверждения и убеждения себя в том, что в жизни есть смысл. Ужас возможной бессмысленности заставляет людей выстраивать иерархию, выделять самых успешных. Поэтому культ успешности существовал и будет существовать.

Но есть ведь и другие памятники, и они не менее значимы. Это памятники самые распространённые, кладбищенские. Они ведь – тоже знаки памяти, страховка от забвения. Забытым быть никто не хочет, забытым быть страшно, это значит, что жил ты зря. В нашем мире смыслов это наибольший ужас.

Поэтому мы все поддерживаем культ памяти о предках, поэтому литераторы судорожно пишут свои, возможно, никому не нужные страницы в надежде на то, что в этом есть какой-то смысл, их мысли кому-то понадобятся, кого-то обнадёжат, кого-то спасут, а кого-то просто развеселят, что тоже, в конце концов, неплохо. Слова ведь не стареют, в отличие от тел. Хоть Гумилёв и писал о том, что мёртвые слова дурно пахнут, но сам же признавал, что солнце останавливали словом. Или вот прекрасное у Хармса: «Стихи надо писать так, что если бросить стихотворением в окно, то стекло разобьётся».

Уже третью ночь я засыпаю без всяких мучений. Без мыслей о собственном ничтожестве, о том, что чего-то не успел, не сделал, не достиг. Что это – благодатная атмосфера Кипра или эффект самоанализа, выражаемого этими строками? Буду наблюдать.

В конце концов, писал же когда-то Сирил Конноли о том, что лучше писать для себя и потерять читателя, чем писать для читателя и потерять себя. Кстати, второй его женой была любовница Фарука, Барбара Скелтон.

Фарук, опять Фарук. Пора ложиться спать.

Глава шестая. Лимассо

Кипр просыпается в шесть утра, а к семи напоминает растревоженный муравейник, роль муравьёв в котором играют машины, управляемые спешащими по делам островитянами. Вереницы машин из горных деревень сползают в город, застревая на раундэбаутах, где в часы пик не обойтись без регулировщиков, и это при том, что система дорог на Кипре чудесно устроена, а левостороннее движение гораздо рациональнее правостороннего. Просто машин слишком много. Они есть в каждой семье, жизнь без них невозможна, ведь из общественного транспорта есть лишь появившиеся не так давно под давлением Брюсселя автобусы, но их слишком мало и маршруты их не покрывают даже малой части острова. Построенная англичанами сто лет назад железная дорога давно разобрана, от неё остался лишь музей. Да и таксистов, ещё лет двадцать назад безраздельно владевших кипрскими дорогами, сейчас днём с огнём не ищешь. Ведь раньше как было – ты идёшь по набережной, и каждую минуту проезжающий мимо таксист сигналил тебе, обозначая своё присутствие и готовность подвезти уставшего от жары пешехода. Возле их многочисленных контор стояли десятки новёхоньких «Мерседесов» – других такси в то время на Кипре попросту не было – а сами, сидя у входа, пили кофе по-кипрски и, конечно же, бесконечно обсуждали новости соседней улицы, города, страны и мира. Получить лицензию таксиста было делом непростым и недешёвым, и казалось, что избравшему такую профессию ничто уже не угрожает – заработок до глубокой старости обеспечен. Увы, всё меняется быстрее, чем человек способен осознать. Сейчас таксистов, как и железнодорожников, впору сдавать в музей – почти все они давно уже не пенсионного, а постпенсионного возраста. Но оставшиеся в живых по-прежнему бодры и общительны, причём благодаря тому же прогрессу они теперь во время езды общаются не только с клиентом, но и с родными и друзьями – по телефону, используя *hands free*. В этом они похожи на израильских таксистов, которые уже болтают по телефону, когда вы садитесь к ним в машину, и продолжают болтать, когда вы выходите, и разительно отличаются от чешских флегматичных, молчаливых, мизантропичных водителей, лучшие из которых слушают на минимальной громкости по радио *Heavy metal*, не упуская при этом возможности обсчитать клиента.

Отсутствие общественного транспорта сильно сближает кипрских родителей и детей. Режим дня родителей привязан к школьному графику чада – ведь его нужно сначала отвезти, а потом забрать с занятий, потому что в восемь утра и в два часа дня у школ возникают столпотворения, водовороты из машин – от самых простых «Смартов» до джипов «Бентли», на которых ездят почти исключительно живущие на острове русские. Все соседние со школами улицы, переулки и пустыри в эти пятнадцать минут превращаются в стихийную парковку, и хочется пожелать терпения живущим там людям, а ещё позавидовать родителям старших школьников, которые в последних классах приезжают на занятия уже на собственных машинах.

Отвезя сына в школу, я поехал в «Старбакс», что возле центрального парка – привычное место встречи с мистером Янисом. Мистер Янис – важный человек, не так давно он руководил иммиграционной полицией Лимассола, то есть решал судьбы десятков тысяч страждущих, мечтающих остаться на райском острове подольше, желательно навсегда. Выйдя на пенсию, он продолжает своё дело, теперь уже с другой стороны баррикад – помогает готовить документы для всё той же иммиграционной полиции. Мы по-

знакомились лет десять назад, когда он помогал и мне, и теперь регулярно встречаемся, чтобы поболтать и обменяться новостями.

Мистер Янис всегда одет с иголочки и выглядит весьма солидно. Мягкий пиджак, хлопковые брюки, начищенные до блеска туфли вкупе с седыми волосами и внушительными усами производят серьёзное впечатление. Он ходит неторопливо, кивая в ответ на многочисленные приветствия. Ещё бы – его знает тут каждый второй. Или третий.

Он давно уже не пьёт кофе и не ест пирожных. Диабет. Но за мой кофе всегда платит сам, категорически запрещая мне даже доставать кошелёк.

– Привет, Евгений! Ну как дела у вас в Праге?

– Холодно и серо. Расскажите лучше о себе. Вы всё так же купаетесь по утрам?

– Конечно. Встаю в шесть и сразу еду на море. Грех не пользоваться такой возможностью, когда живёшь на Кипре.

– Сейчас, наверное, лучшая пора года. Уже не так жарко, а море всё ещё тёплое.

– У нас на Кипре любая пора года – лучшая.

– Как гостевой дом вашего сына?

– Катастрофа. Туристов нет совсем.

– В Праге то же самое.

Принадлежащий его сыну гостевой дом расположен в горной деревушке Лофу, расположенной в крайне неудобном месте. От неё далеко и до моря, и до гор Троодоса. Сын вложил в его реконструкцию бешенные деньги, и, находясь он на побережье, от клиентов не было бы отбоя. Гостевые дома и отели в глубинке дома рассчитаны в первую очередь на самих киприотов, стремящихся на выходных уехать подальше от дома, но в этом году правительство закрыло отели и для «своих».

Мистер Янис показывает мне в телефоне фотографии своих дедушек, бабушек и даже прадедушек.

– Вот, посмотрите. Нашёл случайно в Интернете. Кто-то оцифровал старые архивы. Мой прадед был ростом под два метра. Они жили в деревне Епископи – но не той, что рядом, а в другой, под Пафосом.

Конечно же, мы должны поговорить о политике.

– Я слышал, Эрдоган собирается приехать в Фамагусту, чтобы открыть Варошу.

Вароша – это отельный квартал в Фамагусте, самый популярный когда-то кипрский курорт, где бывали Элизабет Тейлор, Ричард Бёртон, Бриджит Бардо и многие другие звёзды. Во время войны 1974 года вторгшиеся на остров турецкие войска захватили её, приказав грекам в течение суток покинуть город, взяв с собой только то, что они могут унести на себе. С тех пор это город-призрак, с отелями, стены которых изрешечены пулями и снарядами и в которые все эти годы никто не входил. В 1984 году ООН приняла резолюцию, согласно которой поселиться в Вароше могут лишь те, кто когда-то жил там, и никто не вправе распоряжаться их имуществом.

– Её уже открыли, теперь каждый может там прогуляться. Но отели по-прежнему недоступны. Эрдоган собирается прилететь, чтобы устроить там пикник. Это такой показушный жест. Он хочет показать, что Турция может действовать, не озираясь на международное мнение. Так же, как турецкие военные корабли блокируют работу международных компаний, которые хотят добывать газ и нефть на кипрском шельфе, причём даже с южной стороны. Эрдоган – игрок, он умён и расчётлив.

– На севере новый президент, он совсем протурецкий?

– Да, Эрсин Татар. Он против объединения общин.

– Я читал даже, что он выступает за объединение с Турцией.

– Это слишком радикально, на это вряд ли пойдут. Но переговоры об объединении острова теперь точно забуксуют.

– Если это не получилось даже с Акынджи, теперь шансов точно нет.

После войны 1974 года, разделившей остров на две части, турецкую и греческую, тезис о его объединении не сходит с повестки дня местных политиков. Так же постоянно ведутся и переговоры об этом. В 1960-м, к моменту образования Республики Кипр, когда ценой кровавых жертв его удалось вырвать из крепких британских объятий, греки-киприоты составляли подавляющее большинство населения, около восьмидесяти процентов, а турки-киприоты – всего восемнадцать. Однако англичане, задававшие тон в переговорах о независимости и всегда подыгрывавшие Турции, заложили бомбу замедленного действия. Во вновь образованных органах власти у турок-киприотов было непропорционально большое представительство, что не могло не раздражать греков, в подавляющем своём большинстве мечтавших об объединении с Грецией, эннозисе. Собственно, само образование независимого Кипра стало компромиссом, потому что именно объединение с Грецией и было первоначальным планом. Более или менее мирно просуществовать двум общинам удалось всего три года. После этого – череда конфликтов, тысячи жертв с обеих сторон, фактическое разделение Никосии, переселение турок-киприотов на север, а греков-киприотов – на юг. Греки по-прежнему мечтали об эннозисе, недостижимом из-за сопротивления

англичан, оставивших на острове свои военные базы, турки – о «таксиме», создании на острове двух независимых государств.

Кульминация наступила в 1974-м.

В тот год национальная ассоциация кипрских бойцов ЭОКА-Б, основанная легендарным Георгиосом Гривасом, который фактически добился своей деятельностью признания независимости Кипра, воспользовавшись поддержкой греческих «чёрных полковников», предприняла ещё одну попытку объединить Кипр с Грецией. 15 июля президент Макариос III был свергнут в результате военного переворота, что привело к турецкому вторжению на остров. Почти сорокатысячный турецкий десант захватил тогда тридцать семь процентов острова. Север и сегодня остаётся под турецким контролем. До 1983 года там существовало Турецкое Федеративное Государство Северного Кипра, после этого и до сих пор – признанная одной лишь Турцией Турецкая Республика Северного Кипра. Официальная международная позиция заключается в том, что на острове должно образоваться федеративное государство, управляемое двумя общинами, как это было в начале 1960-х. Перед вступлением Кипра в Европейский Союз, в 2004 году, в двух общинах был проведён референдум об объединении. План объединения был разработан тогдашним Генеральным секретарём ООН Кофи Аннаном. Турки-киприоты тогда проголосовали «за», греки – против.

И понятно, почему.

План предусматривал создание на острове двухобщинного и двухзонального государства, при этом Турция получала право сохранить свой военный контингент на острове, и турецкие войска получили бы право использовать все кипрские гавани и производить передвижения по всему острову. Кроме того, турецкая сторона получала бы право вето в объединённом правительстве Кипра, при этом все госструктуры объединённого Кипра должны были финансироваться греческой стороной. Ограничивались права греков на операции с собственностью в северной части острова до тех пор, пока уровень жизни двух общин не сравняется. Единственное, что получали греки – небольшое увеличение своей территории, в первую очередь за счёт Фамагусты.

Учитывая, что уровень жизни на греческой части острова в три раза выше, это было несправедливо.

С тех пор на острове сохраняется статус-кво с двумя де-факто существующими государствами – признанной всем миром и входящей в Европейский Союз Республикой Кипр и не признанной практически никем Республикой Северного Кипра. В обеих общинах есть партии, которые выступают как за объединение, так и за отдельное существование двух государств. Родившийся в Лимассоле прежний лидер турок-киприотов, прекрасно говорящий по-гречески Мустафа Акынджи был сторонником объединения, нынешний, Эрсин Татар – против него. Лидеры греков-киприотов всегда декларируют стремление объединиться, но сами жители юга часто думают о нём с ужасом. Остров так и остаётся разделённым «зелёной линией» – буферной зоной длиной сто восемьдесят километров, которую контролируют войска ООН.

– И через эту линию к нам каждый день перебегают пятьдесят-шестьдесят беженцев. Каждый день!

Мистер Янис словно прочёл мои мысли.

Беженцы – вторая главная проблема Кипра. Они «открыли» для себя остров поздно, опробовав сначала Италию, Испанию и греческие острова. Но теперь лодки с мужчинами из Сирии, Афганистана, Ирака прибывают на Кипр регулярно. Он уже переполнен ими.

– Кипр всегда был перекрёстком интересов. За свою историю он пережил так много неприятностей, но всё равно остаётся лучшим местом для жизни.

Мистер Янис допил свою воду, медленно поднялся.

– Ну что же, Евгений, мне пора идти. Когда будете в следующий раз на Кипре, обязательно наберите меня.

Он вышел из кафе, раскланявшись с мужчинами за соседними столиками, почтительно приподнявшимися в ответ.

Я вышел вслед за ним и через центральный парк пошёл к морю. Парк этот был чуть ли не первым, что я увидел в Лимассоле в первый свой приезд сюда. Тогда, в сентябре 1999-го, именно здесь проходил винный фестиваль. Кипрское вино, честно говоря, было тогда весьма средненьким, зато меня поразили до глубины души кактусы высотой в два человеческих роста. С тех пор в парке мало что изменилось – на здешней открытой сцене по-прежнему проходят камерные концерты, на детских площадках всё так же полно детей, сменился разве что национальный их состав – если раньше дети и родители говорили по-гречески и по-английски, то сейчас в основном по-русски. Добавился, пожалуй, лишь бюст Пушкина, установленный в 2000-м году ассоциацией российских бизнесменов. Пушкин со своими ярко выраженными эфиопскими чертами смотрится в окружении пальм очень органично. Есть даже легенда о том, что остров Буян – это как раз Кипр, а царь Гвидон – тот самый Гвидо де Лузиньян, который выкупил остров у тамплиеров, так и не смогнувших погасить свой долг перед Ричардом Львиное Сердце.

Центральный вход в парк расположен ровно напротив лимассольской набережной, знаменитого Молоса, одного из любимых мест для прогулок горожан. Здесь бываю и концерты – однажды высту-

пал даже Брайан Адамс, и аматорские спортивные состязания. В противоположную сторону от Молоса тянется длинный и узкий пляж. Он прерывается у отеля *Crown Plaza*, который в первый мой приезд на остров носил название *Holiday Inn*, и снова продолжается за ним – уже далеко за город, до туристической зоны, где на него цепочкой нанизаны отели один другого роскошнее. Параллельно полосе пляжа тянутся пешеходные дорожки и автомобильная дорога. Вначале это приводило меня в изумление. Ну как так – до лежавших на пляже обнажённых тел можно было дотронуться, чуть ли не высунув руку из окна машины. Сейчас давно уже привык.

Я шёл по набережной, залитой жарким солнцем, и тело моё в самом прямом смысле слова трепетало от радости. Жара и солнечный свет вырабатывают во мне гормон счастья. Тот самый знаменитый серотонин, уровень которого повышается в моменты экстаза и эйфории. Получается, что вся жизнь на Кипре – моменты экстаза, растягивающиеся в дни, недели и года. И я понял, наконец, почему в первый год нашей жизни на Кипре с трудом выдавливал из себя несколько строк в неделю, буквально заставляя себя что-то писать.

Сам смысл сочинительства заключается для меня в компенсации, в заполнении пустоты, в устранении неудовлетворённости. Написанные строки придают жизни смысла, наполняют её чем-то действительно важным, отличным от ежедневной возни по обеспечению своих потребностей. Хотя дзен-буддисты говорили когда-то, что практика заключается в умении жить обычной жизнью, «есть, испражняться и мочиться», но в конце каждого дня эти испражнения не оставляют никакого следа в памяти. А написанные строки оставляют. Я верил и верю в то, что они – мой мост к бессмертию, что с ними «весь я не умру».

Но, попав на Кипр, я вдруг понял, что неудовлетворённость куда-то подевалась, пустоту заполнять незачем, потому что жизнь и без того наполнена, и всё, что получается написать, это короткие верлибры, описывающие моё состояние.

*На Кипре трудно сочинять
От сочинительства отвлекает наслаждение
Всё время чем-то наслаждаешься – рано утрам ярким солнцем
Цветом морской воды, красными и жёлтыми цветами
Рассыпанными на деревьях и кустах
Днём едой и прохладой кондиционера
Холодным кофе и полудрёмой в тени
Вечером – спектаклем в старинном амфитеатре и
Общением с друзьями в переполненном кафе
Ночью – пением цикад и небом, усыпанным звёздами
Всё время отвлекаешься на что-то хорошее и важное.*

Я упрекал себя в лени, вымучивал из себя статьи, которые писал по два месяца вместо двух недель, волновался, не атрофируется ли окончательно «писательская мышца». Удивлялся, как Дафна дю Морье могла писать тут «Ребекку», вместо того, чтобы наслаждаться всем тем, что даёт кипрская жизнь. В конце концов расписался, вернулся в привычное русло, разве что чувствовал совсем не то, что раньше. Я не писал уже собственную индугенцию, оправдание собственного существования. Процесс был приятным, мне хотелось делиться тем, что узнал я сам.

Уже потом я прочитал, что Даррелл именно на Кипре начал лучший свой роман, «Жюстин», а к Сеферису на Кипре вернулись стихи. Неужели дело просто в привычке к хорошему, в том, что перестаёшь замечать и ценить его, и рано или поздно к тебе возвращаются прежние привычки? А потом нашёл в дневнике Йоргоса Сефериса запись об одной из его встреч с Томасом Элиотом, которого он боготворил.

11 мая 1961 года они увиделись на приёме в саду у английской королевы. Вместо Греции, куда Сеферис так долго убеждал поехать Элиота, тот с женой поехал на Ямайку.

«Море было тёплым, как Средиземное летом; он купался.

– Дух спит, – сказал он, – в такой обстановке.

– Иногда это неплохо.

– Только я соскучился под коней».

Прочитав это, я выдохнул. Значит, я такой не один.

Дух спит, но как сладок этот сон!

В этих благодатных раздумьях я дошёл до устья небольшого ручья Вафья, впадающего в море между отелем *Crown Plaza* и бухточкой с лодками и катерами, на которых можно прокатиться за вполне разумные деньги. Русло ручья всегда сухое, что неудивительно для острова, где все мало-мальски пригодные источники пресной воды перенаправлены в водохранилища. Я видел воду в нём лишь однажды, после небывалого зимнего ливня. Но после штормов его устье заполняется морской водой, в которой часто

можно увидеть сотни мальков. Однажды днём – кажется, весной – я точно так же гулял вдоль берега, спустился к ручью и увидел, что мальки оказались запертыми в нескольких лужицах, не имея возможности попасть в море, находящееся всего в нескольких метрах от них. Воображение моё тут же разыгралось, и я живо представил себе предстоящую трагедию, когда подростки мальки погибают без еды и возможности дышать – лужицы были слишком мелкими. Найдя поблизости палку, я начал прокапывать каналы и убирать камни, соединяя маленькие лужи в одну большую, а уже её – с морем. Увлечённый процессом, я не заметил, как ко мне подошёл мужчина весьма странного вида.

– Вы, русские, очень странные. Всегда бродите вдоль берега и зачем-то собираете камни с пляжа.

От неожиданности я вздрогнул. Мужчина представлял собой чистейший образец крайне редкого для Кипра и столь привычного для Одессы типажа «лица без определённого места жительства» – он был заросшим, небритым, немывтым и достаточно неопрятным. Достаточно неопрятным для того, чтобы понять, что ночует он на улице.

Зато, в отличие от одесских «коллет», он был доброжелателен и улыбчив.

– Григорий, – первым представился он.

– Вы из России?

– Нет, конечно. Я из Румынии. Слышали о городе Яссы?

– Конечно. Это же совсем рядом с нашей Одессой. Рукой подать. А откуда у вас такой прекрасный русский?

– После войны у нас в доме несколько лет квартировали русские солдаты. Я был мальчишкой, а дети всё схватывают на лету. Так зачем вы собираете камни? Я спрашивал у других русских – те, кто меня не боялись, отвечали, что увозят их домой, как сувениры. Но как камни могут быть сувенирами?

– Очень даже могут, особенно для тех, кто живёт далеко от моря и впервые к нему приехал. Но я их не собираю. Я освобождаю проход для мальков.

И я показал ему на крошечных рыбок, серебрившихся на солнце в мелкой лужице.

Он посмотрел на меня, как на ненормального.

– Вы давно на Кипре? – спросил я, чтобы переключить разговор на другую тему.

– Больше десяти лет. Когда-то я был весьма состоятельным человеком. У меня были дом, жена, машина и гитара. После развода остались только машина и гитара. Я жил в машине, слава богу, что на Кипре тепло. Потом её угнали. Я выступал с концертами, зарабатывал. Выпивал, конечно. Нашёл себе друзей, таких же бездомных, мы ночуем здесь, в парке на набережной. Раньше это было безопасно. Теперь появилось много беженцев, в основном арабы. Они оскорбляют нас, бьют исподтишка, разбили мне несколько гитар. Иногда, когда я теряю паспорт, иду в полицию. Они определяют меня в приют, кормят, потом устраивают на работу. Тогда я превращаюсь в нормального человека. Ну, а потом снова возвращаюсь на улицу. Сейчас вот опять собираю деньги на гитару. Но я не унываю. Своей жизнью я очень доволен. Спасибо, что вы дали мне возможность попрактиковать мой русский.

Григорий улыбнулся и медленно пошёл вдоль кромки воды в сторону города.

Я продолжил свою работу, и через несколько минут мальки умчались в море.

Бездомных на Кипре за двадцать два года мне встречать почти не довелось. Лишь однажды, вскоре после вступления в Евросоюз Румынии и Болгарии, я видел попрошайку на перекрёстке – обычная для Одессы картина – и бездомного, сидящего на тротуаре прямо под лимонным деревом. Было утро, и он завтракал, сорвав несколько лимонов и поливая их соком раздобытый где-то бутерброд с халлуми, знаменитым кипрским сыром. Я вспомнил тогда слова Игоря Померанцева о том, что беднякам несладко в любой стране, но болгарские бедняки, например, могут позволить себе есть помидоры и баклажаны.

Пора было забирать сына из школы. Пообедать мы решили в *CookHouse* на *Gladstonos* – модном месте с чудесными бургерами и волшебным куриным паплетом. Они подают его с хрустящим багетом и каким-то невероятным салатом из огурцов. Когда мы парковали машину, я обратил внимание на небольшой букинистический магазин – входная дверь и узкое окно – который раньше не замечал. Отвезя сына после обеда на теннис, вернулся туда. В Праге мы избалованы «букинами», а на Кипре они наперечёт.

Магазин был забит книгами от пола до потолка. Он разбух книгами, был переполнен ими, был насквозь пропитан запахом старых книг. Казалось, ещё чуть-чуть, и они выплеснутся на улицу. Это был рай, настоящая шкатулка с сокровищами.

В конце его, за старым столом, тоже уставленным книгами, сидел очень пожилой мужчина. Старик. Рядом с ним стоял его ровесник, и они что-то оживлённо обсуждали.

На меня они не обратили никакого внимания.

Девяносто процентов книг было на греческом, остальные – на английском. Всего лишь одна полка была заполнена немецкими книгами. Русских не было вовсе.

Если не щещь чего-то конкретного, в таких магазинах легко утонуть. От обилия тем и наименований кружится голова, всё кажется невероятно привлекательным и непонятно зачем нужным. За годы жизни

в Праге я стал довольно хорошо ориентироваться в местных букинистических. Во-первых, абсолютно весь их ассортимент выложен в Сеть, и можно задавать поиск просто по фамилии автора. Во-вторых, бережливые чехи хранят абсолютно всё, и если хочешь найти не то что книгу, а даже, например, каталог выставки 1920-х годов, сделать это можно без труда. В-третьих, в чешских букинистических всегда продают ещё и графику, рисунки, причём нередко весьма известных авторов. В-четвёртых, в них всегда множество открыток, удивительных, интереснейших открыток столетней давности или даже постарше, и среди них попадаются натуральные жемчужины.

Жаль только, что редкие книги на русском в чешских «букинах» раскупили ещё в 90-х.

Здесь всё было иначе. Во-первых, я не читаю по-гречески. Во-вторых, на Кипре и близко не было такой масштабной русской эмиграции. Поэтому главной моей целью было получение эстетического удовлетворения. Это ведь наслаждение – подержать в руках, бережно перелистать Гомера, изданного в 1831-м, или изданные в 1848-м «Филиппики» Демосфена, или, например, изданные в 1814-м записки Шатоabriана о путешествии в Грецию, Палестину, Египет и загадочную Варварию.

Тем временем хозяин и его собеседник не снижали ни темпа разговора, ни его накала. Рядом с ними, на большом столе, я увидел коробку со старыми открытками. Мне не хотелось им мешать, но искушение было сильнее. Я тихо подошёл и стал перебирать пожелтевшие прямоугольники, часть из которых была заполнена, подписана давно ушедшими людьми, часть была девственно чистой.

Больше всего открыток было с видами Фамагусты и аббатства Беллапаис. Фамагуста, такой важный для Кипра и постоянно переходивший из рук в руки город, на протяжении всей своей истории переживал взлёты и падения. Но всё так же красивы построенные Лузиньянами и усовершенствованные венецианцами крепостные стены со знаменитой башней Отелло, всё так же величественен превращённый сейчас в мечеть Собор Святого Николая, главный средневековый собор острова, здешний аналог Реймского собора и Айя-Софии – именно здесь короновали Лузиньянов как королей Кипра и Иерусалима.

Открытки были и чёрно-белыми, и цветными, между ними я нашёл небольшую книжечку с видами Фамагусты, изданную в шестидесятых годах.

Я был так увлечён, что не заметил, как оба мужчины прекратили разговор и стали внимательно на меня смотреть.

– Вас интересует Фамагуста? – спросил тот, что сидел в старом кожаном кресле.

– Очень. Я был там всего однажды, но впечатления свои помню до сих пор. Вообще средневековый, латинский Кипр до сих пор во многом – *Terra incognita*. Жаль, что главные католические храмы острова теперь – мечети, жаль, что по городам севера маршируют роты турецких солдат. Ценят ли они доставшиеся им наследие?

Глаза старика неожиданно увлажнились.

– Я родом из Фамагусты, – помолчав, сказал он.

– Я тоже, – сказал его собеседник.

Это было для них очевидно болезненным.

Я вспомнил самую первую свою поездку на север острова. Турки-киприоты открыли границу для проезда в 2003-м. В феврале 2005-го я нашёл экскурсовода, который мог бы свозить нас в однодневный тур – я хотел увидеть Фамагусту, Кирению, Саламис и Беллапаис. Места эти были мне тогда совершенно незнакомы. На обратном пути мы ехали через Месаорию, главную плодородную долину Кипра. После турецкого вторжения она была заселена выходцами из горных районов Анатолии, которые всю жизнь занимались скотоводством и не умели обрабатывать землю. Зброшенные поля и сады тянулись вдоль нашего пути. Внезапно водитель остановил машину около длинного, покосившегося забора, за которым стоял требующий ремонта дом. По двору бегали куры, на верёвках сушилось бельё.

Наш водитель вышел из машины, отвернулся от нас, закрыл лицо рукой и заплакал.

Через несколько минут он промокнул глаза, повернулся к нам.

– Простите. Это дом нашей семьи. У нас была чудесная апельсиновая роща. Как видите, она давно погибла.

Всю оставшуюся до границы дорогу мы молчали.

Ситуация на Кипре давно уже патовая. В объединение верят, пожалуй, лишь романтики и те политики, которым это выгодно. Для греков-киприотов оно будет означать неминуемое снижение уровня жизни вкупе с многократно возросшими рисками, ведь на севере полно не только бедных, не только беженцев, но и международных преступников, для которых Северный Кипр – это рай, откуда их никто не может достать. Но «рацио» борется с чувствами. Греки-киприоты не считают «зелёную линию» границей, а города на севере и востоке считают оккупированными, и это означает, что на выборах в парламент беженцы из этих городов выдвигают своих депутатов, у каждого города есть свой греческий мэр в изгнании, и все структуры управления ими дублируются. Как-то я даже застал в никосийском «муниципалитете в изгнании» оставшегося на северной стороне города Морфу (теперь он Гюзельюрт) свадьбу. Молодожёны хотели зарегистрировать брак именно там. Их родители, беженцы из Морфу, были счастливы.

Затянувшиеся было раны сейчас вновь растревожены ситуацией в Вароше.

– Вы же слышали последние новости? О том, что Эрдоган собирается устроить в Вароше пикник? – спросил меня хозяин лавки.

– Слышал, конечно.

– Мы спорим как раз об этом, – сказал его друг. – Турки создали фонд, куда можно обращаться с требованием о компенсации. Они якобы вернут недвижимость или выплатят её стоимость деньгами. Василиос – он кивнул на друга – верит в это. Я считаю, что такое обращение к ним – это признание законности оккупации севера.

– Мне кажется, это тот случай, когда любое решение будет сложным, – сказал я, понимая, что не имею права не то, что давать советы, а даже судить о ситуации.

В итоге я купил подборку открыток с видами Фамагусты, два письма 70-х годов, написанных советскими репатриантами в Израиле, и брошюру о нефтяной индустрии, изданную в 1960-х.

Пора было ехать за сыном. Нужно было переодеться, потому что мы собрались в лучший стейкхаус Лимассола, *Columbia*, что на улице *Agios Andreas*. Мы ходим туда один-два раза в год, и каждый такой поход – сочетание эстетического удовольствия с гастрономическим оргазмом. И на это раз после первого куса американского рибая у нас вырвался стон восхищения.

Наконец, после долгого дня, мы вернулись домой.

Мы припарковали машину в квартале от гостевого дома, напротив киоска, периптеро. На пороге его, к стоявшей за прилавком хозяйке которого, совсем худощавой и очень смуглой невысокой гречанке с идеальным профилем, по десять раз на дню с возгласами восторга подбегала пухленькая кудрявая девочка лет десяти, видимо, её сестра, и, захлёбываясь от восторга, делилась какими-то новостями, после чего прижималась к ней всех телом, так вот, на пороге периптеро, прямо у дороги, рядом с выставленными наружу ящиками с только что поспевшими гранатами, лимонами, грейпфрутами и крошечными яблоками – большие приходится импортировать, – а главное, рядом с огромной, почти полуметровой, в красных комьях глины кипрской картошкой, которая так поразила меня двадцать лет назад своими размерами, а ещё тем, что она сама по себе – готовый обед или ужин, достаточно надрезать её пополам, положить внутрь сыр и ветчину и запечь, – так вот, прямо рядом с картошкой, выставив ноги на дорогу, сидела сумасшедшая. Тихая, интеллигентная, в пёстрой вязаной кофте и с большой бежевой сумочкой. Ежеминутно она вскакивала, размахивая руками, словно дирижируя, потом выходила на дорогу, пытаясь регулировать движение автомобилей, и все с пониманием останавливались в ожидании, словно подчиняясь её приказам; я опасался, что, завидев нас, она бросится навстречу, но совершенно напрасно – она улыбнулась и продолжила дирижировать, а я снова вспомнил Григория, и тут же, почему-то, Бориса Акунина, который как-то сказал мне, что работает всего два часа в день. И как же много он успевает написать! Я могу сидеть за компьютером и восемь часов, при этом работать полчаса. Когда текст вдруг идёт, я останавливаюсь после нескольких первых абзацев, замираю от восторга, вот как сейчас, когда записываю по горячим следам свои впечатления, чувствую волнение внизу живота и наслаждаюсь этим чувством, вместо того, чтобы писать дальше. Если же текст не идёт, я открываю бесчисленные окна в Интернете, часами читая что-то по теме или нет, углубляясь в ничего не значащие и ненужные мелочи, чтобы потом, в конце дня, разочарованный в себе и окружающем мире, рухнуть в кровать, укоряя себя за то, что ничего не сделал. Наверное, лучше воспользоваться методом Хемингуэя и установить себе обязательное количество знаков, написанных за день. Хоть тушкой, хоть чуелом, но написанных.

Написал это и снова стал листать ленту Фейсбука. Оказалось, что час назад, ровно в то время, когда мы наслаждались стейками, буквально в нескольких кварталах от нас протестующие против карантинных ограничений сожгли на набережной Лимассола полицейскую машину, а потом забросали приехавших пожарных камнями. Карантинные ограничения вызывают у ограниченных людей неограниченную агрессию. А в паре кварталов от набережной играет музыка, кафе и рестораны полны благодушных, расслабленных людей.

Тем временем в Чехии дела вовсе не так хороши. Радует только, что прирост заболевших начал потихоньку снижаться, и это похоже на чудо. Вчера заболевших было всего тринадцать тысяч. Хотя – что значит «всего»? Ведь всего месяц назад, 28 сентября, таких было всего 1284. Правда, число госпитализированных неуклонно растёт, и больницы заполнены уже на семьдесят три процента.

Но на Кипре невозможно тревожиться. Волнения тают под ярким солнечным светом, и незаметно для самого себя начинаешь думать о хорошем и приятном.

Например, о признании.

Признание... Все мы мечтаем о нём. Особенно те, кто пытается создавать новое. Признание воодушевляет, придаёт новые силы, подтверждает – то, что мы делаем, не бессмысленно, это кому-то нужно. Иногда чьи-то хорошие отзывы помогли мне не опустить руки и двигаться дальше. Но есть ведь и обратная сторона. Марк Аврелий сказал как-то, что никогда не перестанет удивляться тому, что все мы любим себя больше, чем других людей, но при этом больше заботимся об их мнении, чем о своём собственном.

И чтобы зависимость эта не влияла на собственные решения, чтобы, найдя однажды удачный ход, не повторять его всю жизнь, как часто случается, например, у художников, нужна определённая доля нонконформизма. Маркес написал однажды, что нонконформизм есть главное и неперемнное условие творчества, «ибо писатель-конформист – это, весьма вероятно, бандит и уж совершенно точно – скверный писатель».

Имел ли он в виду нонконформизм по отношению к политической системе? Вполне вероятно. Но для меня не менее привлекателен и другой нонконформизм – по отношению к господствующим тенденциям, к литературной моде. Авангард всегда привлекал меня. До сих пор помню свой восторг после первого прочтения стихов Кручёных. А дадаисты? Любовь моя к ним с годами только усиливается. Асемическое письмо пока кажется недостижимым идеалом, но главное – сделать первые шаги.

Потому – к чёрту канон. К чёрту сюжет, героев и прочую скукутищу. Антироманы – вот что действительно интересно. Тем более, что и тут совпадение – мы с Натали Саррот родились в один день. Наталья Ильинична, урождённая Черняк, создала этот жанр, но её превзошёл Фернандо Пессоа. А его, в свою очередь – Юрий Лейдерман, издававший анонимно свои книжечки с автоматическим письмом. Несколько таких книжек подарил мне Серёжа Ануфриев, и я, впечатлённый и вдохновлённый, сделал такую же свою, назвав её «Немое» – будто и немое, и не моё. Отпечатанные на «цифре» пятьдесят экземпляров разошлись моментально. Первую книжечку я подарил верстальщику в типографии – он просто не мог от неё оторваться. Вечером того же дня мы с дочкой пришли в заброшенный и полуразрушенный одесский «Дом Гоголя», тот самый дом, в котором он когда-то сочинял второй том «Мёртвых душ». Дом каким-то чудом открыли художники, чтобы сделать там однодневную, точнее, одновечернюю выставку. Мы раскладывали книжки на подоконниках, подсовывали под холсты, клали их в карманы курток и пальто посетителей. Потом я узнал, что Бурлюк с Хлебниковым после одного из вечеров в «Башне» Вячеслава Иванова точно так же засовывали в карманы пальто и шинелей тамошних гостей первый «Садок судей». В течение нескольких дней я дарил оставшиеся экземпляры друзьям. Последний оставил себе. Где он теперь?

Хотя, возможно, мы сильно переоцениваем роль искусства. По сути, искусство – это продукт человеческой жизнедеятельности. Разновидность выделений. Не физиологических, но интеллектуальных и эмоциональных. Все мы только и делаем, что потребляем и выделяем. Знания, впечатления, эмоции мы выделяем в так называемых произведениях искусства. Удивительно, что они бывают интересны ещё кому-либо, кроме нас самих. Ведь выделять их способен каждый. Дело, видимо, в технике, просто в технике. Умении наносить краски на холст, складно связывать слова в предложения, выделять из себя ноты вместо того, чтобы банально напиться, когда от тебя ушла любимая. Дело только в технике.

Иногда процесс выделения становится терапией. Пессоа в «Книге непокоя» написал:

«Если я пишу о том, что чувствую, то только потому, что таким образом ослабляю лихорадочное желание чувствовать. То, в чём я исповедуюсь, не имеет значения, поскольку ничего не имеет значения. Я творю пейзажи из собственных ощущений. Устраиваю себе отдых в ощущениях. Хорошо понимаю тех, кто, стремясь отогнать печаль, вышивает, вяжет, плетёт кружево, потому что это – жизнь. Моя старая тётя раскладывала пасьянс бесконечными вечерами. Эта исповедь впечатлений – мой пасьянс».

Вот и мои строки – способ отогнать печаль, тоску, острое ощущение бессмысленности существования.

Откуда во мне эта так глубоко укоренившаяся убеждённости в том, что нужно непременно что-нибудь делать, всё время делать что-то важное, нужное, полезное, иначе мир скатится в тартарары? Что он держится только тем, что мы исправляем и улучшаем его каждую минуту? И если прекратить это делать, всё покатится куда-то под откос, пойдёт каким-то своим, конечно, неправильным путём? Что нужно держать его своими делами за уздцы, иначе он взбрыкнёт и умчится куда-то вдаль? Что нужно непременно делать несколько дел одновременно, как можно больше, максимум возможного, и только в этом случае мир не рухнет, привычный порядок дел не нарушится, а моё существование будет оправданным? Да, я читал о полевых лилиях, которые не трудятся и не прядут, мечтал о том, чтобы освободиться от наваждения деятельной полезности и поплыть вместе с мирозданием, позволить себе быть унесённым этим потоком, но так и не смог это осуществить. Поэтому каждый вечер я попадал в одну и ту же ловушку. Тщетно пытаясь спасти бессмысленный день, я пытался написать хотя бы несколько строк, страницу, но вечером всегда работалось плохо, мысли путались, сбивались, и я просиживал за компьютером допоздна, уставший, а потом буквально падал в кровать, отчаянно ругая себя за бездарность, бестолковость, бесплодно пытаясь уже в постели придумать оригинальные ходы, гениальные сюжеты, мечтая о романах, которые вознесут меня на литературный Олимп. А утром всё начиналось сначала – за завтраком я отчаянно листал ленту Фейсбука, словно надеясь найти там что-то важное, истинное, необходимое, потом делал неотложные дела, большей частью нужные не мне, а кому-то другому, тому, кто о чём-то попросил, написал, позвонил, чтобы вечером, наконец, снова сесть за письменный стол, включить компьютер и попробовать написать хотя бы несколько строк.

Уже лёжа в кровати и пытаюсь заснуть, я задумался об энергетической связи между автором и его произведением. Ладно произведением – просто написанными строками. Комментарием в Фейсбуке. Нам ведь неприятно, когда наши слова оспаривают, высмеивают, подвергают сомнению. Оставляя комментарий, мы всё равно ощущаем с ним какую-то связь, как бы глупо это ни звучало. Это не просто слова, чёрные значки на белом фоне, байты информации – нет, это слепок наших мыслей и чувств, поэтому негативная реакция на них так болезненна. Проходит время, и связь эта ослабевает, но, похоже, может в любой момент стать сильной вновь. А что тогда происходит с книгами? Сохраняют ли они спустя годы после выхода энергетическую связь с авторами? Или становятся просто информационными единицами, словами со смыслом, мириады которых продуцируются ежедневно? Ведь все мы принимаем информацию и отдаём её беспрерывно. Живём в потоке. Но если она есть, эта энергетическая связь, если она сохраняется даже после смерти автора, если каждая ваша книга так же уникальна, как отпечатки ваших пальцев, и никто никогда не сможет сделать ничего полностью подобного – это в корне меняет дело.

ВЕРА ЗУБАРЕВА

ПО КРОМКЕ ЗЕМЛИ И НЕБА

Памяти мамы

Мама ходит по кромке земли и неба.
Там гроза собирается, тучи лежат тюфяками.
Люди спят на них. Лица бабки её и деда,
Словно вмятины в тёмной небесной ткани.
Смотрит, смотрит на них,
То ли ждёт, что проснутся, то ли
Заглянуть норовит им под веки, где бродят ветра.
Мама ходит по кромке древнего поля
Там, где небо с землёю сомкнулись,
Как завтра с вчера.
Я стою на другом конце жизни её, наблюдаю,
Как когда-то она наблюдала за мной из окна.
– Не ходи, – говорю ей тихо, – по краю.
(«Не ложись на краю», – когда-то пела она.)
Беспощадное поле растёт между мною и его,
Превращается в море, и брезжит за ним океан.
Я ладони сложила в молитве о ней колыбелью
И качаю в них время,
Чтоб тише неслось по волнам.

ОКНО

1.

В твоём окне, в твоём окне,
Там свет в полночной тишине,
Машинка строчит свой узор,
Крахмальных снежностей собор
Растёт, пышнее под рукой,
И сны из комнаты другой
Пришли под ёлку на ночлег,
Где втихомолку валит снег.
В твоём окне, в твоём окне...
Там всё направлено ко мне.

2.

А ко мне идти – пересечь бульвар,
А потом всё прямо, дом по правую.
Там ещё ступени и на них два льва,
И большая ель стоит двуглавая.

Ты идёшь, идёшь... Вижу каждый шаг,
Вижу красный свет. Осторожно, милая.
За окном пурга, непроглядный мрак.
Что стряслось с тобой, со мной, со светилами?
Погоди, – прошу, – вот начнёт светать,
Вот начнёт светать... Ведь начнёт когда-нибудь?..
Между нами ночь и твоя кровать,
И дорога, вымощенная памятью.

Мама собирается в дорогу,
Складывает памяти обрывки.
В кошельке её одна приколка,
За окном нелётная погода.
Медсестра, похоже, недовольна,
Кислород подкачивает небу,
Раздуваются меха машины,
Поет песню адская гармошка.
И отец ушёл, когда штормило,
И вверх дном перевернулось море.
Я тогда звала его, искала,
А по небу проплывали рыбы.
Почему они всегда уходят
В самый чёрный день, когда ненастье,
И царит на небосклоне Лютый,
Непреклонный и Немилосердный?
Медсестра-диспетчер наготове.
Не видать ни зги на взлётном поле.
Здесь уходят все по расписанью.
Подышал – и передай другому.
Всё же дышит. Ночь подходит ближе.
Сплю, руки её не отпуская.
Снится ясный и пречистый полдень,
Где играют акварели света
И где машет облако крылом.

Заметает снегом город,
Замело небес проём
И шоссе, и переулок.
Дом в снегу и мама в нём.
Тихо, тихо,
Мерно, мерно
Проступает белизна.
Мама-снежная царевна
Спит за хрусталём окна.
Сон её на перепутье.
Ветер выюжит. Снег валит.
Где она под ним блуждает,
На краю какой дали?
Обещали на рассвете
Потепленье. Снег раскис.
Над землёю дышит ветер,
Движет воздух вверх и вниз.

Затуманилось-размылось
 Непроглядное окно,
 Сероватыми мазками
 Мокнет стужи полотно.
 В жилке неба бьётся стая,
 Пульса тоненькая нить.
 Тает снег,
 И мама тает.
 И уже не отмолить.

Как же, как она там одна
 Посреди непонятной вечности?
 Впереди у неё тишина,
 Позади – всё ещё она
 В убывающей опредмеченности.
 Ветер трогает провода,
 Напевая свою прощальную.
 Скоро станет совсем, как та,
 Что на облаке из холста
 Детство мира несёт над печалью.
 Погоди чуть-чуть, задержись
 В этом вписанном в небо облике,
 Будто там есть и вправду жизнь,
 Будто эхо твоей души,
 А не снежность, в изменчивом облаке...

И день замедлил ход,
 И снегом холод дышит.
 Куда она ведёт,
 Дорога, что над крышей?
 К снегам ли, к облакам,
 К пространствам безвоздушным,
 К забытым берегам,
 К покинувшим нас душам?
 И как по ней пройти,
 Не заплутав в тумане?
 И где конец пути
 Кладёт начало тайне?

Февраль так короток. Печаль – длинна.
 Она ещё живёт и выюжит в марте.
 В названье – что? Хоть мартом называйте,
 Но март – февраль, а вовсе не весна.
 Стучит всю ночь по стёклам снег со льдом,
 И вьётся смех и говор в ритме вальса.
 Февраль и есть. Пусть обойдёт мой дом!
 Но он и в дом, и в сон уже ворвался.

А там, а там так тихо, так бело,
Что о метелях и не вспомнить даже,
Когда б над этим не его крыло,
Когда б не ты всё дальше, дальше, дальше...

Весна...
Что к этому прибавить?
Кусочек льдинки на скамье –
Как нарастающая память
о нескончаемой зиме,
что к ночи набирала силу
и выдувала то тепло,
которое душа кошила...
Куда метелью унесло
Добротный дом многоэтажный,
Где каждый штрих тебе под стать?
И как Ему не жаль однажды
Всё это навсегда отнять!

ЛЕОНИД КУЛАКОВСКИЙ

ЕСЛИ КРИК НЕВЕСОМ...

СТЕПЬ

Тихая вечность моя
в тоге своей золотистой –
край абрикосовых зорь
и терракотовых глин...
Жёлтой тропинкой маня,
явью цикадно-зернистой,
гладью медовых озёр
в сердце арбузных долин,
Мекка густой пустоты,
звонкой тиши Эльдорадо,
роц камышовых клондайк –
степь, до пылинки своя.
Солнечный ветер и ты –
компас, надежда, отрада,
сладко зовущая даль –
тихая вечность моя.

Тихо. Кроны вишен
немы. Слева, справа
тихо так, что слышен
шорох в дальних травах.

Словно Всемогущий,
вдруг, тоскою мучим,
где-то в райских кущах
сном уснул дремучим.

Козероги, овны,
короли и крали,
будто, как бы, словно
в рот воды набрали.

Тишина в эфире,
как в пучине Леты,
и парят над миром
птицы и поэты.

ТЕТ-А-ТЕТ

На самом дне Вселенной, в Черноморске
молчу и пью на кухне сладкий чай,
черпаю ночь и тишину по горстке;
пишит уютно в тишине свеча.

Как будто занесло меня в аббатство,
где свет – не свет и темнота – не та,
зато к услугам целое богатство:
перо, бумага, воля и мечта

в пыли тысячелетней по колено.
Как будто там, в божественных стенах,
укрывшийся от суеты и тлена,
от благ земных отрехшийся монах, –

поэт, пропахший дальними мирами,
блюду к словам и небу шлетет.
На дне Вселенной, в стихотворном храме
я с тишиной общаюсь тет-а-тет.

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ

*Не кормите друг друга
Объедками чувств...
Сергей Гарькавый*

Нет в любви половин
и других очень личных дробей.
Это в рейтинге вин –
крепче, слаще, кислее, слабей,
а любовь – жгучий свет
из неведомых сердцу глубин –
либо есть, либо нет,
либо зной, либо шорохи льдин.

Если любишь, забудь
аксиомы, уставы, часы.
На запреты табу,
и на свалку все в мире весы!
Если любишь, гори.
От любви без остатка сгорай.
Если нужно, умри.
И ещё сотни раз умирай!

МЕТРОНОМ

В туманах дремлет Таганрог.
Мгновенье... год... столетье... вечность...
В стакане остывает грог,
а за окном немая млечность
уводит в тонкие миры
вне времени и расстояний –
собачка... дама... три сестры...
вишнёвый садик... дядя Ваня...

Пустеет пачка сигарет,
густеют мысли, меркнут грани.
Уже забрезжил лунный свет
за сонной веточкой герани,
а в измерении ином,
сквозь эхо чаячьего гвалта,
выщёлкивает метроном:
туманы... осень... Чехов... Ялта...

Нас нет больше в городе этом,
там ветер и холод теперь.
Забвенья полна, словно Лета,
огромная площадь Потерь.

Лишь памяти жалкие скрипы
и чувств нерастраченных штиль...
А вздохи, признанья и всхлипы
за сотни и тысячи миль,

где солнце, как прежде, живое
и грусть необъятно светла,
где, штормом охваченных, двое
дрейфуют в любви без весла,

и лодка, терзаема шквалом,
по красшек жизни полна,
а здесь... ни девятого вала,
ни солнца. Лишь – мука одна.

Над городом этим пустынным,
как символ утрат и пропаж,
за сетью стальной паутины
той лодки безумной мираж.

... За глупость, ребячью порою,
себя беспощадно корим –
мы в поисках тропки на Трою,
теряем дорогу на Рим...

Всему свой час, свои приоритеты:
всего лишь до поры вторичность прим,
пустышки превратятся в раритеты,
падут и Третий рейх, и Третий Рим.

Елена подтолкнёт в пучину Трою,
Марат разверзнет пасти гильотин,
а Христофор Америку откроет
и захлестнёт планету никотин.

Всему свой час. История на страже:
плетёт и рвёт связующую нить.
Кому-то – пряник, а кого – накажет.
Историю не нужно торопить.

В урочный час, рационально, властно
внесёт в копилку свой бессмертный пай.
Она сама прольёт однажды масло
и выпустит на линию трамвай...

ТИБЕТ

Наверное, там ближе к Богу,
где у слияния стихий
едва родившемуся слогу
предначертание – стихи!

Там, словно в ощущениях детских,
такие бури новизны,
что верится – с вершин тибетских
на небе ангелы видны!

ОПТИЧЕСКОЕ

*У зрячих, увы, есть опасность ослепнуть.
У зорких же – только опасность прозреть...
Сергей Главацкий*

Я понял и прозрел,
и слепну от прозренья –
его горячих стрел,
его холодных пут.
Оптический прицел
меняет угол зренья:
кто великаном стал,
был прежде лилипут.

Въедается туман
в полярность точки зренья:
оптический дурман,
как в темечко шуруп.
Оптический обман
тушует озаренья...
Кто великаном стал –
потенциальный труп.

В эру грязи и лжи
от навязчивых прений
скрыться где-то во ржи,
потеряться в сирени,
утонуть на часок
в море светлой печали,
где берёзовый сок
омывает причалы,
пошептаться с Луной
о мирах и планетах,
где забыли давно
о звенящих монетах,
просто плюнуть на всё,
если принцип нарушен,
если крик невесом,
если мир равнодушен.

ГАЛИНА ИЦКОВИЧ

КАНИКУЛЫ СРЕДНЕГО ДЕТСТВА

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Не канючить в гостях просили,
Бант завязывали насильно,
По дороге купили краски,
Мокрые как собачий нос.
Синий цвет был как сладкая вата,
Зелёный – прохладным на вкус.
Так и явилась в гости –
Чинная детка, синие губы,
зелёная грусть.

ПОЭМА ДЕТСКИХ СТРАХОВ

Трещины между плитами:
Только б не наступить!
Перепорхнёшь с разбегу,
и, значит, будут жить вечно
папа с мамой.
Я до сих пор вскакиваю ночью
в холодном поту,
в предсмертной истоме.

Я даже однажды днём
заорала в голос:
неужель сирота? –
нет, за край удержалась.

Только б по правилам.
Только б не замочить
ног. Только бы та нора
не оказалось дырою,
туннелем, ведущим к центру
Земли.

В луже таится болото,
в зеркале – пустота,
и монстр в моих зрачках
посмеивается порою.

Вот оно, самое страшное:
 оставленной быть в лесу.
 Крошек не было изначально
 в местности незнакомой.
 С сердцем, вырванным ведьмою, на весу,
 я до сих пор
 добираюсь к дому.

Как это, как случилось,
 что я всё ещё живу?
 Как миллионы детей
 не поддались соблазну
 расковырять глазок в неведомое,
 перешагнуть черту,
 шагнуть в воронку –
 и кончить всё это разом?

СОБОРКА

Бабушка сквер называла «садик» –
 Дань деревенскому давнему детству.
 Площадь была в двух шагах, по соседству:
 Деревья в болячках, плешивость рассады.
 Шли на гулянье попарно и строим,
 Бабушка к бабушке, следом мужчины.
 Я всё остаться искала причины.
 Что за ребёнок – всегда расстроен!
 Сквер был как сквер – на аллеи разглажен,
 Чинные кошки, коляски, каштаны,
 Лепет старух, вой детишек беспшанных...
 Но не хватало чего-то пейзажу.

Мне почему-то всегда казалось,
 Что пустота поела воздух.
 Воспоминания, дайте роздых!
 Площадь давно обратилась в пошлость?
 Сквер осквернён? Это, право, малость!
 Взрослым их садик казался раем –
 В язвах стволы, но всё зелены кроны.
 Столько исчезнувших и осквернённых,
 Что – губы замочком, в саду гуляем.
 Всё, что осталось от семидесятых –
 Цикл одесский от пыли до грязи,
 Да временные нехитрые связи,
 Да шепоток краеведов завязных,
 И много лет не случалось вернуться
 В садик, что грыз меня каждое лето.
 Вот я, пришла! – Отражённым светом
 Храм-новострой осветил секреты.
 Яблоко-сквер, золочёное блюдо.

Садик, который сама садила.

БАБУШКИН ПРИНЦ

Место действия – коммуналка, разжалованные барские палаты:
стены – бывшие двери, приглашающие куда-то.

–Что ты будешь? Картошечку? –
жарила, в нарушение вечной диеты.

По утрам ругались,

громко считали деньги.

Дед уходил, а к бабушке в дверь соседки.

Профсоюзный принц вставал со страницы книги –
старожилки, распахнутой на кушетке
вопреки директиве деда.

Я хочу возвратиться в каникулы среднего детства,
в бесконечные дни убывающего календаря,
раздеваться на ощупь (любили ложиться рано)
и просить хоть каплю у сжавшего губы крана,
и учиться тоске по дому, и спать чудесно,
просыпаться поздно от звона ножей и ложек...

Как бесславно кончалось лето –
без катарсиса, без сюжета.

Я теперь понимаю – она тосковала тоже,
а потом утонула в безумии – ни вскрика, ни пузыря.

Мне казалась старухой, а было-то – за пятьдесят
отрёпённой бабушке, жрице жаренной в масле картошки.

ДО БУДИЛЬНИКА

У тех, кто вставал по будильнику, говорили: «Закройте дверь».

У тех, кто вставал по гимну:

«Закрой свой рот».

У просыпавшихся в зависимости

от того, когда легли вчера:

«Ты просто смешон».

Я давно могла бы вставать, как проснусь,

но просыпаюсь задолго до будильника

и лежу в тревоге,

опасаясь услышать: «Закрой свой рот».

Я, наверно, просто смешна.

ЗАПАСНОЙ ВЫХОД

Коммунальным ветром прибило к двери соседа.

Телевизор времён застоя сулит погоду.

«Небывалый подъём» – это он о соседских кедах?

Чёрно-белые женщины борются за свободу.

Это сладкое слово знакомо не понаслышке:

Комбинатом «Свобода» томаты закатаны в банку,

Мышеловка «Свобода» избавила нас от мышки.

Но вернёмся в комнату, где загнивают в рамках

Приручённые предки... Пока их судить не будем:

Предки тоже когда-то горели, хлебали лиха.
 Ночью встанешь – по комнате бродят люди,
 Вход к тебе принимающие за выход.
 Со стенными портретами всё не находишь сходства
 И свербит в ушах заточенное радиожало,
 К домострою тянется домоводство,
 Лишь пожарная лестница в ужасе ждёт пожара.

Пока я наблюдаю птиц, они обсуждают меня:
 не летает,
 редко ныряет в лужи,
 глазницы размером с голову сойки,
 неповоротлива, не голодна.
 Нелегко различать их:
 Сколько уходит времени,
 чтобы одну от другой
 или одного от другого,
 узнавать поворот головы.
 Я беру только звуки,
 их горловые звуки
 и воссоздаю язык
 клёкот за клёкотом,
 крик за криком.
 Я теперь одна из них,
 мне они не чужие.
 Ещё немного, и взлечу над остывшим лесом.

РЫБИЙ ДОМ

Рыбкам к чему ласкаться, к чему им греться?
 (Плавают данио в зарослях иглолистных).
 Но до чего ж ласкают и глаз, и сердце!
 Разно и радостно тихое их монисто
 (Тетры Фон Рио – мечта акварумиста).

Плавают по команде, не знают боли
 (Склонны формозы к растительной нежной пище).
 Самые лучшие рыбы – не для неволи.
 Томные гиппацинтрusy липнут к днищу
 (В меньший аквариум он помещает лишних).

Ах-хороши! Морские-то не чета им –
 Трепетней акварели, цветней гуаши.
 ...Юный натуралист по утрам считает
 Всех
 переживших ночь, темноту поправших
 (Наш-то давным-давно позабыл о павших)...

Полон сачок телами былых гурами
 (Наш-то покинул всё, что казалось нами),

Радугой плавников и недвижимых бошек.
Было вчера двенадцать, осталось восемь.
Плачет досужий бог золотых рыбешек,
Бог невезучий

мусор во двор выносит

(Наш-то не плачет вовсе, не плачет вовсе...)

Наш-то, поди, сидит, Кэндикрэшем крашен,
Самой крупной рыбой собственного лайнапа.
Звуки Барухашемов и Отченашей
Не объясняют смыслы игры нелепой.
Мёртвые плавники опадают на пол.

ТИНА АРСЕНЬЕВА

БАЛЛАДЫ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

МОРАЛИТЕ

1.

Ну, что, дружок, побудь моей сиделкой,
Бесёнок мой, живущий в алтаре!
Ещё один божок пустой подделкой
Глядит, упрятан в чистом серебре.

Сидим теперь пред ним, вздыхаем тяжело:
Не нас раздели, а на сердце срам...
Не ты попутал – всё моя замашка
Привадить искусителя во храм!

Ну, что теперь, побитый мой задира?
Да не косись так воровато, брат.
Ведь сказано: не сотвори кумира!
Ей-богу, бес, не ты тут виноват.

Клади в котомку новую побаску!
Не прогоню тебя – к душе прирос:
Чего-чего, а соли под завязку
Вдвоём наелись – наглопались слёз.

Поделится с тобою чёрствым хлебом,
И пусть нам свет сияет, строг и наг.
Чего бояться под открытым небом:
Коль свято место – чёрт ему не враг!

2.

Айда, наказание моё, подстрекатель,
Всей правды искатель!

Тут было нам пусто, – поищем-ка дальше,
Где чувство без фальши;

Где лику оклада золотого не надо,
А вере – обряда,

И где не исчислил бухгалтер намедни,
Что стоит обедни.

Поверим туману, дадимся бурану,
И счастливы спяну.

А где простоту не рядят во юродство,
Не знать нам сиротства;

А храм, где улыбка не на подозренья, –
Приют и призьренья.

Сосновой смолою застыло причастье –
Не видеть нам счастья,

Но да не застыть тебе мошкой янтарной,
Бунтарь мой алтарный.

3.

Мне быть вовек переселенцем,
Среди развалин слышать звон:
Уж коль спознался чёрт с младенцем,
С иконы благолепье – вон.

Но где-то сохранились лики
Простого строгого письма
И неподдельности великой:
К ним в оный час приду сама.

Пред ними падать ниц не нужно:
Они – высокий зов горы.
Но как мы к ней приходим кружно,
Шалея в россыпи жемчужной
Под сладкозвучные хоры!

И то сказать, мой искуситель,
Нас обольщает красота.
И кто есть кто, и где спаситель,
Что – совратитель-суета?

И то, мой бес: миры не прежни,
Настал и откровеньям бум;
Напялил ризы белоснежны
Себялюбивый тонкий ум.

А нам заветом: будьте – дети.
Утрём разбитые носы.
Прекрасно-трудно жить на свете,
Давай, раскачивай весы!

Зовут к беседе нас, приятель.
Подвоха нет в моей руке:
Летает чуткий подстрекатель
На колокольном языке...

ПРАЗДНИК

1.

Где в проулке на горе
Скособочился фонарь,
Разлохмаченный звонарь
Плакался заре;

Там, лукав и лучист –
 Чёрный смех без покаянья, –
 Черторожий трубочист
 Набекрень надел сиянье.

А у медленной реки,
 Где истоптанная глина,
 Вновь ажурные чулки
 Примеряла Магдалина.

Нынче папороти цвет
 Вспыхнет в каждом палисаде!
 Изглодав перо в досаде,
 Побежит в кабак поэт:

Не измыслив ни словца –
 Поискать слова живые;
 И растащат домовые
 Все писания творца,

И со дна вечерней тьмы,
 Где сам чёрт зарыл монеты,
 То ли выплывут сонеты,
 То ли жаркие псалмы.

Кто придумал: «Мне отмщенье»?!
 Да живёт из рода в род
 День великого прощенья –
 Золотой солнцеворот!

Там, где голая макушка
 Горки стыла и бледна,
 В полночь крикнула кукушка,
 Отменя времена.

Над бездонными дворами
 Кот баюкал тишину...
 Восковую в тёмном храме
 Дьякон вылепил луну,

Чтоб студёной ворожбою
 Раскаляла пыл погонь,
 Чтобы мчаться нам с тобою
 На прельстительный огонь.

2.

На деревья шикнет тишина,
 Туч насупив бровь,
 Только слышно будет, как луна
 Пьёт из розы кровь.

Утром город душу сдаст в залог
 И взревёт ревмя,
 И с карниза бледный ангелок
 Снимется шумя.

Этажами заскрежещет клеть,
 Вззоет: «Поделом!»;
 Где-то в тёмных окнах будут петь,
 Сидя за столом...

Горница ль привидится, светла,
 Убрана кровать...
 Сердце, словно в клевере пчела,
 Станет занывать.

Потемнеет облачная сень –
 Знать, гроза близка.
 Нынче день такой, Иванов день, –
 Лёгких душ тоска.

3.

Тяжёлые души идут на дно,
 Тревожа в колодцах сонмы
 Чешуйчатых лун, и густое вино
 Течёт в подполье часовни –

В ладони и мимо, и стан свечи
 Согнулся в истоме жаркой,
 Где райский привратник сронил ключи,
 Целуясь в ночи с дикаркой –

Ведуньей, которой заказан вход
 В часовню и в райские кущи,
 Доколь не проступит на смертном пот
 Кровавей вина и гуще,

Доколь не прольётся огонь большой
 И дивные взвоют звери,
 Чтоб смуглый архангел пред смутной душой
 Ногой распахнул бы двери.

Град или бред,
 Струнный ли стон жил, –
 Глухой берет
 В том городу жил:

Бел, словно бал,
 Как молоко, прост,
 Жил-погибал
 Среди чужих звёзд.

Звёздная гарь
 С белых ползла дюн:
 Вечный январь,
 Как молоко, юн...

Ветренный зной
 Плыл январю в тыл;
 Бальный, большой
 В нём баловал пыл.

И фонари
Сердце влекли в свет,
И январь
Строго рекли: «Нет».

И от щедрот
В белое – лил тушь
Город-урод,
Ржавый Грааль душ:

Улиц тиски –
Врач мой и враг: враль! –
Школьной доски
Вытертая скрижаль...

Странный берет –
Рвань, паладин толп,
Пользе во вред
Бел, да и весь толк!

Вьюжная мгла
Тех меловых строк,
Где ни кола
И ни двора впрок;

Сонмища рыл,
Стылых огней шквал, –
Господи, был,
Тот ещё был – бал!..

Шла душа по луговине злого мака
Да присела отдохнуть на горке шлака;

Там в обломанной летучей колоннаде
Козлоногий горевал о древнем кладе:

Мол, в былые времена, как дух без тела,
Колоннада бы снялась и улетела,

А в колоннах полотняная прохлада,
И какая ж это храмина – без клада!

Вот те, леший, чистый грошик на тарелку –
Ты продай свою жалельницу-свирелку:

Проваландавшись по красненькому раю,
Белым днём в неё на паперти сыграю;

На могиле среди солнечных сурепок
Помолюсь за тех, кто разумом не крепок,

Чтобы душу сберегали в миг паденья
В белый день – да из дневного сновиденья.

ЛАДА МИЛЛЕР

МОНТЕ-КРИСТО рассказ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– Это и есть Воркута?

– Да.

– А где папа?

Поезд замедлил ход, запахло холодом и углем.

Вот-вот должен был появиться вокзал, а вокзал – Костя точно знает – это самое красивое здание в городе, и перед ним обязательно баба в белом фартуке, а на лотке у неё петушки на палочках. Но пока за окнами только серые дома из досок.

Интересно, а папа – он какой?

– А петушки будут?

– Какие петушки?

Мать с трудом закрывает чемодан, оглядывается на сына. Он рыжий и худой – только уши торчат и лопатки.

– Какие петушки, Костя?

Но Костя уже забыл про петушков, он сейчас снова думает про папу.

– Костя, – зовёт мама, – Не спи на ходу. Бери свой узел.

Путешествовали они с узлом и чемоданом. Мама несла чемодан, потому что он тяжёлый, а мама сильная. Костя, в свои одиннадцать, ростом почти с маму, но чемодан она ему нести не дала:

– На обратном пути, – сказала, – Вот подрастёшь за месяц.

– Мы с Костей в Воркуту. На месяц, – объявила мама домашним.

И домашние замолчали, опустили головы и глаза. Костя ещё тогда не знал – почему. Зато он знал многое другое. Всё, чему в школе учили, и всё, что прочитал в книгах. Жалко, что книг у них дома не осталось, книгами топили печку. Но те, что успел прочитать, Костя помнил почти наизусть.

Это потому, что у него была «феноменальная» память. Так сказала учительница в школе. Учительницу звали Мария Ивановна, она была очень добрая, дети называли её Маруся.

А Костю называли Костей в честь деда. Дед умер молодым, до самой смерти был красив и статен, а ещё он был архитектор. Да и по портрету видно – важная птица.

Портрет деда Кости висел у бабушки Ольги Ивановны на втором почётном месте. На первом почётном была тёмная икона. Икона была тёмная по краям, а изнутри – будто свет, оттуда, где божеское лицо и, особенно, глаза.

Маленький Костя боялся, что если долго на икону смотреть, то его туда обязательно «затянет» и он пропадёт.

Однажды Костя действительно чуть не пропал – мама рассказывала – в эвакуации она его чуть не потеряла. Сошла на станции за кипятком, а поезд вдруг тронулся. Успела.

Умер дед Костя задолго до войны, от пневмонии, это такая болезнь, когда в Волгу весной падаешь, потому что яхта перевернулась.

Что такое яхта Костя уже знает, и когда вырастет – выучится на архитектора и тоже будет на яхте ходить.

– Костя! О чём мечтаешь? Выходить пора.

Мама, в телогрейке и сером платке вокруг головы и шеи, похожа на уточку. Она смотрит на него усталыми глазами.

А он и сам не знает – о чём мечтает. Или знает?

Вся беда в том, что мысли у Кости бегут так быстро, что одна всегда обгоняет другую, и пока тот, кому он вопросы задаёт, только репу чешет, Костя уже сам себе отвечает.

Зато он в шахматы весь двор обыграл, а двор – это безногий дядь Паша, Филька-вор и Абрам Плешивый. Кстати, Плешивый – вовсе не прозвище, а фамилия. И Филька никакой не вор, а наоборот, хороший человек. А дядь Паша ноги на войне потерял – так мама сказала. Он с тех пор на доске катается, а в руках «утюжки».

Как можно потерять ноги, Костя не знает, но догадывается, и старается про это не думать, потому что боится того, что страшно и больно.

– Ты зачем на работу ходишь? – спрашивал бывало маленький Костя у мамы.

– Людей лечить, – отвечала она.

– А это страшно? Это больно?

– Иногда да, – говорила мама.

– Тогда я не хочу тобой работать, – подумав, заявлял Костя, – И папой не хочу, потому что папа далеко и в лагере. Можно я, когда вырасту, буду работать дедушкой Костей?

– Можно, – отвечала мама и вытирала слёзы.

Плакала мама редко, только когда Костя про папу спрашивал. Поэтому он старался часто не спрашивать.

А однажды испугался, что папы вообще на свете нет и никогда не было, а все рассказы про плен и лагерь – выдумка, чтобы не так обидно. Тогда он пришёл к маме, помялся и промямлил:

– Mam, скажи...

– Да, – подняла она голову.

Все уже спали – и бабушка под своей иконой, и папина сестра с дочкой Леночкой.

Леночку дома звали Манюней, она была смешливая и кудрявая, и Костя очень её любил и мечтал, что они, когда вырастут, то поженятся, но сейчас ему было не до Леночки.

Мама сидела, согнув плечи, перед ней на кухонном столе было разложено её старое зимнее пальто.

– Что ты шьёшь? – перебил он сам себя, не потому что мысль убежала, а потому что не решался про то, другое.

– Пальто тебе на зиму, – ответила она коротко и снова наклонила голову.

– Это хорошо, – кивнул он.

Помолчал, постоял рядом.

– Это хорошо, – повторил, – Значит, мы сможем зимой к папе поехать.

Так появилась эта идея – поехать к папе.

Мама тогда охнула, а потом подхватила его мысль, прижала к себе крепко – и Костю, и мысль его, и засобиравшись.

Собиравшись долго, на дорогу нужны были деньги и спирт, про деньги Костя знал, а про спирт нет, но однажды увидел, как принесли с улицы замерзшего дядь Пашу, и мама тогда сказала:

– Спирту напился, чуть не помер.

Костя побоялся спрашивать у мамы, зачем ей в дорогу такой опасный спирт, от которого можно запросто умереть, он спрягал этот вопрос, как и многие другие, поглубже в свою голову, чтобы спросить у папы. При встрече.

Про эту самую встречу он часто думал по ночам, прежде чем заснуть, всё лежал и представлял, представлял. Косте отчего-то казалось, что папа ростом до потолка, а ещё – знает ответы на все вопросы.

Осень и зиму мама работала так много, что похудела и посерела, и Костя стал бояться, что когда они приедут к папе, то папа её не узнает. Но тогда он не узнает и Костю, ведь в последний раз они виделись в тот самый день, когда началась война, а с тех пор прошло десять лет.

Минула зима, и однажды вечером, когда весна уже совсем полоскала небо в лужах, а воробьи за окнами просили хлебных крошек, мама объявила домашним:

– Мы с Костей едем к Бореньке. В Воркуту.

Все замерли и замолчали.

И дети в классе замолчали, и даже Маруся запнулась и покраснела, когда на следующий день в школе Костя объявил, что скоро едет к отцу, в лагерь.

Так Костя понял, что лагерь – это стыдно. Но почему – он пока ещё не знал.

– Спрошу у папы, – подумал Костя, – Про спирт, про стыдно, и про всё остальное тоже.

Костя спрыгнул с подножки поезда, толстый узел небольно ударил его по спине, проводник загромыхал железной дверью, больше в вагоне никого не осталось. Костя вытянул шею, огляделся, но не увидел ничего, напоминающего вокзал. Он разочарованно выдохнул, изо рта вылетело ледяное облачко.

– Мама, – потянулся он за матерью, семенищей с чемоданом вдоль перрона, – А где весна? В Воркуте весны не бывает?

– Наверное, не бывает, – пожала она плечами, – Пойдём скорей, нам к начальнику вокзала надо.

Потом было долгое ожидание, какие-то люди в форме, но без погон, сам начальник, низенький человек с глазами, спрятанными под фуражкой, а ещё были бумаги, очень много жёлтых листов с печатями и – наконец – первая склянка со спиртом, которую мама пододвинула начальнику, а тот её спрятал.

Костя знал, что у них с собой три такие склянки, мама сказала, что они «на вес золота».

Единственная золотая вещь, которую Костя однажды видел – это часы дедушки Кости, похожие на сияющую луковицу, только их давно обменяли на хлеб и сахар, ещё тогда, когда Леночка заболела и чуть не умерла.

– Костя!

Оказывается, мама давно его окликает, а он, как всегда, задумался и...

– Костя, – подбежала она к нему, запыхавшись, – Пойдём скорей. Тут машина. Нас возьмут. Я договорила. Погоди, – она оглянулась по сторонам. – А где твой узел?

Костиного узелка действительно нигде не было, мама сначала всплеснула руками, потом их заломила, потом зашмыгала носом и заметалась по залу ожидания. Хмурые люди вокруг посмотрели на маму с подозрением и прижали к животам свои собственные узлы. Костя стоял, понурив голову, ждал, когда мама начнет его ругать, пытался вспомнить про узел, где он его потерял, но в голове кучерявился туман и мелькали вкусные мысли.

Туман был похож на облачко, которое вылетало из мамного рта с каждым причитанием.

Вкусные мысли были о горячем, пусть даже несладком чае, и куске хлеба, лучше чёрного, лучше с солью.

Надо же, как здесь холодно.

– Гражданка, это не ваше случайно будет? – раздался голос, вроде тихий, но отчего-то его все вокруг слышали.

Костя оглянулся. К маме подошёл крепкий человек в телогрейке и высоких армейских сапогах, глаза у него были серые, а голова совершенно лысая. В одной руке он держал Костин узел, в другой толстую папку с бумагами. Мама схватила узел, прижала к себе, и теперь стояла перед мужчиной, смотрела на него, будто чего-то ждала.

– Спасибо, – это Костя догадался подойти и сказать то, что хотела выговорить мама, но почему-то не могла.

Мама кивнула, все ещё молча.

– На здоровье. Вы его в кабинете начальника станции забыли. Я за вами зашёл, увидел.

Мама снова кивнула и заплакала, но тоже молча. Мужчина посмотрел на Костю, пожал плечами:

– Ну я пойду. Береги мать, малец.

Повернулся и вышел из зала ожидания на улицу. Только лысая голова мелькнула, а потом и она пропала в клубах то ли морозного воздуха, то ли дыма.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В машине было тесно, пахло махоркой и сильно трясло. Между кузовом и брезентом виднелись незатянутые щели, в них забивался ветер с мелкими снежинками, будто тоже спешил по делу, может быть, даже секретному.

– Ты только никому не говори, куда мы едем, – сказала мама перед отъездом, – Это секрет, понимаешь?

Костя тогда кивнул и не признался, что уже проболтался в школе.

– А почему секрет? – спросил он, и глаза его загорелись, – Мы с тобой разведчики, да?

– Не совсем. Но похоже, – абсолютно серьёзно отозвалась мама и поджала губы, чтобы не рассмеяться.

Костя очень любил смотреть на мамино лицо. Оно было красивым и разным. Как будто книгу читаешь.

Книги для Кости были чем-то вроде еды – он про них постоянно думал.

Самая любимая, конечно, это про Монте-Кристо – во-первых, история интересная, а во-вторых – хорошо кончается, а в-третьих, этот самый Монте-Кристо очень похож на Костиного папу, потому что сильный и добрый.

В последнее время Косте читать было нечего, книги, которые были в школьной библиотеке, он давно перечитал, а то, что было дома, ушло в печку.

Печка, у них была знатная, звали её «буржуйка», – однажды мама пригатила откуда-то покорёженную гору железа, а дядьПаша сказал «сгодится», починил, заставил гореть, да ещё и украсил стену за ней разноцветными плитками.

ДядьПаша умел делать своими руками всё, кроме еды. Даже фокусы показывал, причём такие, что ни в одном цирке не увидишь. Недаром взрослые говорили, что у дядьПаши на каждом пальце по глазу. Всё-таки хорошо, что дядьПаша на войне ноги потерял, а не руки. Иначе кто бы им такую знатную печку соорудил?

Кузов встряхнуло, Костя прижался к тёплому маминему боку и заснул.

Сны Косте снились редко и в основном про еду, а в этот раз приснился отец. Будто стоит он перед Костей, руки широко раскинул, вот-вот подхватит и к себе прижмёт. Высокий и сильный, такой сильный, что от него теплом пышет. На отце сапоги армейские и тулуп белый, с овчиной внутри, как у того лысого мужика, что узелок Костин на вокзале нашёл. Костя и рад бы навстречу отцу побежать, а ноги будто в землю вросли, он смотрит вниз и видит, что это не земля, а что-то чёрное и блестящее.

– Уголь, – догадывается Костя, силится двинуть ногами и не может, прирос, так прирос, будто всегда тут стоял, с самого своего рождения.

Про уголь ему мама рассказывала. Один раз, когда Костя уж слишком пристал с расспросами, она сказала, что отец с товарищами живёт далеко, на севере, в таком лагере, где уголь добывают.

– А что такое лагерь?

– Дом большой. Деревянный.

– А что такое уголь?

– Чёрное золото.

– И много его надо? – никак не мог уговориться Костя.

– Угля-то? – усмехалась мама и складывала губы в горькие складки, – Немерено. Пока весь из земли не достанут – не успокоятся.

– Кто не успокоится? – продолжал он её теребить, – Товарищи его?

– Товарищи, – соглашалась мама и отворачивалась, чтобы слез не показать.

Костя дёргает ногами – нет, не отпускает его чёрный уголь, он закусывает губы от досады, поднимает голову, оглядывается, хочет позвать отца на помощь, но того уже нет. Только вдалеке старик какой-то идёт, сам сторбленный и ноги еле волочит. Не отец. Совсем не отец.

Костя открывает рот и собирается закричать, но тут машину встряхивает в последний раз, он просыпается, и крик остаётся в горле.

Машина остановилась, люди вокруг зашевелились, стали вылезать из кузова.

Бр-рр, ну и холодно здесь, ну и серо.

Костя выпрыгнул, ноги увязли в чёрной жиже, это был снег, смешанный с угольной пылью, узел толкнул в спину, будто хотел поторопиться:

– Иди уже скорей, папка ждёт.

Костя пристроил свой шаг к мамину, и они побрели по вязкой каше, и каждый думал о своём. Мама – о папе. Костя – о печке, той самой, что осталась дома, вот бы сейчас ладошки прислонить к её боку, эх и бока у их буржуйки, такие горячие, что кусают, зато стена за печкой – вся в пёстрых плитках, есть среди них одна – с развесёлой птицей.

Плитки эти называются изразцы, так бы стоял и разглядывал узоры без конца, особенно если только что с улицы прибежал, набегался, нос и щёки ещё ледяные, а мысли уже тёплые.

Они шли так долго, что Костя устал думать про печку, начал смотреть по сторонам.

Снега, несмотря на весну, было много, казалось, что он никогда не растает. Рядом шагали те, с кем они вместе ехали в машине. Это были военные в полушубках, но без оружия, они шутили и переговаривались между собой, курили да сплёвывали, у некоторых было с собой непонятное Косте снаряжение, в основном катушки с проводами.

– Мам, – спросил он негромко, дернув её за рукав, – Мам, а это кто? Тоже разведчики?

– А то, – весело отозвался тот, кто шагал рядом.

Костя задрал голову.

Говоривший подмигнул ему весёлым чёрным глазом.

– Связисты мы, – громыхнул он сильным голосом, – А связисты – самые главные разведчики, так и знай.

Костя повеселел, и уже хотел спросить про отца (*папка мой, зовут Борис, слышали?*). Но тут впереди показалась тёмная колонна.

По деревянному настилу, отгороженному колючей проволокой от Кости и остального мира, шагали люди, казалось, что это грачи – с лицами чёрными и острыми, как клювы, с крыльями, сложенными за спиной, раз, два, раз, два, разговорчики.

Их было много, так много, что они не кончались, идти им ещё очень долго, вон до той деревянной вышки вдалеке, до низких домов вокруг, до собачьего лая из северной пасти, до осколков морозного воздуха, а может, и ещё дальше, туда, где снег из чёрного превращается в белый и никогда не тает.

Люди-птицы прошли мимо тихо, будто тени, пропали в клубах морозного воздуха. Костя хотел спросить у мамы, кто это, но не успел, потому что они, оказывается, добрались до нужного места, мама толкнула скрипучую дверь, в нос Косте ударил запах пота и махорки, а ещё будто кто-то разлил крепкий чай и пару лет не вытирал.

– Товарищ Буров! – мама говорила так тихо, что стала меньше ростом, – Товарищ Буров, мне сказали, чтобы я обратилась именно к вам.

Человек, стоявший напротив, разглядывал их и хмурился. Он был в гимнастёрке с красными погонами, Костя такую форму никогда не видел.

– Неужели генерал? – удивился он.

Очередная склянка со спиртом стояла на столе, рядом лежал свёрток, Косте не было видно, что в нём, но он догадался: деньги.

– Правильно сказали, – ответил хмурый человек неожиданно тонким голосом, – Только обстоятельства изменились. Три дня. У вас есть три дня. Жить будете у Савишны. Я покажу.

«Нет, не генерал, – подумал Костя. – У генерала голос должен быть толще».

– Свидание устроим завтра, – продолжал краснопогонник, – Придёте сначала в отдел кадров, будто на работу устраиваетесь. Оттуда вас проведут в нужное место.

Мама хотела что-то сказать, но губы её не слушались. Тогда она просто кивнула.

Буров запер в сейф спирт и деньги, накинул полушубок, Костя подхватил свой узел, и они вышли втроём за дверь, где снег скрипел, а воздух заворачивался в белые клубки, забирался на далёкую сторожевую вышку, таранился ледяным глазом на голую тундру, на низкие плоские дома, на людей, похожих на чёрных птиц, а заодно и на самого Костю.

«Эх, скорей бы стать взрослым, – подумал он, – И чтоб погоны красивые, сапоги со скрипом и тёплый тулуп».

А печка – что? Построит он печку, не хуже, чем дядь Паша, отчего нет? Лишь бы сейчас согреться. Лишь бы приложить заочневшие ладошки к пёстрым плиткам... есть среди них одна, с развесёлой птицей...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

– Будто ты не знаешь, что в Хановее творится. А всё потому, что кто-то сильно умный распорядился «мужиков»¹ с блатными в одни бараки поселить. Им теперь своих вохровцев не хватает, чтобы недовольных усмирить, из Москвы отряд прислали. Смотри, и до нас докатится.

Из-за неплотно прикрытой двери, обитой дерматином, доносились рассерженные голоса. Один тонкий – это, конечно, Буров. Другой – знакомый вроде, но откуда у Кости здесь знакомые?

– У нас, в Речлаге, всегда спокойно было, – продолжал тот же голос, – А всё почему?

Буров что-то ответил, Костя не расслышал.

– Нет, не поэтому, – ответил ему тот, другой, – А потому, что людей сюда привозят, чтоб работали. А если над ними издеваться, кто в забой пойдёт? Ты, что ли?

Слышно было, что Буров в ответ повысил голос, но слов не разобрать.

– Мне главное, чтобы шахта уголь давала, – сказал будто отрубил его собеседник, – И угрожать мне не надо. Не из пугливых. Дальше Воркуты не пошлют. А если и пошлют – шахта без главного инженера встанет. Знаешь, кого за это накажут?

Дверь распахнулась ещё шире, из кабинета показался тот самый лысый, которого Костя помнил ещё с вокзала, хлопнул дверью, прошёл мимо, едва не задев полой полушубка, хотел было выругаться, но тут заметил маму. Взгляд его сначала скользнул по ней, потом по Косте.

– Детей-то зачем сюда? – покачал он головой, махнул рукой, и вышел из барака.

Мама с Костей ждали в подсобке уже довольно долго. Буров сказал приходите к десяти, а сейчас на часах было почти двенадцать. Они сидели молча, прижавшись друг к другу, да и о чём говорить, вот разве что:

– Мам, а мам?

– Что, Костя?

– А я когда папу увижу, можно мне его потрогать?

– Я думаю, да, – отвечала она, глядя на Костю серьёзными глазами, – Потрогать – это очень важно.

– А если там собаки?

– Ну и что? – пожалала она плечами и сказала совсем непонятную фразу, – Собаки – не люди, – потом положила ладонь ему на макушку и добавила тёплым голосом, – Да и не будет там никаких собак. Не бойся. Никогда и ничего не бойся заранее, понимаешь?

Костя не понимал, как можно не бояться собак, особенно тех, которые вчера шли рядом с колонной чёрных людей, шли тихо, словно тени, быстро перебирая лапами и опустив головы с острыми ушами к земле.

Костя не понимал, но кивнул, тем более что про собак тоже можно у отца спросить.

– А мы долго с ним будем ну... разговаривать?

Мама посмотрела на него внимательно.

– Даже если и недолго, не это важно.

– А что? Что важно?

Но тут дверь распахнулась снова и на пороге показался Буров.

– А, вы тут уже, – и он скривился, будто у него болел зуб, – Ладно. Ты, пацан, пойдёшь со мной. Скажу, что сын приехал, мыться веду. Душ у нас на территории шахты. А вы здесь ждите, – бросил он маме, затянул ремень на полупшубке и, не оглядываясь, вышел из барака туда, где клубился морозный туман.

Костя вскочил, поглядел на маму.

– Иди, иди, – подбодрила она его, – Всё запомни. Скажи отцу, что я завтра приду. Иди же, ну!

И она взяла его за плечи, повернула к двери, легонько подтолкнула. Костя сглотнул страх и вышел за Буровым.

Сначала они прошли вдоль домов, потом мимо охранников, туда, где начиналась колючая проволока и деревянный настил.

День выдался солнечным, снег сверкал и переливался так, что было больно глазам, вдалеке виднелись горы в чёрно-белых шапках. То ли от солнца, то ли от близкой встречи, но Костя повеселел, он бежал вирипрыжку за Буровым, думал, что скоро в первый раз в жизни увидит отца, ведь то, что перед войной – не считается, ему тогда и двух лет не было, ничего не помнит.

«Хорошо бы отец был похож на этого, который лысый, в полупшубке, – шёл и думал Костя, – И чтоб обязательно высокий, а ещё...».

– Пришли, – Буров остановился, поглядел строго, – Для тех, кто в погонах, если спрашивать будут, ты мой сын, запомни. Проведать приехал. Для остальных – неважно.

Костя огляделся. Вот большая вытоптанная площадка, по краям её – низкие здания, а вокруг колючая проволока и вышки.

В стороне, ближе, чем казалось вчера, те самые бараки, где собаки лают.

«Сейчас там было тихо, видно не на кого лаять, – догадался Костя, – Все на шахту ушли».

– А шахта где? – спросил он у Бурова.

– Вон, – махнул рукой тот в сторону самой высокой вышки, похожей на дом с ногами, – Но нам туда не надо, отец твой снаружи работает.

И добавил зачем-то:

– Маркшейдер он.

Костя подумал, что Маркшейдер это фамилия, и расстроился. У всех ребят в школе были нормальные фамилии, и только Костя был Шварц. Над ним даже смеялись иногда из-за этого. А тут на тебе – Маркшейдер. Опять не по-русски. Неужели и над отцом смеются?

– А как вас зовут? – спросил он робко.

– Товарищ Буров я, – ответил тот, – А тебе-то что?

– Ну если спросят, чей я сын, то как отвечать? – сказал Костя и ещё больше оробел от того, что Буров не понимает простых вещей.

– А-а-а, вот ты про что, – усмехнулся тот, прищурился, – Надо же, головастый. Все вы тут, – он зло сплюнул в грязный снег, – головастые шишко. Ладно. Евсей я, запомнишь? Папка Евсей.

Костя кивнул. Имя ему не понравилось. Мутное. То ли дело Борис. Настоящее, отцовское. Ну, когда уже?

Буров толкнул дверь.

Они зашли в полутёмное помещение, вот коридор, ещё одна дверь, потом ещё, и, наконец, в самом конце – длинная комната, похожая на пенал, вдоль стен стоят деревянные столы, за столами сидят люди в чёрных телогрейках, низко наклонились, что-то чертят что ли, не поймёшь, через окна пробивается холодный солнечный свет, освещает худые лица, разложенные на столах карты, бумаги.

Буров остановился на пороге, а Костя, из-за того, что шёл быстро, еле поспевая за провожатым, да ещё руками размахивал, вместо того, чтобы остановиться, выскочил на середину комнаты, да там и застыл.

– Вот. Привёл. Вернусь через час. И чтоб без глупостей, – Буров выплюнул слова, повернулся, вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Люди, сидевшие за столами, начали тихо вставать, медленно подходить.

Лица у них были одинаковые, и Костя стал гадать, кто же из них поведёт его дальше, к отцу.

Он молчал, оглядываясь, страшно не было.

– Костя?

Голос был хриплый и, наверное поэтому, сорвался.

– Костя? – откашлялся и повторил голос.

Костя оглянулся и поглядел на человека, который подошёл к нему ближе всех. Человек улыбнулся криво и робко, Костя увидел, что у него нет двух передних зубов. Зато глаза добрые. Тонкая шея с острым кадыком, чёрные пальцы. Да и роста небольшого, значит, не отец, а то уж Костя чуть было не расстроился.

– Я папу ищу, – сказал Костя, решив, что беззубому можно довериться, – Зовут Борис. А фамилия трудная, я не запомнил.

– Шварц моя фамилия, – усмехнулся тот, – Как и твоя, сынок. Ишь, как ты вырос.

Костя хотел помотать головой и убежать, но застеснялся, да и некуда.

Буров сказал, что придёт через час. Скорей бы.

Потому что тут ошибка вышла, и это вовсе не его отец, ну не может быть, чтоб его. Маленький, серый, без зубов. Да какой же это папка?

Человек подошёл ближе и протянул руку, дотронулся до Костиного плеча.

«Потрогать – это очень важно», – вспомнил Костя мамины слова и вдруг заплакал.

– Ты поплачь, поплачь, – услышал он голос беззубого, – Это ничего. Это помогает. Потом всегда легче. Как мама-то? Тоже, небось, плачет?

Костя помотал головой.

– Нет, – зачем-то соврал он, а потом спросил, – А ты и правда мой отец?

– Правда, – ответил беззубый.

Костя вытер глаза и снова огляделся.

Люди с тёмными лицами стояли поодаль молча.

– Своих сыновей вспоминают, – догадался Костя.

«Не такой уж он и низкий, – подумал Костя, не глядя на отца, – Нормальный рост. Не ниже, чем вон те, другие».

Потом шмыгнул носом и произнёс:

– Скажи, а библиотека у вас тут есть?

– Есть, – кивнул отец, – А зачем тебе?

– Не знаю, – смутился Костя, – А книг много?

– Много, – усмехнулся тот, – Людей-то много приехало. Каждый привёз одну, свою любимую.

– А ты какую привёз? Твоя – какая любимая? – спросил, всё ещё стесняясь, Костя.

Отец пожал плечами.

– Да я уже и не помню.

– Как не помнишь? – вдруг заволновался Костя, – Разве у тебя не это... Не феноменальная память?

Если ты мой отец, то должен быть весь в меня.

Мужики вокруг заулыбались.

Отец тоже усмехнулся.

– Феноменальная. Точно.

Тут дверь распахнулась и на пороге снова появился Буров.

– Проверка из Москвы, – сказал он, оглядев всех в комнате, – Быстро по местам. А ты, – обратился он к Косте, – Пойдешь со мной. Возвращаемся.

Костя вцепился в отцовский рукав и заставил себя поглядеть в совершенно незнакомое лицо.

– Ну? Вспомнил?

Отец обнял его, прижал на секунду к себе, замер.

И уже потом, когда Костя выходил, крикнул ему вдогонку.

– Вспомнил! Монте-Кристо! Моя любимая книга – «Граф Монте-Кристо».

Костя кивнул, удовлетворённо выдохнул:

– Точно отец.

И выскочил на улицу, где воздух был такой холодный, что его можно было резать ножом, а горы переминались с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть, и побежал к маме, чтобы упросить её приехать сюда ещё раз.

А самое лучшее – не уезжать совсем.

¹ Мужиками блатные называли политзаключённых.

ЕЛЕНА ВАДЮХИНА

МЕЛОДИЯ СТАРИННОГО РОЯЛЯ

рассказ

«Как чудесно жить на набережной!» – думала Людмила обо всех тех счастливицах, кто мог ежедневно созерцать Влтаву из окна. Каждый раз, выбираясь в Прагу из своего маленького посёлка, она неизменно восхищалась красотой старинного города, открывая новые для себя места. Набережная была полна серебряным светом воды, свежим речным воздухом, мягким октябрьским солнцем, согревающим землю из-за лёгких молочных облаков, медным и золотым цветом деревьев и кустарников. Мостовую украшал узорчатый ковёр из разноцветных листьев. Осень впервые в жизни казалась ей самым прекрасным временем года. Радости прибавляло и предстоящее событие. В течение месяца Людмила искала фортепиано за умеренную цену. По своей первой специальности женщина была преподавателем по классу фортепиано. Год назад она вышла замуж и переехала к мужу в Чехию из России. Ей, наконец, удалось найти работу педагогом в музыкальной школе, подтвердить свои дипломы, сдать экзамен по языку. Оставалось только купить фортепиано. Она располагала небольшой суммой, поэтому занималась поисками только подержанных инструментов. Людмила уже перепробовала много различных пианино, но звучание оставляло желать лучшего, и пока она затруднялась сделать окончательный выбор. Вдруг неожиданное предложение – старинный рояль за вполне за умеренную цену, даже, можно сказать, мизерную для такого инструмента. Предвкушение встречи со старинным фортепиано, прибавляло ей радости. Людмила остановилась у перил набережной, засмотрелась на белых лебедей, повторяющихся в волнистом отражении воды. Удивительно! Почему эти прекрасные птицы предпочли жить в огромном мегаполисе? Видимо, Прага так прекрасна, что они сочли этот город достойным лебединого царства. Людмила специально не всматривалась в особенности архитектуры каждого дома, она воспринимала красоту череды домов, построенных, в основном, в стиле модерн, как естественное продолжение Влтавы. Конечно, она искала нужный ей дом по цвету и номеру, как описала ей хозяйка рояля, но это не мешало её восприятию общей гармонии города. Вот, наконец, дом, где её дожидается рояль. Она подняла голову, посмотрев на эркер. Может быть, рояль стоит там? Лестница в доме, фикусы на лестничных площадках и витражи на окнах – всё было в стиле ар-деко. Невольно Людмила представила, что она попала в начало прошлого века, и сейчас её встретит дама в шёлковой шали, вышитой в русском стиле, с папиросой в изящной руке.

Действительно, это было провидение: шаль на встретившей её женщине была шёлковой, с изящной вышивкой, и причёска каре вполне соответствовала стилю ар-деко. Но в остальном дама была одета современно и спортивно. Видимо, домашний вариант. На Людмилу со стен смотрели многочисленные картины – натюрморты с цветами и пейзажи, выполненные в технике акварели по мокрой бумаге. Людмила воспринимала всё как продолжение сказки. Её окружили сирень, гортензии, флоксы, морские закаты и рассветы. Хозяйка была художницей. Сначала сияющая мягким светом набережная, потом старинный подъезд, а теперь квартира – всё радостно подводило её к главному призу – роялю. Чёрный рояль позапрошлого века, сделанный венским мастером. С разрешения хозяйки Людмила села за рояль, подняла крышку с выгравированным названием чешской фирмы – филиала венской. Любимый с детства композитор Бетховен, дважды посещавший Прагу, сделавший рояль королём больших сцен, зазвучал среди царства цветения сирени, черёмухи, яблонь и морской пены бегущих волн. Когда Людмила перешла ко второй части Патетической сонаты, она ощутила каждой клеточкой своей души, что рояль ожил под её пальцами. Рояль имеет свой голос, но не может сам ничего поведать миру, ему нужен пианист, чтобы всколыхнул его душу и дал возможность пропеть то, что может пропеть только он. Каждый рояль неповторим, и Людмила чувствовала, как этот старинный инструмент томился от долгого безмолвия. Художница стояла потрясённая музыкой, так гармонично соответствующей её живописи, и неожиданно (да! сказка продолжалась!) предложила своей гостье взять рояль в подарок. На все доводы Людмилы, что такой инструмент нельзя отдавать задаром, та заверяла, что ей он тоже достался в подарок от одного врача для её дочери. Сейчас на нём никто не играет, и она рада тому, что инструмент, наконец, нашёл достойную хозяйку.

Разве такое может случиться в жизни? Такое бывает только в сказке! Через два дня Людмила перевезла старинный рояль домой. Его поставили в самой большой комнате дома, и он как будто присматривался, будет ли ему хорошо, надолго ли он здесь останется. Теперь Людмила ощущала его как живое существо. Ещё с раннего детства она запомнила твёрдое наставление настройщика её первого пианино: заботясь о своём инструменте, ты заботишься о своём здоровье, надо вытирать пыль со всех деталей инструмента снаружи и внутри. Новая хозяйка приступила к уходу за своим новым другом, так она его называла. Она пропылесосила инструмент под большой крышкой. Потом мягкой салфеткой протёрла рояль под передней крышкой. Она представляла, как мастер скреплял все детали, всё было сделано с такой аккуратностью и тщательностью, которой невозможно не восхищаться. Неожиданно её рука натолкнулась на некий клочок бумаги справа от пропитра. Женщина осторожно извлекла его из-под выступа. Это был пожелтевший листок, сложенный в несколько раз. С волнением Людмила развернула его. На чешском языке она прочитала строки, написанные лиловыми чернилами явно детской рукой. Строчки были кривыми, многие слова были исправлены, некоторые исправленные и неисправленные слова написаны с ошибками, не хватало запятых. На листке две кляксы и пятна, видимо от испачканной чернилами ладони. Она прочитала текст несколько раз прежде, чем разобрала все буквы и поняла его полностью:

«Мамочка и папочка! После школы нас ждали родители, мамы плакали, так как в Прагу вошли немцы. Мама, тебя не было, я пошёл к учительнице музыки, потому что ты сказала, что я не должен пропускать урок музыки, даже если будет конец света. Хотя крутом были немцы. И улицы были перекрыты, а трамвай не ходили, но я дошёл. Пани Хана очень волновалась и спрашивала, сможет ли мой папа устроить ей выезд за рубеж. А когда я пришёл домой, то увидел пломбу на двери. Я испугался, и позвонил в дверь тете Элишке. Она меня накормила и спросила, где мой папа, а я сказал, что в командировке в Пльзене. Она сказала, что я должен идти в комендатуру, но если я боюсь, можно поехать к каким-нибудь родственникам, так как мою маму арестовали немцы. А в квартиру заходить нельзя, и дворнику на глаза лучше не попадаться, а то отведёт в комендатуру. Я спросил, где наш Бобик, а она говорит: «Не знаю», но я почувал недоброе. Тетя Элишка мне дала пять крон на дорогу, и сказала, что больше дать не может, так как время сейчас такое. Возможно, она больше не получит пенсию. Я вышел на улицу и стал искать Бобика, я звал его и долго ходил по дворам. Но его нигде не было, а потом я вернулся, потому что я не помнил адрес дяди, и ещё я очень замерз, было очень сыро. Я открыл дверь, а пломба оторвалась. Свет не включал, а зажёл свечку. Всё оказалось перевернуто и разбросано, но деньги в рояле они не нашли. Деньги я взял, а сюда кладу записку. Я надел свитер, нагрел чайник и выпил горячей воды. Телефонную книжку я не нашёл, но нашёл открытку от дяди Томаша с адресом, я пойду на вокзал и поеду к дяде. Мамочка, папочка, я вас люблю. Я вас буду ждать у дяди Томаша. Мне очень страшно. Папа, приезжай за мной! Саша. 15 марта».

Мысли в голове Людмилы плыли одна за другой, она не могла уже ни на чём сосредоточиться. Вот какую тайну хранил рояль! Но ведь записка оставалась здесь, значит, родители не взяли записку, и сам Саша не вернулся. Что с ним стало? И что стало с его родителями? Нашёл ли он дядю Томаша? Вернулся ли отец из командировки? А мать? Что сделали с арестованной женщиной? Сколько ещё тайн хранит рояль? Предметы, созданные человеком, переживают человеческий срок. «Я живу среди вещей, созданных другими людьми, ушедшими из жизни, – такие мысли приходили женщине в голову. – На стене висит картина. Что стало с художником, создавшим её? А мастер, создавший рояль? Как он жил, как умер? Сколько рук играли на этой клавиатуре, многие из них уже в ином мире, и, может быть, о многих из них все забыли. И только рояль о них помнит». Людмила села за рояль, она играла и играла, и ей казалось, что каждый из прежних пианистов, игравших на нем, рассказывал в звуках свою историю. Она никогда не узнает историю Саши. Она даже не знает его фамилию. Всё, что ей известно, это его имя, и имя его дяди. Саша писал её в первый день оккупации 15 марта 1939 года. Как знать, Саша, мог дожить и до наших дней и сейчас вспоминает о своей записке. Может быть, его нет в живых, но где-то живут его дети, внуки, правнуки. Но как их найти? Послание рояля оставило её в размышлениях о судьбе одинокого мальчика посреди оккупированного города.

Девятилетний Саша шёл по уютному холодному и неожиданно ставшему враждебным городу, небо было в тучах, и стемнело рано. Он знал примерно, как надо идти к вокзалу, хотя раньше никогда не добирался до него пешком. Мальчик передвигался дворами, стараясь идти параллельно улице, так было спокойнее, и больше вероятность найти Бобика, если немцы прогнали пёсика во двор. Мама, его любимая мама не выходила из головы. Утром она кому-то отвечала коротко по телефону, с тревогой глядя на сына, спешно одевалась. Она сказала Саше, что если её вдруг дома не будет, когда он вернётся, дома будет записка на его письменном столе, и чтобы он не забыл поесть, обед на кухне. Папа в последнее время говорил, что её дела до добра не доведут, и они ссорились по этому поводу. Записки на столе не было. Вчера вечером мама импровизировала на рояле. Милена, так звали маму, очень тревожилась по поводу сдачи страны немцам и написала какую-то статью в газету, она была журналистом. Она всё ещё

боролась с проклятым Гитлером, но всё уже было бесполезным. Всё решалось иностранными политиками, отхвачившими для своих государств по куску или получившими гарантию ненападения. Саша мало в этом разбирался, он сидел за письменным столом, делал домашнее задание по арифметике и слушал, как мама играла на рояле. Она сочинила трогательную и тревожную мелодию, и долго импровизировала, рождая всё новые и новые вариации на неё. Мама сочиняла часто, и никогда не возвращалась к прошлой импровизации, а сочиняла что-то новое. Сейчас в холодной Праге с мокрыми мостовыми эта последняя композиция звучала и звучала в Сашиной голове. Мальчик споткнулся в темноте и упал, разбив ладони, заплакал, как маленький, скорее от душевной боли, чем от боли в коленях и ладонях. Внезапно он понял: Бобика больше нет, немцы убили его. И что они сделают с мамой? А папа? Он, наверное, поможет, он должен помочь. Папа был инженером, уважаемым человеком. Папа был русским, вернее, не совсем русским. Он приехал из России, когда там была революция, но он был только на половину русский, а мать его, Сашина бабушка, была наполовину армянкой и наполовину гречанкой, впрочем, бабушку он никогда не видел, она жила где-то в Советском Союзе. Другое дело мама, она была чешкой, у неё всё понятно, но бабушки по маме у Саши тоже не было, она умерла, когда его мама была ещё маленькой, зато у мамы был старший брат, к нему-то и собирался ехать наш мальчик. Дядя Томаш хороший, он учитель и знает много детских стихов. Он Саше объяснит, как им дальше жить. А вдруг его тоже арестовали? Чем больше Саша думал о маме, о Бобике, о немцах, тем больше через слёзы горечи к нему приходила ненависть. Хотелось запустить камнем в холёные лица фашистов. Саша схватил камень, лежащий во дворе, и представил, как он бросил бы его в маминих обидчиков. Вдалеке послышался собачий лай, похожий на лай Бобика, сердце вздрогнуло от надежды, и Саша устремился на звуки. Неожиданно он услышал окрик на немецком языке: «Июдас, ком е!». Саша знал чуть-чуть немецкий, но он даже не понял, что солдат обратился к нему. Хотя у Саши была только малая доля армянской и греческой крови, всё-таки черты его лица не походили на славянский тип, и в темноте его могли принять за еврея. Но ему такая мысль не пришла в голову. Он продолжал спешить в сторону лая, но окрик повторился, солдат направлялся к нему. «Я не еврей», – ответил Саша по-чешски, солдат что-то зло закричал, Саша побежал от него, тот за ним. Ненависть к немцам, что переполняла его, вылилась в ненависть к этому конкретному немцу, и он кинул камень, который всё ещё сжимал в руке, в противное лицо солдата. Саша хорошо умел бросать теннисные мячи, играя во дворе, поэтому ему удалось попасть немцу в глаз, тот завопил от боли, а мальчик опять бросился бежать. Раздался выстрел. Саша почувствовал удар в спину и упал, и только потом почувствовал боль в спине и груди. Над ним была тёмная стена арки дома, он услышал мамину мелодию, – она лилась из тонкого луча света, протянувшегося ему из темноты, в ней уже не было тревоги, а было только утешение, и она звала к себе.

Подбегавший патрульный солдат выругался. Он попробовал пульс мальчика, опять выругался. Он не планировал застрелить этого ублюдка, просто припугнуть хотел, от болевого шока выстрелил. Он не знал, как отреагирует на это унтершарфюрер. Указание было применять оружие только при вооруженном сопротивлении. Что он скажет? Что на него напал с камнем малолетка, а он не смог его отшлёпать? Переведут в лучшем случае в пехоту, там мозги не за надобностью. Так всё хорошо начиналось: эти придурки без боя сдались, выложили все оружие, полицию распустили. Правильно, говорит фюрер, недочеловеки, а тут какой-то ублюдок-малец глаз разбил, а теперь ещё вздумал трупом стать. Солдат со злостью пнул ногой труп, посмотрел во двор: никого, – окна ближайшего дома, выходящие сюда, были темны. Глаз дико болел и начинал заплывать. Приложив фляжку к глазу, солдат пошёл за мотоциклом, положил труп в коляску, закрыв шинелью, благо маленький, не заметят. Солдат доехал до ближайшего парка, закопал труп, действуя сапёрной лопатой. Обошлось: ни разу по дороге не остановили, в парке, конечно, пустота. Теперь пора пост сдавать, – успел.

Приехавший из командировки отец Саши, тоже Александр, смог войти в квартиру только после допроса в комендатуре. Рояля дома уже не было. Его конфисковали для клуба, предназначенного для офицеров. С женой он не смог увидеться, она была в концлагере. В сорок третьем Милену застрелили при попытке к бегству во время полевых работ. Александр до конца войны проработал в СКД, занимаясь производством танков для германской армии, танков, отправляемых на русскую землю, где, как он ещё надеялся, жила его мать. Во время войны переписка с ней прекратилась. Все попытки найти сына были безуспешны, вечерами он бродил по Праге, втайне надеясь встретить своего Сашу. В первую весну во время этих неприкаянных скитаний по городу он заходил в кафе, так как там можно было сытно поесть, не то что питаться дома скудным пайком по карточкам. Зарплата позволяла. Но там всегда сидели за пивом хохочущие немцы. Слушать их смех было невыносимо. Такое же отвращение вызывали в нём проститутки, к которым он одно время обращался, благо, они были дешёвы. На всех улицах, куда бы Александр ни пошёл, он вспоминал, как когда-то гулял здесь с женой или сыном, или они шли, взяв сынишку за руки, а мальчуган норовил делать кувырки, опираясь на их руки. Почти каждое место вызывало в нём воспоминания, отзывающиеся

болью в сердце. А сердце подводило всё чаще, как и лёгкие, этому способствовало курение, к которому он всё чаще прибегал для успокоения измаявшейся души. В гости коллеги его не приглашали, разговаривали с ним только по работе. Все ходили на завод в чёрных рубашках, в знак траура по свободе Чехии. Он не имел на это право, как инженер и человек, бывший у немцев на подозрении. Да и считал такой протест просто глупым. Там, на его родине, танки, произведённые им, убивают его земляков, и всё равно в какой рубашке они их делали.

Война подходила к концу, уже давно было ясно, что она проиграна Германией, но танки продолжали добросовестно выпускать. Как и всех русских эмигрантов, сотрудничающих с немцами, приближающаяся развязка войны его и радовала и пугала. Как отнесётся к нему советская власть, если советские войска вступят в Прагу?

25 марта 1945 года в вербное воскресенье Александру пришлось выйти на работу, разобраться в неполадках, подозрительно часто происходящих в последнее время. При звуках гудящих самолётов работники кинулись в бомбоубежище, учитывая злополучный опыт бомбардировки 14 февраля, когда пражане не могли поверить, что американцы, которые должны их освободить, будут сбрасывать на город бомбы. Тогда они радостно махали самолётам рукой в знак приветствия, потом начался крошечный ад, погиб 701 человек. Ни один завод не пострадал. Сейчас самолёты сбрасывали бомбы на фабрики СКД. Александр не пошёл в убежище, это был его выбор, выбор человека, вынужденного шесть долгих лет жить против своей совести. Он стал одним из 235 погибших.

Людмила этого не знала и не могла узнать. Измучившись мыслями о мальчике Саше, на следующий день она, чтобы снять смятение души, просто села за рояль и заиграла. На этот раз она не исполняла чужие произведения, она импровизировала. Откуда-то пришла музыка печальная и нежная. Может быть, подсказал сам рояль, помнивший всех и всё. Людмила играла и играла вариации на одну и ту же трогательную тему, которую когда-то сочинила Милена. И ей казалось, что рояль благодарен ей за то, что она помогла ему поведать миру незабытую им мелодию.

ВАЛЕНТИНА ГАЙДАЕНКО

РУЖЬЁ рассказ

Мне купили ружьё... Я давно мечтал о таком, но у моих родителей всё не выпадало случая подарить мне такой подарок. То с отметками в школе подведу, то сорвусь в поведении, то в доме мало помогаю. А тут ещё как назло куда-то задевалось любимое и единственное папино шило. И вот беда, во всём, прямо или косвенно моя вина, хотя я шило в глаза не видел.

– Так о каких подарках может идти речь? – перечислив все мои прегрешения, возмущалась всегда мама, толкая папу в бок, наверное, требуя серьёзной поддержки. А папа, по обыкновению сидя в кресле с любимым его журналом, обычно одобрительно кивал головой, соглашаясь со всем, что в эти минуты говорила мама. Ведь её рассказ с мельчайшими подробностями о моих проделках за день не мог идти ни в какое сравнение с заманчивым и увлекательным повествованием об африканских племенах или о жизнеописании страуса Эму в австралийской саванне.

Но вот, однажды, у мамы на работе организовали воскресную экскурсионную поездку в другой город. Конечно, дебаты о моём присутствии на экскурсии длились долго. Вопрос стоял ребром – брать меня с собой или оставлять дома. Я стоял на кухне с низко опущенной головой и наперёд знал, что мне поставят в вину, и за что я должен быть наказан сидением в выходной день дома. Но я понимал и то, что дома меня одного на целый день не оставят наедине с компьютером и мобилкой, поэтому я смиренно молчал, заранее предвкушая прелесть от поездки выходного дня в круту друзей.

Здесь было всё: и древняя крепость, и музей, и будочки с сувенирами, но главное, ветер раскачивал, подвешенные к козырьку сувенирных лотков новые игрушечные ружья с оптическим прицелом, совсем как настоящие. Тут я снова не выдержал и рискнул просить маму купить мне игрушку.

– Все деньги у папы, – категорично ответила мама, – проси у него.

Я знал, что отец мне откажет, ведь в моей повседневной жизни за это короткое время не произошло никаких кардинальных изменений. Я не стал отличником и не выиграл олимпиаду по английскому языку. Иначе говоря, я не совершил ничего сверхъестественного, что бы могло удивить моих родителей. Мои отметки могли бы желать лучшего, поведение, как всегда, требовалось исправить, ну а помощь маме раз от разу не считалась. Но самое главное, снова куда-то задевалась, на этот раз, любимая папина отвёртка.

И всё-таки звенящая и щебечущая крутом весна настраивала оптимистически. Я рискнул:

– Пап, купи мне, пожалуйста, вот это ружьё, – протянул я, глядя в пол и шаркая ногами.

– Да?! А кто вчера принёс тройк, кто гонял на перемене, кто проколол шину на соседском велосипеде, а сколько мы будем говорить о чистке формы после школы, а когда ты будешь класть всё на место? Нет!

Это был бесповоротный отказ. Отказ человека с твёрдым характером, не бросавшего слова на ветер. Я знал, что мамино «нет» ещё подлежит осмыслению и пересмотру, а папино слово – кремь. И я опустил голову ещё ниже. Горькие слёзы навернулись на глаза. Всё. Так никогда у меня не будет такого ружья. Но тут краем глаза я увидел, что мама, как обычно толкая папу в бок, что-то быстро и возмущённо ему говорила. Я прислушался. Она защищала меня. Она приводила веские доводы в мою защиту.

– Нельзя ребёнку долдонить одно и то же. Он уже привык к нашим нравоучениям и потом... Не забывай, он не девчонка с бантиками, по проволочке ходить не будет. А раз так, то получается, что у ребёнка никогда не будет игрушек?! Вон, посмотри, Николай своему архаровцу каждый раз приносит подарки, да ещё какие! Хотя коэффициент полезного действия от его дитяти очень низкий. В конце концов, игрушки для ребёнка не только знак его поощрения, а определённое развитие его умственных способностей, – протестовала мама.

Я уловил, что мой шанс не потерян. И я стал дёргать за рукав мою защитницу и лепетать что-то несвязное, давая понять, что моё желание не притушилось, а наоборот, возросло ещё больше.

Когда мы были уже далеко от прилавка с игрушками, отец ответил:

– Я подумаю, – и мы снова повернули в сторону сувенирных ларьков. Это была мучительная дорога назад. Я очень боялся, что папа снова раздумает и решение его будет отрицательным. Когда деньги

за моё вожаденное ружьё были заплачены и оно оказалось в руках отца, он внимательно осмотрел новое приобретение и добавил ко всему сказанному, вручая мне подарок:

– Вообще-то мы Партия мира, за разоружение, не понимаю, зачем я купил эту базуку?..

Наконец я стал счастливым обладателем долгожданного ружья. Мне тут же захотелось вынуть его из чехла и придать ему вид настоящего, уставшего от сражений боевого оружия, повесив на плечо. Но папа приказал:

– Никому не показывай, дома будешь играть!

Разве я мог в эти минуты согласиться с ним? Мой внутренний голос говорил: «Как же ты папа, не понимаешь, я же должен поделиться такой новостью с товарищами? Она, моя радость выплещивается наружу и мне трудно её удержать. Это всё равно, что ты маме купил красивое платье, а она ходит в нём только дома...».

Папа, мой прозорливый папа, как будто читал мои мысли. Он резко стал выговаривать рядом идущей маме:

– Вот увидишь, ему это ружьё на два дня... Он не умеет ценить вещи. Я помню... как мне покупали... (тогда было, конечно, другое время), игрушек было мало, но как я берёг их!

Дальше я уже ничего не слушал. Знал наперёд, что сейчас последует длинный перечень положительных качеств чуткой природы моего родителя. Но ведь это он сам говорит о себе. А если спросить мою бабушку, его маму? Наверное, и я буду рассказывать о себе своим детям только благопристойное. Так требует педагогика!

Но пока с моим отцом, лучшим во всём, я соревноваться не мог и не хотел. Я хорошо усвоил мамино утверждение: «Каждый человек с рождения – это неповторимый индивидуум». Она говорила эту фразу довольно часто, то ли успокаивая себя, то ли отца, а может, даже споря с ним. С этими мыслями мы пришли к автобусу. Здесь уже все собрались и ждали только нас, чтобы отправиться в обратный путь, домой. Как дорогого, долгожданного друга встретили меня наши ребята. Все наперебой стали рассказывать и демонстрировать только что купленные им игрушки. Я тоже поделился с мальчишками своим свершившимся счастьем.

– Вот это да! Как настоящее! – причитали ребята, вертя и внимательно рассматривая моё ружьё. В ответ они протягивали мне свои обновки: кто пистолет, кто конструктор, а одна девчонка предложила даже посмотреть куклу с белокурыми кудрями. И только один Сергей, мой друг Сергей, одиноко стоял от нас в стороне, весь надутый, как воробей на холоде. Он даже не глядел в нашу сторону. У него в руках ничего не было. Я понял... ему ничего не купили. Конечно, чему он мог радоваться? Да, как я понимал его в эти минуты.

– Возьми, Серёга, поиграй, ты видишь... сейчас... на память о поездке... мне..., – неловко оправдывался я перед другом.

– Не надо, – угрюмо ответил Сергей и отвернулся. Я видел, как его охватила горькая обида. Эх, если бы он знал, как мне его жаль. Я в тот момент даже подумал, не отдать ли ему это ружьё насовсем. А я буду приходить к нему в гости играть.

Ехали долго, Сергей молчал, глядя в окно. Да и мне, честно говоря, было невесело. Как же я мог радоваться, когда мой лучший друг в печали? «Ну, надо же – ему так ничего и не купили на память. Не уговорил, значит, родителей, – не успокаивался я, – Но почему? Ведь он заслужил, спортом занимается, на Доске отличников у нас в школе...».

Потом мои мысли усаkali в далёкое военное время. И я уже представлял себя ползущим в тыл к врагу. А может, лучше пограничником, обезвреживающим нарушителя. И везде со мной моё новое ружьё. Может быть, всё это я слишком азартно представлял, и потому Сергей, мой долго молчавший сосед и друг, незаметно подключился к моей воображаемой игре. Вскоре весь автобус наполнился имитирующими выстрелы, звуками. Пронеслось громкое «Ура!», «За мной!». И вдруг как будто невидимый дирижёр одним взмахом прекратил эту шумную музыку боя.

В автобусе наступила странная тишина от неожиданно оборвавшейся, замолчавшей стрельбы. Задремавшие за долгую дорогу мамы и папы открыли глаза.

Я стоял, облокотившись о переднюю спинку сиденья, а в руках у меня оставался приклад от моего совсем нового подарка. Дуло с курком держал Сергей, и только внутренняя металлическая пружина, не давала этим двум составным частям разлететься окончательно.

Я, как всегда, не оправдал папиных надежд. Он отвёл мне целых два дня на поломку новой игрушки. Я же справился с этим гораздо раньше. Слов не было, только потухшие растерянные лица детей. Уже за моей спиной я слышал обвинительную речь родителей. И без их устрашающих угроз «...никогда больше...», «...ни за что на свете...», «...я теперь тебе куплю...» в душе моей было мрачно. Праздник кончился. Сергей исподлобья глядел то на меня, то на своих родителей. Он не знал, что делать ему в таком случае.

Неожиданно для всех, разрывая давящую тишину с задних сидений автобуса донеслось громкое: «Ура! Победа! Мир наступил! К чёрту оружие!». К этому призывал Пётр Алексеевич, начальник с маминой работы. О нём ходило много захватывающих рассказов как о бывалом военном, рядовом солдате. Он-то наверняка знал, как спасти ситуацию.

И мы поддались всеобщему ликованию.

Игра продолжалась. Сергей рвал дуло с курком, я приклад. Мы тянули их в разные стороны и наконец, приоткрыв окно, вместе с криком «Победа!» выкинули наше сломанное ружьё на бегущую ленту дороги. Как бы оправдывая свои странные действия, я выпалил: «Не понимаю, зачем делают такие неправильные игрушки?».

На душе стало очень легко. Во-первых, мы победили, а ещё я был честен перед другом. Теперь у меня тоже ничего не осталось в память о поездке. Хотя я часто вспоминаю этот случай с ружьём и наше путешествие в древний город.

ОЛЬГА АНДРЕЕВА

ЧТО КАСАЕТСЯ ЗВЁЗДНОГО НЕБА

Что касается звёздного неба над нами –
так ему фиолетовы наши законы
на отшибе галактики. Тьма ледяная
ржавой медью бликует сквозь летние кроны,
растекается время, и слово не значит
ничего, кроме графики вольно-волнистой,
и придётся учиться тебе, не иначе,
если уж не смиренню – то компромиссу.

Что касается звёздного неба над нами –
мы не видим его, города ослепили
Млечный Путь – и Орла, и Тельца с Близнецами, –
но глядим и глядим, оторваться не в силах,
тают звёзды в тумане, что сахар в стакане –
и уводят умы от сознания тлена,
невозможность приблизиться давит, как камень,
золотой Керулен – воробью по колено,

только небо способно вместить твою волю
и спасает тебя от унынья закона –
наливная покатошь пшеничного поля,
шар скользяще-летающий за кронами клёнов,
там, где нимб городов недоступен для зренья –
не балована признанными именами
под белёсой косой дышит миром деревня
и касается звёздного неба над нами.

Акация прекрасно тяжела,
цвет повторяет гроздь альвеол,
глицинии заботы и тепла
стекают с неба, ласковый Эол
несёт в дома акациевый дух –
цветок раскрыл лилейные уста,
а ты – затеплил за полночь звезду?
А Фауста вторую часть – читал?
А был ли ты в опаловых горах?

То в жар, то в холод, то в вину, то в спесь –
 так от себя устанешь – в сон и в страх –
 счастливый и не помнит, кто он есть,
 ты слишком сложен. Видишь, сотни люстр
 зажгли меж крон. Вступление звучит,
 а лодочный причал, по счастью, пуст,
 и лесенкой вступают скрипачи,

прорвётся скрипка – сорная трава,
 как ни травы,
 как воздух, как вода,
 как ни крути – она таки права,
 Что вдолю по водам блёстками – слюда?
 Сазаны растеряли чешую?
 На доски пирса выйдем подышать,
 я на живую нитку их сошью
 отточенной иглой карандаша.

Не усложняй, не хнычь – живи в раю.

мой утлый чёлн в тумане маября
 уже сквозит и щедрое дыханье
 земли листья удержит так парят
 над миром кроны обескровлен ряд
 акаций тополей во мглы барханы

а всё что скачет нежится в траве
 хрустит листом проворно роет норы
 оно всегда во всём меня правей
 и настоящей от ушей бровей
 до шерсти против их нельзя которой

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОЛОННА

Монферран и Ньютон не ошиблись – она устояла.

Легкокрылый, пари, вознеси и спаси наши души,
 осени наши реки – артерин, вены – и сушу,
 и холмы, и долины Итили, Кубани, Каялы.
 Остаются не конные статуи, не барельефы,
 а – вознёсшийся дух, воспарившее горное эхо.
 Трепет формы, незыблемость веры – оплот сопромата,
 преходящи и недолговечны другие форматы.

...Наверху этой хрупкости жутко бы выглядел Сталин –
 как дракон, подгрызающий корни у дерева мира –
 вот Господь и отвёл. Хоть историю нам подверстали
 в истерических теледебатах – но правды ампира
 не стереть, просто мир оказался коварней и злее,
 чем поверили в детстве – торопимся, час неурочный,
 ангел ранен в крыло, нас укрывшее – перья алеют,
 нет сцепления с миром, корней и фундаментов прочных
 у настолько живой и такой беззащитной планеты.

Карфаген был разрушен, и солью засыпан, и проклят –
мы же выжили, ангел парит в кружевах интернета,
в кружевах сохранившейся роскоши прошлого – прошвы,
согревает меня твой маяк безутешным сияньем,
уверяет, что всё разрешимо, светло и гуманно,
до рассвета дотянем, но двух океанов слиянье –
далеко, а сегодня планету спасут кабестаны,
мы сумеем вручную – и выстроить, и приумножить,
бог не выдаст – не всё измеряют в кубах и галлонах,
мы не ради имперского духа стоим у подножья
горделивой античной в века устремлённой колонны.

миссия шахмат –
разумно стучать по доске
волю ломая
и логикой боль причиняя
мне мазохистке
болящем во мне игроке
робкой защиты иллюзино
смять шестернями
фланги расстроить
связать по рукам и ногам
медленно и методично смывая пехоту
в волны вне клетчатой суши
внеклеточный спам
злой чужеродный
внедрить в неприкрытую душу

Транспорт мечется в пробках, как шахматный конь,
испугавшийся визга, гламура и блеска,
ты вдали протекаешь осенней рекой,
отправляешь себе самому смс-ки,
преломляя во мне и хлеба, и лучи,
и цветного дождя косоглазый стеклярус.
Мы увидимся в этой искристой ночи,
приручим ненадолго пугливый солярис

моих токов и бликов, и снов, и слова
обретут, право слово, свободу молчанья.
Этот вечер коряв, мелковат, узловат,
ты один прозреваешь живое начало, –
и чего же нам больше – совпасть и идти,
и чего же в нём больше – огней или листьев,
или капель в безропотном их конфетти,
или глаз заполошных в несложном пути,
или звёзд-невидимок в сиянии мгlistом.

Аппетит не приходит во время еды –
видно, корм не в коня. Поднимите мне веки,
что ли, или избавьте от этой узды,
или тихо направьте в иные бразды –
и запишемся в маленькие человеки.

Я сквозь воду дышать без тебя не могу,
 эквалайзер частоты сведёт постепенно,
 от меня до тебя – только сон на бегу,
 только дождь, соразмерный ноктюрну Шопена.

У лошади, привязанной под деревом,
 на морде – утро прошлого столетия,
 с утра перед окном – собачий подиум,
 но электричка – приведёт в сознание.
 Стога навстречу мчатся неподдельные,
 в безмолвии пруда сияют лебеди –
 похоже, мы не всё ещё испортили
 в пассионарной части мироздания.

Вьюнок плетётся скорости гепардовой,
 над Чёрной речкой белое безмолвие,
 неписанный закон главнее писанных,
 оставь меня одну с моим безумием.
 Листва распята на побеге палая,
 и до сих пор неукротимы молнии,
 нетронуты стоят дуга альпийские,
 незыблемы египетские мумии.

Бамбуковой своей прямолинейностью
 пугаем благотворные иллюзии,
 оставь их нам – обманутым, изнеженным,
 обдолбанным культурной революцией.

Обломок Эйфелевой башни
 на привокзальном ресторане
 «Париж»,
 обдумываешь день вчерашний
 и на безбашенном стоп-кране
 паришь,

не выходить бы из вагона,
 наладить выпуск ширпотреба
 в сети,
 но там – чужие перегоны,
 ты никогда не станешь прежним –
 расти.

Всё выученное забудешь –
 а что осталось – то и стало
 твоим,
 а в переполненном сосуде
 нет места новому началу –
 летим.

Бог сохраняет анонимность,
но дождь и Джигду Кришнамурти –
поряд...
Стихи уйдут из организма,
но в обступающем абсурде
искрят.

Песок её волос, деревья головы
и габионы мышц его и связок,
по складкам их белья восходит ток травы
к стремленье птиц и черепа каркасу.

Так перелётных рун срываются пласты
и в завитках циклонов исчезают,
всему давая смысл, звучит из слепоты
с керамики сошедшая борзая.

Но эскалатор дней ведёт к небытию
потоку вспясть, к бесстрастным белым стенам,
где горькая трава омоет плоть твою
и прорастёт тобою постепенно.

ЕВГЕНИЯ ДЖЕН БАРАНОВА

КОГДА БЫВАЛА КИСТОЧКА ЛИСОЙ

Нас очень много – пишущих и дящих,
впадающих в верлибр или в немилость.
– Ах, Машенька, была ли настоящей?
– Ах, Петенька, конечно, я приснилась.

Проходим незнакомцами смешными,
качаясь на верёвке бельевой.
– Ах, Дашенька, осталось только имя.
– Ах, Фёдор, не осталось ничего.

И букли, и турнир, и гимнастёрка –
ничто не изменяет, всё искрит.
– Ах, Полинька, вы ждали слишком долго.
– Ах, Всеволод, оставьте ваш шприт.

Нас очень много.
В этом ли причина
неузнавания – хоть вейся, хоть лютуй.
– А если буквы – поезд журавлиный.
– А если тело – только поцелуй.

Тяжело в стеклянном мире.
То болеешь, то болит.
В арендованной квартире
каменеет трилобит.

То мурчание заводит,
то глядит во все глаза,
как бумажный вертолётник
застывает в небесах.

Иногда посуду драит,
иногда хрустит спиной.
То ли в среду, то ли в мае,
то ли в чей-то выходной.

В.С.

Много говорили, мало спали,
разливали в чашки кипятков.
В серебристом холоде эмали
растворяли огненный восток.

В комнату входили, как в молитву,
дни перебирали, как пасьянс.
Мягко разжимали челюсть лифта,
ссорились, слонялись по друзьям.

В сущности, история простая.
Дрожь в ресницах, вынужденный смех.
Видишь, недотыкомка летает,
пьёт из лампы, словно человек.

Города перехвачены лентой
шерстяного короткого кашля.
Я иду и до жара в коленках
мне не страшно,
не страшно,
не страшно.

Прилетели из отпуска утки.
Интересно,
поможет ли спирт?
Я болею неделю.
Я будто
заключённый в квадрат Казимир.

То мне снится оставленный берег,
то деревни, пустые на вид.
Я иду и одышливо верю,
что домашним несусь ОРВИ.

Мы внуки выживших детей.
Мелкоморщинистые дни
глядят из кожи веселей,
как будто вечные они.

Как будто шалость удалась,
оставлен в избранном физрук.
Нас тренирует божий глаз,
мы реагируем на звук.

Мы начинаемся как пыль
и завершаемся на ней.
Мелкоморщинистый текстиль
незаживающих людей.

Мир меня поймал, но не ловил.
 Что поделаться с пленником – не знает.
 Я живу от клавиш до чернил
 и над запятыми унываю.

Ничего не будет хорошо,
 из телёнка сделают ботинки.
 Выдумала пасеке стипшок –
 выдумаю подвиг для пчелинки.

Выдумаю море во дворе,
 выдумаю почерк на конверте.
 Интересно, думал ли орех,
 что родится шкафом после смерти?..

Интересно, думала ли я,
 хлопковая куколка пустая,
 что уйду в молочные края,
 в киселе и йогурте растаю?..

ЧУБЧИК

Всё-таки хорошо, думает, всё-таки ничего.
 Могли бы почаще, конечно, только ведь не придут.
 Стрелки качаются, маятник бьёт в живот,
 в маленькой ванной слышно, как бьют соседа.

Всё-таки хорошо, думает, Ваську-то привезут.
 Жалко девчонку – назвали бы лучше Майей.
 Я отложила с пенсии. Мне уютно
 засыпают мысли, и ест зима их.

Помнишь, Танюша,
 (Ганечки больше нет)
 туфли такие были... синие туфли с чёрным!
 Над головой раскачивается буфет.
 Когда, интересно, стал он таким огромным?

Энциклопедии кружатся и кружат,
 Большая и Малая, ждут своих медвежат,

Большая и Малая, малая и большая.
 Чуб кучерявый, звёздочка звеньевая.

Дождь пошёл по делам, ну а ты не пошёл,
 ты лежишь, обнимаешь собаку
 и глядишь, как сквозь память виднеется шов
 в потолке проступающих знаков.

Интересно, куда отправляется пёс,
 где собачью отыщет грибницу,
 в день, когда и хозяин пойдёт под откос,
 чтобы к чаю успеть объясниться?

Там, за чаем, собрались и тщательно ждут,
разговоры ведут расписные.
Но куда же собака?
(Прилунный приют,
передержка божественной сини?)

Заговорщицки верю в бессмертие лап –
ожидание чуда другими.
Я надеюсь услышать сквозь хрипы и храп,
как собака несёт моё имя.

Когда бывала кисточка лисой,
цветным лисёнком – мерой полушубка –
тогда и я надеялась понять,
за что меня растения не любят.
У мамы – рододендрон, бальзамин,
а у меня – лишь жалкий хлорофитум.
Мой кот его то ночью объедал,
то сбрасывал на голову дивана.

Когда ходили по небу вдвоём
с писателем одним рыжеволосым,
тогда и я надеялась понять,
за что меня читатели не любят.
То выберут смешного старика,
то выберут печального подростка,
то говорят, что страшно далека
я от народа, стало быть, от дома.

Когда со мною шепчется вода,
когда болтают лужи и снежинки,
я до сих пор надеюсь уловить
их голубое нежное дыханье,
я до сих в заложниках у слов,
но, кажется, я больше не добытчик
угля из одомашненной травы,
урана из чужого рудника.

Где золотое, там и белое.
Надеть всё чистое, уйти
туда, где бабы загорелые
не разбираются в ГГ.

И над судьбой своей наморщиться,
и тронуть кедами прибой.
Весна, патлатая уборщица,
не пощадила никого.

И вот июль уже разделали,
и август звёздами прибит.
Где золотое, там и белое
кипит, и жалит, и кипит.

Лечу ли аистом над крышами,
пытаюсь тенью рисковать –
лишь золотистой пылью вышиты
на белом воздухе слова.

МАРИНА МАТВЕЕВА

ВОЗДУХ – САМ КИСЛОРОД

СУЖЕНАЯ

(По мотивам «Калевалы»)

Девочка-старушка сидит с подушкой –
ни стоять, ни лечь – ей себя пророчит
северная ночь. Ах, как чутко ушко!
Девочка-старуха взрослеть не хочет.

Он такой один, Вяйнямёйнен мудрый,
что явился в мир стариком косматым.
Видели ли где-то ещё: под утро
народился кто-то с вечерней мантрой?

Айно, не рыдай. Есть тебе замена.
Айно, не топись в моровом болоте.
Девочка-старуха простит измену
мальчику-старинушке – за бесплотье,

за её сердерзость. За руки-гусли.
За её душевную непоправу.
Девочка-старуха взрослеть не пустит
во чертоги моря, в свою дубраву.

То не Сампо глушит мукой и солью,
не Похъёла кажет прекрасным прахом –
девочка-старуха вползает болью
мальчику-старинушке под рубаху.

Твой соперник был молодым и рослым,
но хотел помериться мудрой силой.
Он такой, как ты, он и не был взрослым!
Маленький старик, колыбель-могила.

В этом ли раю, где живых не держат,
в этом ли краю, где застыли стрелки,
я того убью, кто не мной повержен, –
чтоб сменять, не глядя, как шкурку белки.

Девочка-звезда небеса разгложет,
девочка-вода заливает края...
Девочка-старуха живёт под кожей,
только вместе с сердцем уснуть приляжет.

СЛОВЯНЕ

Системочки мироздания рождаются от безделья,
когда на душе л-здание, и всё на один не делится.
Когда всё живое замертво захватано, перелистано,
тогда она и рождается: своя, а не чья-то истина.

– Я знаю, как всё устроено! Не надо мне ваших знанийцев.
Конечно же, как по-моему: поскольку оригинальная
идея – не для дебиликов. Дебилы любят общее.
Любили-недолюбили ли... А всё было так: короче, на,
теория струн – тупятина. Декартова плоскость – бреднище.
Эйнштейн – это чисто дятел, на. Души в человеке нет ещё.
Страна у нас – просто задница. Будь я президентом, я б её...
Всем юзерам в морду яндексом. В раю огурец был яблоком...

И кажется: не закроются. И странно, что не расплачутся.
Словяне мои, героевцы, мудрочеры и палачики.
Непризнанный ген Италии. России росинка манная.
Расгоптаные сандалии. Платоновые платаны («на...»)
Зарплатовыми заплатами сократинки несокрытые.
Безрыбье фальшивозлатое, разбитенькое корытце.

СТЕГО

Я буду сегодня однее всех,
единственнее тех, кто идут в монахи.
Ходить по маршруткам, иметь успех.
По крышам их, будто Кинг-Конг на плахе.
Я буду сегодня. А не тогда,
когда тебе хочется видеть, знаясь.
А что не ко времени – не беда:
аще стегозавру НИЧЕМ заняться,
тебя он не спросит, когда вломить
СЯ в душу твою, как в церковну лавку.
Я буду сегодня тебя курить,
как – будто бы мамой родною – травку
с любовью мне собранную: на грех,
но с сердцем – святейшим за время оно.
Смотреть сквозь оптичку, иметь успех.
На крыше – Матильдою из Леона.
Приду с журналистами. К десяти.
Чтоб всё рассказать: от твоих Адамов.
А если провалится – уж прости
ступню стегоящери в крыше храма.

Давай, Заратустра, зараза, колись:
куда мне пойти, чтоб хоть где-то остаться?
Христа, твоего по профессии братца,
я слушала долго, но вот разобраться
в его письменах не смогла. Будто слизь,

сосульки болтаются на бельевых
верёвках: зима подползла незаметно.
И так симметричны, как смыслы в приметах
народных, тела круглобких, монетно-
холодных, вонзающих угли под дых

чудных идолиц, не готовых прожить
и дня, но никак отправляющих память
в ту степь, где не знало послушников пламя
твоё, Заратустра. Безвременный камень
его заменял. Высекали ножи

сведённые длани, безрадужный зрак.
И холод монетный не плавил знои,
рождённые долгою сущью степною,
которая может быть помнящей Ноя
в своей долготе... Заратустра, ты прав:

огонь – веселей и теплей, и ещё
дешевле, душевней, душистей, душнее.
Я здесь остаюсь. За стеклом – стекленеет.
И скользкие когти слоды, цепенея,
скребутся туда, где уже горячо.

*Вначале было Слово.
Потом люди поняли,
что оно означает.*

Без привычного запаха никотина
невозможно заснуть. Чистота пуста.
Воздух – сам кислород, и его невинной
неподвижностью комната налита.
Эта комната новая мне. Я гостя.
И, как госте, мне лучшее всё: и то,
что здесь тихо, как полночью на погосте,
и хрустально, как в вазе, да без цветов.
Накурить и повесить топор над койкой!
Может быть, упадёт на меня во сне...
Воздух – сам кислород, и его так горько
пить: его послевкусие свежим «нет»
отдаёт... Пусть хозяева – просто люди
завтра ох, пожалеют о том, что я
пребывала в их доме!
...Когда Иуде
были зеркалом воды того ручья,
где Учителю все омывали ноги,
а потом исцелялись, испив от вод, –
он смотрел на себя и делил на слоги
слово «нет», созн/давая его исход.
Слово «нет» пребывало тогда здорово
и не знало, что станет через века
прокажённым. ...Родимой, кроваво-кровой
мерой счастья, взятого напрокат...
Слово «нет» пребывало тогда невинно.
...И сейчас в этой комнате – свежесть вод,
отразивших неровные половины
смысла, коним Иуда делил его,
отрезая не слоги, а полисемы,
распуская значений чумную сеть...
...А у Слова толпился народ и немо
верил, и исцелялся, чтоб заболеть...

ЦАРЬ-ДУРА

мини-поэма

1. О СУТИ ЖУТИ

Да уж, жадны мы... как глад-сова.
 Телом, душой и гордыней скуки.
 Тем, кто здоровы, зачем слова?
 Рифмы зачем, зафигом фикбуки?

Тем, кто красивы, зачем кромсать
 из красоты невозможной стейки?
 Тем, кто любимы, зачем спасать
 их, рассыпающих душ копейки?

Если ты пишешь – сиди пиши.
 Ешь потихоньку из стылой плошки.
 Кто оглашённый в твоей глуши,
 если лицо твоё не с обложки?

Если любить тебя – ни за что.
 Если звезда не в твоей орбите.
 Всё у корявых коряво – то
 даже, что тоньше нервозной нити...

Боже, создай волонтер-отряд
 женщин, мужчин для такой задачи –
 пусть хоть подачкой любовь дарят...
 Но только тем, кто готов к подачке.

2. О СОЛИ БОЛИ

Я – не возьму. Как ножом в груди,
 бог прописал мне своё лечение:
 любит меня человек один –
 я его думаю: извращенец.

Только эстетика – сила та,
 что управляет здоровым чувством.
 Миру спасение – красота
 и украшающее искусство.

Мир по природе злодейски чист.
 Пишущим «дохлую лошадь» – соли!
 Вам это нравится? – вы садист.
 Ты это хочешь? – ты болен, болен.

Любит нормальный цветы, котят.
 Нежит здоровый модель по ночи.
 Всё остальное – есть грех и ад –
 вот и Господь отвращает очи.

Всё остальное – смиренья соль:
 Большого? Горд. Получи гранату!
 Всё остальное – такая боль,
 что не до поиска виноватых...

Лакмусом – дети. Как соль солей.
Травят уродов – да смертным ядом!
Может, и правда: таких жалеть...
Вовсе жалеть их, таких, не надо!

Сами сбиваются в стаи пусть
в жалких попытках хоть как-то выжить...
Психопэты, калеки чувств,
душеуроды, Вселенной грыжа.

Мы – в изоляторе. В гетто – мы.
По резервациям зубы точим.
Антибиотиком от чумы
мир нас читать и ласкать не хочет.

Ну, так и ели б себя – яволь! –
в банке паучьей своей кандалной...
Но почему-то – как соль! как соль! –
требуется сердце любви нормальной,

требуется тело здоровых рук,
плёт по буюм импотент-шедевры...
Бог, не давай мне. Внемли: не вру –
дашь – отшвырну и разрушу первой.

Лучше – колёса и анашу,
лучше – войну мне – и в рукопашный!
Я без нормального – не дышу,
но докажу, что дышу. И страшно.

Мы в резервации? Но – враги.
В пляску на смерть, многорукий Шива!
Боже, здоровеньким помоги!
Мы и без помощи будем живы.

Вот потому-то нормальна рать,
та, что «с душой из сплошного света»,
не согласится себя отдать
тем, кто раздавит её за это.

3. О БУРЕ ДУРИ

– Да, безусловно, – он ей сказал, –
я извращенец, как ты, как все мы, –
я не поэт, но мои глаза
видят поэтски твою систему.

Ох, и теория! Курам плач!
Можно б и смех, но держи осанну:
всякий калека – себе палач:
палец отрежет судьба – а сам уж

руку. И ногу. И подуши.
Разум и вовсе под ноль острижен.
Но на заборе хоть «МИР» пиши,
да что за ним – ослепи, а вижу.

Хочешь нормального? Так бери.
Я не магнат, но тебе в постельку
парня с плечами как две двери
организирую – и на неделку.

Ты ли не взвоешь на третий день
в смертных слезах по поэтским рылам?
Ты ли не вступишь дурных поэм
там, где тоска простынёй накрыла?

Ты ли не врежешь ему ногой? –
не потому, что тебя не любит, –
просто за то, что другой. Другой.
Руки другие. Другие губы.

Просто за то, что – цветы, котят –
с выставки, а не с полей и свалок.
Клетка. Подушечка. Суррогат.
Просто за жалость к тому, кто жалок

сердцем, способным лишь на модель
женщины, а не живое чудо,
неосознанием: в мозгу постель,
а не напротив, моя паскуда.

Порча, проказа моя, чума,
я извращённое всех Прокрустов,
только – убей! – но сходить с ума
я не сумею по дутым бюстам.

Хоть изорви меня на куски
и закорми первосортным стейком,
я не смогу победить тоски
по рукорезным твоим идейкам,

по идиотским стишкам о том,
что подороже Деррианура,
по кровоязвам живых цветов
на сердце сплошь – о тебе, Царь-Дура...

Вот оттого-то нормалья рать,
даже с душой из сплошного света,
нам не захочет себя отдать –
что ей обломится у поэта?

ЭЛЬДАР АХАДОВ

ВОЗДУХ, БЕРЕМЕННЫЙ КРИКАМИ ЧАЕК

ГРЯНУЛ ВЕТЕР

Грянул ветер.
И молился ему,
Пока не рассеялся в листе,
Унёшейся в небеса.
Разверзлись они,
Рухнула из них тишина,
Набухла, аки десна,
И звук прорезался
Из неё,
Похожий на плач ветра.
И поминали его горящие свечи,
И кланялись ему лезвиями огней.

ЖИМОЛОСТЬ

Там, где коршуны тоненько ржут,
Как летучие мелкие кони,
Где ночной серебрится кунжут
На широкой небесной ладони,
Там до знойного треска стрекоз,
До тоски предрассветной о ветре,
Брызнет жимолость жемчугом слёз
Ненароком встревоженной ветки,
И начнётся стремительный день,
Раскрываясь волшебным орехом,
Возносясь аметистовым эхом
За набухшую светом сирень.

В БЕЗДНЕ ПАМЯТИ

Нет на Земле морей, озёр и рек,
В которых так тонул бы человек,
Как в памяти далёкой и глубокой:
Ни зыбкий ливень, ни лохматый снег
Не полнят этой бездны одинокой,
Но чем она бескрайней, тем милей,
И к ней душа торопится смелей
Из клеток рёбер, этажей и зданий, –
К небесной бездне памяти своей
Под колокольный дым воспоминаний.

ШИЛО

Жизнь – шило в заднице твоей
 Неугомонной и счастливой,
 Твой Божий перст и место силы –
 Твой маленький Харасавэй.
 Она за смертью по пятам,
 Спеша уверенной волчицей,
 Уже в груди у той стучится,
 Шипя, как остров Шикотан.
 И надцать праздников – не стыд,
 Когда развеян тлен унылый,
 И серебристою текилой
 Душа от ветра шелестит.

ЯВЛЕНИЕ ДОЖДЯ

Он явился еле слышно
 И обрушился стеной:
 Дождь, кочующий по крышам
 С буйным ветром за спиной,
 А потом скакал да бегал,
 Словно швейная игла,
 А вокруг – сырое небо,
 А под ним – живая мгла!..
 И затих совсем внезапно,
 В непроглядной тишине,
 Как обещанное *завтра*,
 Промелькнувшее в окне...
 Не кричат ни зверь, ни птица
 Предрассветною порой...
 Если кто-то постучится,
 Обязательно открой.

СВЕТ ИЗ ЛАДОНИ

Всё пройдёт и никуда не выйдет,
 Стиснутое временем в горсти...
 Никого – ни скромников, ни выдерг
 От разлуки с жизнью не спасти.

И хотя известно, что случится,
 И, увы, не деться никуда...
 Вечный свет по-прежнему сочится
 Из ладони, сжатой навсегда.

АЛЬЦЕЙМЕР

Он давно не молодой и рьяный,
 Для иных – почти не человек.
 В нём живёт качаясь, словно пьяный,
 Полумёртвый обморочный снег.
 Дремлет разум на пустой дороге,
 Наблюдая радужные сны:
 Как в траве резвятся носороги,
 А по небу кружатся слоны...

Будто спрятал что-то под подушкой,
 Озираясь, тычась и скользя,
 Ходит старый мальчик с погремушкой
 Там, где можно и куда нельзя.
 Он не помнит ни о чём на свете
 Из того, что было миг назад.
 И глядит доверчиво, как дети,
 Словно так и просит рассказать
 Про тоску, знакомую дорогам,
 И вдали порхающие сны,
 Где щекочут ушки носорогам
 Лёгкие воздушные слоны.

МУЗЫКА

Я лечу в апельсиновой бездне.
 Здравствуй, мой ненасытный дружок.
 Это ты с прибауткой да песней
 Третий глаз мне радушно разжёт?
 Чтобы я тебя тоже увидел
 И гляделки твои из огня,
 Где тобой недокормленный идол
 Ожидает на вертел меня.
 Но и в безднах случаются ниши
 Наподобие призрачных сот,
 И оттуда я музыку слышу,
 А она непременно спасёт.
 А она всё сильнее раздаётся
 И струится во мне, как вода
 Из того неземного колодца,
 Где тебе не бывать никогда.

СЕНТЯБРЬ

Каждый день прекрасен, как подарок
 Над землёй, пропахшей сентябрём,
 Где рябины пламенный огарок
 Всё ещё не мечен серебром,
 И шумят ещё живые листья
 О минувших летних чудесах,
 А потом, мелькая, словно искры,
 Исчезают в синих небесах...
 Жизнь летит стремительно векшей
 Меж стволов древесных и травой...
 И ликует ветер сумасшедший,
 Окунаясь в небо с головой.

ПОСЛЕДНИЙ ДУРАК

Их было трое или двое,
 Но случай взвился ветерком...
 И вот последнего героя
 Зовут последним дураком.

Звучат литавры всё победней,
Светла дорога перед ним,
А он не рад, что он последний,
И всё скучает по своим.

БИТВА

Когда она заглядывает в душу,
Чтобы её забрать и унести,
Я не кричу, не плачу и не трушу,
А всё пытаюсь что-нибудь спасти
Из прошлого, из юности, из детства,
Из голосов далёких и родных,
Они – моё проверенное средство
Продления коротких дней земных.
Она стоит во мраке тёмных комнат
И молча ждёт, уже в который раз.
Но чувствуя, что здесь их кто-то помнит,
Ушедшие сражаются за нас.
У них и нас на всех одна молитва,
Как Родина и небо за спиной...
И это – не проигранная битва,
Покуда всё минувшее – со мной.

ДОБРО

Всё, что случается – к добру.
Всегда и всюду помни это.
И под дождём, и на ветру –
Жизнь – праздник солнечного света!
Неймётся горю меж людьми,
Как ночи без еды и крова,
Но жизнь – мелодия любви,
И ею отзовётся снова,
И вспыхнет пламенем костра,
И одарит краюхой хлеба...
Пронзают звёзды бездну неба,
Как душу искорки добра.

НА СЕМИ ВЕТРАХ

Развеив дребезги тумана,
К Байкалу с ледяных вершин
Текут ветра Хамар-Дабана:
Култук, шелонник, баргузин.
И вот унылый и напевный
Уже один, как царь горы,
Стремится хиус многодневный
К просторам устья Ангары,
Чтоб там, приникнув к Енисею,
Исчезнуть где-нибудь весной,
Где плещут крыльями хален,
Кружа, как ирий неземной...

Так, вспыхнув хлопьями, как замять,
 Небесная сырая кить,
 Опять мою встряхнула память
 Из бездны вытянув за нить
 Обломки детские игрушек,
 Автобус, сжатый в кулаке,
 Пески колючие ракушек
 И слёзы моря вдалеке,
 Не важно из какого сора...
 Мне дорог ваш священный дар:
 Хамсин, шарав, самум и бора,
 Сарма, хазри и гилавар...

ВОЗДУХ, БЕРЕМЕННЫЙ КРИКАМИ ЧАЕК...

Этот воздух, беременный криками чаек...
 Воздух, пружинящий,
 словно моя детская железная кровать...
 Воздух, которого давно уже нет,
 но я всё ещё помню его.
 Помню здесь и сейчас,
 в больничной палате
 сквозь кашель и стоны больных
 на соседних кроватях.
 Утром двоих умолкших унесли...
 Сестра! Дай мне воды!
 Сестра!.. Дай воды...
 Сестра!..
 ...Ночью он вернётся ко мне,
 мой ласковый воздух из детства.
 Он обязательно вернётся:
 с запахом морской соли и мазута,
 с огнями, пылающими по всему горизонту.
 Воздух, прячущийся в занавесках...
 Воздух, беременный криками чаек.

ЕВГЕНИЙ КУЗЬМИН

ТРАНСЛЯЦИЯ рассказ

1. В ПОИСКЕ

В древности мир прочно покоился на трёх слонах, но потом незыблемые основы спинули в бескрайних просторах космоса, а наша округлившаяся, подобно не очень умному человеку, планета покатила в неизвестном направлении или, как некоторые считают, в бесконечную протяжённость мрака. Сегодня все хотят стать разрушителями устоев, борцами с затхлым консерватизмом. Но остались ли хоть в чём-то какая-то устойчивость, признанная преемственность? Похоже, нет сегодня ничего прочного, с чем можно развязать опасную войну или хотя бы вступить в схватку. И эта дурная (?) бесконечность. Хоть термин и не из физики, или природы, а из противоестественной, как сам абсолютный дух, логики Гегеля, но как точно! Бесконечность – дура, ограниченность – молодец. Так, кажется, сказал Суворов?

Вот-вот, садизм духа. Обычное дело. Я же тогда измывался над гитарой, грезя новым звучанием. Что ещё измыслить, находясь в оковах ограниченного, небольшого набора нот? Их всего семь. Это, конечно, не как сосны, которых три, это гораздо больше. Но и не так уж значительно, как мне хотелось бы. Блуждать можно, так многие и делают... но куда тут выйти? А поиск звука – это проще и, как казалось, продуктивнее регулярных упражнений. Что уж говорить?! И никакие предостережения Томаса Манна не действовали, а Адриан Леверкюн воспринимался персонажем, на которого следовало равняться. Этот музыкант добился невероятного успеха, преодолев всё человеческое, прыгнув выше того, что даёт разум – сошёл с ума. Дураку этого не дано. Ему не с чего сходить. Струны, между тем, как и в былые времена под влиянием других рук, всё так же бились о гриф. Вечность и неизменность.

Дрейфуя в этом потоке сознания, я сошёл с Иерусалимского трамвая и поспешил на ул. Шмуэль га-Нагид, где располагалась наша репетиционная точка, – милая маленькая студия в подвале дома начала двадцатого века, красивого здания эпохи модерн. Место замечательное, центр города. Но надолго ли? Квартира-подвал напротив арендовалась йогами. И никакая звукоизоляция не спасала их от приятных звуков музыки, возвращавших души из заоблачных сфер. Йоги не любили искусство. Они жаловались, да. Прекрасные песни им не нравились. А что мы могли поделать? Шёпотом в барабан не ударить. Ох, боюсь, изведут нас эти сверхчеловеки какими-то своими духовными техниками, порчами-проклятиями. Но пока нить рутины не разрывается. Репетиции идут, а творческие успехи вполне себе на возделанном уровне.

Я первым добежал до места, скамейки напротив входа, дождался басиста и барабаника. Встретившись, мы последовали в студию, в ту самую тесную, но вполне достаточную для нас комнату. Много ли физического, материального пространства, по сути, пустоты, нужно творческим людям, истинное отечество которых – мир духа? Тем более что достойная аппаратура вполне способствовала переходу к высшему.

– Вот неплохо бы вставить варган в «Тёмный лес», – сказал я в какой-то момент о наболевшем.

– Варган сегодня – это балалайка вчера. Пошло и неоригинально. Псевдонародничество наших дней. Варган засовывают куда только можно без всякой на то надобности, – парировал басист Арнольд.

– А мы разве играем на оригинальных инструментах?

– Но мы не заявляем инструментами об оригинальности. А варган – ложное заявление.

– Моя цель – не демонстрация оригинальных инструментов. Варган хорошо бы прозвучал в песне. Вот и всё. В целом саунд стал бы объёмнее, красивее. В этом всё дело. Я не выпендриваюсь.

– Кстати, у меня дома завалилась электрическая мандолина. Она только собирает пыль, а жена всё время порывается выбросить инструмент. Тебе такое понравится. Хочешь, я тебе подарю? Но на репетицию, пожалуйста, не приноси его, очень прошу.

– У меня как раз нет пылесоса. Я с радостью обзаведусь чудесным устройством. Спасибо, Арнольд.

2. ОБРЕТЕНИЕ

Да-да, я тогда предавался болезненным грёзам о неслыханном инструменте, о том, как чудодейственный звук заменит пошлое умение, порождение непочётных тренировок, постыдного упорного труда.

И момент настал. Разумеется, я с большой радостью принял от Арнольда редкий инструмент, электро-мандолину «Круню», выпущенную в далёкие семидесятые на Ереванской экспериментальной фабрике музыкальных инструментов. Артефакт сохранился в идеальном состоянии. Нигде ни выбоин, ни царапин, всё исправно работало. Конечно, современному изнеженному цивилизацией человеку сложно выжимать из этого приличный в музыкальном сообществе звук. Кривой порожек, криво набитые лады... Зато резкий, сильный, очень чёткий, выразительный саунд я нашёл любопытным. Мне кажется, простое и техничное соло на этой мандолине – то, что я искал.

– Арнольд, а ты сам-то играл на этом девайсе?

– Когда-то я много экспериментировал со звуком. Хотел найти необычный тембр. Но со временем сам для себя решил, что очень хорошая гитара лучше очень плохой мандолины, как ни крути. Я для себя сделал такой вывод, – важно играть, а не экспериментировать с разными звенящими-шелестящими дубинками, скворечниками с проволокой, произведёнными мебельными фабриками или просто мастерами-садистами, мстящими музыкантам из зависти, от обиды, что их собственные карьеры не состоялись.

– Но иногда всё же хочется выйти за привычные рамки, пределы, прорваться за горизонт. Пусть даже и через уход к истокам, к корням, к первобытным дубинкам.

– Есть такой путь, конечно, подобно свинье искать трюфель в грязной почве под ногами. Теперь у тебя есть такая возможность. Этот инструмент плохо строит или, точнее, совсем не строит. С ним легко выйти за пределы, навязанные семью привычными нотами. Это для тех, кто находит гармонию в любых разладах.

– Непричёсанный звук имеет своё очарование. Слишком гладкая, слишком правильная музыка скучна.

– О, да, наслаждайся волшебным миром играющего мимо нот инструмента. Кстати, мандолина фонит. Впрочем, как раз это, кажется, исправимо. Но я не умею.

– Ничего, я разберусь.

3. ФОН

И разбирался. Но не с этим. Играть на новом инструменте весело. Не осознаёшь недостаточности умения, радуешься новым звукам. Но была и чудовищная, требующая решения проблема, – мандолина, как и предупреждал меня Арнольд, ужасно фонила. Заземление и изоляцию я откладывал, – прочь от земли и ограниченности к высотам свободного творчества! В конце концов, появляться с этой мандолиной на концерте или даже на репетиции я пока не собирался. А в самой проблеме виделась некая героическая борьба, – мандолина сама издаёт звуки, которые я не готов принять. Я же, вопреки всему, навязываю строптивому инструменту свои представления о музыке.

И вот, как-то, вырвавшись из оков обычного графика, – условился со знакомой певицей выпить кофе в центре города. Авось, что-то из этого выйдет. Нашей музыкальной группе не помешал бы интересный вокал.

Краткие вступления о текущем положении дел быстро мутировали в воспоминания о «былом и думам».

И певица ошарашила трюизмом:

– Как же всё всегда фонило!

– Фон – это не главное. У меня была гитара, которая меня била током.

– Наверное, было за что.

– Я думаю, просто такой, вот, у нас с ней был союз без любви... Ах, кстати, о фоне. У меня есть забавный инструмент, который и сегодня его генерирует в огромном количестве.

– Молодец, создаёшь, значит, фоновую музыку.

– Без особого старания, следует сказать.

– Припоминается случай, произошедший в давние годы у нас в музыкальной школе... Хотя... Нет. Этого, возможно, никогда и не было. Речь о мифе, легенде. Я сама не видела. В моём детстве знакомые рассказывали такую историю. При нашей музыкальной школе состоял вокально-инструментальный ансамбль «Одуванчик». Это правда, не возразишь. Название идиотское, в него трудно поверить. Но вполне правдивое и в духе времени, детское, пионерское. Но слушай дальше. Гитарист этого состава – по совместительству мастер-самородок. Он всё время что-то паял-клеил. Вслушиваясь в фон славной гитары, созданной ленинградской фабрикой музыкальных инструментов им. Луначарского, парень распознал звуки радио. Это сразу навело его на гениальные мысли и подтолкнуло к экспериментам, которые скоро

дали поразительный результат. Небольшая доработка позволила гитаристу ловить гитарой «БиБиСи» и «Голос Америки».

– Сила мысли. Наверняка этот парень слушал западную музыку, рок какой-то... Вот и призвал Севу Новгородцева.

– Ну, я считаю, все эти духовные связи действуют иначе, не так просто. Нет такого, что коммунисту является Ленин, пушкинисту Пушкин, а битломану Леннон. Астральный мир – мир эмоций, а не словесных формулировок. Кроме того, здесь триггером может служить не только любовь, но и ненависть. Да и ритуал, инструменты, используемые в нём, в значительной степени определяют результат. А ещё время и историческая эпоха, и астрологическая не могут не воздействовать. Там, где в средние века являлась Дева Мария, сегодня, скорее всего, зайвится какой-то инопланетянин с Альфы Центавра.

Я осмотрелся и ощутил взгляд пустоты. Внутри похолодело без всякой осознаваемой причины. Не хватало явления пророка. Окружающий меня вязкий мрак силится что-то сообщить... даже сообщал. Но я не мог перевести его взгляд, его послание в словесные формулы. И всё. Разговор принял более практическое направление. Необходимое о духовном – сказано, а кто не понял, тому и не надо.

4. ВЫХОД НА СВЯЗЬ

Пробуждение. Выходной. Ожидаемых вещей снов на меня не снизошло. Вселенная пока демонстративно молчала. Я включил мандолину. Фон проявился сильнее обычного. Появились потрескивания. Я пропел из оперы Прокофьева: «Если ты, производящий стуки, действительно демон и если ты слышишь мои слова, постучи три раза!». Фон внезапно прекратился. А за этой оглушающей тишиной последовало три отчётливых щелчка. Я удивился, забеспокоился, сердце упало, на душе похолодело, – оставалось только хорохориться. Не для публики. Её не было. Но как ещё приободриться, вернуться в норму? Тогда я сказал, глупой шуткой подавая страх: «Духи, духи! – Га, га, га». Но ответом был треск, за которым едва различимо угадывались слова: «Саша, Саша, Саша, Саша, Саша, Саша».

– Я пока помню, как меня зовут, – я почувствовал дрожь в собственном голосе.

– А меня узнаёшь? – закрипел фон.

– Нет, что в имени мне твоём, – я переначил фразу Пушкина.

– Как же деградировали люди! Не помнят своих великих учителей.

За что? Я же помню Пушкина! Но всё, – шум ослаб и слов за ним больше не прослушивалось. Играть я не мог. Меня охватило неопишемое возбуждение. Я всё выключил, поставил мандолину и вышел на улицу.

Знакомые пути через грязные каменные джунгли вели к скверу. Там немного деревьев, количество их приблизительно равно числу нот, и можно соврать себе про свежий воздух в этом отдельно взятом месте. В голове возникла мысль: «А не позвонить ли Арнольду? Демонический голос мог обращаться и к нему во время борьбы с мандолиной за качественный звук?». Но нет. О чём я? Я же хорошо знаю этого человека. Он не станет общаться с шумом. Он не попытается угадать в треске слова. Даже если демон вещал предельно отчетливо, Арнольд зачислил его во вредные суеверия. Так мне кажется. По крайней мере, звонить точно не стоит. Что я скажу? Что различил в треске слова? Но ведь это может быть простой фантазией. Помню, в детстве, в стук проезжающих поездов я различал истории или простые музыкальные фрагменты. Воображение играет со мной, оно заполняет возникающую пустоту. Это как галлюцинации в катакомбах. В юности я много бродил в этих бескрайних подземельях. Стоило выключить свет и остаться в полной тишине и темноте, как мозг начинал предлагать звуки и образы, создавать галлюцинации. И теперь я, пребывая в одиночестве, включил музыкальный инструмент и вообразил в нём своего собеседника. И кто пытался установить со мной связь? Какие-то «учители учителей» плотно засели в электрической мандолине. Самый ожидаемый гость – Гермес Трисмегист. Мои помыслы были обращены к нему с самой зари туманной юности. А, может, Аполлоний Тианский, друг и соратник Элифаса Леви, в совершенстве овладевший изящным греческим слогом, а потому и настоящий мессия в отличие от малограмотного Иисуса. Ах, но это же всё вздорный поток сознания! Пора обратиться к главному русскому вопросу – «Что делать?». Позвонить Татьяне, певице, с которой я вчера приятно беседовал в кафе! Все происшествие несомненно связано с нашим диалогом. Но не буду заводить речь о говорящей мандолине, просто вернусь в исходную точку, чтобы потом двинуться в другом направлении.

Сказано-сделано. Я набрал номер и условился о новой встрече.

5. ПУСТОТА

Сидя за столом на пластиковом стуле, я пялился на вымощенную камнем широкую пешеходную улицу, а она отвечала мне бликами. Зачем я здесь? Я беседовал с Татьяной о разном, о пустом и близком. Но есть и долг. Я обязан высказать что-то и относительно наших общих планов. Татьяна пришла, я полагаю,

за этим. А тут разговоры о любимых музыкальных группах, о книгах, – обо всём, что позволяет убежать от реальной жизни, сделал её более или менее приемлемой. Беседа «о птичках». Я не желал активно уводить разговор в «мистическое» русло. Пусть вселенная или боги сами пошлют знамение, укажут путь. Впрочем, какое им до меня дело? Помнится, я услышал, как первоклассник после занятий чеканил слова насмешливым тоном: «Нам на уроке сказали, что Бог один! Вот чепуха! Как один Бог может справиться со всем этим миром!». И он прав, несомненно. Бог справляется, похоже, не очень хорошо. Если же богов много, то всё равно, результаты их водительства весьма скромны. Они, как правильно заметил Ксенофонт, похожи на людей. Следует лишь добавить, они больше занимаются имиджем, чем своими непосредственными обязанностями. А я вдруг произнёс:

– Забавно, я в фейсбуке процитировал Марка Аврелия: «Живи в согласии с богами» и все мои ортодоксальные религиозные друзья «лайкнули» этот пост. Люди невнимательны, мир сыплется как песок, нам ли подметить песчинки? – я попытался вернуть пошлую сентенцию.

– Фейсбук – подмена и лица, и книги. Всё становится безликим, бездумным и подконтрольным. Знание – давно не сила. Оно – слабость. Но я её питаю. Пока контролёры не видят, – Татьяна зачем-то подхватила моё настроение.

– Я не верю в теории заговоров.

– Не о них речь.

– Вот, кстати, подумалось. Есть древнеегипетская концепция: человек создает богов. Людям нужны боги не в меньшей степени, чем богам люди. Самое известное рассуждение об этом – в герметическом тексте «Асклепий». Теория пережила Древний Египет и многие другие времена, так сказать, мутирующие иже мы с ними. Вспоминается старая байка, не припомню её источник... Римский император Юлиан Отступник вызвал языческих богов, которые предстали перед ним в жалких обличиях. Утратив людское почтение, жертвоприношения, они потеряли былую силу. В современном оккультизме всё это живо и сегодня. Актуальна теория эрегора, повторяющая древнеегипетское представление. Не так ли с политическими заговорами? Мы создаём нашими мыслями реальность.

– Я вообще верю – я в центре вселенной. Всё происходит в согласии с моими мыслями. Иногда боюсь и подумать что-то.

– Страх оправдан. Думать в наше время – не комильфо. А твоя концепция – об этом писал Джордж Беркли...

– Но дело не в том, что кто-то когда-то это написал. Важно, что это так работает, что я это так чувствую. Любая традиция – это во многом иллюзия. Главное – мыслимое в данный момент времени. В иной момент мысль изменится, как бы она ни основывала свой авторитет на отличной, на самом деле, от неё идеологии былых эпох.

– Людям важна эта структурированность мышления. Хотя она и иллюзорна, как заметил Лев Шестов. Люди и сами себя всегда как-то определяют. Это элемент стадности, это возможность отказаться от необходимости принимать решения и, главное, отвечать за них. Я один из народа, я один их класса, я – как все. И только Бог сущий, «Аз есмь сущий». Он лишён партийности. Впрочем, люди обычно с этим не соглашаются, зачисляя Бога в почётные члены племени, надеясь на подлые поступки Бога по отношению к соперникам или просто к тому, на чьё имущество претендует племя.

– Твои рассуждения – попытка ускользнуть от осознания чувств. Все эти философы, теофании – конкретизация мощных переживаний, чтобы избежать тонкой классификации. Вот ты не любишь литературу девятнадцатого века?

– Не люблю.

– Я это подозревала.

Так произошёл внезапный уход разговора в религиозно-философское русло. Но мысли иссякли так же быстро, как и появились. Беседа провисла, а потом скоро вернулась к нашим музыкальным проблемам. А на что я рассчитывал? Кто-то решит за меня мои проблемы? Вселенная вернула меня к распутью, вынуждая сделать самостоятельный выбор.

6. ИМЯ ДЕМОНА

Дома я включил мандолину. Свободная импровизация – чем не вид медитации? И я играл, а остановившись, прислушался к фону.

– Сашка, привет. Не признал?

– Кто ты, демон? Назови своё имя! – я решил прибегнуть к древним оккультным наработкам.

– Это же я. Дорогой товарищ Леонид Ильич Брежнев.

– Кто-кто?!

– А кого ты хотел уловить советской мандолиной? Зевса Олимпийского? Джона Леннона?

– Зачем ты пришёл ко мне из бездны? Моя воля сильна, тебе не подчинить меня.

– Не особо и надо. Наше дело и без тебя побеждает. Скоро коммунизм воцарится повсюду, хоть и под другим именем.

– Ты ни в чём не раскаиваешься?

– Наше пространство для выбора очень ограничено. Мы прячемся от какого-то зла, раскаиваемся, работаем над собой. Но оно нас всегда побеждает, лишь слегка замаскировавшись, зайдя с неожиданной стороны. Зло – это такая же миссия, как и добро. Она возлагается на человека Богом, её следует выполнить. И недостойному тут не место. Великая судьба – великим людям.

– И что тебе от меня нужно? Помощь в построении очередной утопии?

– Э... нет... что тебе нужно? Дача? Машина? Я же генеральный секретарь, ты помнишь? От Ильича до Ильича не было подобного Ильичу. Но не даром. От каждого, так сказать, по способностям. А коммунизм... если мы его построим под его именем, без модификаций, как обещано, то он перестанет быть целью устремлений, предметом веры. Коммунистическая идеология рухнет... Хотя идеология – это вздор. За ней стоят какие-то подсознательные человеческие интенции, которые могут в разных обстоятельствах использовать различную словесную шелуху. Я хочу, чтобы ты кровью подписал социалистические обязательства.

Я тут же выключил мандолину. Резать себе руки из-за каких-то звуковых галлюцинаций? Нет, это же вздор.

7. ПРИВРАТНИК

Есть такое призвание – вечный охранник, на древнееврейском «шомер». Работа не пыльная, привлекательная для философствующих натур и пламенных оккультистов. Платят копейки. Но как-то можно поддерживать в теле жизнь. А много ли нужно мыслителю? Алексей из этой породы. По дороге на работу я столкнулся с ним – он возвращался после ночного дежурства. А на вопрос «Как дела?» я отреагировал наболевшим:

– Представляешь, какой-то призрак коммунизма предлагал мне подписать договор кровью! А при жизни он проповедовал атеизм!

– Атеизм людей, построивших пирамиду своему вождю, не мог не иметь духовной составляющей. Собственно, человек – не только физиология. Что мы без духовности?

– Ага. Конечно. Посмотри вокруг.

– Посмотрел, – асфальт и камень. А «человеку нужен человек». Лучше взглядишь в суть легендарных мыслителей прошлого. Вот Владимир Ильич Ленин. Его атеизм – вздорный вымысел. Истинный ход мысли вождя столь возвысился до глубин сатанинских, что мещане, псевдо-верующие не сумели постигнуть само существования религиозной вести в его явлении и учении. Рассуди сам, мог ли какой-то юрист, родившийся в глуши Симбирска, без мощной работы на душевном и духовном планах или, грубо говоря, без помощи Сатаны, взять власть в огромной стране, перевернуть весь наш мир вверх тормашками. Все выдающиеся политики так или иначе завербованы чертями. Впрочем, это и так понятно, этот тезис не требует доказательств. Достаточно пристально всмотреться, чтобы убедиться в моей правоте. Конечно, не все политики это вполне осознали. Каждый человек совершает магические действия, но не каждый это осознает. Работа мысли и воли – это всегда волшебство. Ленин же проводил сознательное священнодействие, потому и достиг столь выдающихся успехов. Сам псевдоним Ульянова обычно связывают с приисками Ленского. Там добывали золото, высший, здоровый металл. Все остальные металлы, как ты знаешь, – лишь болеющее золото. А ещё золото – символ Солнца, зримого божества. В апреле 1912 года на прииске произошла ужасная бойня, солдаты открыли по бунтующим рабочим огонь. Поводом для восстания послужили разговоры о выдаче трудящимся плохого или несвежего мяса. Существуют разные версии этой истории, с противоречивыми деталями. Постоянно в них лишь само мясо. Духовный же смысл мифа о возмущении пролетариата в том, что человеку, ставшему на путь стремления к высшему (золото), нет пути назад или в сторону. Вождя материального (мяса), идущий к высшей цели пилигрим обречён на гибель (расстрел). Сам Ленин родился в апреле, месяце подавления бунта, но под другим созвездием. Выбором псевдонима вождя как бы говорит: «Мы пойдём другим путем, наше грядущее под водительством иных звёзд», желая обозначить свой путь к философскому золоту, без обращения к материальным соблазнам. Ещё смысл партийной клички связан с легендой о немецком визионере Якове Бёме. Тот в детстве пас скот. Однажды, погоняя неразумных животных, он обнаружил на вершине горы вход в пещеру. Проникнув туда, мальчик заметил горшок, полный монет, так сказать «золотой горшок». Юный Яков не осмелился притронуться к чужому добру, – какое мещанство! Но в тот же день он поведал своим товарищам о находке. Однако повторно вход в пещеру разыскать не удалось. Смысл истории очевиден. Бог открыл Якову, что погоня дураков увесистым шестом, он достигнет вершин и несметных богатств. Бёме, впрочем, не воспринял суть божественных наставлений, избрав стезю бумагомарателя, предпочтя

настройку базису. Предвещая такой ход дела, вход в чудесную пещеру скрылся от него. Говорят также, что выбор партийной клички – дань уважения и почтения Лазару Републикану Ленину, великому французскому оккультисту. Кстати, знакомство Ильича с демонологией очевидно. Приведу лишь один пример, показывающий, что Ленин понимал, объяснял любые идеи через демонологию. Так в письме Максиму Горькому он отмечает: «Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т.п. ничуть не больше, чем жёлтый чёрт отличается от черта синего».

– Я смотрю, люди извратили учение Ильича.

– Это судьба любых учений. Но ни плохого, ни страшного здесь нет. Мыслителям кажется, что они делятся своими идеями. Но их миссия – дать имена демонам, приходящим в наш мир, назвать ещё не вполне проявившиеся на материальном плане явления. И если тебе явился демон – это лишь значит, что какая-то сила прорывается или возвращается в наш мир, а ты это почувствовал. Ни больше, ни меньше. Тебе предлагается миссия. А ты думай. Тебе решать, принять её или отвергнуть. Стань великим, носителем добра или зла – не важно, или потеряй всё. Ты уже выхвачен из среды стада. Без серьёзных потерь нет пути назад.

8. О ПРОРИЦАНИЯХ

После этого разговора я стал прислушиваться к голосу из мандолины. Он всякий раз давал мне любопытные предсказания, которые, впрочем, никогда не сбывались. Как-то я спросил:

– Почему ты всякий раз мне врешь?

– Я никогда не обманываю. Дело в другом. Астральный и материальный миры организованы различно. Астральный мир – мир чувств. Здесь нет логической последовательности, привычной вам обусловленности. Наша реальность – поток эмоций. А душевная правда отличается от событийной истинности.

Вспомнилось, с каким трудом я когда-то разыскал столь популярную у советской интеллигенции «Розу мира» Даниила Андреева. Грезилось, что я найду в ней ответы на все мучившие меня вопросы. Но читать книгу оказалось непросто. А ещё было сложнее понять, как такой откровенный бред, противоречащий всему здравому, рациональному, подтверждённому эмпирически, мог приобрести высочайший авторитет. Я на много лет забросил «Розу мира» под лавку. После же я вспомнил о книге и примирился с текстом, – это нужно воспринимать как передачу эмоций, а не как описание материальной действительности. Так всё становится на свои места. Важно лишь осознать: «Роза мира» повествует об астральном плане.

Но, всё же! Предсказания касаются меня и материальных событий. И здесь обман Брежнева очевиден... и чудовищен. Считается, что приличный дух не лжёт. А дух вранья – это нечто ужасное, сатанинское. В оккультизме Дьявола прямо называют Отцом Лжи.

– Но ты же обращаешься ко мне в моей материальной реальности, предсказываешь события в моём мире, на языке моего мира. Тебе следовало бы разъяснить мне вещи, которые работают для меня.

– Я тебе ничем не обязан. Кто ты такой, чтобы давать мне указания? Кроме того, если бы всё сбылось, было бы неинтересно. Я бы даже сказал, не благочестиво. Представь себе ситуацию построенного коммунизма. Что бы тогда делали люди? Во что бы они верили? К чему стремились?

– Да ладно. Вы бы стригли «овец», как и прежде. Какая разница?

– Как смеешь ты дерзить мне, высшему существу? Кто ты такой, человечешка? Твои прямые обязанности – внимать и исполнять.

Ситуация казалась абсурдной. Какой смысл в общении с этим духом? Но я продолжал выходить на связь. Мне казалось, что я в некотором смысле избранный. Дух обращается ко мне. Большая же часть человечества, как мне тогда представлялось, лишена такого рода общения. Была даже книга, которую просто видел на лотке, но не купил, не читал, – «Избранники духов». Тогда это показалось глупым, – именно неприятие заголовка стало причиной того, что он задержался в моей памяти. В конце концов, духи – это какие-то низшие сущности, а вот Бог... Со временем я пересмотрел свой взгляд. Современные религии – во многом безбожные учения. Это просто политическая и этическая идеология. Общение с высшими мирами, включая Бога, там, по сути, под запретом. Институты архаичны, а потому плохо работают, с лёгкостью прикрывая коррупцию и всякого разного рода другие преступления. Для чего в этом участвовать?

9. СНОВА У ВРАТ

Я опять столкнулся с Алексеем, на этот раз в магазине.

– Всё говоришь с призраками прошлого, с призраками коммунизма?

– Ну хоть какое-то общение... Его не так уж и много в нашей современной жизни.

– И как? Что говорят духи?

– Мир темнеет. Моё мироощущение увязает во мраке. Я это чувствую. Пожалуй, я прикоснулся ко злу, к перевернутому тёмному миру. Пора от этого избавляться.

– Человек сам придумывает своё добро и зло. Почитай Библию, у Бога свой подход. Господь жесток и беспощаден. Людям это трудно принять, они изобретают себе новых божественных водителей... а потом атеистических учителей, чтобы скрыться от божественной справедливости, которая абсолютно антигуманна. Сегодня атеизм и религии слишком часто представляют одно – они выдают желаемое за действительное.

– Хорошо. Пусть так. Но есть же какая-то общая система координат. Бог в ней представляет один полюс, а Дьявол другой.

– Обрати внимание на сходство пятой и пятнадцатой карт таро. На обеих изображён некий авторитет. На пятнадцатой – Бафомет, на пятой – Папа Римский, жрец, иерофант или какой-то другой религиозный иерарх. Перед каждым из этих персонажей два зависимых от протагониста человека, на пятой они ползают на коленях, на пятнадцатой они в цепях. Но по сути разницы нет. В каждом из случаев тотальная зависимость. Можно подумать, что на пятнадцатой карте эта зависимость носит негативный оттенок, а на пятой она положительна. Но это иллюзия, если присмотреться. На всех версиях колоды жутко глядеть на рабские образы людей, склонившихся перед религиозным авторитетом. Более того, если Бафомет – некая духовная, запредельная сущность, то Папа-иерофант – человек из плоти и крови. Выбор между картами – выбор пути, через личный опыт или посредством обращения к очевидно несовершенному человеку, который вместо оказания помощи порабощает искателя истины.

– И всюду порабощение.

– «Всё предопределено, но свобода дана», «Свобода – осознанная необходимость». Что делать тому, «кто жив и брошен в тёмный склеп»?

– Ему «земля – священный край изгнания»?

– Ну уж точно тут «в любви не радость встреч дана». С землёй иногда больно встречаться.

Я же подумал, что мир можно осознавать на разных уровнях. Если погрязнуть во зле, то ему найдутся логические обоснования, а жизнь наполнится несчастьями, вольными и невольными проступками.

10. МАСТЕР

И всё же в какой-то момент я решил, что музыкальный инструмент – не то, что следует использовать для общения с духами. Я устал от перманентной лжи Брежнева. А сам этот персонаж слишком комичен, слишком часто исполнял важные роли в анекдотах, чтобы серьёзно относиться к его авторитету. Сами же галлюцинации, как мне тогда казалось, вели меня к катастрофе. Не следовало поощрять своё собственное безумие. От фона следовало избавиться. Я повёз мандолину мастеру, о котором мало знал на самом деле. Мы с Димой случайно познакомились на концерте в Ашкелоне. Я взял его визитку, понимая, что инструменты портятся похлеще, чем люди. Больше специалистов я не знал. Это определило мой выбор.

И вот я уже в гостях у Димы. Чай и вежливый разговор, хотя мы оба загружены неотложными делами. Я заметил на столе книгу Булгакова «Мастер и Маргарита»:

– В детстве я с удовольствием прочитал этот роман. То был набранный на машинке запрещённый текст. Меня очаровала нелегальная в те годы чертовщина. И какая-то удивительная игра, смешавшая пафос и гротеск. Родители говорили, что роман о любви. Но я им не верил. Тем более не верю и сегодня. В подростковом возрасте, уже в годы Перестройки, все сверстники прочитали текст или начали свободно заявлять, что прочитали. Хорошим тоном считались восторги по поводу книги. А я охладел к роману. Центральная идея абсурдна. Булгаков возмущается злом, представленным советской властью. А совладать с этим злом в романе помогает персонификация зла, демоны, вызывающие очевидные симпатии автора. Это же нелепость. Булгаков противопоставляет злу не добро, а другое зло, ещё более древнее и страшное. Впрочем, корректно ли вообще разделять эти два вида зла? Они не могут не быть частями одного целого.

– Ты ничего не понял. Я считаю, что «Мастер и Маргарита» – советская Библия. В стране, где правит зло, лишь через осознание глубинных оснований зла доступен хоть какой-то прорыв к свету. В романе, я с тобой согласен, противопоставлены разные уровни мрака. Низший – материальное воплощение, высший – духовные основания, нечистая сила. Лишь осознав причины зла, добравшись до его корней, возможно его победить. Советский человек имел возможность понять добро лишь через зло. Таков коммунистический духовный опыт. Впрочем, в первой половине двадцатого века мрак накрыл не одну лишь Российскую империю. И мы идём к повторению. Уроки не выучены. Тёмные времена неизбежно сменяют светлые. А наше время породит, надеюсь, нового Булгакова, возможно, не русскоязычного. Но я пока готовлюсь, как могу.

– Всё же Булгаков не сбрасывает ярмо зла.

– А это и невозможно. При слишком сильном сопротивлении человек не живёт в одном духовном ритме с миром. И тут два выхода – полное отшельничество или гибель.

– «Весёлые» перспективы.

– Такова жизнь. И даже строже. Для гибели достаточно просто отказаться от своей земной миссии.

11. ПРОБУЖДЕНИЕ

Тяжесть и мрак медленно покидали моё тело. Казалось, я вынырываю из тёмного омута. Прежде я тонул, уже перестал сопротивляться, смирившись с гибелью, казавшейся неизбежной. Но вдруг пришло спасение, – какая-то светлая лёгкость, потащившая меня ввысь к яркому сиянию солнца. Я открыла глаза и в недоумении осмотрел открывшуюся мне небольшую комнату. Несколько человек сидело со мной за одним столом. На столе бумажный крут с буквами, перевёрнутое блюдо, свечи. На меня пристально и насмешливо глядело хорошо знакомое лицо, но в этот момент я ещё не вполне вернулся и не мог ничего вспомнить об этом человеке, процедившем сквозь зубы:

– Хорошо тебе спалось?

– Ничего, спасибо.

– Явление духа ты проспал. А он оказался личностью незаурядной.

– Он вам играл музыку, я так понимаю.

Кривая усмешка стёрлась с лица моего собеседника:

– Ты и имя его можешь назвать?

– Александр? – неуверенно промычал я.

Вся компания пристально всматривалась в меня:

– Расскажи нам, как он умер. Мы не успели спросить.

– Я не знаю. Он и мне не рассказывал... Забавно, но я совершенно ничего такого не помню, хотя ощущал, что я – это он.

ЕЛЕНА КУТИНОВА

ИНТЕРВЬЮ С МЕРТВЕЦОМ иронический детектив

Боже, как страшно! Чёрный ствол в метре от меня, жуткая пара обжигающих ненавистью смотрелок без намёка на зрачок. Это конец. Ну и вапшла! Ох, уж эта дебильная привычка совать свой утиный шнобель во все зловонные щели! Сейчас он выстрелит. Прощай, моя глупая жизнь!

Какой-то невыносимый писк, ну что же это такое? Телефон! Мой мобильный! Тю – приснилось!

– Алло!

– Ты ещё дома? Вообще оборзела, Зайцева?

– Лев! Ты, конечно, не поверишь, но сейчас я так рада тебя слышать! Ты меня спас от такого ужаса!

– Самый неотвратимый ужас в твоей жизни – это я! Немедленно собирайся! Через час у тебя интервью с Митиным. Представляешь, сам позвонил и напросился на интервью! Ты понимаешь, что это значит? Ты понимаешь, кто такой Митин?

– Да, Лев. Но это же самоубийство! Мне бронжилет полагается и базука, как минимум. Лев, почему я? Почему не Полухин? Он чемпионом был, по стрельбе из лука.

– Ты что издеваешься, какой лук?

– Он ничего не скажет!

– Раскрути его хоть на что-нибудь. Ты журналист *или где?* Зайцева, Митин любит красивых баб! Ты меня понимаешь? Приведи себя в порядок, и не бойся. Стал бы я ведущих сотрудников в расход пускать!

– Ну, спасибо, Лев. Иногда ты можешь быть милым. Значит, я ведущий сотрудник? Да ещё и красивая баба? Проговорился, да?

– Зайцева, успокойся. Что с тобой? Чего ты боишься, я не понимаю?

– Просто сон нехороший приснился... С четверга на пятницу. Дурное предчувствие какое-то.

– Давай! Он будет ждать в своём офисе. Поинтересуйся личной жизнью, достижениями фирмы. Побудь дурой – тебе это идёт!

– Ну, спасибо! А повод должен же быть какой-то! Я ведь не из женского журнала – я удостоверение агентства ему тыкать буду!

– Придумай – только не смей умничать! Всё, жду в редакции! Мяу!

Лев – мой редактор. Между нами – лучший в городе. Всем коллективом мы его горячо любим, но не признаёмся, чтобы не зазнавался. И кажется, это взаимно, но он тоже не признаётся, чтобы не нарушать субординацию.

Итак. У меня теперь уже пятьдесят девять минут – минус полчаса на дорогу. Каким образом выглядят красивые дуры? Эй, там, в глубинах сущности, просыпайся сестричка! У нас мало времени!

Завтрак отпадает. Придётся предстать перед монстром нефтяной мафии шатающейся от голода. Что за одежда нынче в почёте у глупых красавиц? Яви мне какое-нибудь безнадежно забытое чудо, о мой старый облезлый шкафчик! Вопрос первый – принципиальный – юбка или штаны? Хотя думать нечего – кому ж можно основательно понравиться в штанах? О да! Платье! Надеть нечего! Абсолютно! Красивые дуры – это же такие...

Ладно, кофе всё-таки выпью – с бришкой. Кипи, кипи, мой ненаглядный чайничек, закипай скорее... А я пока умоюсь.

Мамочки, какую жуткую рожу показывает это гадкое зеркало! Вылитый Буратино! В субботу куплю новое.

В конце концов, какая разница как я выгляжу? Я иду на работу. Брать интервью у какого-то жирного борова, который к тому же бесстыдно умертвил своего не более привлекательного конкурента. Все об этом знают, и все боятся. А я, такая хрупкая, такая незащищённая, просто образец мужества, иду на верную смерть, подчиняясь садистскому прагматизму начальства... Бедненькая, несчастненькая...

Кстати, мне ни разу не попадалось фотографий этого дикого и ужасного Митина! Кто знает, как он может выглядеть? Но он боров, – без всякого сомнения, – с таким необъятным пузом и обрюзгшим фасадом. Фу! И я парю себе мозги, чтобы понравиться этой свинье? Боже упаси!

Джинсы. Рубашка – синяя. Кеды. Волосы – расчесу, так и быть. Ну, ресницы подкрашу – как обычно. И блеск для губ незаметненький. Всё!

Отключив мобильник, чтобы избавиться от навязчивого контроля Льва, я выпшмыгнула на улицу.

Мчаться по улице я терпеть не могу – даже если фантастически опаздываю. От этого всё равно времени выиграешь не много, зато растрепанная причёска, покрасневшая морда и вспотевшее запыхавшееся тело – гарантированы.

Шла я быстрым шагом, и то потому, что из вредности надела кеды, дабы хоть чуточку насолить шефу. До метро, слава богу, относительно недалеко, так что я почти надеялась успеть, хотя бы с незначительным опозданием.

Когда я впорхнула в закрывающиеся двери вагона, до планируемого начала интервью оставалось ещё минут пять. Проклятая черепашью скорость самого быстрого городского транспорта современности, я нервно топталась в тесном окружении пассажиров.

Наконец объявили мою станцию. В истерическом бешенстве, расталкивая ни в чём не повинных граждан, я выскочила из метро и побежала к офису Митина, как умалишённая. Остановиться заставила лишь неизбежная преграда в лице секьюрити.

– Вы куда, девушка? – равнодушно, но строго спросил охранник.

– Я к Вячеславу Митину, информационное агентство Медиа-плюс. Мы об интервью договаривались.

– Что ж вы опаздываете? Он уже полчаса ждёт! Второй этаж, последняя дверь – направо.

Я понеслась вверх по лестнице с ужасом вспоминая, что ни одного вопроса к Митину так и не придумала. Когда я попала на второй этаж – меня, ко всему прочему, ещё захлестнули сомнения врождённого характера. В этом стыдно признаться взрослому человеку, в это даже нелегко поверить – но, дожив до двадцати шести лет, я так и не научилась отличать правую и левую стороны! Когда жизнь припирала к стенке, и без этого элементарного навыка было никак невозможно, я брала ручку и тут же вспоминала, какой рукой пишу. Но сейчас времени на эксперименты не было, и пришлось бессознательно подчиниться зову интуиции, которая меня никогда не обманывала. Отыскав дверь в самом конце коридора, я перевела дух и робко постучалась.

– Входите!

– Здравствуйте, я корреспондент Медиа-плюс Саша Зайцева...

Больше я не способна была вымолвить ни слова. За массивным столом сидел самый красивый мужчина, которого я только встречала в жизни! Абсолютно фантастическая красота! Да сам Джонни Депп отдыхает по сравнению с ним! А я никогда не верила, что в окружающем меня мире существует кто-нибудь красивее Джонни Деппа. Ресницы – джунгли – мужчине такие носить неприлично просто! Его насмешливый тон наконец прервал неуютное молчание.

– Госпожа журналист, что же встали как вкопанная? Проходите, присаживайтесь. Я не кусаюсь.

– Да, конечно, спасибо.

У меня пересохло во рту, сердце выпрыгивало – в голове вакуум. Ни одного примитивнейшего вопроса не приходило в голову! Впопыхах я вынула из сумки ежедневник, бросив его на колени, включила диктофон и вроде бы как деловито положила на стол. В раскрытом блокноте случайно обнаружился вопрос к главврачу скорой помощи.

Ну, миленькие мозги, работайте же, скорее, придумайте что-нибудь, извилины вы мои ржавые... Мама моя, какие руки, какие музыкальные пальцы, будто выточенные ювелиром, какие они, должно быть, нежные... Стоп! Не отвлекаться! Срочно выпутаться из этой глупо затянувшейся паузы!

Тут глаза в поисках спасения выхватили один из вопросов главврачу, и во мне невольное сработал профессиональный румблер. Внезапно мой рот выстрелил абсолютно нелепый перл, вырвавшийся, как пуля из пистолета, который забыли поставить на предохранитель.

– Установка нового оборудования, вероятно, поведёт за собой значительное повышение цен на ваши услуги?

Ироничная улыбка слетела с потрясающих губ Митина, как перышко, влекомое порывом ветра. Он уставился на меня, застыв с приподнятыми бровями.

Я сгорала от стыда. Ладно, думаю, в крайнем случае извинюсь и навру, что только вчера поступила на работу в информационное агентство и это интервью – мой неудавшийся дебют в журналистике. К счастью, Митин заговорил первым.

– Ну вы даёте! Как вас, простите, зовут?

– Саша.

– Сашенька, я восхищён вашим профессионализмом! Это фантастика! Клянусь, такое раскопать нереально!

Я совершенно опешила от реакции Митина и с нетерпением ждала, когда он, наконец, перестанет хвалить меня за очевидную глупость и начнёт говорить дальше. Подумав, он продолжил:

– Вчера вечером, каюсь, у меня созрела мысль о возможности покупки нового оборудования и частичной модернизации предприятия, и, признаюсь, я не нашёл лучшего способа это сделать, кроме как за счёт повышения стоимости нашего бензина. Взлёт цен давно ожидается и, бесспорно, бензин подорожает, в соответствии с негласной договорённостью между компаниями. Но я, признаюсь, спланировал опередить остальных и, тем самым, ускорить то, что давно неизбежно. Ведь другие будут вынуждены последовать нашему примеру, естественно выдержав некоторое время, чтобы слегка сыграть на своём конкурентном преимуществе перед моим более дорогим товаром. Но за мной не преминут последовать ближайшие конкуренты, которым принадлежит треть бензоколонок области. С ними я и собирался сегодня обсудить данную стратегию. Не желая терять прибыль, другие тоже вскоре поднимут цены и, таким образом, наша компания станет чуть ли не инициатором некоторого удорожания жизни во всей области. Как вы понимаете транспортные перевозки, не будут обходиться дешевле, подорожает зерно, продукты и так далее...

Только вчера я принял это решение и через полчаса как раз собирался вынести вопрос на совет директоров. Но как вы могли это пронюхать мне и в голову не приходит! Единственный возможный вариант – это косвенный вывод в результате анализа наших предыдущих шагов, но для того чтобы прийти к такой догадке, нужно быть гениальным аналитиком! Как вы об этом узнали?

– У нас очень квалифицированные сотрудники, – хвастанула я, предвкушая, как раздуется от гордости редакционный аналитик Кефилов, когда услышит диктофонную запись. А Лев буквально поперхнётся своим какао от такой свежайшей экономической сенсации, добытой с помощью нелепого стечения обстоятельств.

Митин продолжал:

– Вы думаете, что я эдакая зубастая акула и провоцирую общественные катаклизмы? Но и тут, учитывая мистическую догадливость ваших аналитиков, мне придётся слегка приоткрыть коммерческую тайну. Когда мы проведём модернизацию – то внедрим ноу-хау. Технология, разработанная одним талантливым химиком, позволит настолько снизить себестоимость бензина и горюче-смазочных материалов, что топливо отличного качества можно будет продавать в несколько раз дешевле. И на этом выиграет не только наше предприятие, но, безусловно, и потребители, и, несомненно, вся область. Мы сможем торговать с иностранцами, предлагая им микроскопические цены, по сравнению с общемировыми. И будьте уверены, от этого только выиграем. Но не просите меня описывать технологию – я и так рассказал вам слишком много.

– Может быть, вы хоть намекнёте, кто создатель такой технологии?

– Один местный кулибин. Больше я вам не скажу ни слова. Полагаю, вам и так предостаточно информации.

Он был прав. И к тому же безумно красив.

– Честно признаться, вначале я думал что вы, как и прочие ваши коллеги, начнете юлить и допытываться о том, что я знаю об убийстве Коли Терентьева. Уверен, и вы не можете пройти мимо этого искушения, посему я готов сказать всё, что мне об этом известно, тем более что мне скрывать нечего.

Меня будто ударило молнией. Он сам подвёл к нужной теме. Что за человек такой? Всё с ним складывается само собой без малейших усилий! Мечта идиотки, а не мужчины! Между тем, чудо природы продолжало:

– За неделю до своей смерти Николай согласился выдать мне в кредит внушительную сумму на уже упомянутую мной модернизацию. Впоследствии мы хотели объединить усилия наших предприятий и создать совместный проект, после того, как производство нового бензина будет уже налажено. Но увы, случилось это страшное убийство. Жаль, такое несчастье! Скорбя о нём, как о человеке, как предприниматель, я в некоторой степени сожалею о сорвавшейся сделке. Наличие нашего договора и соответствующие документы доказывают, что мне убивать такого партнёра было не выгодно. Мне самому неприятен подобный цинизм, но ведь ссылки на то, что я в принципе против насилия, к сожалению, вряд ли кого-нибудь убедят.

– Но, возможно, в убийстве замешан кто-нибудь из ваших коллег? Ведь чуть ли не все ваши коллеги, как и вы, проходят свидетелями по этому делу, – оживилась я.

– К сожалению, я не был настолько близок с Николаем, чтобы быть в курсе всех его дел. У меня нет абсолютно никаких догадок. Если что-нибудь такое было бы мне известно, я непременно бы сообщил, не вам, извините, но следователю, который ведёт это дело. В конце концов, подобная расправа с коллегой не может не ужасать, и желание, чтобы это дело поскорее раскрылось, абсолютно естественно для каждого из нас. Все мы под луной ходим, и кто знает, не поджидает ли нас нож у входа в собственный дом. Ведь и честные люди от этого не застрахованы.

- А вы честный человек?
- Себя хвалить не скромно, потому не совсем выгодно.
- С этим не поспоришь! Спасибо за интервью.

Окрылённая своей профессиональной удачливостью и одновременно отягощённая необходимостью расставаться, я попрощалась и вышла. Без всяких сомнений, в очереди за таким парнем томятся все мисс мира и мне, грешной поделке папы Карло, надеяться на взаимное восхищение – глупо. По крайней мере, я получила от него намного больше, чем можно было ожидать, и жаловаться было грешно.

Выйдя из кабинета, я на минуту задержалась, чтобы уложить в сумке диктофон и блокнот. Случайно нащупав пудреницу, я не удержалась и взглянула на свой шнобель. Найдя его в принципе сносным, а себя вполне симпатичной, я слегка припудрилась и принялась освежать блеск на губах.

Интересно, я хоть капельку ему приглянулась? В глазах было что-то такое...

Не успела я добраться до лестницы, как дверь Митина распахнулась, и он промчался мимо меня в противоположный конец коридора, едва бросив в мою сторону испуганный взгляд. Взбесившийся ньюсмейкер исчез за какой-то дверью.

Чтобы ещё немного понежиться в лучах воспоминаний о романтическом интервью, я пошталась немного по магазинам. Кто может знать, сколько времени мне понадобилось на интервью, тем более, я могла ждать чрезвычайно занятого ньюсмейкера. Мало ли какие ещё оправдания можно придумать ради бесценных часов свободы, выкраденных у рабочего дня!

В редакцию я заявила после обеда. Но такую горячую встречу не могла и предполагать. Увидев меня, все намертво застыли, изобразив собою тревожный кадр фоторепортажа-импровизации на тему «Опять двойка». Лев замер с открытым ртом, уставившись на меня бешеными глазами. Аналитик Кефилов жёг изучающим взглядом исподлобья, явно перебарывая последствия вчерашней вечеринки. Директор Оля и PR-менеджер Дора примчались из своего кабинета и застыли у порога нелепыми испуганными скульптурами. Координатор Ира уронила на пол стопку ещё не подшитых пресс-релизов, разлетевшихся по всей редакции, и беспомощно грызла прядь своих измученных краской волос, чудовищно-голубого цвета, вместо того чтобы ликвидировать последствия своей неуклюжести. Корреспондент Таня Гайдамак, непозволительно прервав интервью с самим губернатором, подскочила как ошпаренная и, бросив трубку, застыла, впившись в меня изучающим взглядом, будто увидела пришельца из космоса. Молчание нарушил оглушительный рев редактора:

– Зайцева, где ты была? Почему не брала трубку?

– У меня телефон разрядился и ждала я его долго. Что вообще за манера звонить в момент интервью? Пробки на дорогах, ничего особенного не случилось!

– Ты взяла у Митина интервью? – с тем же надрывом ревел Лев.

– Разумеется. По-моему ты сам об этом просил.

Лев проглотил язык и, воспользовавшись паузой, мне ядовито заулыбался Кефилов:

– Я не знал, что ты делаешь успехи в спиритизме!

– Ах да, это у меня с детства. Знаешь, как мы гномов вызывали?

– Таня, – опомнился Лев, – распечатай ей новость про самоубийство Митина.

– Как самоубийство? – Меня бросило в дрожь.

Трясущимися руками я взяла у Тани распечатку и стала читать, леденевая от ужаса:

Сегодня утром Генеральный директор компании «Ойл Стар» застрелился в собственном кабинете

Сегодня около 9 утра покончил с собой Генеральный директор компании «Ойл Стар» Вячеслав Митин. Об этом корреспонденту информационного агентства «Медиа-плюс» сообщили в пресс-службе УВД города.

Как отметили специалисты пресс-службы, труп Вячеслава Митина был найден в его собственном кабинете. Рядом с телом сотрудники милиции обнаружили пистолет, зарегистрированный на имя покойного, и пустую гильзу. Предварительные данные экспертизы свидетельствуют о том, что Вячеслав Митин совершил самоубийство, выстрелив себе в висок.

Первой труп директора увидела бухгалтер «Ойл Стар» Мария Смирнова, которая зашла к начальнику с намерением подписать текущие счета. С криком выбежав из кабинета, она бросилась к проходной здания, в котором располагается головной офис «Ойл Стар», и сообщила о случившемся охраннику, тут же позвонившему в милицию.

Кроме того, сотрудники пресс-службы добавили, что охранник проходной приблизительно около 9.30 пропустил к Митину журналистку, об интервью с которой было договорено заранее. Он также заверил следователя, что журналистка, (название СМИ охранник по рассеянности не запомнил) при нём из здания не выходила. Возможная связь девушки, представившейся корреспондентом, с самоубийством президента «Ойл Стар» – выясняется.

Ведётся следствие.

Вот это день разочарований! Моё состояние после прочтения утренней сенсации трудно было описать.

– Я его не убивала! – захрипела я, мучительно вспоминая последний испуганный взгляд самого прекрасного из мужчин, брошенный мне на бегу. Куда же это он так стремительно бежал, неужели навстречу собственной смерти?

– Хочется верить! – вздохнул опалевший Лев.

– Ты всего-навсего довела его до самоубийства. Такое удаётся не каждому репортёру! Что же ты такое у него спрашивала? – ёрничал Кефилов.

– Он сам всё рассказывал, – бубнила я уже сквозь слёзы.

Всё агентство забросило работу и со зловещим любопытством следило за мной. Таня прервала всеобщее замешательство, протянув мне леденец со вкусом топлёного молока.

– Пойдём в кафешку, чайку выпьем. С ромашечкой, мяточкой. Тебе надо успокоиться.

– Только быстро! – прошипел шеф, не сводя с меня глаз.

И, схватив за руку, Таня потащила меня на улицу.

– Ну что там у тебя случилось?

– Да ничего почти.

– Что значит «почти»?

– Опоздала на полчаса – взяла интервью. Он даже соображениями о Терентьеве поделился, планами – и всё!

– А часы у тебя не спешат?

– На четыре минуты.

– Не понимаю, как это может быть!

– Я тоже. А самое страшное, что я влюбилась! А тут такое... Он был самым красивым мужчиной, который встречался мне в жизни.

– Митин?!? – Таня уставилась на меня с пугающим цинизмом. – Ты серьёзно?

– А почему нет?

– Ну ты даёшь! У тебя шизофреники в роду были?

– Вроде нет.

– Говорят, по наследству передаётся...

– Да что такое?

– Ну, как тебе сказать... Если ты способна влюбиться в такого урода, прости господи, о покойниках плохо не говорят, – я больше ничему не удивляюсь! Сегодня утром я видела фотографию твоего няшки на сайте УВД. Какая-то глыба жира, глазки кроличьи... К тому же ему под шестьдесят... было. У тебя, наверное, гипертрофирован эдипов комплекс – последствия изнасилования в колыбели?

– Никто меня не насиловал! Я ему и тридцати не дала бы, и он потрясающе был красив – Джонни Дешп – отдыхает!

– Очень интересно!

– Может, это был не он?

– С тобой от скуки не завянешь! Хочешь сказать, что пресс-служба УВД вместо фотографии Митина по ошибке выставила на сайт фотку случайного рецидивиста, да? Можешь полюбоваться – все уже выложили его семейные альбомы!

– Да нет, может быть, я не у него интервью брала?

– А у кого? Ты фамилию его записала?

– Нет!

– Копец! Таня нагнулась и обхватила голову руками. Как можно было влипнуть в такую идиотскую историю? Она отчаянно ударила себя кулаком по темечку и метнула гневный взгляд на свой маникюр. – Я из-за тебя поломала ноготь! Только вчера нарастила! Какая же ты несурзкая! Пошли в офис!

– Слушаюсь и повинуюсь, матушка настоятельница!

– Очень смешно!

Вход в редакцию нетерпеливо сторожил издёрганный Лев. Мы с Таней невозмутимо прошли мимо него с высоко поднятыми головами. Но он не вынес такого свинского отношения к начальству и ринулся за нами с капризным воплем:

– Зайцева, ты ничего мне сказать не хочешь?

– Я люблю тебя, Лёва! – издевательски засюсюкала я.

И без того взвинченный редактор побагровел.

– Не выношу, когда меня называют Лёва! Я такого даже маме не позволяю! Что это ты фамильярничаешь! Зайцева, не зли меня, я и с ноги отвесить могу...

– Лев, нам кое-что нужно выяснить, и она тебе всё расскажет, – зажурчала Таня с колыбельной интонацией. – Она сама запуталась, и чтобы всё это распутать, нам необходимо на минуточку залезть в интернет. Тогда всё выяснится – Саша влезет на табуретку и торжественно объяснится.

В редакции стояла гробовая тишина, которую нарушал лишь стук кнопок репортёрского компьютера. За ним сидела координатор Ира, которая с традиционным неистовством долбила по клавиатуре.

Лев тут же набросился на неё:

– Ну зачем так убивать клавиатуру? Ты что аккуратнее не можешь? Тебе уже тысячу раз твердили – это не довоенная печатная машинка, это современная техника, достаточно нежного нажатия – и она работает!

– Ну ладно тебе! – обиделась Ира.

– Ты что пипешь?

– Новость про завод поршневых колец. Объём производства увеличился на двенадцать процентов.

– Брысь с компьютера – пусти девочек, завод потерпит!

Ира недовольно потрясла своей голубой головой и отправилась приводить в порядок стеллажи с папками.

Таня мгновенно перешла по ссылке на сайт полицейской пресс-службы, на первой же странице которого красовалась фотография самоубийцы.

– Вот он, смотри внимательно, хочешь, я найду на сайт телевизионщиков, ты ещё на видео полюбуешься...

Я обречённо поводила глазами по тексту, обрамлявшему фотографию – никаких сомнений не оставалось – между распухшим фасадом Вячеслава Митина и моим утренним собеседником не было ничего общего.

– Ты права, это не он!

Лев уставился в монитор из-за Таниного плеча.

– Кто не он? Зайцева, ты у кого интервью брала?

– У молодого такого, красивого – фамилию не записала...

– Мать моя, вот бог наградила работником! Ты что, серьёзно?

Через минуту компьютер, с развёрнутой во весь экран фотографией Митина, был окружён плотной цепью из сотрудников агентства.

– Да, да, не он! Я зашла в его кабинет включила диктофон, всё шло, как по маслу... Зачем мне спрашивать у него фамилию, если я её и так знаю, а?

– Ты раньше никогда не видела Митина? – Лев был близок к истерике.

– Нет! И что в этом особенного? Не попадался он мне на пресухах, и в газетах я фотографии таких типов не рассматриваю!

– Вот так история! Нонсенс! Чего встали? Работы мало? Ира, неужели у нас в это время не назначено мероприятий?

– Вообще-то есть, но такие себе – выставка армянских художников, заседание совета ветеранов, открытие чемпионата по айкидо...

Таня с Дорой деликатно поторопились к себе.

– Ты что, издаёшься? Не знаешь, что у нас агентство экономических новостей, какое, к чёрту, айкидо?

– Ну, ты сам спросил...

– Садись, дописывай свой завод! Таня!

– Что?

– Эээ... как там наши арестованные моряки?

– Я утром звонила, связи с Португалией нет...

– Утром! Утром, конечно, связи не было... Ночь у них там, наверное – звони немедленно в пароходство!

– Игорь! Где, мать твою, обзор за неделю?

Кефилов уныло поплёлся к своему компьютеру, не дожидаясь, пока Лев рухнет на пол и задрывает ножками.

– Где этот проклятый Полухин? У кого ещё нет работы?

– У меня, – с надеждой выкнула я.

– С тобой ещё разберемся, ты уже наработала!

– На сессии, – урюмо напомнила Ира.

– Ну да, академик хренов!

– Петя в отпуске, – на всякий случай заметила Ира.

– Я тебе сейчас устройю отпуск, разумничалась!

Лев подступил ко мне с пластиковой кобры, готовящейся к нападению, и зашипел:

– А теперь, Сашенька, будь добра, солнышко, собери свои тупые мозги и расскажи мне всё по порядку!

– На! – я протянула редактору диктофон. Он, как хищник, сцапавший добычу, принялся лихорадочно жать на кнопки.

– Батарейки! Батарейки у нас свежие есть? Я сегодня сойду с ума! Я урою тебя, Зайцева!

– В фотоаппарате аккумуляторы заряжены, – как бы между прочим сказала Ира, не отрывая глаз от монитора.

– А тебя кто-нибудь спрашивает? – рыкнул Лев и бешеными прыжками поскакал к полке с фотоаппаратом.

Когда диктофон, наконец, включился, все, не дыша, прислушались к моему злосчастному интервью, не забывая создавать видимость самозабвенной работы. Ира с невиданной аккуратностью методично нажимала на клавишу «-», подытоживая свою новость бесчисленными дефисами. Таня прижимала к уху трубку, набирая несуществующий номер. Кефиров с наглой прямолинейностью глядел в потолок, надеясь изобразить муки зарождения монументальной мысли. Лев поставил диктофон на стол и впитывал в себя запись, подперев голову двумя кулаками. Дора как бы ненавязчиво зияла у входа с пустыми кофейными чашками. А я беспечно сидела на стуле и болтала ногами.

Когда прозвучала фраза о квалифицированных аналитиках, Кефиров, как я и предполагала, просиял. Все мило высказанные же-Митиным сенсации в свете последних перепетий абсолютно утратили свой блеск и очарование, о чём я не могла не пожалеть.

Запись Лев прокрутил раза четыре, и с каждым разом его лицо становилось все недоумённой. Наконец, он утомился и отложил диктофон в сторону.

– Зайцева, кто это?

– Не мучай меня, Лев. Не знаю.

– Чудненько! А трупа Митина ты точно поблизости не видела? По сведениям полиции он там должен был где-то валяться. Ты говоришь, опоздала на полчаса, да?

– Там шкаф стоял. Наверное, Джонни Депп его пристукнул и в шкаф спрятал, – злобно парировала я, осатанев от ментального насилия.

– Какой Джонни Депп? Сашка, ты что, посмотрелась кино на ночь и всё это выдумала? Теперь мозги мне паришь?

– К сожалению, нет, Лев. Этот Митин, ну, который теперь не Митин – он поразительно на Джонни Деппа похож. Даже красивей.

– Красивее Джонни Деппа? – Лев брезгливо задрал верхнюю губу.

– Честное слово!

– Н-да! Я начинаю где-то тебя понимать. Я тоже фанат «Пиратов Карибского моря». Даже сочувствую. Где-то, Зайцева, где-то! Не оболщайся. По крайней мере, теперь полиции и фоторобот составлять не придётся. Распечатают Джека Воробья – с киносайта – и вылитый убийца!

– Может, он не убийца!

– Ну вот, приехали! Может, ты скажешь, в таком случае, кто это вообще такой?

– Я в полицию не пойду!

– Как миленькая! Но об этом позже... Значит, труп Митина был в шкафу, а ты в это время выслушивала экономические сказочки про ноу-хау, млея от комплиментов по поводу своего профессионализма...

– Разрешите напомнить, что Митин покончил с собой одним выстрелом собственного пистолета и упал посреди кабинета – в этом состоянии он и был обнаружен, или вы не верите экспертизе? – цинично отметил Кефиров.

– Ах, Игорь! А может ты тогда скажешь, куда он делся, в то время, как Зайцева забавляла секс-символа своими бездарными вопросами? Экспертизу, между прочим, провести ещё не успели – это данные предварительные!

– Слушай, Саша, а ведь ты такая потерянная – может, у тебя повылазило от эротических потрясений, а? Может, труп валялся себе спокойно на своём месте, пока ты пожирала глазами этого красавчика?

– Лев! – я вытерла предательскую слезу.

– Что Лев? Откуда ты взялась на мою голову? Только такое нелепое существо, как ты, могло вымазаться в этом фантастическом дерьме! А Митин хорош! Договаривается со мной об интервью на девять, и вдруг вышибает себе мозги! Почему же он тебя, Сашенка, не дождался, если хотел сдохнуть в присутствии прессы? Видно, ты кого угодно достанешь своими опозданиями!

– Ты бы предпочёл, чтобы я записала его предсмертные стоны на диктофон?

– Ей-богу, лучше заткнись!

– А если это был сотрудник «Ойл стар»? – вмешалась Таня. – Какой-нибудь менеджер...

– И зачем он выдавал себя за директора? – гаркнул Лев. Таня притихла.

Тут вошла заместитель редактора Сонечка Герцина, вступив в свою законную вторую смену. У всех в глазах затеплилась надежда. Её неординарный интеллект всегда вырuchал агентство из самых тушиковых ситуаций.

– Приветик! Как вам последняя сенсация? Вы давали в утренней ленте новость про Митина?

Лев был похож на обиженного хулиганом ребёнка, который, наконец, увидел свою добрую маму и теперь готов броситься ей на шею.

– Мы, Софьюшка, теперь не только публикуем новости, мы в них участвуем! Наша гениальная Сашенька умудрилась взять интервью у покойника через полчаса после смерти! Да!

– Лев, что за юморок?

– У нас и диктофонная запись имеется: что ни слово – вылитая сенсация! Мы теперь в книгу рекордов Гиннеса можем номинироваться.

– Лев, ну действительно не смешно, что случилось?

– Чистую правду говорю! Она опоздала на полчаса, взяла интервью якобы у Митина, приехала в редакцию и только тут, наконец, решила полюбоваться на его портрет. И что же ты думаешь?

– Это оказался не он. Ну вы даёте!

Лев немедленно подсунил Софии диктофон, и мы в очередной раз прослушали вещественное доказательство моей мистической невезучести.

– Феноменально! – подытожила София, когда запись оборвалась. Интервью с мертвецом. На такое способна лишь наша Сашка!

Минутой всеобщего молчания воспользовался Кефилов.

– Если это был гипотетический убийца, я одного только не пойму – почему он не пристукнул тебя, Зайцева?

– Типун тебе на язык! – огрызнулась я.

– Мало того, он ещё четверть часа строил тебе глазки! А труп Митина ему, несомненно, пришлось затолкать под письменный стол... Когда он это успел? Наверное, когда услышал твои шаги за дверью. А ещё вероятней – этот сексапильный маньяк расчленил Митина на кусочки и распилил по ящичкам, а когда ты, наконец, вышла – склеил труп суперклеем и положил на место.

– Это очень, конечно, остроумно, Игорь, но нам и так до безобразия смешно, – сказала София, вложив в свою интонацию понятное только избранным междустрочье, призывающее аналитика заняться своим прямым делом и закончить обзор.

– Я решил дать Саше недельный отпуск – пусть соберёт мозги. Я думаю, нечего ей крутиться вокруг этой истории – у нас будут околачиваться все городские СМИ, а у неё разрастётся мания величия, – отчитался Лев.

– Танюша, – ласково попросила Софья – позвони в УВД, и узнай, есть ли новости по этому поводу. Тебе, конечно, ответят, что нет – ты главное выясни, кто ведёт это дело – имя, фамилию, должность, по какому сидит адресу...

– Я поняла, – согласилась Таня и стала торопливо набирать текст письма в пресс-службу.

– Саша! – строго продолжила самая трезвомыслящая девушка в агентстве, – запиши телефон – это один из лучших в городе адвокатов, он курирует нашу редакцию, правда, обращаться к нему ни разу не доводилось... Это на всякий случай – малейший выпад – звонишь ему. Опасность тебе не грозит – мы уж постараемся пошуметь о тебе как следует в случае чего.

– В общем, не дрейфь, Зайцева! – ворвался в разговор Лев. Ты, конечно, редкая идиотка, но в обиду мы тебя не дадим!

– Хватит с меня оскорблений! В конце концов, ни в чём я не виновата. Это дурацкое стечение обстоятельств, – взмолилась я.

– Ну уж обстоятельства ты выбирать умеешь, никто с тобой в этом искусстве не потягается...

– Соня, а что, если по пироженку? Там в кондитерском подвальчике свежак только что разгрузили, – соблазнительно замыкал Лев.

– Знаешь, я без пироженки всё поняла, – вежливо отвертелась Софья.

– И?

– Она направления перепутала. Зашла в другой какой-нибудь кабинет.

– Софья Викторовна, пришёл ответ из УВД, – нараспев сообщила Таня, вынимая из принтера документ. Все уставились на Татьяну.

– Читай! – распорядилась Софья.

Запинаясь от возбуждения, Таня продекламировала письмо от PR-службы управления внутренних дел: *«Добрый день, Татьяна! Отвечаю на вопросы. Вячеслав Митин так и не дождался вашего журналиста, как свидетельствует личный секретарь покойного.*

Однако камера наблюдения зафиксировала, что девушка, сообщившая охраннику, будто направляется к Митину от вашего агентства, вошла в двери напротив, где располагается офис фирмы „Бензин Корниловых“. Пробыв там семнадцать минут, она благополучно вышла. Виктор Корнилов, владелец фирмы, утверждает, что беседовал с журналисткой Александрой Зайцевой, которая записывала интервью на диктофон».

В тот момент, когда Таня закончила читать, мой телефон запиликал, оглашая прибытие новостей. Это было уведомление от фейсбука о том, что в друзья стучится Виктор Корнилов. Меня захлестнула такая мощная волна эйфории, что даже щедрый хохот коллег не мог отвлечь внимание от фотографии умопомрачительного красавчика. Но я всё-таки собрала и жертвенно подытожила, чтобы всем было всё ясно:

– Охранник сказал направо, а я видимо, налево свернула. С детства не могу запомнить эти проклятые стороны!

– Мы все скинемся и подарим тебе компас, Зайцева, – остывая подытожил Лев, подхватывая Софью под ручку и ласково утаскивая в ванильный мир кондитерской терапии, располагающийся на первом этаже офиса.

«ФОНОГРАФ»

СЕРГЕЙ ЧЕРНОЛЕВ

ЭТО ТРУД – СОСТРАДАНИЕ

Звезда – для знамени,
Для злака – земля.
И это незыблемо – ныне и присно.
Пусть вечно вершится под кровлей жилья
Рождение жизни и скорбная тризна.

Есть разум во всём, и слепому зерну
Дано – пусть однажды – взойти из-под спуда.
Господь милосерд – в подтвержденья сему
Не стоит выпрашивать вещего чуда.

И следует жить, доверяясь судьбе,
И, взглядом касаясь рассветного неба,
Не требовать больше, чем нужно тебе.
Ни блага мирского, ни влаги, ни хлеба.

Лишь свет приглушённый и плоскость стола.
Подступят слова в тишине нелюдимой.
И Божьего слуха достигнет хвала
За миг на земле, мимолётный, единый.

Сергей Чернолев (27.04.1957-19.10.2018). Поэт, пародист. Родился в городе Резина Молдавской ССР. Работал токарем, художником-оформителем, слесарем по обслуживанию автомобилей, гончаром и обжигальщиком керамики. С середины 80-х активно публикуется в периодике и альманахах Молдавии и Приднестровья. С 1995 г. – член Ассоциации русских писателей Молдовы, с 1996 г. – член Союза писателей Приднестровья. Автор сборников стихов «Високосные дни» и «Золотые холмы» (2003 г.), книги литературных пародий «Восьмая нота». Регулярно печатался на страницах литературных альманахов и периодических изданий России, Молдовы, Приднестровья, США (газета «Кстати»), журнал «Эмигрантская лира» (Бельгия), «Артикль» (Израиль), альманах «45-ая параллель». Был представлен в «Антологии современной литературы Приднестровья». Посмертно вышла в свет книга лирики и пародий «Идущий к свету» (2019).

Словно памятные святцы,
Строки теплятся в груди.
Уходить, чтобы остаться.
Возвращаться, чтоб уйти.

И не праздные прогулки,
Не морока, не тщета....
Но в знакомом переулке
Внове всё, как и всегда.

В этом крохотном пространстве
Снова властвует зима.
В хрупком праздничном убранстве
Деревя, как терема.

Безмятежный белый снеже.
Бесконечный чистый свет.
То ли я пока и не жил,
То ль меня в помине нет.

И храню в душе, как милость,
Уверение одно:
– Господи! Ведь то случилось,
Чему быть не суждено.

*От Господа – щит наш...
Псалтырь, 88,19*

Я говорю себе – пора.
Но в темноте не слышно слова.
И ледяная глубь двора
Родней оставленного крова.

Я говорю, и мне в ответ –
Небесных сфер звенящий трепет.
И слабый отдалённый свет,
Как паводок, растёт и крепнет.

День только начат, но уже
Я повернуть назад не вправе.
Стою на смертном рубеже,
Готовый к подвигу и славе.

И гнёт сомнений не томит.
Внимаю Божьему реченью.
Ничто меня не утрашит
И не повергнет к отрешенью.

Вдали светлеет небосклон.
Стою, открыт и непреклонен.
За мной – сияние знамён,
И перед грудью – щит Господень.

Это труд – состраданье.
 Так случалось всегда,
 Меж людьми расстоянье
 Сокращает беда.
 Это вечное право
 Языком не молоть,
 Дать убогим хотя бы
 Хлеба грубый ломоть.
 Жить не праздным рассудком,
 Видя в роскоши – толк.
 ...Это – друг перед другом –
 Искушительный долг.

МАТЬ

Этот сон донимает упрямо
 И покоя никак не даёт.
 Снилось мне, что ослепшая мама
 Проводила меня до ворот.

Вечерело... Я помню поныне
 Синий сумрак короткого дня.
 – В добрый путь, мой возлюбленный сыне!
 И крестом осенила меня.

Я слегка задержался с ответом.
 Загляделся в родные глаза,
 Что мерцали слабееющим светом.
 ...Так сияют во тьме образа.

По небу облако скользило,
 И на лицо ложилась тень.
 Я не нашёл твоей могилы
 В печальный поминальный день.

И я прикрыл устало веки
 От бесконечной синевы.
 Шумели скорбные побегги
 Сухой кладбищенской травы.

Так и стоял, осознавая,
 Что этот день мне так постыл.
 Я не пришёл к тебе, родная,
 И хлеба не переломил.

Всё это было не случайно –
 Вот так заплакать в тишине,
 Чтоб неожиданная тайна
 Невольно приоткрылась мне.

Я шёл безмолвно и бесславно,
 Грустя от мыслей непростых...
 – Дано умершим это право –
 Презреть раскаянье живых.

ИСЦЕЛЕНИЕ ПРОКАЖЁННОГО

*И вот, подошёл прокажённый
и, кланяясь Ему, сказал: Господи!
если хочешь, можешь меня очистить.
Матфей 8, 2*

Я с ним столкнулся в пёстрой толчее –
Лицом к лицу – на рынке в Вифсаиде.
Был душный полдень. В рыбьей чешуе
Дробилось солнце. Пахло прелым злаком,

Навозом, сукровицей палых смокв
И травами египетского плена.
Струился мёд, как зною пелена.
Звучал картавый галилейский говор.

Отрывисто и звонко хлопал бич
В загоне для скота. Вдали шумело море,
А в двух шагах почтенный прозелит
Вёл пылкий торг на греческом наречье.

Он брёл один вдоль глиняных лачуг,
«Нечист! нечист!» выкрикивая хрипло.
Сухой обезображенной рукой,
Как птичьей лапой, суковатый посох

Сжимал. Лицо в гноящихся бутрах,
Багровое, как пьяный лик сатира,
Он прикрывал изорванным плащом.
Зной не спадал. И плоть его смердела.

За годы странствий на лице земли
Я не встречал ещё ничтожней твари,
Чем этот прокажённый. Видит Бог,
Нет пагубы страшнее чёрной лепры.

И всё же он внушал невольный страх,
Недаром был гоним он отовсюду
Людской толпой. Как часто неприязнь –
Лишь хорошо скрываемая зависть.

Он был свободен, как любой изгой.
Копьём его коснуться не решались
Солдаты Рима. Не хватал его
Прислужник-мытарь за полу хитона.

Он был свободен. Лишь один Господь –
Изгою кесарь. Доблестная участь!
...Я отшатнулся. В сторону свернул
И под ноги швырнул ему динарий.

2

Совсем неожиданно – сорок дней спустя –
Мы встретились. То было в праздник Кущей.
Он шёл в толпе. Он не скрывал лица,
Очищенного от зловонных струщев.

Кто от проказы исцелил его?
Кто руку протянул к его позору?
На площади светильники зажгли –
По окончанию праздника – левиты.

Люд ликовал. Плясали языки.
И он, счастливый, ликовал со всеми.
Так кто же тот, которому дана
От Бога власть над обречённым телом?

Я понял всё... и кинулся к нему.
Кричал в лицо. Нещадно тряс за плечи.
И он, не унимая влажных глаз,
Ответил: – Иисус из Назарета.

АНАСТАСИЯ ЧУРИК

ДЕВА ТЁМНОЙ ВОДЫ

сказка

Расскажу я вам легенду о славном и храбром сыне Сварога, так в старину прозывали своих кузнецов могучие северяне.

Давным-давно жил на свете кузнец и звали его Алексей. И слыл он таким храбрым и смелым, что в народе прозвали его «не обречённый на смерть». Был он ещё красив да умён, и не было в округе девушки, которая бы на него не заглядывалась. Только сам он ни на кого не смотрел, и за то обижались на него добрые люди, мол, возраст уже подошёл, а невесты себе никак не выберет. Даже поговаривать стали, уж не болен ли он чем, уж не заколдовал ли его злой колдун. Разные советы ему давали, ко всяким знахаркам зазывали, да только не слушал никого молодой кузнец. И вот однажды подходит к нему старый конюх, что весь свой век на конюшине прослужил и говорит:

– Добрый ты человек, кузнец Алексей, а вот невесты себе по сердцу никак не найдёшь, жены доброй, да пригожей не сыщешь, а молва-то злая, люди знай себе языками чешут, чего доброго и сторониться начнут.

– Да, так-то оно так, дядюшка, только ни одна наша девушка мне не мила. Вот вроде и добрые, и красивые есть, да работящие, а ни к одной душа не лежит.

Посмотрел на него старый конюх долгим взглядом, как в самое сердце заглянул и говорит:

– Знал я одну кобылицу, она всё в сторонке от табуна ходила, никого близко к себе не подпускала, а уж до того красива была, глаз не оторвать. Бывало, как начнёт по полю носиться, а травы, что волны, горячего тела её чуть касаются, грива чёрная по ветру развеивается, словно девичьи волосы. А то как остановится, тяжело задышит, дух перевести. Глаза только всё вдалеку смотрят, с тоской такой, будто человек это. А после вернётся к табуну, отойдёт в сторонку, и вот не сойти мне с этого места, коли совру, а из глаз её слезинки одна за другой катятся, и уж более не поднимает она головы, прекрасными глазами своими ни на кого не смотрит.

– Покажи мне дядюшка эту кобылицу, проводи к ней, – взмолился Алексей, а у самого сердце в груди заколотилось, глаза разгорелись.

– Эх, кузнец, не могу я твоей просьбы выполнить, – покачал головой старый конюх.

– Как так? От чего же, – с жаром воскликнул тот.

– Да от того, что пропала она, как в воду канула, везде искали, а найти не смогли.

Поник головой молодой кузнец, брови нахмурил, а конюх в глаза ему заглянул и так украдкой заговорил:

– Знаю я, как твоей печали помочь, говорят добрые люди, что не простая это кобылица, а дочь страшного и могущественного колдуна, что за тёмным лесом, за высокой горой, за морем широким в каменном замке обитает. Мол, заколдовал он дочь родную, за то, что ослушалась его отцовского приказа и замуж за соседнего короля не пошла. А тот колдун хотел с ним породниться, чтобы земли его отобрать и людей, крестьян, в полон себе взять. Стар и сварлив был тот король, да и умом не далёк, вот и отказалась прекрасная Дева за него замуж идти. Осерчал на неё отец, злой колдун, и превратил в чёрную кобылицу, мол, век тебе скакать кобылою, пока сама не придёшь и волю отцовскую не исполнишь. А тут случилось, что в тех местах торговец один лошаадьми промышлял, вот и продал ему колдун дочь родную, деньги за неё большие выручил. Так и появилась она в наших краях, почитай год до весны пробывала, а потом пропала. В тот день по полю ураган пронёсся, в лесу деревья поломал, а как всё стихло, так и исчезла наша красавица. Да только всё это слухи, добрый молодец, может, и неправда всё это, а так – мужики языками чешут, уж больно заглядывались они на эту кобылку, уж больно глаза её на человеческие походили.

– Чует моё сердце, что не слухи это вовсе, – с жаром воскликнул кузнец, – чует моё сердце, что она это, она, о ком я грежу и днём и ночью, о которой все думы и помыслы мои. Расскажи мне, добрый человек, научи, как мне её найти, как разыскать деву-красу, как чары отцовские с неё снять.

– Эх, да откуда ж мне, тёмному, знать про такие дела, но ты не кручинься, не гляди так горестно, попробую я тебе совет дать, а уж как ты им распорядишься, какая тебе удача будет, за то ответ держать

не могу. Знал я ещё по молодости, что живёт в наших краях лесная ведьма по прозвищу Кольгрима и, что как всходит большая луна, так идёт она к лесному озеру воды испить, будто б целебная она становится, зачарованная. Так ты улучи момент и расспроси её о кобылице и об отце её, на то она и ведьма, что про такие дела знать должна. Только смотри, в глаза ей не гляди, зачарует – и тогда уж вовек тебе твоей красавицы не сыскать, обо всём позабудешь и назад не вернёшься. А чтобы не было искушения, подари ей зеркало, самоцветами украшенное. Как будешь его подавать, то ухитрись, сделай так, чтобы ведьма своё отражение в нём из твоих рук увидела, тогда она и зачаровать тебя не сможет.

– Спасибо тебе, добрый дядюшка, за такую науку, век тебя не забуду.

Сказал так кузнец, да в ноги старику поклонился, уважил его, значит.

Как взошла на небе полная луна, отправился кузнец в дремучий лес, разыскал там озеро, за камнем большим притаился и стал ждать. Вот минула полночь, смотрит и глазам своим не верит, плывёт из леса, как на облаке, дева красоты неопикуемой, кузнец аж про всё позабыл, глядит на неё, насмотреться не может. А лесная ведьма к озеру подплыла, из облачка вышла и уже ладошки свои к воде потянула, как вдруг треснула веточка, над тем камнем, где кузнец прятался, ведьма вмиг выпрямилась, и свой взгляд туда поворотила. Зашлось сердце у молодого кузнеца, страшно ему от этого взгляда стало, и тут он вспомнил конюхов наказ. Вышел из-за камня, поясню поклонился, да свой подарок из-за пазухи вытащил.

– Не прогневайся на меня, Хранительница леса, прими в дар дорогой подарочек, да позволь слово с тобой перемолвить.

Сказал так, а сам зеркальной стороной ведьме подарок протягивает. На миг вскинула она на него свой взор, да там себя в лунном свете и увидела. Усмехнулась и говорит кузнецу:

– Знал, что делаешь, кто ж тебе такую науку преподал? Хотя погоди, вижу я, кто тебя научил, как ко мне обращаться. Но не гневаюсь я на тебя, да и на конюха не в обиде, потому как душа у тебя сильная и дело, что ты задумал, мне по сердцу. Та, кого ты ищешь, дочь мне родная, много лет я её не видела с тех пор, как тёмной ночью пришлось мне двор отца её покидать, только тебе до времени этого знать не надобно. Видались мы с ней в этом лесу, но помочь я ей не смогла. А тебе подскажу, что да как делать надо. Смотри всё запомни, иначе не видать тебе ни моей дочери, ни света дневного, заточит тебя злой колдун в старой башне на веки вечные.

– Всё выполняю, Хозяюшка, всё сделано, как велишь. Каждое твоё слово исполню, – истово промолвил кузнец, а сам руки к сердцу прижал.

– Так слушай же. Чары с девицы спадут лишь тогда, когда она волю колдуна, отца своего, выполнит, но этому не бывать, – тут она остановилась, пристально посмотрела на кузнеца и медленно продолжила, – либо тогда, когда смерть злодея наступит. Но ни огнём, что человеком разожжён, ни мечом, простым кузнецом сработанным, одолеть его нельзя. Помни это.

– Так, как же быть? – в нетерпении спросил кузнец.

– Научу я тебя, но для этого должен ты три вещи для меня добыть.

– На всё, Хозяюшка, я готов, хоть сейчас в путь.

– Нет, – усмехнулась лесная ведьма, – остынь маленько, пока домой ступай, а на рассвете запряги вороного жеребца, да гони его вскачь по полю, что есть духу, а как почувешь, что конь под тобой слабеет стал, слезай, да оботри его бока этой вот тряпицей, – сказала, а сама целое полотно ему в руки протягивает, – как свечерее, придёшь к старому дубу, там ждать тебя буду.

Поблагодарил Алексей ведьму и домой отправился. А как солнце взошло, оседлал он вороного жеребца и пустил его вскачь по чисту полю. Не один час скакали они по полям и лугам, конь то был самый, что ни на есть богатырский, устали вовек не знал. Но и он всё же притомился, тогда соскочил с него Алексей и давай бока полотном обтирать. Тёр его, тёр, пока тряпица влажной от конского пота не стала. А уж после отвёл коня в конюшню и стал вечера дожидаться.

В положенное время пришёл он к дубу, а ведьма уж там его высматривает.

– Всё сделал, как я сказала?

– Всё, Хозяюшка, выполнил, как велела, – ответил кузнец и протянул ей полотно.

Улыбнулась ведьма, полотно из рук его забрала и молвила:

– Слушай же следующее задание. Этой ночью, к полуночи, отправляйся к старому болоту, что за двурогим холмом, ничего не бойся, смотри и запоминай, что там будет. В три часа, как всё стихнет, возле трясины увидишь алые цветы, а на них роса. Соберёшь росу вот в этот мешок, – и она протянула ему холщовый мешочек.

– Так как же я росу в ткань собирать буду? – подивился кузнец.

– А то не твоя забота, сказано собрать, значит, соберёшь, – отрезала ведьма.

Как пробила полночь, кузнец уж у болота был. Спрятался он понадежнее на дереве, в самые ветки укрылся за листьями и стал дожидаться, что будет. Не прошло и трёх минут пополночи, как раздался такой грохот, словно к болоту сотня лошадей, впряжённых в железные телеги, несётся. Земля задрожала и,

глядь, перед кузнецом черти появились, один черней другого. Пляшут они у болотных костров, хохочут и всё на самую середину трясины поглядывают. Кузнец и сам стал туда же смотреть. И тут как всполыхнёт пламя, как поднимутся вверх столпы огня, черти притихли, в одну кучку сбились, а из трясины огромная лапища показалась, потом вторая, а следом за ними и голова. Как увидал кузнец эту голову, так сердце его в пятки и ушло. Никогда он прежде такого чудища-страшилища не видывал. Он и чертей-то немало испугался, а тут поуще них будет. Шерсть в разные стороны торчит, из пасти огромный клык выбивается, рога, что у самого могучего быка. Но не то более всего кузнеца испугало, глаза болотного стража прямо на него уставились, словно когтями по сердцу заскребли, красным огнём горят и ухмыляются. Медленно стал подниматься из трясины Страж Огней Болотных. Вся жизнь у кузнеца перед глазами пронеслась, казалось, что смертный час его пришёл, не выйти ему живым с болота, душа его здесь навсегда останется и станет Болотнику сотни лет прислуживать. А Страж тем временем уж и весь показался. Болотная жижа комками к шерсти прилипла, зловонными клоачьями с брюха свисает. Вместо ступней у него жабы лапы. На руках всего по три пальца, но длинных-предлинных, так и бьются друг о друга, словно рачьи клешни. И глаз своих он с Алексея не сводит, так и зыркает ему в самую душу. От того у кузнеца вся спина липким потом покрылась, со лба струйки уж стекают. По телу, то озноб, то жар пробегают, а руки и ноги сталью сковало.

Тут черти один за другим подползли к ногам Стража Огней Болотных и стали виться и скулить вокруг него. А он, то на одного, то на другого пальцем тычет, другим же перстом указывает, но глаз с Алексея не сводит. Стали черти его задания выполнять, тот на кого укажет, мигом в кусты юркнет и через секунду уж тащат оттуда, кто молот, кто щипцы, кто наковальню. После всего приволокли черти и огромный мешок. Кузнец смекнул, что там, должно быть, гвозди или железо какое, раз молот и наковальня есть, а огня предостаточно. Но из мешка стали черти кости доставать. Пригляделся кузнец, а то ведь кости человеческие. Высыпали их черти в огромную ступу и давай толочь, что есть мочи, пока все в муку не перетолкли. Подошёл тогда Страж Огней Болотных к ступе, да как планет туда слюной огненной, аж пар повалил. Поднял он ступу и перевернул, а из неё тугой струей сталь булатная потекла, да так в воздухе и застыла. Подхватили черти кусок стали из костей человеческих, да из слюны Стража и потащили к огням болотным, раскалили докрасна, в жгут тугой свернули, и давай на наковальне острый клинок ковать. Как сковали, тут же в болотную жижу и окунули. Зашипело болото, забулькало, а как успокоилось, вынули они клинок и Стражу поднесли. Глянул он на него, да как заревел, заклокотал, руки в стороны раскинул, ножищами затопал, а черти меж тем клинок у его ног положили. Схватил его Болотник тремя пальцами, над головой своей закинул. Пробежал по острию лунный луч, весь клинок озарил ярким светом. А Страж глаза в Алексея впялил и пальцем чертям на него указал. Засвистели черти, заулюлюкали, к дереву, на котором Алексей хоронился, подбежали, да за ноги его оттуда и стащили. Повалился он мешком с дерева, глаза на Стража поднимает, участи своей ждёт. А черти в руку ему клинок протягивают и скалятся. Рыкнул тут Болотник и словно сила какая его в воздух подняла и на середину болота перенесла. А черти следом за ним по кустам разбежались.

Через минуту всё тихо стало, словно и не было ничего. Опустил кузнец глаза на руки, глядь, а в правой клинок поблескивает, знать не привиделось, взаправду всё было. И тут вспомнил он про ведьмин наказ и в тот же миг у болота красные цветы алым светом загорелись. Подошёл к ним кузнец, чтобы росу в мешочек собрать, смотрит и глазам своим не верит, не роса это вовсе, а железные бусинки, капельками из цветов катятся. Все до единой он их в холщовицу собрал и за пазуху спрятал.

На каменных ногах добрёл он до могучего дуба, а ведьма его уж там поджидает.

– Ну как? – спрашивает, а сама усмехается.

– Выполнил я твою волю, Хранительница Леса, – отвечает кузнец и протягивает мешочек с железной росой, – это вот, верно, тоже для тебя, – и подаёт ей волшебный клинок.

– Вижу, силен ты духом, кузнец Алексей, – сказала ведьма и взяла из его рук клинок и росу железную, – а теперь иди и проспись. Завтра, как свечереет, снова тебя здесь ждать буду.

Не помня себя, добрёл кузнец до дома и как есть, прямо в одежде спать повалился, до самого вечера проспал, но в положенный срок был уже у старого дуба.

Посмотрела на него лесная ведьма, кругом обошла, да перед лицом его стала.

– Вот возьми, это тебе пригодится, – с этими словами подала она ему холщовую рубашку, – эта рубашка не простая, обратная, из той тряпицы, которой ты жеребца обтирал, сшитая. А теперь возьми и эти три ножа. Первым ножом я дверь отпираю, когда из замка колдуна тёмной ночью убежала, второй сготовлен из железной росы, а этот ты уже видел. Эти три ножа тебе добрую службу сослужат. А теперь слушай меня так внимательно, как ты никогда и никого в своей жизни не слушал, иначе спленишь.

– Слушаю тебя, Хранительница Леса, – с поклоном молвил кузнец, – ни одного слова не упущу, всё запомню и выполню, как наказываешь.

– Первый нож Избавник, он помог избавиться мне от темницы, сбежать из замка колдуна лютото, что силой меня женою своею сделал, а потом в высокой башне запер, им ты отопрёшь тайную дверь

в каменный замок. Второй нож из росы железной, зовётся Оборотник. О нём чуть позже скажу. А третий нож самый сильный и самый могучий из трёх, дар самого Стража болотного, из костей утопленников, им то и должен будешь ты смерть чародею добыть и в самое сердце его поразить.

– А почему он из костей человеческих? – спросил кузнец.

– Многих людей погубил злой колдун, над многими издевался и лютовал в своих башнях высоких и подземельях глубоких. Вот и одолеть его сможет только тот нож, что сделан из страданий людских, ведь когда человек в трясину погружается, то испытывает муки лютые, страдания непереносимые. А после от него только кости и остаются и все эти страдания в памяти своей берегут. Он-то и поможет тебе победить плоть злодея и дух его. Если дух не победить, то и тело вновь возродиться сможет. А дух не просто победить нужно и в Царство мёртвых отправить, надобно, чтобы границы с этим миром охранялись, да обратно в мир людей ему путь закрыт был. Оттого-то и зовётся этот нож Страж, он то и станет охранять рубежи двух миров. Слушай же меня далее. Долго будешь до замка колдуна добираться, но смотри, должен ты в замок попасть ровно за три дня, как на небе полная луна взойдёт.

До самого рассвета учила ведьма кузнеца уму-разуму, как колдуна злого одолеть, да красавицу из беды вызволить. Все ведьмины наказы он в точности запомнил, а на рассвете, с ней распрощавшись и сердечно поблагодарив, пошёл в дом родителей своих отпросить благословения в путь-дорожку дальнюю. Долго плакала его матушка, не хотела она дитячко своё отпускать, но делать нечего, благословили его отец с матерью, и отправился Алексей в путь.

Долго ли коротко, но добрёл он до леса дремучего. Тёмен и страшен был тот лес. Слышал о нём кузнец, что хозяйничает здесь лесовик суровый и могучий. Если кто ему по сердцу не придётся, вмиг того в трухлявый пенё превратит. И говаривали люди, что в лесу этом поляна одна есть, а на той поляне таких пней видимо-невидимо, и всё это люди недобрые, что зверюшек в лесу почём зря губили, деревья в больших количествах срубали, жгли и ломали, лесные травы ногами из прихоти топтали, да уважения к самому Стражу Лесов Дремучих не оказывали.

Как ступил в лес Алексей-кузнец, так тут же поясню поклонился и такое слово молвил:

– Ты пропусти меня, Страж Лесов Дремучих, через владения свои. Путь мой не близкий, иду я девицу-красавицу из беды выручать.

Затрещали тут ветки, по макушкам ветер загулял, загудел лес и вышел к Алексею сам Страж лесов дремучих.

– Знаю, кузнец, куда путь держишь, птицы небесные, что по небу летают да в моём лесу отдыхают, давно мне про тебя весточку донесли. Знаю я, с кем на борьбу идёшь. Дело правильное. Пропущу я тебя через лес, а коли никого не обидишь, и костров жечь не будешь, подарю я тебе волшебные травы, они пригодятся.

Поблагодарил кузнец лесовика и пошёл через лес. Деревья перед ним расступаются, птички кругом звонкие песни поют, аромат от трав и цветов такой стоит, что любо-дорого. Притомился Алексей, задумал перекусить немного. Сел у большого ясеня и решил еду себе разогреть, а как собрался костёр разжечь, мигом вспомнил, что лесовику обещал. Холодненьким закусил, да спать лёг. И снится ему такой сон, будто идёт он по широкому полю, кругом колосья пшеничные, спелые, золотистые, высокие-превысокие, а впереди солнышко красное из-за горки встаёт. И видит он, как скачет к нему чёрная кобылица, грива девичьими волосами развеивается, а сама она стройная, да так сложена, словно из камня полированного. Скачет, словно плывёт, ногами еле земли касается. Приблизилась она к Алексею, глаза вниз опустила и молвит человеческим голосом:

– Здравствуй, Алексей, как долго я тебя ждала. В темнице у отца своего, злого колдуна, истомилась я, тебя ожидаючи. Друг ты мой, сердечный, не страшись его, укрепишь в сердце своём и ничего не бойся. Помни, жду я тебя!

Сказала так и словно в тумане растаяла. Кузнец в тот же миг проснулся. Уж и солнышко за деревьями показалось и птички новую, утреннюю песню запели. Усталость его как рукой сняло, отдохнул он и духом, и телом. Позавтракал лесными, спелыми ягодами, ключевой водой жажду утолил и тронулся снова в путь.

Как стал Алексей из леса выходить, то снова слышит: ветки трещат, кроны деревьев шумят, выходит к нему лесовик – Страж Леса Дремучего.

– Исполнил ты мой наказ, сдержал своё слово. Вот тебе мой подарок, – и протягивает ему первый мешочек, – здесь сон-трава, дурман с ночных полей, возьми его, он тебе пригодится. А здесь иная травка, в чаще лесной собрана, повесь этот мешочек себе на грудь, да под рубаху спрячь, будет это твоей охранкой от козней вражеских. А в третьем мешочке корешки да орешки, сушёные ягоды да грибочки. Придёт время, когда ничем другим голод утолить нельзя будет.

От всего сердца поблагодарил кузнец Стража Леса Дремучего, в землю ему поклонился, надел на себя второй мешочек с бережными травами, за пазуху его спрягал, а остальные дары в дорожную сумку уложил и дальше отправился.

Идёт он, идёт и видит впереди гору высокую, необъятную, словно стеной стоит и путь преграждает. Что влево, что вправо, никак не обойти, а через неё лезть тоже никак нельзя, рукой не за что зацепиться. Пригорюнился добрый молодец, сел у подножия и голову руками обхватил. Сидит и печальные думы думает, одна горше другой. Тут слышит, будто шаги чьи-то, глядь, а по дороге старец идёт, на сучковатую палку опирается. Подошёл он поближе, с ним уж сравнялся, да как поднимет на кузнеца глаза свои, а они синим светом горят, словно лазоревые яхонты чистой воды, будто крупные росинки на васильках в утреннем солнце. Даже вздрогнул Алексей и как есть поднялся и стал перед старцем во весь свой богатырский рост и тут увидел, что старец на добрых полтора локтя повыше него будет, хотя кузнец-то и не мал ростом был. На плече его под широким длинным плащом что-то шевелится, кузнец пригляделся и увидел, выглядывает оттуда чёрный зверёк с мохнатой головкой и крыльями перепончатыми.

– Вижу, не одолеть тебе моей горы, – говорит старец.

– Твоя правда, Страж Горных Круч, – отвечает кузнец, – ни пройти, ни перелезть возможности нет.

– На то гора эта и поставлена, что преграждает она путь тем, кому ходу за неё нет, – сказал ему в ответ горневик, – видишь, какая она гладкая, да ровная, зеркальная и чистая, как слово правдивое и честное, и только тот может её одолеть, кто не побойится о себе чистую правду услышать.

Призадумался кузнец, как это чистую правду услышать, он вроде никогда ни от кого ничего не скрывал, камня за пазухой не держал, друзей не предавал, да и к врагам справедлив был.

– Я готов чистую правду услышать.

– Так слушай же, пойду я сейчас по этой дороге дальше, а как исчезну из виду, смотри, что будет, да помни свои слова, – сказал так старец, да и пошёл далее.

Остался кузнец один и снова было пригорюнился, как вдруг слышит, никак колёса по дороге стучат. И, правда, из-за поворота показался деревянный обоз, а в него тощя кляча запряжена. Как поравнялись они с кушцом, оттуда мужичок показался, маленький такой, как и лошаде́нка, худой весь да оборванный.

– Здравствуй, добрый молодец, куда путь держишь? – спрашивает его мужичок.

– Да вот, иду я по своим делам, присел отдохнуть малость, – отвечает Алексей, – а ты куда путь держишь?

– Ездил я клячу свою подковать, а как возвращаться стал, так одна подкова-то с копыта и отвалилась и где-то в дороге затерялась. Поворотил я назад, а кузнец опять плату с меня требует, мол, сам виноват, не так своей клячей управлял, вот подкова и отвалилась. Вот, рассуди сам, добрый человек, кто из нас прав? Коли он сам плохо приковал, то и вина его.

Призадумался Алексей, по всему ведь выходит, что мужичок прав, но ведь и того кузнеца понять можно, железо-то он на свои деньги покупает, а коли оплошность такая вышла с подковой, то с кем не бывает, кляча ведь и правда старая, копыта стёртые, вот и приковалось плохо.

– Ты вот сам посуди, – говорит он мужичку, – лошадь твоя уж много вёсен повидала, копыта её уж не те, вот и вышло, что подкова не удержалась.

– Да так оно так, – отвечает мужик, – но деньги-то мои заплачены, а работа не сделана. Пусть он либо новую ставит, либо деньги за эту подкову возвращает, а то не по-людски как-то. Кобыла моя хоть и стара, да всё ж кобылой и остаётся, а раз так, то и подковывать её можно, пока не издохнет.

– Ты не сердчай, но я тебе так скажу, твой кузнец на то и кузнец, чтоб в этих делах разбираться.

– А коли бы ты был на его месте, то как исправил бы свою ошибку? – спрашивает его крестьянин.

Почесал Алексей в затылке, замылся, видит, что дело-то куда сложнее оборачивается.

– Ну, я б деньги за новую подкову взял, а подковал бы даром, – не совсем уверенно ответил он.

Покачал мужичок головой, снова в тележку сел да поводья взял.

– То-то и оно, что не платил бы я дважды за одну подкову, коли не ошибка кузнеца, что худо лошадь мою подковал, а меня же и обвиняет, мол, кобылой я плохо управлял.

Стоит Алексей перед мужичком, понимает ведь, что не прав тот кузнец, ведь и старых кобыл подковывают, значит, схалтурил он, не добросовестно свой труд исполнил. Но ведь он собрат ему по ремеслу, надо бы заступиться.

– Так и его-то вины в этом нет, коли кобыла твоя хилая, – сказал он, – разве должен кузнец дважды за железо платить?

– Эх-эх, – снова покачал головой мужичок, – своя рубаха к телу ближе, но и она подчас износиться может, а замены ей не найдется, – сказал так, да поехал прочь.

Опустил глаза в землю Алексей, совестно ему стало от того, что не помог мужичку, мог бы с ним до кузни прокатиться, да разобраться, что к чему. А ведь не стал, да и правду не сказал, за нечестного своего собрата заступился.

– Ничего-то у меня не выйдет, ничего-то я не смогу, – вдруг с тоской подумал про себя Алексей, да шапку о землю бросил и ногой растоптал, так тяжело ему на душе стало, – поворочу-ка я назад пока не поздно, не под силу мне будет с колдуном совладать, не достоин я прекрасной девы.

Но тут, словно что в сердце кольнуло его, образ вороной кобылицы перед глазами встал, глаза её прекрасные на него с такой тоской посмотрели, что мигом он на ноги вскочил, шапку с земли поднял.

– Так нет же, не бывать этой несправедливости!

И догнал Алексей мужичка, да на кузню с ним поворотился. А там осмотрел копыто кобылки и доказал местному кузнецу, что тот попросту дело своё худо исполнил. Увидал тот, что перед ним человек, который в этом деле разбирается, злобно посмотрел на него, да и перековал заново старикову клячу.

Воротился кузнец на прежнее место и глазом не успел моргнуть, а перед ним уже словно из-под земли старец возник.

– Что, Алексей, горько про себя правду-матку услышать? Вот и от своей затеи вздумал отказаться, вот и слабость проявил, сразу усомнился в себе, перестал сердцу доверять. А ведь то проверка была. Но вижу я, что не слухавил ты с мужиком, не стал для меня в угоду сладкие речи ему говорить. Знаю, что говорил с ним, позабыв о нашем разговоре, таким ты был, каким и всегда, собой ты был, кузнецом. А после раскаялся и помог ему, не смалодушничал перед кузнецом-то местным, по справедливости дело справил. Пропущу я тебя через горы непроходимые и путь укажу.

– Спасибо тебе, Страж Горных Круч, век не забуду твой урок, – сказал Алексей, а у самого глаза тоской глядят, стыдно ему за слабость свою.

– Дам я тебе в дорогу хлеб каменный, да водицы песочной, пригодятся они тебе, после поймёшь, – ответил ему старец, и тут как стукнет посохом оземь, миг расступились горы и показалась лесенка, из камня выточенная. По ней и пошёл Алексей, не забыв старцу попойской поклон на прощанье отвесить.

Долго он шёл, солнышко уж заходить стало, решил кузнец на привал остановиться и закусить малость. Разжёл он огонь, благо сухих веток от малых деревьев горных повсюду видимо-невидимо. Сготовил он себе нехитрый ужин из грибов лесных, что давеча насобирал, да травами приправил, что от матушки ещё получил. Поужинал и спать лёг, котомку под голову подложив. Спит и видит такой сон, словно очутился он в зале огромном, потолки в нём высокие-превысокие, по стенам в больших подставах чёрные свечи горят, чад от них к игольчатым окнам поднимается, мрачно и холодно здесь. И стоит посредине страшный-престрашный колдун, весь в чёрных длинных одеждах, а перед ним вороная кобылица. Трижды ударил он её хлыстом и превратилась она в деву красоты неописуемой. Длинные, тёмные волосы волной по спине бегут, тонкий стан туго парчой перетянут, по бёдрам тёмный шелк струится, а огромные зелёные глаза ненавистью на отца смотрят. И говорит ей колдун:

– Ты дочь моя, за послушание своё кобылицей ровно год проходила. С третьего дня до полной луны три ночи подряд буду превращать тебя в человека и отправлять в высокую башню, под железный замок. А на третью ночь, коли не примешь моего приказа, ты умрёшь.

Словно от жара какого проснулся кузнец и на ноги вскочил. За сердце держится, а у самого очи страстным пламенем горят, не может он той девы из головы выкинуть, не может забыть её ясных печальных глаз, так бы и взял её на руки, да увёз бы из этого проклятого места.

Пошёл он дальше в путь-дорожку. Пересёк горы могучие и очутился у моря широкого, а по морю уточки плавают. Как увидели они кузнеца, так одна за другой в небо взвилась, вокруг собрались и к нему подлетели. Смотрит на них кузнец, дивуется, глядь, а то уж и не уточки вовсе, а лебедушки белые. Зачаровался Алексей, глаз отвести не может, только вдруг почудилось ему, словно ветерок нежный подул, такой тёплый и сладостный, цветами благоуханными повеяло, розами, жасмином, сиренью. Так легко и радостно стало на душе, словно и не было этого тяжёлого пути и всех испытаний. А лебедушки белые меж тем закружились над ним ещё быстрее, а после к морю полетели. Оглянулся Алексей, да так и замер на месте, прямо из морской пучины островок поднялся. Подлетела к нему первая лебедушка, о землю ударилась и превратилась в прозрачную деву, следом за ней вторая и третья, так все двенадцать в морских сестёр и обратились. Тут забурило море, закипело, и вышел из него Страж Пучины Морской. Бело-снежная борода у колен развивается, длинные волосы молочной струей по спине бегут. И такой свет от него слепящий, что глазам больно. Подхватило его пенное облако и на землю перенесло.

– Здравствуй, Алексей-кузнец, долго же твой путь был, да тернист, многие трудности тебя в пути подстерегали, да только предстоит тебе ещё большее испытание, должен ты с колдуном могучим сразиться, да деву юную и прекрасную спасти.

Поклонился ему Алексей, глаз поднять не может, до того яркое свет от белого старца, да и трепет на душе, как благоговение. Подошёл к нему Страж Пучины Морской, рукой вокруг себя провёл и мигом свет слепящий рассеялся, да в звёздочку на его груди поместился. Прикрыл он её рукой и молвил такие слова:

– Мой дом – твоё последнее пристанище перед битвой. Здесь ты найдёшь отдых и наставления. Дам я тебе памятку, подарочек из тайников вод морских. Пойдём же за мной.

Идут они вдоль берега морского и видит Алексей впереди в хлопковом мягком облаке дворец бело-каменный, с изящными колонами, весь узорами изукрашен, а перед ним сад цветочный. Роз, сирени и маков видимо-невидимо, а в тени больших кипарисов и каштанов узенькие скамеечки с витыми коваными ножками. Крутом птицы пёстрые разными голосами заливаются, такая красота и благолешие, такая радость на душе и спокойствие, словно на небеса попал.

Прошли они по песочной дорожке, умощённой морским мелким камушком, и вошли в просторную залу. Крутом всё из мрамора, из камней драгоценных – зелёных, алых, да синеньких, так и искрятся, так и переливаются на ясном солнышке. А посередине купальня из белого камня полированного, а к ней ступеньки. Подали Алексею прислужники полотно льняное, а Страж меж тем в следующую комнату проследовал. Омыл Алексей лицо своё с дороги, руки омыл и голову, а после уж и весь трижды в купель нырнул. Отёрся он полотном, оделся и вслед за Стражем во вторую залу прошёл.

Подвёл хозяин гостя к большому столу, а на нём чего только нет, все яства заморские представлены. В высоких кувшинах с узкими горлышками вина сладкие, в огромных блюдах серебряных фрукты разные, а на круглых подносах закуски печёные да жареные на любой вкус.

– Садись, Алексей, да угощайся. Ешь, пей, отдыхай, а уж после и спать-почивать отправляйся, завтра день предстоит важный, свежая голова, да окрепшее тело тебе понадобятся.

Только закрыл глаза Алексей, как видит он сон такой. Будто стоит он под звёздами у дуба могучего, а впереди поле широкое раскинулось. А на поле том ромашек видимо-невидимо, оттого оно всё белоснежным кажется. Звезды да месяц то поле освещают, и каждая ромашка, словно серебристым шёлком окутана, как невеста под сверкающей вуалью. И вот лучик с неба от яркой звезды показался, а в том луче Дева в белом платье, а на голове её венок из ромашек. Не поднимает она глаз, а только тихо улыбается. Так и защемило сердце у Алексея, руки он к ней протянул, а она в алмазном луче и растаяла.

Наутро разбудили его птички звонкие. Встал Алексей, омыл лицо своё из серебряного кувшина, оделся в одежду, что за ночь ему постирали да высушили, и пошёл в залу. А там уж Страж Пучины Морской его дожидается. Повёл он его тропкой тайной, в пышной зелени утопающей. И вышли они к шумному водопаду. Приказал ему Страж донага раздеться да в бурлящие воды войти. Трижды входил в них Алексей, а на третий раз разверзлась гора под водопадом, а оттуда пламенем дыгнуло. Но не обожгло Алексея то пламя, словно светом его изнутри всего озарило. Ощутил он в себе силу великую и могучую, каждый мускул его богатырской силушкой наполнился. Оглянулся он по сторонам, на небо глянул, и всё кругом ему иным показалось, вроде и небо, и солнце, и травы, и деревья всё те же, только сейчас они другими смотрятся. Подивился на то Алексей, а Страж ему и говорит:

– Был ты силен да умён, а теперь стал непобедим да мудр.

Совсем другим взглядом посмотрел Алексей вокруг себя. Словно огнём теперь глаза его горели, а душа стала светлой да лёгкой, как лебяжье перышко. Одним прыжком пересёк он бурлящую реку у подножия горы. Облачился в одежды новые, взял свою дорожную суму и бережные травы на шею повесил. А после подошёл к белому старцу и на одно колено перед ним преклонился.

Проводил его Страж Пучины Морской до берега моря. А там уж лодка его дожидается. А в лодке двое на вёслах сидят, длинные чёрные плащи на них с капюшонами, ни глаз, ни лица не видно.

– Позволь, Алексей, тебе последнее слово сказать перед тем, как ты море пересечёшь. Воды эти песок жизни покрывают и охраняют его. Всякая песчинка здесь – жизнь человеческая, из рыбьих останков превращённая. Кто из вашего мира уходит, тот в это царство попадает и до времени охраняемые воды его омывают, о камушки морские перетирают, а уж после течёт песок песчинками по своей дороге дальше, куда снова человеком не обратится.

Уразумел тут Алексей, что ему делать надобно, чтобы через границу переплыть и живым остаться, ведь недаром его имя «не знающий смерти» переводится. Попроштался он со Стражем Пучины Морской и подошёл к лодке. Холодом тотчас повеяло, как двое в капюшонах на него свои головы повернули. Тяжёлое хриплое дыхание донеслось до слуха Алексея, но не сковало его страхом. Достал он из дорожной сумки воду песочную, что Страж Горных Круч ему дарствовал и протянул его проводникам. Показались тут из-под плащей тонкие пальцы, кожа на них лохмотьями свисает, а под капюшонами губы чьи-то зашевелились и хриплые голоса молвили:

– Песок к песку, капля к капле, откуп за жизнь, а человеческая суть к вечности. Плата за тебя внесена, можешь пройти.

То не сказка сказывается, а дело делается. Перенёсся Алексей на другой берег, а на том берегу двое рыбаков сидят, рыбу ловят. Пригляделся кузнец, а все рыбы те с человеческими головами, рты на воздухе раскрывают, а сказать ничего не могут. Подошёл к рыбакам Алексей и спрашивает:

– Здравия вам, добрые рыбаки, а скажите мне, что это за рыбы у вас такие диковинные, век свой на земле живу, а о таком чуде не слышал никогда.

– И тебе здравия, добрый человек. Так то ж на земле, вот оттого и не слышал.

– А, стало быть, я и не на земле сейчас? – подивился кузнец.

Переглянулись братья-рыбаки, сквозь усы улыбки у обоих проглядывают.

– Кто через море сне перейдёт, да через три ночи обратно найти путь не сумеет, навсегда здесь останется, и родные земли позабудет, – вдруг послышался из-за спины голос.

Обернулся Алексей и видит, стоит перед ним старик, по всему виду, отец двух братьев. Поклонился ему кузнец и спрашивает:

– Растолкуй мне, добрый человек, куда я попал, что это за земли такие?

– Не земля это вовсе, а то, что промеж земли и неба обитается, не тот мир и не этот.

– Как же мне понять тебя?

– А вот так и понимай. Воду да огонь ты в себя взял, силушку могучую принял, тем самым тело своё, земной женщиной рождённое, там и оставил. Али не понял ещё ничего, – сказал так старик, а сам знай себе усмехается.

– Так что же это получается, смерть я свою земную под водопадом принял?

– Не смерть ты принял, а одежды поменял. После уразумеешь. А сейчас слушай. Тому, кто море сне пересёк, три дня и три ночи здесь быть позволено, а коли не успеешь обратно, старая твоя одежда, что у водопада под большим камнем схоронена, навек там и останется, и оплачут тебя отец с матерью и помин по тебе справят.

Задумался Алексей, только теперь начал он понимать, какое такое чудо с ним приключилось. А старик меж тем ему и говорит:

– Недосуг сейчас разговоры разговаривать, делом пора заняться. Дам я тебе два совета. Первый: тот, кто здесь пребывает, хлеб из муки не едает. Второй совет: не та еда, что на вид свежа, а та, что землёй рождена.

– Спасибо тебе, добрый человек. Укажи напоследок, в какую сторону мне путь держать, чтобы к замку коздуна выйти?

Указал ему старик дорогу, поклонился ему кузнец, с братьями-рыбаками попрощался, да в путь отправился. Идёт он идёт, а кругом ни души, словно пустыня, ни деревца, ни кустика, одни ветки голые да камни серые. Мрачно всё кругом, неприветливо. Вдруг видит он, впереди будто скала чёрная, остриём своим ввысь поднимается. А на той скале сквозь дымку замок проглядывается. Подошёл он поближе, смотрит, а в скале ступеньки высечены. Поднялся по ним Алексей и на широкий плат попал, впереди ограда высокая. Глядит – ни ворот, ни дверей нигде не видно. Стал он вкрут ограды обходить, входа искать, ничего не нашёл. Глянул вниз с горы и видит, по узкой дороге человек идёт, борода рыжая, чуть не до пояса, а сам в пёстрые одежды богатые разодет, ни дать ни взять купец заморский. Решил Алексей обратно спуститься да с ним потолковать, авось чего да разузнает.

Как спустился Алексей, купец уж к ступеням подошёл и спрашивает его:

– Не на ярмарку, чай, приехал?

– Да, пожалуй, и на ярмарку, – отвечает Алексей, – а ты, я вижу, по делу купеческому?

– Как есть, по купеческому. Лошадьми я промышляю, вот и сегодня заехал сюда, поглядеть, не сыщется ли коня какого доброго, богатырского, чтобы хозяину здешнему не стыдно было показать.

Смекнул тут Алексей, что к чему, мысль одна в голову ему пришла, и говорит купцу заморскому:

– Есть у меня один конь богатырский, да только не мой он, сам я торговать его не могу.

– Так за чем дело стало, приведи мне этого коня сегодня к вечеру в сад, что возле конюшен городских, там и поглядим, стоящий ли товар, али и яйца выеденного не стоит.

– Сам-то я привести его не смогу, но коли есть у тебя такая охота, то приходи к вечеру в условленное место, там коня того и увидишь, только смотри, конь тот не простой, сам в руки не дастся. Если уговоримся после с тобой в цене, скажу я тебе, как с ним обращаться, тогда и забрать его сможешь.

– По рукам, на том и сойдёмся. Буду ждать тебя в кабачке, у главной площади.

Сказал так заморский купец и дальше своей дорогой отправился. Поглядел Алексей в ту сторону, а там и вправду город большой раскинулся, словно из-под земли вырос.

Пришёл он в город, а там народу видимо-невидимо, все на ярмарку съехались. Подошёл он к ближайшей лавке, думал поесть себе чего-нибудь прикупить, да тут вспомнил два совета, что ему старик возле берега моря дал. Отошёл в сторонку и достал из сумки дар Стража Леса Дремучего – корешки да орешки, сушёные ягоды да грибочки. Поел малость и дальше вдоль ярмарки пошёл, в каждую лавку заглядывает, на каждый товар дивуется. Вот лежит ковер заморский, каких только узоров на нём нет, и замки и башни, и сады и водопады, а захочешь в руки его взять, он песочком промеж пальцев и сыплется, капельками стекла к ногам падает. А в каждой капельке огонёк горит, как в очаге у родной матушки, горит и подмигивает, словно весточка из дома.

– *Вох-вох-вох, вях-вях-вях, весь народ-то наш в печях.*

Плавают души кузнецов, на поверку им отцы.

Кто же хочет землю есть, тот не должен быть, как здесь,

Не показывай людям, с чьих краёв прибыл ты к нам.

Не то худо молодцу, оборотному к лицу,

Вмиг узнают его здесь и тогда песком он весь

Обратится в миг один, будет с ними век один.

Вздрыгнул Алексей и оглянулся, стоит перед ним парнишка лет двадцати, весь в лохмотьях цветастых, на голове шапочка с бубенчиками, как есть скоморох, глядит на него и ухмыляется, глазом подмигивает, в сторонку отойти зовёт. Пошёл за ним Алексей, а скоморох за угол завернул, к кучку повернулся и говорит:

– Знаю, знаю, кто ты таков из себя есть. Пока вижу только один я и в этом твоя удача.

– И кто же я такой? – спрашивает его кузнец, а сам глаза прищуривает.

– А отсюда ты, куда многим обитающим здесь хода нет.

– Верно говоришь, – отвечает Алексей, – а как ты про то узнал?

В ответ на это скоморох трижды на месте вокруг себя повернулся и снова запел:

Я не мёртвый, не живой,

И не тот, и не другой,

Я не мальчик и не дед,

Не мужчина в цвете лет,

Я не баба и не девка,

Не сосед и не соседка.

А я тот, чей дом не мир,

Я границы господин.

– И как же это понимать? – удивился Алексей.

– Ковёр песочком в твоих руках обернулся да к ногам капельками стекла упал, а в капельках твоя душа огненная отразилась, – сказал вместо ответа скоморох.

– Как это огненная?

– Там, откуда ты пришёл душа огнём питается, а то место, где ты сейчас находишься, тот огонь достать не может.

Помедлил Алексей и так спросил:

– Так здесь царство мёртвых?

– Так, да и не так, – лукаво улыбаясь, ответил скоморох, – и не мёртвых и не живых, здесь Царство Дрёмы. Ни границу обратно пересечь они не могут, ни дальше пойти. Здесь обиталище тех, кто в снах спящих на земле родился, да плотью и кровью не облачился. Мы те, кто живёт в дремах. И можем делать только то, что пожелают, те, кто спят.

– Чудны твои слова, скоморох, – сказал Алексей, – но где же это видано, чтоб человек сам своей волею сном руководить мог?

– То-то и оно, что руководит! Посмотри вокруг. Кого ты видишь? Вон идут те, кто в шелках, да нарядах, но под богатым убором кандалы и цепи к ногам привязаны, а голову не шапка соболья украшает, а обруч железный и давящий. А видишь ли тех двоих деток, мальчика и девочку? Одежка на них простенькая, ручки и ножки худенькие, зато как они улыбаются и радуются, идут, а сами чуть земли касаются. А вон и дед старый стоит, я давно его знаю, он частый гость здесь, на ярмарке. Придёт, встанет вон у тех ворот и смотрит, сколько народу вошло и сколько вышло, в книжицу особую записывает, учёт ведёт.

– А для чего он это делает? – спрашивает Алексей.

– А он великий доктор, он тот, кто людям эликсиры дурманящие даёт, чтобы в грезы их погрузить. А пока они там пребывать будут, он своё дело исполнит и от болезней внутренних их избавит. Вот и ведёт он здесь учёт тех, кто после зелья легко проснулся и тех, кто оттуда не вернулся.

– Так получается, что те, кто не вернулись, умерли? И здесь поэтому остались?

– Так, да и не так, – снова лукаво заулыбался скоморох, – видишь ли, кузнец, про то ведаёт Страж Дрёмы Текучей, он то тебе обстоятельно и сказать сможет.

– А где мне его сыскать?

– А он всегда сам приходит, коли это нужно будет. Ох, гляди вон, уж не он ли это сам идёт.

Глянул Алексей в ту сторону, куда скоморох указал и глазам своим не поверил, прямо к нему шёл ни кто иной, как отец двух рыбаков. Хотел он про то у скомороха спросить, а его уже и след простыл, как сквозь сон провалился. А Страж Дрёмы Текучей уж и сам к нему подошёл.

– Что, Алексей, дивно царство моё? По душе тебе мои диковинки?

Поклонился ему Алексей и спрашивает:

– Растолкуй мне, сделай милость, это место, куда человек после своей кончины попадает?

Поглядел на него Страж, в усы усмехнулся.

– Пойдём-ка со мной, кузнец, покажу я тебе.

Прошли они сквозь толпу на ярмарке и к густому лесу вышли, а подле того леса озеро оказалось.

– Погляди, Алексей, в водичку-то, может чего и уразумеешь.

Наклонился кузнец над озером и видит – не то дом трехэтажный, не то город стеной высокой обнесённый в три яруса стоит. Стал приглядываться, как вдруг передняя стена словно в тумане растворилась, и увидел он, что находилось внутри. На первом ярусе взад и вперёд снуют махонькие человечки, какие-то

дела делают, заботы свои справляют. На втором ярусе те же люди, но не бегают они, а каждый словно в коконе каком, как если бы его паук в свою паутину завлёк. Качаются себе туда-сюда, а вокруг них маленькими картинками все их заботы летают, всё то, что их занимало и увлекало на первом этаже. Но там-то они могли собственными руками дела свои делать, а здесь, во втором этаже, только смотреть на всё это и могут, а сделать что-то или исправить уже нет, руки-то и ноги паутиной обмотаны, только глаза всё и видят. Смотрит Алексей выше, а там, в третьем этаже, прозрачные тени, как в воде плавают, легко и свободно, словно им и дела ни до чего нет. Пригляделся кузнец, а это всё те же лица, только прозрачные они стали и паутина с них куда-то исчезла. Смотрит он выше, взгляд на крышу упал, а в крыше-то труба узкая-преузкая. Как тень какая вволю налетается, так сразу к этой трубе подплывает, встанет под ней и вмиг внутрь её словно что засасывает. Поглядел кузнец выше, из самой трубы вместо тени махонькая песчинка вылетает, за ней другая, третья, целой вереницей. Махонькие песчинки кружатся, кружатся, а после рыбами становятся, с головами человеческими, да к морю устремляются.

Вспомнил тут Алексей слова Стража Пучины Морской о песчинках из рыбьих останков, да о том, как двое рыбаков из моря рыб с человеческими головами доставали. Подумал про то, да дальше в гладь озерную всматриваться стал.

Вот одна за одной переносятся к морю рыбы из множества песчинок, в воду морскую бултыхаются, да там с другими рыбами плавать начинают. Поглядел Алексей на берег, а там всё те же рыбаки, одну за одной рыбку из воды достают и на берег бросают. Как рыба на берег попадёт, так мигом в песчинки малые и рассыпается. И снова кружатся они, кружатся, только вот в рыб больше не превращаются, а словно в цепочку спиралью сплетаются, а после та спиралька снова в море попадает, только не плывёт она к остальным рыбам, а далеко вдаль устремляется, к противоположному берегу.

Смотрит на всё это Алексей-кузнец, глаз оторвать не может, вот диво, так диво! А в этот момент Страж рукой поверх озера провёл и тут, словно домик пошатнулся, первый этаж заколыхался, всё как рябью водной подёрнулось. А как успокоилась вода, то увидел Алексей между первым и вторым этажом маленькие лесенки и каждая лесенка в свою комнатку ведёт, аккуратно под каждым коконом на втором этаже. Смотрит Алексей дальше, а каждая лесенка ни что иное как та ярмарка, с которой они со Стражем только что вышли. И там каждый человек точь-в-точь как на этой ярмарке отразился. Вон и старик тот, и мальчик с девочкой, и барин, в нарядные одежды одетый, но в озере они каждый в своей комнатке, у каждого своя ярмарка.

– Понял ли теперь, где ты сейчас находишься? – спрашивает его Страж Дремы Текучей.

Не нашёлся Алексей, что ответить на это, только присел на камень возле дивного озера, да голову руками обхватил. А Страж, меж тем к нему подошёл и легонько по плечу похлопал.

– Показал я тебе это неспроста, всё, что здесь увидел, тебе в том замке высоком пригодится, когда деву свою вызволять будешь. Первый, второй, третий этажи и крыша, то всё миры разные, что друг за другом идут, да только не по очереди, а все разом существуют, одновременно. И всё, что в них происходит, тоже в один миг сотворяется.

– А кто таков будет границы господин? Он чей-то сон?

– Не сон он человеческий. Его спит и видит тот, кто за всеми мирами следит. Дам я тебе один подарок заветный, но помни, что использовать его можно только раз, когда это будет, сам увидишь.

Сказал так, а сам ему яйцо протягивает. Подивился на то кузнец, но ничего спрашивать не стал. За подарок поблагодарил, поясню поклонился да на постоялый двор отправился.

Как солнышко зашло, кузнец уж у старых конюшен был. Надел он рубашку, что лесная ведьма ему дарствовала, достал нож, что Оборотником зовётся, рукояткой его в землю воткнул со словами заветными, что Ведьма ему сказала, да и перекувырнулся через него трижды. А на третий раз встал на землю уже не кузнецом, а статным вороным жеребцом, молодым и сильным. И в этот миг у конюшен купец появился. Как увидал он коня, аж руками всплеснул, век такого красавца не видал. Ходит вокруг него, подойти хочет, а конь ему в руки не даётся. Вспомнил купец, что ему Алексей говорил, мол, конь не простой, сам в руки не пойдёт, но коли условимся мы с тобой в цене, то твоим он будет. Подивился ещё раз купец на коня, да к кабачку заспешил, где он с кузнецом о встрече уговорился.

Как ушёл купец, Алексей снова через ножик-то и перекувырнулся трижды, да снова свой человеческий вид обрёл. Снял он с себя оборотную рубашку, в котомку её уложил и вслед за купцом отправился.

Пришёл он к условленному месту, а там купец уж за дубовым столиком пирует. На столе глиняные и деревянные блюда поставлены, а на них и жаркое, и рыба, и соленья, и хлеба из печи румяные лежат. А в стаканах мёд ароматный пенится.

– Садись, Алексей, угощайся, – говорит кузнецу купец, – ничего мне для дорогого гостя не жалко, за всё сам уплачу большой монетой.

– Благодарствую, купец, – отвечает ему Алексей, но не голоден я, с малолетства в закатное время только простой пищей питаюсь, жареного да пареного не едаю.

Сказал так, да и вытащил корешки да орешки, что ему Страж Лесов Дремучих дал, да помнил ещё Алексей, что «не та еда, что на вид свежа, а та, что землей рождена». Подивился на то купец, но ничего не ответил, а рад-радехонек, такой собеседник ему выгоден, денег на него тратить не придётся.

– Поглядел я на твоего жеребца. Любо-дорого! Какую же ты цену за него хочешь? – спрашивает купец.

– Дай-ка подумать, – отвечает Алексей, – денег мне твоих за него не надобно.

Ещё пуще обрадовался купец, ну и кузнец, видать, дурак-дураком, коль за такого коня ему денег не надобно.

– Так чего же ты хочешь за своего коня?

– А нужны мне в услужение три богатыря, да чтоб сильные были да смелые. Дело у меня тут есть, нужны помощники, толковые и надёжные. Коли таких к завтрашнему утру достать сможешь, то конь твой.

– Как не достать, – говорил купец, – есть у меня такие.

– А коли есть, то приводи их завтра поутру к старым конюшням, там ждать вас буду. Если они сгодятся, то через час найдёшь на том же месте коня, дам я тебе уздечку, наденешь на него, тогда он твоим станет.

– По рукам, – отвечает купец.

Не пошёл Алексей на постоялый двор, а к старым конюшням вернулся, котомку себе под голову подложил, да так и лёг спать. И снится ему сон такой. Чёрные цепи руки девичьи обвивают, кругом стены холодные, каменные, под самым потолком оконце узкое, а сквозь него лунный свет пробивается. И тут слышит он девичий голос:

– Тяжко мне одной тут лежать, душат меня стены каменные, давит мне на грудь цепь железная. Истомилась я в неволе у отца моего лютого. Ты приходи, кузнец мой милый, поскорее, ещё только одну ноченьку и один день мне в живых ходить осталось.

Пробудился кузнец, да сам с собой такую беседу повёл: «Как же это получается, что и в мире Дрёмы Текучей сны видеть можно? Что ж это сон во сне, выходит?».

– А вот и не так! – вдруг услышал Алексей.

Глядит, а перед ним тот самый скоморох с ярмарки.

– Ты ведь не спишь. Ты сам своею волею сюда пожаловал, сам своими ногами сюда дошёл, так неужто ты спишь-почиваешь?

– Так как же это тогда? – спрашивает кузнец, – ежели я не сплю, как оказался здесь?

– Ты в воды входил, огонь принимал, одежду свою там оставял. Ты, видно, не разглядел в озере лесенки между этажами. Ты аккурат сейчас на первой, что на второй этаж ведёт. Чтобы тебе попасть сюда, не засыпая, нужно тебе было во сне Великого Спящего оказаться, как и я, что перед тобой стоит. А для этого тело твоё, земной женщиной рождённое, как одежды, снять и в другие облачиться.

Приздумался Алексей, только хотел Господину Границ вопрос свой задать, глядь, а его уж и след простыл.

Не прошло и пяти минут, как из-за угла появился купец, а с ним три дюжих молодца, один крепче другого. Оглядел их Алексей, по плечам похлопал, в сторонку от купца отозвал и спрашивает:

– А случилось ли вам, братцы, страху в лицо смотреть?

– Как не случилось? Бывало, – отвечает первый, – раз пошёл я в тёмный лес по своей надобности, а там черти у костров пляшут и заливаются, плюнул я трижды через плечо, и вмиг всё рассеялось, я дальше и пошёл.

– А я раз отправился на рыбалку, а там вместо рыбы чудище морское поймал, как схватило меня чудище да душить начало. Я нимамо не растерялся, одной рукой его с себя стряхнул, а другой знак заветный на него наложил, оно и ослабело, а после взмолилось, чтоб я его обратно в воду отпустил. Отпустил я его, и через миг у моих ног было рыб всяких видимо-невидимо, чудище из вод дарствовало за своё освобождение.

– А я как-то раз иду по полю, гляжу, а навстречу мне идёт жена моя, только вот знаю я, что умерла она много лет назад. Не сробел я, глянул ей в лицо, да рукой путь преградил, понял я, что это всего лишь воспоминание, в эту жизнь мою мёртвой жене пути нет и видеться нам с ней больше нельзя.

– Вижу, что храбрые вы и сильные, таких мне и надобно, – говорит на то Алексей, – слушайте же, что от вас потребуется. Надо вам раздобыть к вечеру большой котёл и ступу железную. Как поведёт сегодня купец коня к замку, так вы должны уже со всем этим у стен его стоять, да так, чтоб вас видно не было. Как ворота откроются, и купец с конём заходить станут, то изловчитесь, да вместе с ним во двор проникните. Как коня на конюшню поставят, так идите туда, только смотрите, чтобы никто вас там не видел. Под седлом найдёте дорожную сумку, в ней будет вот этот нож, воткните его рукояткой в землю, коня отвяжите, а сами вон выходите и ждите меня. Всё понятно?

Ударили они по рукам. Возвратился Алексей к купцу и уздечку ему отдал. Как ушли купец с молодцами, Алексей снова рубаху надел, да через нож Оборотник трижды перекувырнулся и снова воронным жеребцом сделался. А через час купец уже вёл его под уздечку к замку, хотел он колдуну за большие деньги этого коня продать.

Подошли они к воротам, трижды купец в условленном месте по ограде постучал, вмиг ворота большие появились. Завёл он коня на двор, а следом за ним три молодца незаметно пробрались да за конюшнями спрятались. Глядит купец, а двор полон прислуги, бегают они туда-сюда, из замка на поварни, из поварен в погреба и обратно. Тащат огромные блюда с разными кушаньями, из бочек вино в высокие кувшины переливают, пир у колдуна превеликий, соседний король к нему пожаловал.

Не мешкая, купец туда же поспешил. Вошёл он в огромный зал, посередь него столы большие стоят, от угощений всяких ломятся. На главном месте сам хозяин с королём восседают. У обоих в руках чары золочёные, драгоценными камнями украшенные, а в них зелено вино заморское. Увидал колдун купца, приказал слугам к себе подвести:

– С чем ко мне пожаловал? – спрашивает он его.

– Да вот пришёл я к твоей милости с подарком дорогим, – ответил тот, смекнул он, что ему выгоднее коня не продавать, а в дар предложить, так больше выгоды может быть.

– И что ж за дар твой такой?

– А ты выйди на свой широкий двор, сам всё и увидишь.

Поднялся колдун со своего места, а вместе с ним и король, страсть, как ему захотелось на дар купца заморского поглядеть. Вышли они на двор, глянули и от изумления слова произнести не могут. Стоит посреди двора конь редкой масти, грива шёлком отливает, бока чёрные лоснятся, словно камни драгоценные переливаются на солнце.

– Это ж откуда у тебя конь такой диковинный? – наконец и смог произнести колдун.

– Да вот, не иначе, как чудом мне достался, да только мне ли таким владеть?

– Да, прав ты, таким коням только в королевских конюшнях стоять, – вдруг промолвил король.

Глянул на него колдун, брови нахмурил, но промолчал.

– Ежели условимся мы с тобой о свадьбе моей с твоей дочерью, то отдай за неё в приданое этого коня, – молвил колдуну старый король.

Призадумался колдун, смекнул он уже, что конь то не простой и говорит королю:

– Будь по твоему слову, в день свадьбы с моей дочерью этого коня к твоему месту подведут да подле вас и поставят.

– Уважил ты меня, сразу две диковинки в своё королевство увезу.

– Отведите коня в мои конюшни, а купца щедро наградите из моей казны золотой, да за пиршественный стол усадите, чарку вина налейте, пусть ест, пьёт во славу мою и во славу моего дорогого гостя, – велел колдун своим слугам.

Только молодцы хотели на конюшню зайти, смотрят, а туда колдун направляется, решили они и дальше хорониться, покуда он не уйдёт. А колдун стал вокруг коня расхаживать, глядит на него, а сам думу думает. А после подошёл к нему, морду к себе повернул и в глаза заглянул.

– Не простой ты конь, – сказал вслух колдун, – да я-то тебя вижу. Что ж поглядим, как ты дальше себя вести будешь.

Сказал так да в замок вернулся, в башню к дочери поднялся.

– Что, дочь моя? Последний день твой остался, сегодня полная луна на небе будет, твои часы сочтены. Каково же будет твоё последнее слово?

Сурово поглядела на него Дева и говорит:

– Никогда не бывать по слову твоему. Смерть лучше приму, но замуж за короля не пойду, что хочешь со мной делай, но от слова своего не отступлюсь.

– Ну, коли так, то сама ты свой конец выбрала, на рассвете не станет тебя, – злобно ответил колдун и вернулся в залу.

– Ну что твоя дочь? – спрашивает его король, – согласна ли за меня замуж идти?

– Не дочь она мне боле, – гневно ответил колдун, – как первый луч блеснет, так умрёт она.

Рассердился на такие слова старый король.

– Как так, ты ведь мне слово давал, что моей она станет.

– Слово-то я своё давал, только не берёт её никакое колдовство, не желает она волю отцовскую исполнить, а коли так, то и я от своего слова не отступлюсь, умрёт она на рассвете.

В это время трое молодцов на конюшню зашли, из-под седла сумку достали, коня отвязали и нож, как было велено, в землю воткнули. Как вышли они во двор, конь мигом через тот нож трижды перекувырнулся и снова человеком сделался. Приказал он молодцам возле пиршественной залы в укромном месте дожидаться, благо всяких чуланов да клетей там было предостаточно. А сам меж тем к башне отправился. С особыми словами отпер он железную дверь вторым ножом Избавником, что Ведьма ему дала, и стал наверх подниматься. На самом верху открыл дверь темницы, где Дева была. Как зашёл он, то сердце его чуть не оборвалось, на полу без памяти лежала необыкновенной красоты дочь колдуна. Подбежал он к ней, голову приподнял, стал звать по имени. Чуть приоткрыла она глаза, еле улыбнулась.

– Нашёл ты меня, нашёл, милый мой Алексей, – едва слышно прошептала она.

– Только не сейчас, только не умирай, – как в лихорадке зашептал кузнец, – потерпи ещё немного, скоро всё кончится.

– Невмоготу мне больше, до первого луча солнца мне жить осталось, силы меня уже покидают.

– Нет, нет, – с жаром ответил Алексей и прижал Деву к груди, – никому я тебя не отдам, радость моя, любушка моя ненаглядная.

Сказал так, да собрался замки, что цепи на её руках держали, ножом отпереть. Поднёс он нож к замкам, не успела Дева его остановить, как прогремел такой гром, башня зашаталась. Ахнули гости в зале от такого грома, вскричал старый король, а ветры пуще прежнего завывли, да такой ураган в самой зале поднялся, все столы и лавки опрокинул. Увидали то гости, побросали свои кубки, да тарелки, да прочь из замка убежали, а пуще всех нёсся старый король, такой страх на него напал, что бежал он из замка, только пятки сверкали.

– Не успела я тебе сказать, – зашептала кузнецу Дева, – заколдовал отец сегодня замки на цепях моих, прости меня, – сказала так и снова чувств лишилась.

В этот же миг на пороге колдун появился.

– Чуяло моё сердце, что не простой ты конь. Так зачем пожаловал? Хотя вижу я, что тебе надобно. Только не бывать этому, не увезёшь ты отсюда моей дочери. Ход для вас обоих закрыт.

– Отчего же закрыт? – воскликнул кузнец, – знаю я обратный путь и тебе нас не удержат.

– Ты-то, может, и сможешь обратно вернуться, а вот дочери моей из Царства Дрёмы Текучей путь заказан. Али не знал, кто она из себя есть?

Всеми чувствами напрягся кузнец, но вида не показал.

– Она прекрасная Дева и моя невеста, и я увезу её отсюда, чего бы мне это ни стоило!

Расхохотался на то злой колдун.

– Ничего-то ты не знаешь и мать её знать не могла. Чтобы моей дочери там, на земле сырой оказаться, именно я и только я, живым здесь пребывая, должен в своём сне её увидеть. А ты, коли убьёшь меня, то станешь сам только воспоминанием того, кто тебя на земле во сне увидит. Я сын того, кому время подвластно, я сон того, кого Великим Спящим нарекают. Не тебе, простому смертному, со мной тягаться! В моей власти время у людей забирать и назад не отдавать. Вечен я, покуда род человеческий существовать будет и сны свои смотреть не перестанет. А дочь моя, что ниточка, меня с земной женщиной связывает. Хоть и не простая та женщина, а Ведьма сильная, Хранительница Лесов Дремучих, но всё же рождена она на вашей земле была и моею волею в этом замке оказалась. Ты не гляди, что мы в Царстве Дрёмы, у меня здесь свои законы и я в этом замке полный хозяин.

– Так зачем же ты её за короля замуж собрался отдавать, коли она для тебя путеводная нить на нашу землю, в наш мир? Она ведь тебе самому здесь нужна?

Ещё пуще расхохотался колдун.

– У того королька под властью тысячи душ, в его королевстве живут те спящие, что с твоей земли, с того края, где ты родился и где её мать родилась. А коли так, то и она там, в те королевские леса захаживает, когда сны свои видит. И там я смогу её достать, ведь путь мне через дочь мою туда открыт будет. Сильна она, и когда от меня убежала, то зачаровала себя, и я более не имею над ней власти, не могу её сюда вызвать и через неё время людское себе в вечность забирать. Год как я новыми силами не пополнялся.

– Так отчего ж ты другую не найдёшь?

– А оттого, что в сотни, а то и тысячи лет только одна Ведьма силы такой родится и может, иначе не выдержит ваш мир такой могучей силушки и попросту взорвётся. Её мать своими силами ваш мир питает. А если она со мной вместе будет, то на многие десятки тысяч лет только одни мы править будем в вечности безграничной. Её дочь связывает нас и две силы в себе таит, мою и своей матери. Коли она на землю вернётся, ваша земля расколется. Али хочешь для родимой земли своей такой страшной участи?..

Словно раскат грома захохотал колдун, так что лампы на потолках закачались.

– Глуп ты, сын Вёлунда, не справишься тебе, простому кузнецу, со мной и со временем.

Тут Алексея слуги колдуна схватили, руки-ноги ему цепями сковали и в глубокий подвал утащили, там и заперли.

Долго ли коротко, но заждалась мать своего сына, места себе не находит, тяжело ей в неведении пребывать. Смотрит она в окошко, а на ночном небе луна уж полная. И вдруг захотелось ей в лес дремучий прогуляться, по тропинкам походить, грусть-тоску свою развеять. Идёт она идёт, и слышит, будто ветки впереди захрустели, никак шаги чьи-то. Глядит, у высокого дуба женщина стоит и к себе рукой подзывает. Подошла к ней кузнецова мать, поприветствовала, а Ведьма ей и говорит:

– Знаю я, о чём тоска твоя кручинушка. Сына своего домой ждёшь. Только слезами тут не поможешь. В беде он великой, помогать ему надо.

Зарыдала кузнецова мать, на землю повалилась.

– Всё, что нужно, я сделаю, только научи меня, как сыну помочь да из беды его вызволить.

– Всю эту ночь тебе спать нельзя будет, что бы ни случилось, что бы ни произошло, что бы ты ни увидела, нельзя убояться и нельзя глаз ни на минуту смыкать. Выдержишь?

– Всё выдержу, падать буду, терпеть буду, но выдержу! Ради сына на всё согласна.

– Тогда слушай меня внимательно. Мне в это время тоже спать нельзя будет, дочь моя с твоим сыном в такой же беде. Вместе с тобой мы должны детям нашим помочь, сила материнской любви сильнее любого колдовства. Три часа до полной луны осталось, мешкать нельзя. Идём сейчас со мной.

Вышли они на опушку, в самом центре огромный и широкий ясень растёт, макушкой в самое небо упирается, тремя корнями глубоко в землю зарывается. Промеж двух здоровенных корней длинный дом стоит. Окна в нём разноцветные: зелёные, синие и аленькие. Сам дом, словно пряник печатный, будто глазурью покрыт, до того красивый. Около дома садик небольшой, а в нём травы да цветы разные. Чуть поодаль ещё один домик, но небольшой и с одним только оконцем. Перед ним кострище сложен. На больших железных треногах котёл подвешен, дым из него зеленоватый валит, аромат от него с цветочным смешивается и такой дурман от этого благоухания, что голова кругом идёт.

Зашли они через плетёную калитку и в дом направились. В центре горницы, что во всю длину дома, очаговая яма, камнем обложенная, а в ней огонь горит, над которым с одной стороны в большом чугунном котелке что-то кипит и булькает, а с другой на железных крюках рыба подвешенная коптится. Земляной пол соломой душистой устелен. Высоко под самой крышей, недалеко от дымоходного окошка к деревянным балкам пучки трав подвешены. На полках глиняная и деревянная посуда: высокие и низкие горшки и миски, кувшины да чарки. В дальних углах два больших кованых сундука и деревянных ларя, а вдоль стены длинный дубовый стол, а на нём всякие предметы диковинные, всё, что для ведьминоного обихода требуется. Над столом висят масляные лампы, а стену за ним подпирают два большущих столба с вырезанными на них древними знаками.

Подала Ведьма женщине напиток из котла.

– Пей дочиста и ничего не бойся. И помни, как выпьешь, то не должна ты ни одного звука до самого рассвета произносить. Захочешь кричать, кричи беззвучно, ни звука, иначе всё напрасно будет и ни сына твоего, ни дочь мою спасти мы уже не сможем. Терпи!

Кивнула бедная женщина и весь кубок до последней капли осушила. И тут, словно острым клинком ей горло пронзило. Поднесла она к нему руки, закричать от боли захотела, но Ведьма уже к ней подбежала и крепко обняла.

– Терпи, терпи ради сына, – прошептала она ей на ухо.

Через миг боль отпустила и всё поплыло. Мать кузнецова на пол повалилась и глаза закрыла.

– Только не спи, – снова прошептала Ведьма, – спать нельзя, помни об этом.

С этими словами она тот же напиток себе налила и весь кубок также до последней капли осушила. Схватила за горло, на коленки подле кузнецовой матери упала, но ни звука не вымолвила. Взяла её за руку и глаза закрыла. Тут же поплыла у неё перед глазами башня высокая, а в ней дочь её без памяти, цепями прикованная, на замках железных. Подплыла она к дочери, рукой поверх головы провела.

– Доченька, моя доченька, пробудись от сна глубокого, бежать вам с Алексеем скорее надо, да землю нашу от колдуна лютого спасти.

Открыла глаза прекрасная Дева, мать свою увидела. Потекли по щекам у неё слёзки буйные.

– Мамочка, мамочка моя родная, как же ты, как здесь оказалась? – хотела она её обнять, к груди её прижаться, но руки в цепях лишь сквозь неё прошли.

– Не из плоти я здесь и крови, а из воздуха. Тело моё там, далеко, на земле, а рядом со мной матушка твоя будущая, кузнецова мать, так же со мной рядом лежит. Мы пришли помочь вам. Ты только очнись, не засыпай больше, вижу я, что хитёр колдун и одним вам не справится.

Лежит Алексей на каменном полу, руки-ноги связаны. Вкруг него под сводами подвальными вороны летают, страшными голосами каркают, панихиду по нём уже справляют. Ни пошевелиться, ни на помощь позвать. Что делать, как спастись, не ведает. Вдруг послышался ему тихий шелест, словно кто приближается, лёгким ароматом весенних роз повеяло, как чудесным ранним утром в родной сторонке. Еле слышно над ухом кто-то прошептал: «Сыночек мой, ничего не бойся, я рядом». И узнал он, узнал голос родной, такой нежный и мягкий.

– Мамонька, мамонька дорогая, как ты здесь оказалась? Да неужто за мной такой страшный путь проделала?

Глядит, а она пола каменного ногами не касается.

– Неужели всё это мне только чудится, видеть, смерть за мной уж по пятам ходит, раз дают мне с родимой матушкой напоследок свидеться.

– Нет, мой Алексей, не чудится это тебе. Мы с матушкой прекрасной Девы помочь вам пришли. Дала она мне зелье колдовское, выпила я и тебя вот увидеть смогла. С собою я силу с родимой земли принесла. Вспомни о заветном мешочке, что на груди у тебя, дар Стража Лесов Дремучих.

Как вспомнил об этом кузнец, так ощутил в себе силу могучую, мигом цепи разорвал и перед матерью во весь свой богатырский рост встал.

– Не теряй теперь времени, отпирай замки и беги Деву выручать.

– Спасибо тебе, матушка, хоть бы ещё чуть на тебя поглядеть да обнять тебя крепко, но знаю, что время уже близко и надо спешить.

Выбрался он из подземелья, до башни крадучись добежал и наверх поднялся. Открыл дверь железную, а там Кольгрима, мать Девы, ему на встречу вышла.

– Стой, вспомни, что в прошлый раз было. Не отпереть замки с цепей ножом моим. Возвращайся в большой зал и убей колдуна, тогда и цепи сами спадут. И не забудь ничего из того, чему я тебя учила. Помни, что было тогда на болоте, то и сейчас должно быть, мы в мире зеркальном.

Вышел Алексей на двор, воздуха полные лёгкие вдохнул, нож, что Страж Огней Болотных ему дарствовал, в кулаке зажал и пошёл в замок. Подозвал он своих помощников и приказал на страже быть, как позовёт их, вмиг рядом чтобы оказались. И вошёл в залу.

– Не ждал меня здесь увидеть, – крикнул он колдуну, – не думал, что освободиться смогу?

– Ах ты ж сопля! – вскричал колдун, – ну ничего, из подвала ты выбрался, только вот хватит ли у тебя силёнок меня одолеть?

Как взмахнул он рукой своей, так Алексея вверх и подбросило, да к стене откинуло.

– Не сробею я перед колдовством твоим, не боюсь я тебя и твоей силы, – вскричал Алексей и с колен поднялся.

И тут его словно кто в бок ткнул и быстро проговорил:

– Не оглядывайся, руку тихонько назад протяни.

Узнал Алексей голос Господина Границ и протянул назад руку. За спиной тяжёлая штора раздвинулась, а из неё скоморох ему в руку зеркальце положил.

– Вытяни перед собой зеркало и иди смело, не сможет он тебе ничего колдовством сделать, покуда перед тобой будет его отражение, смотри, зеркало на него направляй, чтобы он там отражался.

– А знаешь ли, как меня в родном крае кличут, – крикнул он колдуну, – имя моё – не знающий смерти и ничего ты мне не сделаешь!

И с этими словами выставил он перед собой руку с зеркалом.

Завопил колдун страшным голосом, руки у него от гнева затряслись, кулачищи так взд и вперёд заходили.

– Ах, ты пройдоха, собачий ты сын! Ну да ничего, найду я на тебя управу...

Свистнул он трижды, и выбежали волки лютые, свирепые и страшные. Рычат они на кузнеца, скалятся.

– Вот мои слуги верные, – говорит им колдун, – видите недруга моего? Убейте его, в клочья разорвите, в живых не оставьте!

Кинулись тут на него волки лесные, уж и пасти раскрытые совсем близко, как варут, словно ветер по деревьям пронёсся, такой шум поднялся и встал между ними Страж Лесов Дремучих и прокричал громовым голосом.

– Стой, серая свора! Вы из лесов моих и я господин вам, здесь вы только сон и живому человеку сделать ничего не сможете. Проснитесь на земле, я приказываю вам!

И тут всё вдруг стихло. И волки, и Страж в воздухе растворились.

– Повезло тебе на этот раз, – рыкнул ему колдун, – но поглядим, как ты с *этим* справишься?

Трижды он в ладоши хлопнул и вдруг, откуда ни возьмись, хищные птицы со всех сторон на кузнеца налетели. Огромными крыльями забить его хотят, когтями глаза выцарапать, клювами до смерти заклевать. Не успел Алексей и в сторону отпрыгнуть, как затрясся воздух, гул такой прокатился по зале, словно сотни голосов эхом в горах закричали. И появился Страж Горных Круч и между хищными птицами и Алексеем встал.

– Стой, стая могучая, вы в горах моих вольными птицами летаете, но под моей властью ходите. Не хозяин вам колдун сей, нет у него над вами силы, вы лишь сон с земли. Проснитесь же! Проснитесь!

И тут всё снова исчезло, ветер и гул затихли.

– И здесь тебе помогли! – пуце прежнего закричал колдун. – Поглядим, что ты на *это* скажешь...

И тут ударил он трижды посохом, расступился пол под ногами Алексея, еле успел он за штору схватиться. Из недр вдруг вода хлынула, а из воды чудище морское с огромной пастью показалось. И только

оно его схватить собралось, как прогремела молния, забурлила вода, тайфун по ней пронёсся и встал между Алексеем и чудищем Страж Пучины Морской.

– Вы, воды буйные и ты, рыба морская, под моей волею, под моей властью пребываете. Здесь вы только сон, ничего вам с кузнецом не сделать. Приказываю вам, проснитесь!

И опять всё пропало, растворилось, даже капли воды на полу не осталось.

Рассвирепел злой колдун, хотел на Алексея с кулаками броситься, смотрит, а нет его нигде. А кузнец, покуда волны призрачные бушевали, не растерялся и по шторам до трона колдуна тихонько пробрался да за спиной его спрятался, пока тот в ярости кулаками на Стража махал.

– Обернись и бой прими честный, – крикнул тут Алексей.

Резко оглянулся колдун, не ожидал он кузнеца так близко увидеть. Выхватил он свой меч, да на кузнеца замахнулся. А у того в одной руке заветный нож, а в другой яйцо живое, что Страж Дрёмы Текучей ему дарствовал. Изловчился Алексей и со словами: «Живое в живое», – выставил вперед яйцо и всадил нож, тот, что Стражем зовётся, колдуна в самое сердце. Взвыл колдун и повалился на пол.

Зычно крикнул Алексей своим помощникам, они тут в залу и вбежали, приказал он им тело колдуна взять и на середину залы перенести. Подошёл он к нему и нож с сердцем злодея вытащил, тремя пальцами поднял и на свет полной луны поднёс. Лунный луч в самую середину чёрного сердца упал, заклокотало оно в руках кузнеца, задёргалось, только он его из рук не выпустил.

Приказал Алексей помощникам котёл большой притащить да над огнём, что в большом камине горел, подвесить и воду там вскипятить. Как всё готово было, взяли молодцы тело колдуна, в котёл его бросили и варили, пока одни кости не остались. А после подошёл кузнец к котлу и яйцо достал. Разбил его, а из него чёрная зловонная жижа в котёл потекла.

– Вот она, суть колдунова, – сказал так и перевернул котёл.

Взял Алексей череп колдуна, положил в него чёрное сердце злодея и в суму спрятал.

– А теперь берите кости его и что есть мочи толките их в ступе, пока они в муку не превратятся, – приказал он молодцам.

Истокали они кости, кузнец муку в мешочек пересыпал и сказал бить молотками на наковальне, пока весь прах колдуна не выветрится. Стали бить молодцы по мешку молотками, по всей зале такой вой страшный поднялся, стены загудели, пол ходуном заходил и рухнул страшный замок, вместе со всеми башнями, конюшнями и пристройками, как сон весь он целиком пропал.

Стоит посреди чиста поля Алексей с молодцами, а к ним навстречу прекрасная Дева бежит. Цепи с замками с неё в тот миг спали, как сердце колдуна под лунным лучом оказалось.

Кинулся к ней навстречу Алексей, подхватил на руки да крепко к сердцу прижал.

Тут и обе матушки к ним вышли, ногами земли не касаясь.

– Дочь моя милая, – сказала Кольгрима и протянула воздушные руки прекрасной Деве, – не суждено нам с тобой было вместе жизнь прожить, не расчёсывала я твоих длинных волос частым гребнем, не заплетала я твои косы чёрные, не глядела в глаза твои зелёные, не целовала в щёчки нежные, не пела я тебе колыбельных песен да по утру не лила на твои белые ручки воды студёной.

– Что ты матушка, что ты, зачем говоришь так? – взмолилась Дева и к матери кинулась, – да неужто ещё какая беда на нас обрушиться может, говоришь со мной, словно прощаешься, – со слезами запричитала Дева.

– Милое моё дитяtko, не беда это, а судьба. Долго прожила я на земле, много у меня там забот было, теперь тебе черёд это дело правое творить на радость и процветание всем людям. Не можем мы с тобой там вместе людьми пребывать, только одна из нас сможет в том мире остаться. Сила в нас великая, а в тебе ещё и от отца досталась, только смотри во вред другим этот дар не применяй! А теперь, Алексей, бери сон-траву, что тебе Страж Лесов Дремучих дарствовал, – сказала она кузнецу, – моя дочь знает, что делать.

Расплакалась тут прекрасная Дева, мать на прощанье обнять хочет, но не может, ведь призрачная она.

– Не тужи, девонька, помни, что мы с тобой всегда здесь встретиться сможем, в великом Царстве Дрёмы Текучей. А теперь вместе с суженым проглоти эту травку, в тот раз ты по воле сна отца своего на земле оказалась, а теперь вам обоим от сон-травы уснуть надо здесь, чтобы там проснуться. А ты, Алексей, не забывай по дороге колдунов череп хлебом каменным кормить, что тебе Страж Горных Круч дарствовал, не то изведёт он вас. Тело то вы его убили, душу уничтожили, но дух его ещё цел...

Как исчезли призрачные матушки, достал Алексей сон-травы, взяла её Дева в свои руки и начала растирать. Послышался запах кореньев, горький и приторный, во рту ощутилось вязкое послевкусие.

– А теперь, Алексей, положи в рот этой травки и начинай жевать, я сделаю то же самое, иначе нам никогда не попасть в мир людей.

Взял Алексей из рук Девы растёртые корешки, положил в рот и начал жевать. Тут почудилось ему, что тело его словно одревенело, он закрыл глаза и ощутил монотонный гул в ушах.

– Ничего не бойся, – сказала Дева и прикоснулась к его плечу.

Алексей вздрогнул и открыл глаза.

– Так должно быть.

– Я сейчас усну?

– Не совсем, это не будет сном, после уразумеешь.

Гул всё нарастал, дыхание словно прекратилось. На миг всё растворилось, а как открыл Алексей глаза, так увидел, что он под камнем большим возле водопада лежит, а рядом с ним его прекрасная Дева.

Поднялись они на ноги, к сердцу друг дружку прижали, а им навстречу уж Страж Пучины Морской идёт.

– Молодец ты, Алексей, всё выполнил, со всем справился, а теперь тебе надо снова в водопад войти, да одежды свои земные надеть.

Сделал Алексей всё, как Страж ему велел, и отправились они с Девой дальше. Долго шли они, путь не близкий. Подошли они к высоким скалам непроходимым и тут из сумы голос колдуна раздался.

– Неужто дочь моя над отцом не жалится, хлеба отцу своему не подаст, помирая я от голода.

Достал кузнец череп колдуна, а Дева хлеб каменный ему подала.

– Не едать мёртвому пищи живых.

Тут скалы перед ними расступились, и они на ту сторону спокойно перешли, поклонились Стражу Горных Круч и дальше направились. Подошли к лесу тёмному, деревья перед ними расступились и они скоро на другой сторонке уж были. Поблагодарили они Стража Лесов Дремучих, а там уж и до родимой стороны рукой было подать.

Не помня себя от радости, бросилась кузнецова мать ему на шею, а после и невестку расцеловала. Повела она им, что лесная Ведьма перед смертью добровольной своей дочери наказывала, чтобы с мужем она в её доме жила, да дело своё исправно творила да людям помогала.

А после отправился кузнец с прекрасной Девой к болоту, что за двурогим холмом. Вытащили они череп и сердце злого колдуна, да в дар Стражу Огней Болотных поднесли, чтобы блуждающим огням предал.

Вспыхнул череп, сердце чёрное загорелось, поднялся вихрь и в болото их перенёс. Заклокотала жижа да поглотила колдуновы останки. Показался тут перст Стража и громовой голос по болоту разнёсся:

– Кости к костям. Муки к мукам. Освобождение за справедливое возмездие.

Вернулись домой Алексей с Девой. Свадьбу добрую сыграли. Три дня пили, ели да плясали, а на четвёртый домой к себе ушли на долгое житьё.

В старину говорили: что кузнец, что ведьма должны поодаль от людей жить, ибо таково их занятие, что глаз людской не всегда видеть должен!..

УИЛЬЯМ ЭРНСТ ХЭЙЛИ

в переводах с английского Игоря Лосинского

BALLADE OF DEAD ACTORS

Where are the passions they essayed,
And where the tears they made to flow?
Where the wild humours they portrayed
For laughing worlds to see and know?
Othello's wrath and Juliet's woe?
Sir Peter's whims and Timon's gall?
And Millamant and Romeo?
Into the night go one and all.

Where are the braveries, fresh or frayed?
The plumes, the armours – friend and foe?
The cloth of gold, the rare brocade,
The mantles glittering to and fro?
The pomp, the pride, the royal show?
The cries of war and festival?
The youth, the grace, the charm, the glow?
Into the night go one and all.

The curtain falls, the play is played:
The Beggar packs beside the Beau;
The Monarch troops, and troops the Maid;
The Thunder huddles with the Snow.
Where are the revellers high and low?
The clashing swords? The lover's call?
The dancers gleaming row on row?
Into the night go one and all.

БАЛЛАДА О МЁРТВЫХ АКТЁРАХ

Где страсти, что они переживали,
Где слёзы, что умели вызывать?
Где дикость нравов, та, что бичевали,
Чтоб мир их смог узнать и осмеять,
Джульетты горе и Ромео страсть,
Отелло гнев и ревность без причин,
Жёлчь Тимона¹ и Милламанты² власть?
Уходят в ночь, все как один.

Где мантии, что там и здесь блистали,
Парча и бархат – лучше не сыскать,
Плюмажи, латы, шлемы для баталий,
Наряды, чтобы при дворе блистать,

Великолепие, пир королевский, знать,
Шум карнавала и военный гимн,
Горячность, юность, обаянье, стать?
Уходят в ночь, все как один.

Дан занавес, и пьесу доиграли:
Франт и Бедняк, пришла пора сдавать
Костюмы, их Король и Дева сдали!
Снег или Дождь идёт – не разобрать.
Где шпаги и влюблённых рать,
Гуляки – знатный и простолюдин,
Танцоры, что хотят плясать, плясать?
Уходят в ночь, все как один.

¹ Тимон Афинский, легендарный мизантроп – заглавный герой трагедии Уильяма Шекспира «Жизнь Тимона Афинского».

² Милламанта – героиня комедии Уильяма Конгрива «Так поступают в свете», предмет обожания главного героя.

BEFORE

Behold me waiting – waiting for the knife.
A little while, and at a leap I storm
The thick sweet mystery of chloroform,
The drunken dark, the little death-in-life.
The gods are good to me: I have no wife
No innocent child, to think of as I near
The fateful minute; nothing all-too dear
Unmans me for my bout of passive strife.

Yet I am tremulous and a trifle sick,
And, face to face with chance, I shrink a little:
My hopes are strong, my will is something weak
Here comes the basket? Thank you. I am ready
But, gentlemen my porters, life is brittle
You carry Caesar and his fortunes – steady!

ДО НАЧАЛА

Смотри, я жаду – и жаду я нож стальной.
Недолго уж – и брошусь я, как в шторм,
В мрак пьяный, в сладость тайны, в хлороформ,
Где ты немного мёртвый, но живой.
Ни с маленьким ребёнком, ни с женой –
Хвала богам – не надо в мыслях мне
Быть в этот час: привязанностей нет,
Чтоб мужества лишить. Вступаю в тихий бой.

Пусть я лишь пациент дрожащий, пусть
Лицом к лицу с судьбой усох слегка,
Надежды твёрды. Воли бы чуть-чуть.
Носилки здесь? Готов. Спасибо. Можно.
Но, санитары, господа, жизнь так хрупка,
Судьбу вы Цезаря несёте: осторожно!¹

¹ Аллюзия на слова Цезаря, которые он сказал испуганному кормчему на лодке во время ночной бури: «Чего тебе бояться? Ты везёшь Цезаря и его судьбу!» («*Caesarem vobis Caesarisque fortunam*» – *лат.*).

WHEN THE WIND STORMS BY WITH A SHOUT

When the wind storms by with a shout, and the stern sea-caves
 Rejoice in the tramp and the roar of onsetting waves,
 Then, then, it comes home to the heart that the top of life
 Is the passion that burns the blood in the act of strife –
 Till you pity the dead down there in their quiet graves.

But to drowse with the fen behind and the fog before,
 When the rain-rot spreads and a tame sea mumbles the shore,
 Not to adventure, none to fight, no right and no wrong,
 Sons of the Sword heart-sick for a stave of your sire's old song –
 O, you envy the blessed death that can live no more!

КОГДА РЕВУТ ВЕТРА НА МОРЕ

Когда ветра ревут на море, а в прибрежных скалах
 Пещеры – дом для гула волн и путников усталых,
 Тогда, тогда дано понять, что жизни всей венец –
 Страсть, что сжигает кровь, пока мы, наконец,
 Жалеть не станем мёртвых в их могилах старых.

Не спите, раз болото и туман вокруг. Не верьте,
 Когда сквозь дождь безвольно море мямлит что-то тверди.
 Чем riskовать? За что бороться? Смысла нет, увя.
 Сыны Меча, не слыша в сердце песен предков, вы
 Завидуете той, что жить уже не хочет – смерти!

BESIDE THE IDLE SUMMER SEA

Beside the idle summer sea,
 And in the vacant summer days,
 Light Love came fluting down the ways,
 Where you were loitering with me.

Who have not welcomed even as we,
 That jocund minstrel and his lays
 Beside the idle summer sea
 And in the vacant summer days?

We listened, we were fancy-free;
 And lol in terror and amaze
 We stood alone – alone and gaze
 With an implacable memory
 Beside the idle summer sea.

РЯДОМ С ЛЕНИВОЮ ЛЕТНЕЙ ВОЛНОЙ

Рядом с ленивою летней волной,
 Славными летними праздными днями
 Лёгкой любви прозвучала над нами
 Музыка, там, где гуляли порой.

Кто, как не мы, наслаждались с тобой,
 Как менестрели нам пели часами
 Славными летними праздными днями,
 Рядом с ленивою летней волной?

Нашу свободу мы выбрали сами,
Только однажды, недоброй порой,
Мы одинокими стали с тобой;
С нами лишь неумолимая память
Рядом с ленивого летней волной.

A LOVE BY THE SEA

Out of the starless night that covers me,
(O tribulation of the wind that rolls!)
Black as the cloud of some tremendous spell,
The susurration of the sighing sea
Sounds like the sobbing whisper of two souls
That tremble in a passion of farewell.

To the desires that trebled life in me,
(O melancholy of the wind that rolls!)
The dreams that seemed the future to foretell,
The hopes that mounted herward like the sea,
To all the sweet things sent on happy souls,
I cannot choose but bid a mute farewell.

And to the girl who was so much to me
(O lamentation of this wind that rolls!)
Since I may not the life of her compel,
Out of the night, beside the sounding sea,
Full of the love that might have blent our souls,
A sad, a last, a long, supreme farewell.

ЛЮБОВЬ У МОРЯ

Из ночи мрачной, что окутала меня,
(О, ветра скорбь, что холодом подул!)
Той, что чернее злого заклинанья,
Вздыхающее море, боль храня,
Звучит как шёпот двух несчастных душ,
Рыдающих в миг страстного прощанья.

Желаньям, что вдохнули жизнь в меня,
(О, ветра грусть, что холодом подул!)
Тем снам, что мне казались предсказаньем,
Мечтам, что к ней летели, страсть храня,
Всему, что мило для счастливых душ,
Я предпочёл безмолвное прощанье.

И девушке, столь близкой для меня,
(О, ветра плач, что холодом подул!)
Раз покорить её не в состояньи,
Из ночи штормовой, любовь храня,
Не ставшей средоточьем наших душ,
Я шлю последнее и высшее прощанье.

A DESOLATE SHORE

A desolate shore,
The sinister seduction of the Moon,
The menace of the irreclaimable Sea.

Flaunting, tawdry and grim,
From cloud to cloud along her beat,
Leering her battered and inveterate leer,
She signals where he prowls in the dark alone,
Her horrible old man,
Mumbling old oaths and warming
His villainous old bones with villainous talk –
The secrets of their grisly housekeeping
Since they went out upon the pad
In the first twilight of self-conscious Time:
Growling, hideous and hoarse,
Tales of unnumbered Ships,
Goodly and strong, Companions of the Advance,
In some vile alley of the night
Waylaid and bludgeoned –
Dead.

Deep cellared in primeval ooze,
Ruined, dishonoured, spoiled,
They lie where the lean water-worm
Crawls free of their secrets, and their broken sides
Bulge with the slime of life. Thus they abide,
Thus fouled and desecrate,
The summons of the Trumpet, and the while
These Twain, their murderers,
Unravined, imperturbable, unsubdued,
Hang at the heels of their children – She aloft
As in the shining streets,
He as in ambush at some accomplice door.

The stalwart Ships,
The beautiful and bold adventurers!
Stationed out yonder in the isle,
The tall Policeman,
Flashing his bull's-eye, as he peers
About him in the ancient vacancy,
Tells them this way is safety--this way home.

ПУСТЫННЫЙ ПЛЯЖ

Пустынный пляж,
Луна зловецом искушает,
Ненсправимый Океан грозит.

Высокомерна, деспотична и безвкусна,
Ведя от облака до облака дозор,
Бросая искоса усталый злобный взгляд,
Она сигналы шлёт: там, в темноте, один
Крадётся отвратительный старик,
Он древние бормочет клятвы, оживляя
Рассказом мерзким мерзостную старость

Об их сожительства, что страх вселяет, тайнах,
 С тех пор, когда они себя явили миру
 В закате Времени, что познаёт само себя:
 Уродлива, она, хрипя, переходя на крик,
 Плетёт о Кораблях бессчётных небылицы,
 Огромных, мощных Рыцарях Атаки,
 В каком-то мерзком закоулке ночи
 Устроивших во всеоружии засаду, –
 Они мертвы.

Прекрасно в древнем иле сохранившись,
 Разрушены, грязны, осквернены,
 Они лежат, и водяным червям,
 Питающимся слизью жизни,
 Нет дела до секретов их и сложенных идей.
 Так ждут они покорно,
 В бесчестии позора зов Трубы,
 В тот час, как их убийцы, эти Двое,
 Невозмутимы, непокорны, недоступны,
 Пытаются детей своих догнать: Она –
 Превыше всех, как на святящихся бульварах,
 Он – скрывшись, как в засаде у дверей.

Флот верных Кораблей,
 Красивых яростных авантюристов!
 Поставленный на острове стоять,
 Высокий Полицейский всё вокруг
 Осматривая и сверкая линзой,
 С извечной безучастностью сказал им,
 Что безопасен этот путь, что это путь домой.

MARGARITAE SORORI¹

A late lark twitters from the quiet skies:
 And from the west,
 Where the sun, his day's work ended,
 Lingers as in content,
 There falls on the old, gray city
 An influence luminous and serene,
 A shining peace.

The smoke ascends
 In a rosy-and-golden haze. The spires
 Shine and are changed. In the valley
 Shadows rise. The lark sings on. The sun,
 Closing his benediction,
 Sinks, and the darkening air
 Thrills with a sense of the triumphing night –
 Night with her train of stars
 And her great gift of sleep.

So be my passing!
 My task accomplish'd and the long day done,
 My wages taken, and in my heart
 Some late lark singing,
 Let me be gather'd to the quiet west,
 The sundown splendid and serene,
 Death.

СЕСТРЕ МАРГАРИТЕ

Лишь дрозд щебечет в тишине небес:
На западе,
Где солнце, труд свершив дневной,
Как будто медлит,
Там на старый серый город
Нисходит он – лучистый, безмятежный
Сияющий покой.

Струится дым
В тумане золотом и розовом, а шпигли
Сияют, изменив свой вид. В долине
Длиннее стали тени. Дрозд поёт. И солнце,
Своё благословенье завершая,
Спускается. И воздух потемневший
Дрожит в предчувствии: восторжествует ночь –
Ночь с вереницей звёзд
И щедрым даром – сном.

Пусть я уйду!
Мой долг исполнен, кончен длинный день,
Мой труд оплачен, и какой-то дрозд
Один щебечет в моём сердце. В путь
На тихий запад дайте мне собраться.
Закат красив и безмятежен.
Смерть.

¹ *Margaritae Sorori (lat.)* – Сестре Маргарите. Стихотворение написано в Королевской больнице Эдинбурга, и, предположительно, обращено к Святой Маргарите Шотландской (1045-1093). Маргарита, королева Шотландии, была признана первой шотландской святой (историки предполагают, что она была внучкой Ярослава Мудрого). Она покровительствовала больным, и сама в последние годы жизни была прикована к постели.

* Маргаритой У. Хенли назвал свою единственную, рано умершую дочь (1888-1894). Она стала прототипом девочки Венди в книге Д.М. Барри «Питер Пэн».

* Это одно из первых английских стихотворений, написанных верлибром.

ВАСИЛИЙ КИСИЛЬ

СОБЛАЗН ПОЗНАНИЯ: ОПАВШИЕ МЫСЛИ

эссе

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ – ОТ АВТОРА

Иногда, когда я рано утром просыпался, в моём сознании спонтанно появлялись мысли – подчас нелогичные, парадоксальные, ироничные, иногда как обрывки воспоминаний, являющие собой поток свободных ассоциаций, смутных образов или отголоски реальных событий. Я стал их записывать...

Французский философ Ж. Бодрийяр, автор книги под заглавием «Соблазн», которую совершенно невозможно адекватно прочесть, придал этому слову философское значение. «Неизбывная судьба отягчает соблазн», – вот первые слова этой «соблазнительной» книги.

В моём понимании, соблазн – это тяга к чему-то неизведанному, неопределённому, непостижимому и недостижимому. Это не конкретный объект нашего желания, а нечто размытое и смутное, что порождает наши мысли и толкает к действиям.

В. Розанов написал книгу под заглавием «Опавшие листья», подразумевая под листьями мысли. Она начиналась такими словами: «Я думал, что всё бессмертно. И пел песни. Теперь я знаю, что всё кончится. И песня умолкла». Эту книгу читают уже свыше столетия.

Мои «опавшие мысли» – это опавшие «листья», которые никто не подберёт, осенью и зимой они разложатся, а весной послужат удобрением для великого «космического древа разума».

В данном произведении понятия Бодрийяра и Розанова объединены.

СОБЛАЗН ПОЗНАНИЯ: ОПАВШИЕ МЫСЛИ

Перед нашим взором – ошеломляющая грандиозность мироздания, которую решительно невозможно осмыслить человеческим разумом, – всё выглядит весьма абсурдно, если человек требует ясности в ситуации ограниченного срока своей жизни.

Подлинный философ напоминает сверхчувственного юношу, впервые созерцающего тайный женский орган.

Поэтом можешь ты не быть, но быть философом обязан.

Любопытно: жуки-гноевики ориентируются по звёздам – используют Млечный Путь для навигации.

Море – выражение беспокойной витальности, горы – каменной смертности. Море всегда в движении и в каждое мгновение разное; горы демонстрируют величественную неподвижность и неизменность пейзажа.

«Люди моря» любят жизнь и человеческое общение; «люди гор» стремятся ограничить свою жизненность и укрыться в уединении.

«Антибуддизм» А. Кончаловского: «Чем больше желаний, тем живее человек. Человек, который не имеет желаний – труп».

«Точная наука» медицина даже адекватный понятийный аппарат не смогла разработать – «кардиолог», «гинеколог», «травматолог», «онколог» – эти понятия абсурдны. Кардиология – наука о заболеваниях сердца, гинекология – наука о лечении заболеваний женской половой сферы, травматология – наука о лечении травм, онкология – наука о лечении злокачественных опухолей. В поликлинику идут к врачу, а не к учёному. Следовательно, правильно будет – «кардиотерапевт», «гинекотерапевт», «травмотерапевт», «онкотерапевт». Повезло психотерапевту, психиатру и хирургу – тут всё правильно. Не повезло и гомеопатии – правильно: «гомеотерапия».

Космополитизм: «Я люблю свободу больше, чем родину. Ведь у рабов родины нет» (Дм. Мережковский).

Известен научный медицинский факт: одна болезнь вытесняет другую. Самый надёжный и простой метод естественного лечения: доктор соблазняет невинную пациентку – теперь она переживает о потере девственности и напрочь забывает о болезни, по поводу которой обращалась к врачу.

Молитва: «О Всевышний! Чудны пути возврата к Тебе – Ты придумал только один способ появления в мире и множество вариантов ухода из него: утопление в море, падение в пропасть в горах, съедение волками, отравление настоем ядовитой цикуты, угасание в тёплой постели...».

Два медицинских чуда: китайское иглоукалывание и европейская гомеопатия: первое свыше трёх тысяч лет признано на своей родине, в Китае, второе свыше двухсот лет подвергается гонениям на своей родине, в Европе.

Примерно половину жизни человек проводит во сне, и никто не ропщет по этому поводу, тогда как на жизнь в состоянии бодрствования постоянно жалуются. Следовательно, сон лучше яви, а если эту мысль выразить на философском языке, – небытие предпочтительнее бытия.

В советские годы на философском факультете университета читали курсы по математике, биологии, физике, для чего приглашали преподавателей с соответствующих кафедр. По идее, должны были читать предметы «Философские основания математики», «Философские основания биологии», «Философские основания физики». Даже книга Р. Карнапа «Философские основания физики» игнорировалась, поскольку была написана «буржуазным» философом.

Самолечение гомеопатией – это игра с самим собой в прятки. Ждёшь проявления симптомов, отмеченных в патогенезе лекарств, а вылезают иные, не зафиксированные ни в одном прувинге.

Вспомнилась картина Жерома «Фрина перед судьбами».

Афинская гетера по прозвищу Фрина (греч. – «жаба»), обладая идеальной фигурой, служила натурщицей влюблённому в неё скульптору Праксителю. Он предложил ей выбрать в качестве подарка любую его работу. Фрина спросила: какую свою работу он считает самой лучшей? Мастер уклонился от ответа. На следующий день она ворвалась к нему в дом с криком: «В мастерской пожар!». Скульптор возопил: «Спасайте „Сатира“ и „Эрота“ в первую очередь!». Фрина с трудом успокоила мастера, сказав, что пожара нет. Таким образом она поняла, какие работы он считает самыми лучшими, и выбрала «Эрота».

Фрина была обвинена в безбожии и кощунстве за то, что служила натурщицей, с которой скульптор ваял богиню. На суде речь защитника не возымела действия. Тогда он в отчаянии сорвал с Фрины её одежды – красота обнажённой гетеры настолько поразила судей, что они оправдали её (по представлениям древних греков, в красивом теле не может жить уродливая душа).

Даосский философ, живя в настоящем, постоянно ощущает нежное прикосновение таинственного Дао так, словно это чувственный поцелуй таинственной Небесной Девы.

У старости – одно достоинство: она знает, что такое молодость, поэтому тоскует по ней. У молодости – один недостаток: она не знает, что такое старость, поэтому не может оценить прелесть молодости.

С тех пор, как мужчины стали брить бороды, женщины начали в них влюбляться – обнажился скрытый за волосами индивидуальный лик.

Изыскания в области инобытия души, то есть существования её вне тела, свидетельствуют о том, что и на этом уровне нет фундаментального ответа на вопрос о смысле нашего бытия – философия абсурда универсальна.

Он «выжал» из своей судьбы всё, что мог и всё, чего хотел, – а теперь удивляется: почему жизнь не удалась?

Доктор А. Огулов заявляет, что поражение поджелудочной железы вызывает чрезмерное усиление чувственности, что влечёт за собой повышение творческого потенциала человека, – он начинает писать картины, сочинять стихи, создавать прозаические произведения... Творчество всегда ценилось в обществе: энциклопедии переполнены в основном только творческими персоналиями. Следовательно, вся наша культура есть продукт творчества благодаря патологии поджелудочной железы?

Спросите любого человека: если бы он был Творцом, создал бы он мир таким, каким он есть?

Ответ наверняка будет отрицательным. Тогда задайте ему ещё один вопрос:

– Каким бы он сам его создал?

Ответ поразит:

– Не знаю.

Мы, как капризные дети, хотим иметь игрушку, но когда нам её дают, с негодованием отбрасываем прочь.

Мир иррационален. Лучше всего к нему приспособлены кошки и женщины, о чём свидетельствует их странное и нелогичное поведение.

Наконец-то дождались: Папа Римский заявил, что наслаждения от секса и еды – «божественны». Ждали этого «откровения» свыше двух тысяч лет, прошедших с момента возникновения христианства. Теперь процедура исповеди будет проходить в отдельной комнате с кушеткой.

Великие книги надо не читать, а разговаривать с ними.

Наша жизнь напоминает роман, сочиненный неизвестным автором, – только написан он не чернилами, а кровью.

Можно ли оставаться пацифистом, если на ваших глазах насилюют вашу возлюбленную?

Вчера вечером созерцал звёздное небо и размышлял: а ведь звёзды на небесной сфере мы воспринимаем, как расположенные в одной плоскости, – например, вид созвездия Ориона для наблюдателя с другой планеты звёздной системы будет иным, в отличие от воспринимаемого нами с Земли. Банальная мысль, но тревожная: может, всё, что мы видим, такое же?

Объявление возле поликлиники: «Лечу от нимфомании. Приап».

Нет ни прошлого, ни будущего. Есть только настоящее – но как его уловить и остановить? «Мгновенье, ты прекрасно, остановись, постой» (Гёте).

Философ испытывает мучение от противоречивости идей, обыватель – от людских сплетен и склок. Кому легче?

На ослепительно красивых женщин надо смотреть только издали – иначе ослепят.

Сновидение. Сажусь в трамвай с двумя круглыми зеркалами под мышками. Все пассажиры выходят на одной из остановок, а я подхожу к водителю и прошу напильником подпилить грубо обрезанные ободки зеркал. И очень тороплю водителя, поскольку не успеваю вовремя присоединиться к вышедшим пассажирам. Как истолковать?

Один школьный товарищ сидит взаперти в квартире из-за болезни, другой вслепую блуждает в таёжном лесу; один я – «монах в миру».

Основное достоинство пожилого возраста заключается в том, что привычная реальность становится всё более размытой и на первый план выступает глубинная, духовная – все страхи улетучиваются, и начинаешь видеть «звёздное небо».

Вспомнилось, как однажды после лекции я обнаружил у себя на столе записку: «Я в Вас влюбилась, но боюсь в этом Вам признаться». Текст был без подписи.

На следующей лекции в этой группе я объявил: «Сегодня будем говорить о ведической философии, в частности, об Аюрведе, где придаётся особое значение пульсу».

Затем предложил студенткам (в группе были одни девушки) подсчитать число ударов сердца в минуту, пользуясь часами с секундной стрелкой на стенке аудитории. Объяснил, как это сделать, и попросил записать число ударов в свой конспект.

После этого я подходил к каждой студентке, определял её пульс и сравнивал его с записанным в конспекте. Когда эта процедура была завершена, я подошёл к одной студентке и сказал: «Это – Вы!». Все студентки с удивлением вскинули брови. Кто-то с иронией спросил: «И что это означает?». «Только то, что по пульсу можно определить, что человек скрывает», – ответил я. «Оля, что ты скрываешь?», – набросились на девушку её подруги. «То, о чём я никому никогда не скажу», – таков был ответ Оли.

Философия давно пришла к идее о примате «психе» над «сома» – современные ученые в свете исследований в квантовой физике только подбираются к этой идее.

Трансцендентность – это мерцание пламени свечи без самой свечи.

Парадоксальный французский тип: желает общения с людьми и одновременно испытывает страх общения.

Пришёл на память реальный случай, рассказанный одним доктором. Лечебная клиника в Израиле. Русский врач, проходящий там стажировку, предлагает эффективный простой натуропатический лечебный метод.

Тамошние врачи:

– Нам этого не надо.

Вопрос:

– Почему?

Ответ:

– Пациент должен постоянно лечиться.

Русский врач:

– Но ведь вылечите одного, он приведёт вам другого, а тот – третьего.

Ответ:

– Это у вас, а не у нас.

Заглавие книги «Одиссея в поисках смысла». Слово «Одиссея» – в кавычках или без оных?

Более целебен не змеиный яд, а «змеиный взгляд». Скажите человеку, что в его дом заползла змея, и он напрочь забудет о своих болячках.

Раньше преобладала музыка оживляющая, теперь – угнетающая.

Тайна мира – не в макрокосмосе, а в микрокосмосе. Одна из пациенток врача-гомеопата как-то сказала: «Когда в первый раз мне удалось посмотреть в микроскоп на срезы живых тканей, то показалось, что я вижу космос». И далее: «На людях я всегда весёлая и оптимистичная, внутри же я постоянно ощущаю глубокую печаль».

Искренне завидую Далай-ламе. Как-то он признался: «Чем старше я становлюсь, тем здоровее себя чувствую». Лечат его врачи тибетской медицины.

Я всегда чувствовал, что моё сознание вечно, – не в текстах моих книг, а как субстанция.

Возвратился мысленно к вчерашней встрече со знакомым художником.

– Как дела? – спросил я.

– Плохо.

– Почему?

– В связи с пандемией коронавируса натурщицы отказываются позировать без масок.

– Но ведь для тебя важнее фигура, нежели сходство портрета, – сказал я.

– Да, но теперь я вынужден соблюдать безопасную дистанцию.

Плацебо может быть лекарством, если твёрдо убеждены, что оно лекарство.

Великая мудрость состоит в том, чтобы в равной мере принять реальность и жизни, и смерти.

Пустота – абсолютная реальность, бытие – мгновение в вечности.

Философствование на морском берегу... Если морская волна смоеет из моей памяти всё прочитанное мной, все мысли, навеянные другими людьми, – что я могу сказать об этой водной стихии?

Философствование в лесу... Я слышу трепет листьев деревьев, ощущаю аромат целебной хвои, вижу, как от моих шагов покорно сникает высокая трава. Я начинаю что-то говорить – меня никто не слышит: о «шуньяте» ли говорю, о Спинозе, о Шопенгауэре.

Творец таинственно молчит, мы испытываем тревожное чувство заброшенности – зачем пришли, куда уйдём?

История социального мира напоминает пазл, сложенный из доступных архивных материалов. У одного историка – один набор элементов, у другого – иной. А где же подлинная история?

Женишься на рыжеволосой девушке – готовься к сюрпризам. В молодости её волосы – огненно-рыжие, в зрелом возрасте – каштановые. Состарившись, будешь жить с блондинкой.

Одной яркой мысли философа бывает достаточно, чтобы он стал для вас кумиром на всю жизнь.

Счастливы были писатели прошлых времён: уходя в мир иной, они надеялись, что их произведения будут читать благодарные потомки. Нынешние писатели пребывают в страшном смятении духа – они прекрасно осознают, что после них уже никто не будет читать не только их, но и всех писателей вообще.

Философа Демокрита называли смеющимся, Гераклита – плачущим. Но мало кто задумывается, что один смеялся, а другой плакал по одному и тому же поводу.

Больше всего французского философа и писателя Альбера Камю издавали в Японии. Роман «Чума» был издан ещё в 1950 г., эссе «Миф о Сизифе» и роман «Посторонний» – в 1954 г., то есть спустя несколько лет после их появления во Франции. А в 1972-1973 годах было издано полное собрание сочинений в десяти томах. Некоторые его произведения были опубликованы в разных переводах. Объёмы тиражей просто поражают: «Миф о Сизифе» – 719 тыс. экз., «Чума» – 825 тыс. экз., «Посторонний» – 4 млн экз.

Чем это объяснить? Не тем ли, что мировоззрение японцев отмечено острым чувством обречённости (возможно, этому способствует опасное островное положение) и поэтому близко к «философии абсурда» Камю.

Post factum. За весь период пандемии коронавируса 2019/2020 гг. в Японии от вируса умерло 2087 чел., а только за октябрь 2020 г. было совершено 2153 самоубийств на почве проблем, связанных с ситуацией пандемии.

«Что в нашей власти, а что нет?», – вопрошал римский философ-стоик Эпиктет. Мой ответ удивит: «Не жить – в нашей власти, жить – не в нашей власти».

Фундаментальный вопрос, на который до сих пор нет ответа: «Какая сила держит наш организм в единстве?».

Стоит моя жена у полки с моими книгами и размышляет: «Не могу понять, какая из них самая лучшая?». Спрашиваю: «Когда ты выходила за меня замуж, ты тоже так размышляла, будучи окружённой потенциальными женихами?».

Можно согласиться с Альбером Камю, что положение человека в мире хотя и абсурдно, но с абсурдом, который всё же неискореним, надо бороться. Однако не даёт покоя и другая мысль: ведь и борьба с абсурдом тоже абсурдна.

Чем образованнее и интеллектуальнее человек, тем труднее ему найти приятного и понимающего собеседника.

Солнце погаснет, Земля превратится в камень, значит, жизнь – космическая шутка?

Вспомнил, как накануне экзамена по философии, я наставлял студентов: «В каждом вопросе уже содержится готовый ответ». В глазах студентов отразилось полное непонимание сказанного. Кто-то робко спросил: «А могли бы Вы привести пример?».

«Конечно, – ответил я. – На вопрос, что такое материя, правильным ответом будет такой: это то, что не есть сознание. На вопрос, что такое сознание, верным ответом будет такой: это то, что не есть материя». «И какая же оценка будет за такой ответ?», – послышался чей-то несмелый голос.

«Отличная», – честно ответил я. Студенты покинули аудиторию в полном недоумении.

Нирвана – состояние, когда окружающая нас среда равна температуре тела.

Осень жизни – разнообразие красок, но все они – блёклые.

Не было бы плохих докторов, как бы мы узнали, что есть хорошие?

Стадо овец на пастбище. Все мирно щиплют травку, и лишь одна «паршивая овца, которая всё стадо портит», размышляет: «Что такое пастбище? Зачем она здесь? В чём смысл всего этого?». И только тогда, когда пастух с ножом, заткнутым за кушак, уводит её из стада, она прозревает и начинает понимать высший смысл происходящего.

Чужая жена – как сладенькая конфетка, своя – как горькая пилюля. Известно, что сладости разрушают здоровье, а горечи его восстанавливают. Стоит задать себе вопрос: «Что же лучше – яд или лекарство?».

Декартово высказывание *Cogito ergo sum* (я мыслю, следовательно, существую) имеет много вариаций – в разных жизненных ситуациях оно может быть выражено по-своему. Вот сейчас я пишу и могу сказать: «*Scribo ergo sum* (я пишу, следовательно, существую)». Когда окажусь на смертном одре, скажу: «*Mori ergo sum* (я умираю, следовательно, существую)».

С наибольшим рвением мы ищем смысл там, где его нет.

Для тибетского монаха, прожившего большую часть жизни в изменённом состоянии сознания в горном монастыре, посещение Токио или Нью-Йорка будет «запредельной прогулкой», то есть входом в другое изменённое состояние сознания.

Явление космополита, словно теофания перед сворой собак, – евразийцами, ксенофобами, националистами, коммунистами-интернационалистами, колониалистами, культур-националистами, национал-большевиками, национал-социалистами, этнонационалистами, почвенниками, примордналистами, расистами, сепаратистами, сионистами, славянофилами, ура-патриотами, фашистами, шовинистами, этнократами.

Однажды греческому философу скифского происхождения сказали на пиру, что он женился на некрасивой женщине, но тот в ответ заявил, что ему тоже так кажется. И затем добавил: «Налей-ка мне бокал неразбавленного вина, чтобы она в моих глазах показалась более красивой».

Когда я спросил своего приятеля: «Ты рад, что женился на женщине, не блещущей красотой?», он ответил: «Раньше, когда был молод, и вокруг меня вилоь множество красавиц, жалел, а теперь, когда состарился, и красивые женщины сторонятся меня, я рад и своей жене». Резюме: старость – это вино для юношей, влюблённых в некрасивых девушек.

Говорят: «Живая душа», а разве бывает «неживая»?

Оказывается, есть жаба-кампадзе – это жаба-ага.

Несчастье – это обременение духа телом. Счастье – когда не чувствуешь органов (кажется, по Алданову).

Бог удался... А так хочется зрителей, аплодисментов... Но вокруг – гробовая тишина.

Самый большой враг человека – время. Но оно же и самый великий благодетель – то горе, которое оно приносит, оно же и врачует.

Всех нас объединяет разум, он носит всеобщий характер, значит, он существует независимо от нас и вполне возможно, что бессмертен.

На биологическом уровне постоянно идёт борьба за выживаемость – одно живое существо живёт за счёт другого. Зачем же люди сражаются друг с другом? – ведь их природа уже иная, и у них нет потребности поедать друг друга?

Никак не пойму, чем этот момент времени лучше другого? Почему мы так страстно ждём следующего мгновения? Неужели всё дело только в содержимом ящика Пандоры – надежде?

Часто можно услышать, что философ должен быть таким же бесстрастным, как гинеколог при осмотре сексапильной пациентки. Напротив, чтобы мыслитель приблизился к истине, он должен быть предельно чувственным – лишь тогда он услышит «зов бытия».

Вспомнил реальный случай, с которым я столкнулся. Старый еврей бродит по рынку цветов. Подходит к каждому продавцу и слёзно просит: «Подарите один цветочек бедному еврею». Дарят, вдобавок награждая его улыбкой. Он складывает собранные цветы в непрозрачный пластиковый пакет. Собрав в букет все подаренные ему цветы, он усаживается в стороне от цветочных рядов и продаёт его. Ему стыдно публично просить милостыню, поэтому он и придумал такой трюк.

Молчуны – это люди, у которых не развита душа, они не любят общаться, их раздражает длительное присутствие рядом других людей. Болтуны – не лучше: они выворачивают свою душу наизнанку, их не интересуют чужие мысли, они не в состоянии быть наедине с самим собой. Где же «золотая середина»?

Философы бывают: философы-физики, философы-лирики, философы-софисты, философы-моралисты, философы-богословы, философы-гуманисты, философы-атеисты, философы-просветители, философы-мистики, философы-марксисты, философы-нацисты, философы-националисты, философы-аналитики, философы-математики, философы-экзистенциалисты, философы-томисты, философы-персоналисты, философы-футурологи, философы-культурологи, философы-постмодернисты, философы-алармисты... А где же подлинные философы?

Сенека: «Ты смотри не на тех, кто впереди, а на тех, кто позади». Анти-Сенека: пройдя большую часть жизни, я оглянулся и увидел позади толпы завистников; посмотрел вперёд и заметил много светлых и умных личностей, к которым стремлюсь; но если я их обгоню, не окажутся ли они моими завистниками?

Пациент лежал в больнице 18 дней. Врачи лечили, но не знали, от чего. Умер внезапно, и теперь стала известна причина – доктора довольны: наконец установили диагноз.

Идеи витают в воздухе. Ницше изрёк: «Человек есть то, что должно быть превзойдено» и закончил остаток жизни в сумасшедшем доме.

Марксисты предложили свой вариант: изменим общество – автоматически изменится и человек. Общество изменили, а человек измельчал.

Нацисты мечтали о создании сверхчеловека путём выведения новой арийской расы. С этой целью миллионы людей были сожжены, и на их пепелище сами же нацисты покончили с собой.

Ожидаем новой идеи...

Творец создал человека очень сложным существом, следовательно, сложность – атрибут бога. Богу противопоставит дьявол – существо во всём ему противоположное, следовательно, простое. Медицина – это богоборчество. Но чтобы эффективно врачевать, надо опираться на простую систему медицины, а это уже обращение к дьяволу.

Социальная проблематика полностью вытеснила из умов мыслителей онтологическую, а люди превратились в крыс, суматошно бегающих по лабиринтах.

Абсурдно ещё и то, что никто не понимает, что всё есть абсурдно.

Обычная зима – холод не позволяет долго находиться на улице. «Коронавирусная» зима – холод не замечают, зато избегают встречи с другими людьми.

Вечернее уханье совы, вселяющее тревогу, не слышно; крики диких гусей, напоминающие о потустороннем, не слышны – птиц истребили. И живём теперь, словно в вакууме.

Пути эволюции неисповедимы: вначале был homo sapiens, а теперь homo spectaculus.

Чтобы от вас отстал христианский миссионер, скажите ему, что Вы – буддист или мусульманин. Если вы заявите, что вы агностик или атеист, вас не оставят в покое до тех пор, пока не залезут к вам в душу.

Дух эпохи выражается двумя основными комплементарными категориями:

наше время – деньги и удовольствия;

Новейшее время – наука (искусство) и самовыражение;

Новое время – разум и знание;

эпоха Возрождения – гуманизм и титанизм;

Средневековье – вера и богословие;

Античность – личная судьба и тайна мира.

Можно ли здесь говорить о духовном прогрессе? Если «да», то его вектор уходит в прошлое.

У одного моего приятеля две любимые картины: «Зевс, пожирающий своего сына» Гойи и «Чёрный квадрат» Малевича. Интересно, а что скажут по этому поводу искусствоведы и психиатры?

Греческий философ Диоген-киник ходил по улицам днём с зажжённым фонарём и восклицал: «Ищу человека!». Действительно, людей можно разделить на две категории: человеческие существа и люди-животные. Последние всегда составляли подавляющее большинство во всех обществах. Но если в прошлом они не определяли дух эпохи, поскольку этим занималась элита, то в наши дни картина резко изменилась: элитарная часть общества почти исчезла, остались лишь люди-животные, лишённые морального сознания, и теперь они задают направление развития цивилизации.

Парадоксы научных объяснений. Учёные утверждают, что женщины живут дольше мужчин вследствие того, что у них имеются две «полноценные» X-хромосомы, а у мужчин – одна. Но как тогда объяснить, что в мире есть одна единственная страна, где мужчины живут дольше женщин? Это – Индия.

Часто путешествуют, чтобы уйти от самого себя. Но если снова оказываются дома, то всё возвращается на круги своя. И лишь тем, кто сознательно уезжает навсегда, подчас удаётся стереть из своего сознания прежнюю жизнь и начать новую.

Шизофренические видения индийцев, загадочные рассуждения китайцев и рациональное мышление греков породили феномен под названием «философия».

Однажды в детстве я спросил своего дедушку, зачем он носит бороду? Он улыбнулся и ответил: «Видишь ли, внучок, если я сбрую бороду, то буду похож на старую бабу».

Тайна глубинной родословной человека. Идём от своего организма к синтезу отцовской и материнской клеток. И затем по каждой родственной линии вглубь веков. И так – до уровня атома и элементарных частиц. А что дальше? Христиане говорят: «Бог», философы-ведантисты: «Шуньята» (пустота). Бог – это пустота?

Я искал способы изменить себя и ментально, и физически. С этой целью совершал далёкие многомесячные морские путешествия, практиковал индийскую йогу и китайские упражнения тай-чи, использовал иглоукальвание и препараты Аюрведы, разыскивал и употреблял «чудодейственные» лекарственные травы, купался зимой в холодном море, поднимался в горы, совершал одинокие вечерние прогулки по морскому побережью... Наконец остановился на гомеопатии – может, она подаст надежду?

Что такое подлинная история? Войны, восшествие на трон царей и их низвержение, голодовки, моры, писания философов и монахов, революции или переживание каждым человеком своей собственной судьбы со всеми её триумфами и падениями?

Жена читает мои романы, как Священное Писание, а бывшая возлюбленная – с чувством дьявольского наваждения.

«Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так», – пел В. Высоцкий. Как поступить в этом случае – разорвать дружбу или лицемерно её поддерживать?

Древнегреческий философ Платон описал сцену смерти своего наставника Сократа, которого по приговору афинского суда вынудили выпить чашу с ядом – цикутой.

Кто бы мог подумать, что через 2200 лет вспомнят об этом случае с совершенно неожиданной стороны – для нарождающейся гомеопатии описание симптомов отравления цикутой Сократа окажется очень ценным материалом, и на этой основе в гомеопатическую фармакопею будет введён лекарственный препарат *Cicuta virosa*.

Жена давнего друга, которая хотела соблазнить меня в молодости, до сих пор не может простить мне моего малодушия.

Беседа с «продвинутым» йогом.

- Сколько асан вы порекомендуете мне выполнять?
- Для подлинного йога вполне достаточно одной.
- А что, увеличение количества асан не делает нас более совершенными?
- Нет!
- Почему?
- Потому что механическое не может порождать духовное.
- Тогда зачем одна асана?
- Без асаны нет йоги.

Подарил свой роман «Порт назначения – вечность» девушке по имени Виктория, которая сыграла роль прообраза его героини, – она не дочитала книгу до конца и с обидой сожгла её в пламени свечи. Нечто подобное произошло и с философом А.Ф. Лосевым, когда он дал почитать свой роман женщине, с которой списал образ героини.

Всплыла в памяти недавняя переписка. Мой друг-корреспондент вопрошает: «Можно ли восхищаться картинами Гитлера, не зная, кто их написал, то есть можно ли разделять творца и его произведения?».

Мой ответ: «Потрудитесь вначале ответить на нижеприведенные вопросы: 1) можете ли вы как верующий христианин молиться на икону Божьей Матери, талантливо написанную мусульманином-фундаменталистом, разрушившим не один христианский храм? 2) можете ли вы жить в доме, спроектированном вашим бывшим другом-архитектором, который изнасиловал вашу жену?»

Таких примеров можно привести много. В житейском смысле здесь нет ни дилеммы, ни проблемы. Можно поступить и так и этак. Допустим, изначально вы ничего не знали ни о художнике-иноверце, ни о коварстве друга. Жили спокойно. Но часто бывает так, что потом узнаем. Какое у вас будет чувство? Сможете ли вы жить прежним образом? Вот тогда появится проблема.

Если вы приобщаетесь к произведениям искусства с познавательной целью, то вы должны стремиться максимально изучить тему, в том числе узнать и о творце. Часто так бывает, что понять, например, стихи поэта можно, только зная обстоятельства его жизни. Если мне известно, что Врубелю часто чудился демон, то он и рисовал его по этой причине. Это важно знать для восприятия его „Демона“? Конечно. Если я знаю, что философу Григорию Сковороде, так же виделся дьявол наяву, то мне становится понятнее его эпитифия: „Мир ловил меня, но не поймал“.

Если человек пришёл в музей из простого любопытства или с целью убить время, то для него не имеет значения, кто написал картину. Искусство – социальный феномен.

Удивительно, но мы снова с Вами „мистически“ пересеклись. Как раз сейчас я пишу книгу „История гомеопатии в лицах“. Для чего? Именно для решения той проблемы, которую Вы поставили изначально. Вот вы купили книгу по гомеопатии (разумеется, с практической целью) – вам желательно узнать, кто автор, – шарлатан или серьёзный доктор, излечивший множество пациентов, насколько ему можно доверять? Не так ли?

Нельзя общественные феномены дробить на части, и считать их не связанными друг с другом.

Более того. Есть даже научные исследования, которые доказывают взаимосвязь всего и вся, даже переплетение физического и социального. Например, исследование японского учёного М. Эмото. Он взял несколько сосудов с водой – на стенке одного он написал слово „Гитлер“, на другом – „благодарю“ – и воду мгновенно заморозил. Когда он рассмотрел в микроскоп образовавшиеся структуры (снежинки), то оказалось, что в первом сосуде они были очень безобразными и хаотично расположенными, а в другом – со словом благодарности – гармоничными образованиями, расположенными симметрично. Этот эксперимент многократно повторяли другие учёные с тем же результатом. Звучали молитвы разных религиозных конфессий, и все они образовывали гармоничные структуры, но разной формы. Видите, даже „мёртвая материя“ понимает социальный смысл слов».

К своей жизни надо относиться так, словно пишешь книгу, посвящённую возлюбленной.

В бытность студентом философского факультета университета я искал подходящую философскую доктрину, которая могла бы служить путеводной звездой в жизни. Но потом понял, что её надо было искать в себе, и лишь тогда она могла бы открыться извне.

Знаменитый греческий гомеопат Дж. Витулкас советует своему ученику не назначать самому себе лекарство – не работает. Тот проконсультировался у четырёх гомеопатов, и все они назначили разные лекарства, которые не помогли. Тогда ученик пошёл против воли учителя и сам себе подобрал лекарство – эффект был замечательным. При очередной встрече с учителем, тот, заметив перемену в своём ученике, спросил, кто ему назначил лекарство? «Я сам», – ответил ученик. «Да?..», – удивился знаменитый гомеопат.

«Наказание для женщин» – такой был вывод из моего ответа на шуточную анкету Фрейда. Мой приятель получил другое заключение: «храбрый заяц».

Член Союза писателей и член Общества охотников. Что между ними общего? То, что оба продали душу дьяволу-социуму. Что их различает? То, что один создаёт нечто абстрактное неживое, а другой – разрушает реально живое.

Николай Рерих искал в тибетских монастырях сокровенное знание, но обнаружил там только невероятную грязь и невежество монахов. Тогда, то ли по совету махатм, то ли своей жены он решил основать в Гималаях свой «монастырь», назвав его Институт «Урусвати». Но грянула Вторая мировая война, и работа Института была прекращена. Успели только перевести и проанализировать ряд трактатов по тибетской медицине, совершить несколько экспедиций с целью изучения местной гималайской флоры.

В советские атеистические времена термин «иконография» (от др.-греч. εἶκων – «изображение, образ» и γράφω – «пишу») был под негласным запретом, поскольку коммунисты понимали его только в узком смысле как перечень образов христианских святых. Описание и изучение изображений каких-либо исторических персонажей тоже не поощрялось, поскольку на всё личное было наложено табу, – высшей ценностью объявлялось только общественное.

Насилие женщины над мужчиной – извращение принципа китайской философии Инь-Ян.

Изобретение колеса и открытие электричества – два фактора, которые фундаментально изменили облик мира. Компас и географическая карта плюс компьютер и интернет создали виртуальный мир.

В наши дни философ-эпикурец – мужчина, не имеющий друзей и вынужденный пить вино перед зеркалом.

Подлинный портрет любой жены – или недовольное лицо, или туфли с острым каблуком.

Без влюбленности нет поэта.

Если бы древние греки увидели Афродиту в современных наших одеждах, то решили бы, что богиня сошла с ума.

Запечатлелся в памяти рассказ моего знакомого, который одно время работал с группой советских специалистов в одной африканской стране, где круглый год стоит одна и та же летняя жаркая погода. Мужчины были заняты работой, а их жены бездействовали. Через три месяца всех женщин эвакуировали на родину по причине психического расстройства. Порой мы жалуемся на смену сезонов года – и, как видно, напрасно. Особенно многие желают «вечного лета».

Женщины бывают величественными, весёлыми, видными, грациозными, длинноногими, добрыми, добросердечными, жизнерадостными, inferнальными, красивыми, ласковыми, миловидными, нежными, обаятельными, обворожительными, обольстительными, особенными, очаровательными, прелестными, привлекательными, пылкими, разумными, сексапильными, симпатичными, страстными, стройными, терпеливыми, томными, улыбчивыми, утонченными, характерными, хозяйственными, чувственными, чуткими. В какую влюбиться? На какой жениться?

«Бог Спинозы» – отвлечённый, холодный, несочувствующий. «Бог Паскаля» – реальный, сердечный, участливый.

Даосские монахи разговаривают молча.

Врач детского отделения больницы рассказывает мне: «Девушки-волонтёры привезли в детское эндокринологическое отделение подарки детям, больным сахарным диабетом, – конфеты и печенье. Я отказала – волонтёрки были возмущены и спросили: „А что ещё мы могли предложить детям?“. Я им ответила: „Внимание“. Они удивились и быстро уехали – для этого у них не нашлось времени».

Вслед за Альбером Камю: основной вопрос философии – как избежать «философского самоубийства», или как избавиться от женских чар?

Ей часто снятся цифры – она звонит дочке, и та использует их в лотерее.

Японская чайная церемония – обнажение тайного в явном.

Спорить с женщиной – бесполезно: «она всегда права».

Существуют христиане, которые готовы заново переписать Библию.

Припомнился мне давний разговор с моим другом. Однажды весной мы с женой совершили путешествие на Южный берег Крыма и были очарованы здешней природой.

– Вот переехать бы туда на постоянное место жительства, – как-то сказал я своему другу.

На что он ответил:

– Я тоже люблю этот край, но в раю нельзя жить постоянно.

– Почему? – спрашиваю.

– Совесть замучит: ведь подавляющее большинство людей живёт в аду.

Главная забота человеческой жизни – как не стать палачом, а быть врачом.

Фрейд был прав: власть Эроса тяготеет над всеми человеческими существами – только большинство боится в этом признаться. Цель природы – максимальное размножение живых существ.

Помню, как 85-летняя старушка, живущая по соседству, постоянно охала: «Боже, забери меня к себе!». Но бог оказался немилосердным по отношению к ней – забрал только в 99 лет.

Винодельческие компании заказывают учёным исследования о полезности или вредности спиртных напитков. Результат исследования можно предсказать с точностью до 100%.

Кем быть лучше – надзирателем в женской колонии или монахом в монастыре «босоногих кармелиток»?

Какая-то неведомая сила требовала от меня постоянно менять род занятий: фотограф – радиолобитель – штурман дальнего плавания – преподаватель философии – пчеловод – знаток восточной медицины – йог – гомеопат – литератор – художник... Что же дальше? Ответ у Шекспира: The rest is silence (англ. – «а дальше – тишина»).

Всякое живое существо стремится к воспроизведению. А для чего? Творец таинственно молчит...

У китайского доктора иглоукальванием лечится юноша от множественных грыж позвоночника, возникших вследствие занятий йогой. Спрашиваю: «Как же это случилось?». Отвечает: «Не чувствовал предела». Древние греки были правы: «всё в меру».

Ситуация с пандемией коронавируса наглядно показала, что самая серьёзная опасность таится не в зловредном вирусе, не в приближающемся к Земле астероиде, а в стремительном накоплении «тёмной массы» внутри самого общества – вместо обретения коллективного осознания необходимости защиты от вируса, большая часть людей – «тёмная масса» – отказывается принимать даже самые элементарные меры: носить маски, не участвовать в массовых собраниях, не посещать без жизненной необходимости магазины, не принимать участие в митингах, устраиваемых против ограничений, связанных с эпидемией. Кажется, Танатос появился на земле, чтобы пожать свои плоды.

Самый здоровый образ жизни – между монастырём и борделем (возможны разные вариации).

Два титана европейской писательской мысли Иоганн Гёте и Лев Толстой противоположным образом относились к Шекспиру: Гёте боготворил, Толстой ненавидел.

Искреннее пожелание тантриста христианину: соблазнить Деву Марию.

Идешь, идешь по одной из дорог жизни, в конце пути оглядываешься – оказывается, шёл не по той дороге.

Кабинет современного врача – врач спрашивает пациента: «Что Вас беспокоит?». Кабинет доктора тибетской медицины – пациент спрашивает доктора: «Какая у меня проблема?».

Диалог с марксистом.

– Скажи мне, почему так получилось, что идея коммунизма, «царства свободь», по Марксу, вылилась в тоталитаризм и порабощение человека?

– Неправильно поняли Маркса.

– Но, позволь, это произошло практически во всех странах, строивших «светлое будущее», – в СССР, Китае, Монголии, Северной Корее, Кампучии, на Кубе...

– Суть в том, что для реализации идеи коммунизма человечество до сих пор не готово.

– Извини, если нужно ждать особых условий, которые неизвестно когда наступят, то это учение – утопическое.

Можно ли быть буддистом, не веря в Будду, – можно, если станете дзен-буддистом и «убьёте» Будду.

Создавать художественное произведение по заказу – всё равно что жениться по чужому совету на нелюбимой женщине.

Отношения между некоторыми человеческими этносами порой напоминают таковые между собакой и кошкой – древние греки и древние персы, грузины и армяне, иракцы и иранцы, англичане и французы, русские и украинцы... Только подчас трудно определить, кто из них собака, а кто кошка?

Зачем жизнь так притягательна? Ведь любое наше увлечение иллюзорно – не важно, чем заниматься: быть философом или лесничим, моряком или пчеловодом, врачом или плотником. Но лишите человека этих занятий, и он взбунтуется.

Всплыло в памяти сновидение, которое рассказала одна моя знакомая. Ей снится сон: похороненный муж её сестры жалуется, что ноги у него мокрые и холодные. Она уговорила сестру отправиться на кладбище и выяснить, в чём дело. Подойдя к могиле, они остоленели: земля в районе ног покойника просела и образовалась глубокая трещина, которая была заполнена водой после дождя.

Немцы и французы нынче не враждуют, хотя между ними сохраняется то, что могло бы послужить «основанием» для вражды: в немецких словах ударение падает на первый слог, во французских – на последний.

Чем интеллигентнее и образованнее семья, тем строже в ней воспитание детей; в примитивной и малообразованной – всё дозволено.

Вспомнилась встреча в ресторане бывших выпускников мореходного училища. Все собравшиеся – капитаны, только я среди однокашников – «белая ворона»: после окончания училища, отработав 6 лет штурманом на судах дальнего плавания, закончил морскую карьеру в должности 3-го помощника капитана. После окончания университета мои годы жизни были посвящены преподаванию философии.

Решил и тут выделиться: предложил каждому произнести тост, предварив его каким-либо занимательным случаем из их морской жизни. Первым тост провозгласил я – вспомнил одну курьёзную историю, случившуюся во время нашего совместного плавания на учебном судне «Экватор». Дальше наступила безмолвная тишина. Никто не мог вспомнить этот случай, который произошёл тогда у всех нас на глазах, более того, никто ничего не мог вспомнить необычного из своего многолетнего морского прошлого.

Если бы Творец внезапно открыл тайну человеческой жизни и вселенной, то ничего не изменилось бы в жизни людей, ибо эта проблема никого не волнует, даже философов.

Писаная история мира – чистая казуистика.

Литератор и писатель. В словарях эти слова – синонимы.

Полагаю, что всё-таки различие между ними надо проводить.

Литератор – человек, пишущий на какие-то вольные или профессиональные темы, писатель – человек, пишущий на основе своего чувственного восприятия мира.

Проблема выбора.

Античный художник Зевксис по заказу жителей Кротона должен был написать картину «Елена Троянская». Художнику предоставили возможность выбрать подходящую модель из самых красивых девушек города. В конечном счёте он отобрал пять натурщиц, решив, что этого числа достаточно, чтобы представить себе идеальный собирательный образ.

Король Свазиленда ежегодно пополняет свой гарем. Для этого раз в году перед ним на площади дефилируют тысячи обнажённых девственниц. И король выбирает из них одну.

У кого сложнее задача – у художника или у короля?

Чтобы выяснить сущность человека, достаточно услышать его ответ на вопрос: «Если бы у вас была возможность написать письмо «богу» (допускаем, что он есть), о чём бы вы хотели его спросить в первую очередь?». При ответе на этот вопрос часто путают глаголы «спросить» и «попросить».

Число 21 – мистическое в моей судьбе: 21-го родился в доме под номером 21, 21-го на военном корабле невольно принял воинскую присягу, 21-го неожиданно женился, 21-го нежданно-негаданно приобрёл новую комфортную квартиру... Запись сделана 21 числа 21 года XXI века.

ЭПИЛОГ

Палач спрашивает: «Ваше последнее желание»? Отвечаю: «Хочу провести десяток лет в городке Сент-Аньес на Лазурном Берегу – оттуда открывается чудесный вид на „всё“ Средиземное море».

Хотелось, чтобы в конце жизни сказали: «Он жил, как философ». Но те, кто скажут, тоже уйдут вслед за мной, а те, кто придёт после них, не будут ничего знать обо мне.

Если не смог жить героически, то постарайся хоть умереть так. Кажется, Сенека говорил: «Дурно живёт тот, кто не умеет хорошо умереть».

Всю жизнь сочинял себе философскую эпитафию: не успел...

ЛЕОНИД ВОЛКОВ

ПЕСНИ ПЬЯНОГО ЛЕСА На Нидым-реке (из «полевой» жизни геолога)

*Жизнь геолога – ветер, вода...
Автор песни неизвестен*

ТАЙКОМ
Её глазами

Над Нидымом – дышащей ещё сном рекой – дымится туман. Тихо.
Но рвётся утра хрупкая паутина – горняки, усевшись в баркас, едва слышно, не проронив и матерка, угрюмо гребут на ту сторону.

На фоне эвенкийского солнца черны их силуэты, движенья размерены. Не слышно ни единого всплеска: ничто не должно спугнуть утро.

Но вот зашуршала галька. Спрыгнув с баркаса, веерами троп рабочие расходятся по карьерам...

Проводив их взглядом, Мила сморщила лоб. Вчера опять не было вертолёт! Ну почему не улетела она неделю назад?! И как вообще она здесь оказалась? Как удалось этому геологу её заманить?

Околдовал! А она поддалась. Но теперь решено: с первым же вертолётком...

Сидя перед палаткой, Мила не сводила глаз с бегущего полотна реки. Теперь, когда она осталась одна, в голову ей пришла шальная мысль: а что если... вскрыть конверт?

То, что письмо, полученное им на днях, – от жены, понятно уж по тому, как Олег его выхватил.

Нехорошо это – тайком. И ладно!

Послание притягивало, как магнит. Зайдя в палатку, Мила достала из выючника почтовый конверт и, помедлив, вскрыла его. А когда развернула вчетверо сложенный лист, в глаза бросились размашистым подчерком написанные два слова: «ЧТО ТВОРИШЬ?»

И показалось ей – лист бумаги ожил, что в её руках – экран, с коего гневно смотрит на неё разъярённая женщина.

– Опомнись! – бросила она Миле.

И, попятившись, та отпрянула, как от ветра... обмерла, словно её оттолкнули.

Солнце висело над головой. День был погожий. В палатку зашёл Захарыч, шеф партии.

– Летит! Готовься, – только и сказал. После радиосвязи ему пришлось идти через весь лагерь.

– На базе из-за магнитных бурь нас не слышат, о борте передали «блиндром», – добавил, будто оправдываясь. И задёрнул за собой полог.

Послышался отдалённый гул. И, глотая на ходу слёзы, она уже бежала с рюкзаком на стрекот...

*

Олег в это время отмывал кондиционный двуглавый кристалл шпата, чтобы бережно, словно бриллиант, положить его в мох, в глубину ящика из-под аммонита, когда донёсся рокот.

И внутри геолога что-то оборвалось: почуял неладное.

– Улетит! – мелькнуло. Припомнил страдальческий её взгляд утром у переправы. Рванулся.

– Нет, всё не так, Мила, – шептал на бегу. – Подожди. Я всё объясню. Только не улетай, слышишь!

И вот уж нёсся по круче, лавируя и цепляясь за стволы «пьяного леса», будто в прыжке собрался преодолеть разделяющее их пространство.

– Только бы успеть! – повторял.

Но гул нарастал. Лодка его была на середине реки, когда из-за лесистого склона показался рокочущий вертолет... Стальная птица, взревев, швырнула в лицо ему брызги и взмыла над головой.

С пронзительными воплями мимо пронеслись чайки. «У-ле-те-ла!»

УЛЕТЕЛА!

Глазами геолога

Вот и улетело ещё одно поле моё. А с ними – и чайки-вороны. Лишь Нидым-река чуть свет дымится испариной и лёгкие заморозки инеем подпудривают берега...

А начиналось так по-весеннему!

Май в разгаре. Гостиница «Огни Енисея»... В экспедицию, которую я представлял, требовалось набрать шестисот сезонных рабочих. При этом хотелось вкусить городской жизни.

Биржа труда: кабинет мой на Мира-40... и – толпы: нескончаемым потоком шли жаждущие заработать... развеяться «на вольных хлебах».

Калейдоскоп лиц, судеб. Иные переступали порог со справкой об освобождении и... мялись, вроде неё.

Она впорхнула из весны – лёгкая... и, на край стула сев, низвергла небо-глаза...

– Кашеварить поедете? – спросила я без обиняков, вертя справку с печатями. На что красавица залпала румянцем и, не проронив ни слова, охлестнула синевой глаз.

«Вот молчунья!» – мелькнуло. И – холостяцкая моя жизнь распелась фейерверком событий.

Яблони отцвели, когда немногословная леди, с которой я закрутил роман, плеснув напоследок небом глаз, взшла на палубу.

За «бичевозом», поутру взявшим курс в Тунгусино, плыла, помню, в волнах Енисея фуражка милиционера...

Через неделю судно причалило в среднем течении Угрюм-реки (Нижней Тунгуски), в столице безразличной мне Эвенкии – Туре. Куда вскоре по воздуху прибыл и я с выводком горняков. Аккурат – к разгрузке каравана судов.

Ночи белые напролёт мотался я по лабазам ОРСа, пылясь в кузове экспедиционного грузовика «люська»... И чуть было не упустил из виду Молчунью, канувшую в стены общежития.

Но, встретив как-то под вечер, позвал...

И голубоглазая пошла со мною берегом Тунгуски. Молча. Сама – как река стройная.

По песку, мхам – босые – мы шли... пока не ушли за горизонт...

А там, на нагретых за день валунах простёршись, за лучики пытались удержать полуночное солнце... пили из канна чай... смеялись, когда с проходящих мимо моторок кто-нибудь окликал, спрашивая *какого мы роду-племени*.

Но май миновал, за ним – череда событий: МИ-6 у нас на глазах рухнул... в «Бабкино» рабочего Пивкина молния поразила... на «Долгожданном» сын начальника партии уж одиннадцатый день по тайге блуждал.

За всем – о нас с Молчуньей забыли, *отбивая* день ото дня «борты».

А что нам! Мы не тужили: упиваясь звоном торжествующего лета, уходили за горизонт...

Пока в одно из утр вертолет, спохватившись, не подхватил и нас.

Унёс на Столбовую гору, где по берегам Нидым-реки в сумерках из-под мха посверкивают кристаллы минерала, с давних пор именуемого звенками *камень Солнца*... где экспедиция «Шпат» годами занималась тем, что рыскала в поисках «кладов солнечных»... порою обнаруживая их чуть ли не под ногами.

...Едва вышли мы из «вертушки», как перенеслись в первобытные времена: вагонетки, бородачи с кайлами, карьеры по ту сторону Нидыма.

Я тут же с головой ушёл в поиски камня солнечного: с утра до ночи был *по ту сторону*... Спутнице же, к моей радости, не понадобилось кашеварить. Должность её звучала как паровозный гудок: «машинист по стирке»...

Она справлялась со своими обязанностями. Но вот как-то, за полночь придя в лагерь, неожиданно для себя я услышал упрёки *заговорившей* Молчуньи:

– Ты окаменел на своей горе! До меня – никакого дела...

И долго ещё металась она по палатке, порываясь всё упорхнуть куда-то...

Гора и впрямь затягивала. Когда к исходу дня компрессор ревел, давая отходной свисток, и горняки переправлялись в лагерь, я, оставшись один в забое, описывал то, что было вырыто за день.

Живописал, дюйм за дюймом прослеживая, как текут эффузивы... скрупулёзно выделял куполовидные отдельности... шелушил «скорлупинки» шаровых лав и разглаживал розбрьзги оспин на мандельштейнах... расплетал завитки-сплетения паутин-прожилков полупрозрачного кальцита, подбитого морденитовым ворсом белёсым, и, по лепестку собирая гейландитовые соцветия, стоговал снопы путанные стльбитов, тронутые мазками травчатого селодонита, с упоением отбирал хрусталевидные кресты филипситов... пока не обнаруживал раздув, в котором и вили себе гнёзда кристаллы лучезарного камня солнечного.

Всё это сводило с ума. Мне по душе было иметь дело с *тайным*.

«Кто, как ни геолог, – *фродни* этим камням!» - утверждался я в мысли.

И – удивительно ли – одержим – забывал о времени!..

О выходных помышлять не приходилось. И всё же два дня выкроили мы с Молчуньей: один – солнечный – на дальних плёсах Нидыма и другой – ненастный – неподалёку.

В первый – у водопада – забыть ли? – когда солнце прощалось с землёй и луч чиркнул по толчее, я отдался потоку – вплавь отправился в лагерь... а, вернувшись на вёслах, на дощатике провёз Молчунью по водоворотам.

Именно в тот день появился у нас пернатый друг: весь обратный путь – порог за порогом – сопровождал на сплаве невесть откуда взвившийся ворон. Кружа в бликах от перекатов, неотступно шуршал он над нами сизыми крыльями.

В следующий выходной лил дождь – и именно тогда, ограничившись бродом протоки под названием Зеркальная, мы набрали на лес пьяный.

Лиственницы поистине в том лесу под хмельком были: кренились по склону и что-то не в лад пели... А из вершин деревьев – им в такт – подпевал всё тот же ворон: залиvisto журчал, чем приводил Молчунью в восторг.

*

Шло время – и ворон Сизокрыл стал посещать меня в выработках. Приветствовал в начале рабочего дня с бермы и, зыряя оком, крутил головой – стоило спуститься в забой.

И так – изо дня в день. Я не мог нарадоваться.

Мне даже удалось его приручить.

И всё было здорово – пока, грешным делом, не утащил он у горняков шмат масла.

А те – скоры на расправу... распяли беднягу на репере.

Произошло это, когда я в лагере был. Едва ж подоспел, поднялся невообразимый гвалт.

Откуда ни возьмись налетел ветер, а с ним – стая воронов.

Однако, покружив над горой, птицы удалились. А с ними, журча, – и сумевший освободиться Сизокрыл.

Неуверенно – раненый – он взмыл в небо. Чтобы уж не возвращаться...

На закате солнца, когда врановые летели над рекой, стал я свидетелем *фата-морганы*, разыгравшейся на небе.

На исходе дня, оставшись наедине с забоем, описывал шаг за шагом полотно карьера и, переживая о друге-вороне, рассеянно рисовал что-то в журнале документации.

Когда же оторвался и поднял глаза на закат, был ошеломлён: в зареве предстала мне феерическая картина: *горнорабочие в барке форсировали Нидым-реку...*

Однако, чтобы представить себе глаорию, явившуюся мне на небосводе, надо вообразить реальную переправу: на рассвете и на закате, когда над водами Нидыма курится туман, горняки всею артелью набиваются в длинную барку и гребут... гребут что есть силы против стремнины.

Захватывающее, скажу, зрелище! Но теперь – я это ясно видел – барка пересекала *не реку, а небо*, задевая за перистые облака... И мне, хочу сказать, ничего не стоило разглядеть силуэты горнорабочих.

Судно приблизилось к противоположному берегу, когда солнце, багровея, перевалило за горизонт, – и фантазмагория стала меркнуть.

Последнее, что увидел, – воронов, спланировавших над баркой, после чего... лодка перевернулась.

Закат догорал – гасло видение.

С горы – наяву уже – я видел, как рудокопы один за другим выбираются на тот берег и как в отблесках костра мелькают их тени.

Когда в фиолетово-алых сумерках откинул я полу палатки, мимо, мне показалось, метнулась птица. Передо мной – раскрылатившимся вороном – предстала Молчунья.

– Зачем тебе понадобилось приручать!.. – налетела.

И – упорхнула с первой оказией, когда я на горе был.

А что я? Погнался было на стрекот...

– Улетела! – кружили надо мною чайки.

– Ага! – журчал в небе ворон. И не было мне оправдания.

Природа же, едва вертолёт взмыл, ополчилась. За палаткою ненастно и недосказано стало. Да и сам я чуть-чуть опустел (как и она, думаю, по ту сторону досягаемости).

Раскаянье раздирало... Так, подстёгиваемые делами, проносимся мы безучастно мимо облагораживающих нас красот... а по прошествии времени терзаемся за упущенное.

Нахлынуло: ароматы июньских проталин и оттаявших мхов... валуны тёплые на Тунгуске, беготня по песку, выглаженному полотном реки... и тот сплав под журчание ворона...

Но время шло, работа затягивала, камень солнечный не давал покоя.

А тут ещё после отъезда Молчуньи зарядили дожди.

Я то и дело накидывал плащ-палатку и шёл за Зеркальную – ночь напролёт слушать, как за протокою не в лад, невпопад поёт лес пьяный.

И сегодня пойду – внимать его песням. Пока сам не опьянею к утру.

«СЕТЧАТКА»

ОЛЬГА МЕДВЕДКО

НИКОЛАЙ ГУМИЛЁВ – ПОЭТ-ПРОРОК
к 135-летию Николая Гумилёва

*Когда я кончу наконец
Игру в каш-каш со смертью хмурой...
Н. Гумилёв*

В 2021 году в апреле мы отмечаем 135-летие известнейшего поэта-классика Серебряного века, основателя акмеизма, переводчика и литературного критика, война, дважды Георгиевского кавалера, путешественника Николая Степановича Гумилёва. Но после знаменательной даты придётся вспомнить и трагическую годовщину – в августе того же года исполнится 100 лет со дня расстрела по постановлению Петроградской Губчека великого поэта. Для Гумилёва игра в «каш-каш» закончилась трагически и внезапно в 35 лет.

Наверное, ни у одного из русских поэтов творчество и сама жизнь так близко не связаны с Востоком, Западом и Россией, как у Николая Гумилёва. В его поэзии и личной участи это триединство неразделимо. Он сам пророчески сравнивал свою судьбу с «заблудившимся трамваем», проносащимся через Неву, через Нил и Сену, чтобы в конце пути, ценою собственной жизни, в «Индию духа купить билет».

В нашей стране у Гумилёва нет ни могилы, ни памятника. Гумилёв был яркой личностью и человеком многих талантов. Но его как будто преследовал злой рок. Из крупных литераторов он был расстрелян в числе первых, в 1921 году. Его обвинили в участии в сфабрикованном ЧК «Таганцевском заговоре», и только семьдесят лет спустя (накануне распада СССР) его в числе последних реабилитировали. Произошло это лишь в 1991 году. До этого многие годы на родине имя Гумилёва было под запретом. Цензоры вымарывали в 1930-60-ых годах почти каждое упоминание его имени. То обстоятельство, что Гумилёв не смог появиться и в пору «оттепели» в 1960-х годах, свидетельствовало о «засекреченности» его фигуры и безусловном отлучении от литературы. Три поколения читателей были фактически не знакомы с его поэзией. Это огромный ущерб для русской литературы и российской культуры.

Однако когда в Ленинграде в 1983 году вышла четырёхтомная «История русской литературы», в ней Н. Гумилёв как вождь акмеизма и поэт хоть и весьма критически, но представлен, упомянуто немало его стихотворений и прозаических произведений. В апрельском номере журнала «Огонёк» 1986 года вышла статья В. Енишерлова «Возвращение Гумилёва» и небольшая подборка его стихов.

Но годы забвения не смогли стереть память о поэте – она жила и продолжает жить. Всегда находились его почитатели, которые наперекор судьбе и властям, с риском для жизни упорно хранили эту память о расстрелянном поэте, чтобы донести её до потомков. Ученица Гумилёва Ида Напсельбаум получила 10 лет строгого режима лагерей за хранение в своей квартире портрета любимого учителя. К подвижникам, которые десятилетиями собирали и хранили вещи, документы и рукописи поэта, принадлежала и семья Павла Лукницкого, первого биографа Гумилёва. Архив Гумилёва стал судьбой семьи, начиная с 1924 года. Можно только поражаться мужеству и преданности человека, который с риском для жизни и в 1930-е, и в 1940-е годы сохранял для нас величайшее сокровище – творческое наследие поэта Николая Гумилёва.

А его сын, юрист Сергей Лукницкий, посвятил 20 лет жизни делу реабилитации убитого поэта. У каждого свой Гумилёв, и, раз открыв его для себя, мы невольно в разные периоды жизни возвращаемся к нему и пытаемся найти в пророческих строках ответы на мучающие нас вечные вопросы. А в ушах звучит его голос:

*Ещё не раз вы вспомните меня
И весь мой мир волнующий и странный...*

Талант Гумилёва развивался бурно и стремительно и вёл его за собой, оставив в душе благодарность учителю – Брюсову и символизму. Но Гумилёв шёл вперёд и стал основателем нового поэтического течения, пришедшего на смену символизму. Акмеизм – это прежде всего сам Николай Гумилёв. Исследователь А. Павловский так характеризовал его поэзию: «Гумилёвская острая и чёткая образность, его упругая ритмика, нарядность и солнечность его словесной ткани, своеобразная „космичность“ его взгляда, ненасытная страсть к овладению пространством, сушей, морями, небом, мужество духа, неустрашимость, презрение к смерти, культ дружбы и товарищества – сколько поистине привлекательных черт, соединённых, словно в ослепительном фокусе, в одной поэтической личности!». (*Павловский А. Николай Гумилёв // Вопросы литературы. 1986. № 10*)

Гумилёв сумел объединить талантливых молодых поэтов: Анну Ахматову, Осипа Мандельштама, Михаила Зенкевича и других. Они нарекли себя *акмеистами* от греческого слова «акме» – вершина. К новым вершинам они стремились всю жизнь – в поэтическом ремесле, в духовном и нравственном самосовершенствовании. Мандельштам дал исчерпывающее определение новому направлению: «*Тоска по мировой культуре*».

Начало Первой Мировой в 1914 году Гумилёв встретил в России и ушёл добровольцем на фронт, хотя у него было освобождение от военной службы в связи с косоглазием. Патриотизм Н.С. Гумилёва был несомненен. Кто ещё из поэтов «серебряного века» ушёл на фронт в первые же дни войны добровольцем? Кто из них за смелость и военные заслуги был дважды награждён Георгиевским крестом? Василий Немирович-Данченко вспоминал о Николае Степановиче: «В мировой войне он был таким же пламенным и бестрепетным паладином, встречавшим опасности лицом к лицу... В самые ужасные минуты, когда все терялись кругом, он был сдержан и спокоен, точно мерил смерть из-под припухших серых век. Его эскадрон, случалось, сажали в окопы. И всадники служили за пехотинцев. Гумилёв встанет, бывало, на банкет бруствера, из-за которого немцы и русские перебрасываются ручными гранатами и, нисколько не думая, что он является живой целью, весь уходит жадными глазами в зеленеющие дали» («Н. Гумилёв в воспоминаниях современников». М., 1990, с. 232).

Гумилёв завершил войну во Франции в составе русского экспедиционного корпуса. После Октябрьской революции, когда многие русские уезжали на Запад, Гумилёв отправился обратно в Россию – навстречу первой волне эмиграции из России. Многие недоумевали – почему Гумилёв, любивший свободу, путешествия, экзотику, открыто признававший, что он монархист, возвратился на родину? А не вернуться Николай Гумилёв не мог, потому что осознавал себя частью России, её плоти и духа:

*Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть!
Словно молоты грозовые
Пли воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьётся в груди моей.*

Гумилёва называли «русским европейцем», но его творчество питала родная земля. Анна Ахматова вспоминала, что в 1916 г. Николай Степанович говорил ей: «Ты научила меня верить в Бога и любить Россию». Уезжая из Франции в 1918 году, он писал:

*Франция, на лик твой просветлённый
Я ещё, ещё раз обернусь,
И, как в омут, погружусь, бездонный,
В дикую мою, родную Русь.*

И погрузился, как в омут головой, в пучину русской революции. Поэт Николай Оцуп вспоминал: «Не сочувствуя революции, Гумилёв черпал в её стихии бодрость, как если бы страшная буря застала его

на корабле, опьяняя опасностью и свежими солёными брызгами волн» (Н. Оцуп. Океан времени. СПб. Логос, 1993, с. 324).

Жить Гумилёву оставалось всего три года – но каких! Ещё при жизни он стал человеком-легендой: Поэт от Бога, романтик, бесстрашный путешественник, который четыре раза совершал путешествия в Африку: в Египет и в загадочную Абиссинию, которая пленила его настолько, что он возвращался туда снова и снова.

В его поэзии всегда присутствовала огненная стихия мироздания. В нём самом как будто никогда не угасало и тлело пламя страстей – к женщинам, путешествиям, бою, подвигам, открытиям. Из этих искр в его душе возгорался огонь творчества. Об этом говорят сами названия его книг – «Костёр», «Огненный столп». Пожар, бунт, рок – лейтмотивы его произведений.

*И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отрясая удавами трости
Ключья пены с высоких ботфортов,
Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвёт пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет...*

Его герой – собирательный образ воина, бунтаря и первопроходца, каким был и он сам. Гумилёв – конквистадор и в жизни, и в поэзии. В знаменитых «Капитанах» он воспевает красивых и сильных людей, их доблесть и отвагу:

*Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат.*

В своём первом сборнике «Путь конквистадоров» Гумилёв старается найти свой собственный образ, и примеряет разные маски. Но в своей последней книге «Огненный столп» он пытается проникнуть в тайну мироздания. Он прекрасно понимает, что СЛОВО поэта обладает таинственной, мистической властью над ним и его судьбой. Слово поэта – это основная суть его дела. Свою последнюю книгу поэт хотел назвать: «Посредине странствия земного». О выходе такой книги даже сообщалось в газете «Жизнь искусства», когда Гумилёв был уже арестован. Почему же он так не назвал свою книгу? Может быть, суеверно боялся, что такое название сократит ему жизнь. Последняя книга Гумилёва «Огненный столп» вышла уже после трагической смерти поэта, когда ему было всего 35 лет, т.е. как раз посредине нормального срока земного странствия обыкновенного человека. Это – расцвет его жизни и творческий взлёт, его вершина как поэта.

Как и всякому большому поэту, ему был присущ – **дар предвидения**.

Быть может, это теперь, зная о его судьбе, видишь в стихах и то, что поэт не имел в виду в момент написания, т.е. конкретной цели – предсказать. Ахматова говорила о Гумилёве «самый непрочитанный поэт», она называла его поэтом-духовидцем, сложнейшим поэтом XX века. В своём знаменитом стихотворении «Заблудившийся трамвай» он увидел что-то такое, что не дано увидеть обычным смертным. Гумилёв сам рассказывал, что это стихотворение ему явилось всё сразу, как будто кто-то продиктовал его, и он записал практически без исправлений. Он с изумлением говорил, что оно ему не ясно, он сам не понимает про что оно. Гумилёв, как никто другой, чувствовал **этот** мир и **тот**. Его поэзия космична. Его пассионарная устремлённость направлена на высшие точки бытия. В стихотворении зашифровано какое-то странное пророчество, смысла которого мы не понимаем до сих пор и всё силится расшифровать его. В стихотворении есть стремление осознать свой, тот самый, пока ещё земной путь:

*Где я? Так томно и так тревожно
Сердце моё стучит в ответ:
Видишь вокзал, на котором можно,
В Индию Духа купить билет?*

Как в «Душе и теле», так и в «Заблудившемся трамвае» мы видим уже разъединяемое единство телесного и духовного. Поэт ещё не понимает до конца необратимость процесса, его разум не может смириться

с тем, что всё кончено, он отказывается верить, что всему приходит конец и всё тленно. И поэтому как будто пытается найти другие пути продолжения себя, пусть и в иных формах и в других сферах:

*Вот ты кличешь: «Где сестра Россия,
Где она, любимая всегда?»
Посмотри вверх: в созвездье Змия
Загорелась новая звезда.*

С этим четверостишием связана удивительная история. Стихотворение «Франции» было написано Гумилёвым по возвращении из Парижа и Лондона в Петроград и было опубликовано в журнале «Новый Сатирикон» в 1918 г. Это предсказание поэта реально сбылось через полвека! Преданный и дотошный первый биограф Николая Гумилёва Павел Лукницкий, рассеянно просматривая газету «Вечерняя Москва» в феврале 1970 года, обнаружил такую заметку: «Новую звезду пятой величины обнаружили в созвездии Змеи 14 февраля японские астрономы обсерватории Курасики в префектуре Окаяма (Западная Япония)». Лукницкий просто опешил от удивления: он всегда знал, что его любимый поэт Николай Гумилёв был провидцем. Павел Николаевич аккуратно вырезал эту заметку, наклеил на отдельный листок, а рядом поместил четверостишие, приведённое мной выше. Это ли не доказательство того, что поэты видят сквозь время и пространство?..

Гумилёв пал жертвой навета и был осуждён по сфабрикованному делу за причастность к контрреволюционному заговору. На допросах Гумилёв не скрывал, что он монархист, революцию «не заметил», а про свои взгляды в анкете честно написал – «аполитичен». И, словно заранее отвечая на вопросы чекистского следователя товарища Якобсона, в одном из своих стихотворений вопрошал:

*Ужели вам допрашивать меня,
Меня, кому единое мгновенье –
Весь фок от первого земного дня
До огненного светопреставленья?*

В 1911 году Гумилёв, как настоящий визионер, своим внутренним взором увидел такую картину:

*Я закрыл Илиаду и сел у окна,
На губах трепетало последнее слово,
Что-то ярко светило – фонарь иль луна,
И медлительно двигалась тень часового.*

Когда поэта арестовали в августе 1921 года, то с собой в тюрьму он взял Евангелие и «Илиаду», и всё было точно так, как он и предвидел за 10 лет до трагической развязки. Но свои пророчества он делал не только для себя, но и для всей страны, за 10 лет до революционной катастрофы он предсказал, что случится с Россией:

*Созидающий башню сорвётся,
Будет страшен стремительный лёт,
И на дне мирового колодца
Он безумье своё проклянет.*

*Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит...*

Гумилёва всегда гипнотизировала и манила смерть. Размышляя о ней, он предрекает, что и создателя, и разрушителя ждёт печальный финал. Первый герой воздвигает башню, и у нас невольно возникает аллюзия на притчу о Вавилонской башне. Но «стремительный лёт» и падение строителя не случайны. Это не беспричинный несчастный случай, а это жестокое наказание за дерзость бунта – безумный создатель оказывается на дне «мирового колодца». Во втором катрене со всей откровенностью даётся апокалипсическая картина того, что случится со страной, которая осмелилась восстать против Бога и опрокинуть его миропорядок.

Поэту, прожившему несколько лет в постреволюционной России, открылись ещё более страшные бездны. Он со всей ясностью пророка отчётливо увидел, куда ведут «благие намерения» пламенных революционеров. Это дорога прямо в ад. Пророческий дар не обманул поэта и в 1919 году:

*Прежний ад нам показался раем,
Дьяволу мы в слуги нанялись
Оттого, что мы не отличаем
Зло от блага и от бездны высь.*

Задолго до того, как его повели на расстрел, он сам напроорочил себе смерть. Гумилёв-воин, Гумилёв-герой точно знал, что его смерть не будет обыкновенной, как у простого обывателя.

*И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще...*

Его казнили не в подвалах тюрьмы на Гороховой, а вывезли в лес и заставили рыть яму. Самообладание Гумилёва тогда поразило даже его палачей. О том, что поэты обладают пророческим даром, известно давно. В стихотворении «Рабочий» 1916 года Гумилёв точно описал, какой у него будет конец:

*Пуля им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщется
Грудь мою, она пришла за мной.
Упаду, смертельно затоскую,
Прошлое увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.*

Всё так и случится. Когда в природе появляется сухая и пыльная трава? В конце лета, в августе. Он даже это увидел своим провидческим взором. Но поэты способны предвидеть не только собственную участь – время и обстоятельства ухода из этого мира. Поэты в своих стихах могут предсказывать войны, революции, стихийные бедствия. У нас, у простых смертных, естественно возникает вопрос – как им это удаётся? Какая высшая сила диктует им пророческие строки? Таким даром обладали все великие русские поэты: Тютчев, Пушкин, Лермонтов, Блок. Наверное, в момент вдохновения поэт каким-то чудесным образом подключается к великим планетарным и космическим силам. И в этом могучем вневременном потоке он интуитивно черпает сведения как о прошлом, так и о будущем, облекая их в стихотворные строки. Причём сам поэт чаще всего не может внятно объяснить, почему он написал именно это и таким образом. Как говорил Блок: «Мне так слышится»... Тайна сия велика есть.

Как и все большие русские поэты, Гумилёв – пророк и провидец. Его стихи о таинственной связи земного и запредельного, о бессмертии духа и души, о нерасторжимости жизни и смерти, о божественной красоте мира и человека. В его поэзии – тайна, которую нам не разгадать; но мы можем ощутить свою сопричастность с ней. И это счастье!

В поэтических тетрадах Павла и Сергея Лукницких остались стихи, посвящённые поэту Гумилёву, который стал их судьбой. В стихотворении Павла Лукницкого упоминается «синяя звезда». «К синей звезде» – назывался сборник неизданных при жизни стихов Н. Гумилёва, который вышел посмертно в 1923 году в Берлине.

Павел Лукницкий (1900-1973)

*Ещё одно сокровище, как скряга,
В мой ларчик палисандровый кладу.
Пусть в век иной перенесёт бумага
Затерянную синюю звезду*.
У века нашего – звезда другая,
Под ней пожары, колдовство и кровь.
И прячется, как девушка нагая,
От наглых взглядов хрупкая любовь.*

Внук, выпустив из ларчика, как птицу,
Звезду – иным увидит свет,
И он поймёт, как должен был томиться,
Своё сокровище сам схоронивший, дед!

Январь, 1925

Сергей Лукницкий
(1954-2008)

Н. Гумилёву

Иду в страну, где есть сокровища,
Где много храбрых погибало.
Но не спугнут меня чудовища,
Ни звуки стрел, ни волны шквала.
Мне небо путь укажет звёздами
В волнах пустынь и океанов;
И птицы будут петь над гнёздами
В чаду тропических туманов.
И дикари, как уголь чёрные,
Падут на землю пред кострами,
И назовут меня, покорные,
Царём над всеми их царями.
И отложу тогда винтовку я,
И мне покажут в яме лога
Жрецы с густой татуировкою
От всех скрываемого Бога.
Останусь там, предав забвению
Страну окованную льдами;
Законы дам, чтоб поколения
Повиновались им веками.
Я приучу их к плугу ладному,
К любви и к мудрому покою,
Я запрещу меняле жадному
Распоряжаться их землёю.
И над лесами непрорубными,
Когда уйду по воле рока,
От их племён, гремящих бубнами,
Вспарит к луне душа Пророка.

1976

Памяти Н.С. Гумилёва

Ясной ночью в звёздном поднебесье
Слышу я святые голоса.
Там поют божественные песни,
С неба смотрят на меня его глаза.
Меж светил как будто вьётся пламя
И летит в таинственную даль,
И цветёт, раскинувшись над нами,
Вечный перламутровый миндаль.
Солнце выйдет из ночного плена,
Дождь пойдёт из тысячи комет,
И восстанет из бывшего плена
Самый замечательный поэт.

1975

ГАЛИНА ВОЗНЕСЕНСКАЯ

ГЕНРИХ САПГИР

У меня 7 классов образования и многое мне трудно понять, но я знаю одно.

То, что далеко, на самом деле близко.

А то, что вовне, на самом деле внутри.

*И наоборот: что внутри, на самом деле далеко разлито в космосе
(фраза Генриха Сапгира, со слов Константина Кедрова)*

Мы хотим рассказать об авторе, который известен многим с детства, если не по книгам и стихам, то совершенно точно по мультфильмам, сценарии к которым он написал. Причём, сами мультфильмы намного более известны зрителю, чем имя автора текстов. Однако имя его хорошо знакомо поклонникам поэзии и прозы 1960-х, позднего советского и постсоветского периода. Генрих Вениаминович Сапгир (1928-1999) – автор сценариев к мультфильмам «Принцесса и людоед», «Паровозик из Ромашково» и, в то же время, автор «Сонетов на рубашках», фантастической повести «Армагеддон». Таким образом, он и один из основных участников Лианозовской группы и, в то же время, состоявшийся детский писатель. Массовому читателю и зрителю в наше время Сапгир, как правило, известен в лучшем случае лишь с какой-нибудь одной стороны, а часто и вовсе не известен. В настоящий момент авторы, принадлежащие к андеграунду 60-70-х годов прошлого века, постепенно теряют широкую читательскую аудиторию и переходят в круг интересов профессиональных исследователей литературы. Ведь неофициальная литература имела в те годы не только огромное художественное значение, но и была, прежде всего, глотком свободы, враждебным устоявшимся советским традициям в искусстве. Именно в последней ипостаси она имела у читателей большой эмоциональный отклик, потерявший своё значение в наши дни.

Поскольку в советское время этих авторов не печатали, произведения Сапгира активно публиковали лишь в течение последних десяти лет его жизни. И сегодня будет справедливым напомнить о его значительной роли в новом неподцензурном российском искусстве 60-70-х годов. Ведь, фактически, он был одним из главных его представителей.

Удивительно, но первым учителем Сапгира ещё в конце 30-х годов стал Арсений Альвинг (Смирнов), поэт-символист, ученик и последователь Иннокентия Анненского, чудом выживший в 20-30-е годы¹. Под его влиянием юный Сапгир прошёл фундаментальную школу классического стихосложения. Генрих в детстве очень много читал. Он брал книги в библиотеке сразу по трём абонементам – матери и двух старших братьев, студентов. Там его и нашёл Альвинг, преподававший в это время в литературной студии. Генриху в этот момент было 12 лет. Уже в то время, ещё до начала войны, они в этой студии своими силами переплели напечатанный на машинке сборник стихов, включавший поэму Сапгира, но, к сожалению, не сохранившийся. Когда в 1943 году Генрих пришёл пешком из Александрова, где он был в эвакуации, в Москву, Арсения Альвинга уже не было в живых. Генриха принял в художественную студию друг Альвинга, Евгений Кропивницкий. Здесь Сапгир познакомился с Оскаром Рабиным. Друзья поселились у Рабина в Трубниковском переулке, напротив Литературного музея. Вместе они создали сборник рыцарских баллад – Сапгир написал стихи, а Рабин проиллюстрировал, после этого был создан рукописный сборник стихов Генриха Сапгира «Земля», который в настоящее время находится в архиве Сапгира в Германии. Сборник включал стихотворение «Полынь»:

*Я влюблён в твой острый запах,
Горько-пряная полынь.
На твоих зелёных лапах
Бродят призраки пустынь*

*Пахнет буйною весной,
Храпом диких табунов,
Вет свежестью степною
От простых твоих цветов.*

И плывут передо мною
В расцветающей дали
Дальний край, объятый зноем,
Травы, травы, ковыли...

Вижу я глухие стены
Обошлелых крепостей
И костры с зажжённым сеном,
И приход лихих гостей.

Вижу витязей богатых
На горячих скакунах.
Вижу блеск их лат крылатых
И шелка на стременах.

На одеждах их нарядных
И яшма, и бирюза.
Но горят желаньем жадным
Их раскосые глаза.

Слышу говор их невнятный,
Стук копыт и грозный гам.
Вижу я, как тучей ратной.
Мчатся рати по холмам.

Как озрамой хищной птицей,
Старым кошуном седым
От границы до границы
Распластался синий дым.

И летят на бой дружины
Загорелых удалцов.
И несётся клич старинный
Над отрядами бойцов:
«Постоим за Землю, люди!
За Святую Русь, вперёд!»...
Вот столкнулись грудью к груди,
Все гремит, кипит, ревет.

Вижу я, в смятённом страхе
Убегает татарва.
Только сабель блещут взмахи,
Да кровавится трава.

Только звонко свищут стрелы,
Да гремит упавший щит.
И скакун осиротелый
Труп в испуге волочит.

А кругом лишь ширь степная
Да сияющая синь...

Вот о чём напоминает
Мне пахучая полынь.

Сам Сапир считал эти стихи акменестскими. Впоследствии, став одним из первых участников Липанозовской группы, состоящей из творческой молодёжи, сплотившейся вокруг Евгения Леонидовича Кропивницкого², объединённой стремлением ко всему новому в искусстве, Сапир больше никогда

не возвращался к традиционным стихам и уничтожил свои ранние произведения, считая их лишь подражанием, упражнением для дальнейшего развития. Однако классическая школа всегда чувствовалась в его произведениях разных лет. «Генрих всегда ощущал себя не только художником слова, но и смысловиком: игра смыслами, смысловый ряд были для него очень важны. И в этом плане он, может быть, ближе к традиционным литераторам. Я считаю, что он вообще был очень сильно связан с русской литературной традицией. А с другой стороны, общение с художниками давало возможность применения новых приёмов», – вспоминал Виктор Кривулин.³

Стих и стихия были у него в крови. Встречи в Лианозово были открытыми, приходило на них могли все желающие. Не имея лучезарных отношений с советской действительностью, Генрих с лучшими своими друзьями, художником Оскаром Рабиным и поэтом Игорем Холиным, старался сохранить себя от её разрушительного воздействия в своём кругу общения на островке свободы в Лианозово: «И тогда же обрели нашего Великого Учителя – Евгения Леонидовича. Поэт, художник и музыкант – он жил в Подмоскowie возле Долгих Прудов: двухэтажный барак на взгорке напротив храма, который построил Баженов. Там всегда, выйдешь – внизу блестит вода, а сверху – крест. Все места вокруг – и парк и берег Клязьминского водохранилища мы исходили с ним, беседуя об искусстве, о жизни, о любви – обо всём. Это была настоящая Долгопрудненская Академия. Под соснами, в орешнике и кустах бузины. Целая группа молодёжи годами приезжала к Учителю, ничего не скажешь, магнит».⁴ Сапфир считался человеком-праздником, обладая огромной позитивной энергией, с внешней лёгкостью он преодолевал любые нелепые и досадные жизненные ситуации, характерные для того исторического периода.

Первым незабываемым приключением стала публикация произведений лианозовцев в первом самиздатском журнале «Синтаксис». А. Гинзбург уговорил Сапфира опубликовать в созданном им поэтическом альманахе написанную Генрихом в 1958 году поэму «Бабыя деревня». Несмотря на то, что самиздатский журнал не имел никакого отношения к политике, все были наказаны. Власти не прощали отступлений от установленных правил. Больше всех пострадал сам молодой редактор, об остальных участниках напечатали статью в «Известиях» – «Бездельники карабкаются на Парнас», где всех заклеямили. Эта история полностью уничтожила даже самую призрачную надежду быть опубликованным. В это самое время и предложили Генриху Вениаминовичу писать для детей. Борис Слуцкий привёл его в редакцию издательства «Детский мир», и Сапфир понял, что это единственный шанс остаться в литературе. Прогрессивный главный редактор «Детского мира» (позднее «Малыш») Ю.П. Тимофеев пригласил сотрудничать и других лианозовцев. Однако лишь Сапфир был полностью признан как детский поэт, остальные, напечатав несколько детских книжек, ушли из детской литературы.

Взявшись писать для детской аудитории не по своей воле, он, тем не менее, сразу стал перспективным детским автором. Есть мнение, что именно классическая школа стихосложения помогла в этом Сапфиру. В 1968 году Сапфира даже приняли в Союз Писателей – именно как автора книг для детей. И, когда, казалось бы, всё шло благополучно, произошла новая абсурдная история. Как детскому писателю, Сапфиру поручили работу с молодёжью. Генрих Вениаминович взялся за новое дело с большим рвением. По его воспоминаниям, он привёл в Союз участников литературного объединения молодых поэтов СМОГ.⁵ Затем он организовал встречу с молодым художником из студии Белютинна «Новая реальность».⁶ После организации этих мероприятий Сапфира исключили из Союза Писателей, даже не успев выдать ему членский билет. Обидевшись на писателей, Сапфир, однако, тут же вступил в Союз Кинематографистов, где его, как он вспоминает, «ещё не знали с плохой стороны». Возможно, именно по этой причине детям посчастливилось получить много новых хороших мультфильмов, сценарии к которым написал Генрих Сапфир.

Вместе с Сапфиром над книгами для детей и мультфильмами работали его друзья-художники, многие из которых бывали также и на встречах в Лианозово. Виктор Пивоваров, например, оформил детские книги: «Леса-чудеса», «Про Фому и про Ерёму», «Красный шар», «Карманный комарик», «Полосатые стихи», а также несколько книг Овсей Дриза в переводах Сапфира: «Зелёная карета», «Мальчик и дерево», «Хелемские мудрецы» (не вышла).⁷ Виталий Стацинский проиллюстрировал пособие для дошкольников «Приключения Кубарика и Томатика или весёлая математика». Художники-лианозовцы чаще всего участвовали в оформлении детских книг издательства «Детский мир», поскольку главный редактор Тимофеев был более лоялен к ним. Но у Сапфира был и соавтор, вместе с которым они писали сценарии для мультфильмов. Геннадий Цыферов дружил с Сапфиром, но не входил в Лианозовскую группу. В 60-е годы Генрих создавал детские книги, сценарии для мультфильмов, пьесы для детей, был автором огромного количества текстов для диафильмов.

Во многом именно влияние друзей-художников по Лианозовской школе имело огромное значение для Генриха Сапфира и определило абстракционистскую часть в его творчестве, тогда как литературная составляющая была классической. Сапфир посещал выставки своих друзей, если им удавалось их устроить. Был он на знаменитой бульдозерной выставке, после которой Евгения Кропивницкого исключили из Союза художников, а Оскар Рабин был вынужден в итоге уехать из страны. Сапфир принял участие

в выставке художников – нонконформистов в павильоне «Пчеловодство» на ВДНХ. Решение об участии в выставке было принято Сапгиром спонтанно. На полотняных спинах двух своих рубашек он написал фломастером два своих сонета: «Тело» и «Дух», так их и повесили на стене павильона. Таким образом, родилась идея цикла «Сонеты на рубашках». Но провисели эти рубашки на стене павильона недолго. Начальство потребовало, чтобы их убрали, потому что текст не прошёл цензуру. Сапгир на протяжении всего творческого пути был склонен к перформансу, идея с рубашками стала началом так и нереализованного проекта экспозиционной «комнаты-текста», помещения, отведённого под квартирную выставку, но представляющего собой связный поэтический текст. Виктор Кривулин вспоминал: «Осенью 1975 г. Генрих привёз из Москвы первые экспонаты для «комнаты-текста», две добротные, тонкого полотна белые рубашки со стихами «Плоть» (изрезанную ножницами, в дырах и т.п.) и «Дух» (свежевыглаженную, накрахмаленную, франтоватую). Мы их повесили в пустой платяной шкаф в моей комнате... И услышав о смерти Генриха, я вспомнил, как пронзительно одиноко выглядели эти аккуратно развешанные рубашки в шкафу так и несостоявшейся «комнаты-текста».⁸

На «детского» Сапгира оказало влияние творчество обэриутов, с которым он познакомился, в общем-то, случайно. В 1958 году, когда умер Заболоцкий, Генрих ещё работал на скульптурном комбинате. Его друзьям – Лемпорту, Силису, Сидуру⁹, – заказали надгробие. В мастерскую пришли тогда дети Заболоцкого, Никита и Наташа. Сапгир сдружился с ними, а за Наташей он даже ухаживал. Заболоцкие подарили ему «Столбцы», перепечатанные на машинке и переплетённые суровым полотном. До этого о творчестве обэриутов Сапгир, по собственному признанию, знал лишь отдалённо.

Третий крупный скандал, происшедший в жизни поэта, имел и вовсе печальные последствия. В 1979 году известные литераторы выпустили альманах «Метрополь», включивший в себя большой пласт неподцензурных текстов разных авторов. В числе прочих было напечатано несколько стихотворений из сборников «Голоса», «Сонеты на рубашках» Генриха Сапгира. Один из выпущенных экземпляров был передан в США для публикации. После разгрома альманаха Сапгир не имел возможности публиковаться даже как детский автор.

Стихи «для взрослых» Сапгира публиковались за пределами страны и раньше, но поэт относился к этому очень осторожно. Первая публикация в России состоялась в 1988 году в журнале «Новый мир», и в неё, наряду с более поздними «Сонетами на рубашках», вошли три текста из «Голосов». Первой официальной публикации своих «взрослых» стихов в России Генрих Сапгир ждал 40 лет.

В конце 80-х Генриха Сапгира начали активно публиковать, он написал в это время несколько прозаических произведений – «Сингапур», «Армагеддон», легко освоил компьютер и тщательно сохранял все черновики в электронном виде, благодаря чему сегодня имеется электронный архив его поздних работ. Стремясь ко всему новому, он пишет каждое своё произведение в уникальном стиле, постоянно экспериментируя, играя не только словами, но и смыслами. В этот период написаны и опубликованы «Черновики Пушкина», «Генрих Буфарев», «Дети в саду», «Стихи на неизвестном языке». Сапгир также устраивает встречи с читателями, презентации своих книг, участвует в вечерах и презентациях книг других авторов. Появляется возможность участвовать открыто в различных поэтических фестивалях у себя в стране и за её пределами. Поэт Константин Кедров вспоминает, что познакомился с Генрихом в 1989 году во Дворце молодёжи на знаменитом вечере «Минута немолчания». «Мы любили выступать четвером: Игорь Холин, Генрих Сапгир, я и Елена Кацуба» – пишет Кедров. «Где-то году в 90-м нас пригласили выступить на семинаре молодых писателей, который проходил в ВКШ (Высшей комсомольской школе)».¹⁰ Кедров рассказывает о выступлении в театре в Париже в театре рядом с Мулен Руж и на международном фестивале авангарда в театре на Монмартре в 1991 году, в Центре Помпиду среди экспонатов Сальвадора Дали и основоположника сюрреализма Андре Бретона. В театре на Монмартре Сапгир продышал с большим успехом своё известное стихотворение «Море в раковине», состоящее из вдоха и выдоха и естественно не нуждающееся в переводе. Из воспоминаний Константина Кедрова о поездках в Париж:

«Идём мы с Генрихом по бульвару Распай. Навстречу молодая парижанка. „Знакомься, – говорит Генрих, – моя дочь“. Познакомились. Дальше идём. Бродим по Латинскому кварталу, навстречу – парижанка. „Ты будешь смеяться, – говорит Генрих, – но это тоже моя дочь“. – „Как? Опять?“ – „Так уж сложилось, у меня обе дочери – парижанки“. Так и гуляли по Москве, по Коктебелю, Парижу – и везде родственники, друзья, друзья друзей... Любящие Сапгира – это государство во всех государствах».¹¹ Кедров подводит итог: «Я тогда сказал Генриху: „Вот сбылось пророчество „Известий“ 1959 года – „Бездельники“ и впрямь на Парнасе. Только надо было написать: „Бездельники карабкаются на Монпарнас“».

Можно сказать, что сбылось и пророчество Сапгира: «Однажды Генрих меня спросил», – пишет Кедров:

«– А тебя напрямую в КГБ вызывали?

– Напрямую никогда. Гадили через третьих лиц.

– А меня вызывали. Кулаком стучал по столу какой-то олух: „Убирайтесь отсюда к чёртовой матери!“

Я ответил: „Нет, это вы убирайтесь, а я останусь“».¹²

Так получилось, что упорство и позитивный настрой, пускай даже внешний, победили, и Генрих Сапгир всё-таки пережил угнетавшую его систему.

В 1999 году, перед самой смертью, Сапгир вместе с Андреем Вознесенским вступили в весёлое поэтическое сообщество ДООС (Добровольное Общество Охраны Стрекоз), созданное Константином Кедровым и названное так по аббревиатуре из стихотворения Кедрова «ДООС» (1984 г.). Оба поэта были давними друзьями этого сообщества, и при их вступлении было принято решение всем участниками присваивать забавные поэтические звания. Константин Кедров – *стихознавр*, Елена Кацуба – *libellula* (стрекоза по-итальянски), а Вознесенский и Сапгир стали *стрекозаврами*. Это расширение ДООСа зафиксировано выпуском сборника «НовыеДООССкие». В этот сборник вошли поздние стихи дыхания, переросшие в цикл «Еврейская мелодия».

К произведениям, написанным для детской аудитории, интерес автора заметно ослабевает, однако их продолжают публиковать. Одним из последних произведений, написанных для детской аудитории, стало стихотворение «Смеяницы». В этом произведении, созданном в 1995 году, присутствует языковая игра, а также отсылки к стихотворению Мандельштама «Давай поедим в Царское село» и известным песням советских исполнителей, что делает их интересными и для более взрослой аудитории.

Сапгир умер в октябре 1999 года от инфаркта в переполненном московском троллейбусе по пути на презентацию книги «Поэзия безмолвия. Антология» А.И. Кудрявицкого, где он должен был выступать. («Рейс троллейбуса – на небо», – строка в тексте Генриха Сапгира «Странная граница», 1999). В настоящее время сложилась такая ситуация, что, как ранее в советское время, «детские» произведения автора известны публике больше, чем «взрослые». По ряду причин произведения «для взрослых» снова публикуются мало, зато мультфильмы, снятые по сценариям поэта, хорошо знакомы детям. В 2008 году в издательстве «Время» вышел сборник произведений Генриха Вениаминовича под название «Складень», включивший «Голоса. Гротески» (1958-1962); «Псалмы» (1965-1966); «Люстихи» (1965-1966); «Элегии» (1967-1970); «Московские мифы» (1970-1974); «Сонеты на рубашках» (1975-1989); «Генрих Буфарев. Терпихи» (1984, 1987); «Этюды в манере Огарёва и Полонского» (1987); «Дети в саду» (Коктебель, лето 1988); «Мёртвый сезон» (1988). В настоящий момент обладатели электронного архива ведут переговоры об издании второго тома произведений автора с таким же названием, не вошедших в издание 2008 году, в том числе «Черновики Пушкина».

Большой вклад в сохранение наследия и памяти о Генрихе Сапгире внесла его третья супруга, ныне уже тоже покойная Людмила Родовская. Благодаря её деятельности был создан электронный портал «Сапгир о Сапгире», который включил в себя огромное количество его текстов и интервью, которые он в большом количестве давал различным изданиям в последние годы жизни. Теперь, несмотря на то, что основной архив Сапгира находится в Бремене (Германия), интересующиеся биографией автора читатели и исследователи имеют возможность многое узнать о жизни Генриха Сапгира фактически из первых рук.

Примечания:

¹ Г. Сапгир «Рисовать надо уметь, или в искусстве всегда есть, что делать». Беседа вела Татьяна Бек М., 2019 [Электронный ресурс] Беседы с Сапгиром и о Сапгире. Монологи. // <http://sapgir.narod.ru/talks/with/with01.htm>

² Евгений Кропивницкий и его жена, художница Ольга Потапова, жили в деревне Виноградово, около станции Долгопрудная по Савеловской железной дороге. Дочь Кропивницких, Валентина, вышла замуж за Оскара Рабина, они тоже поселились поблизости, в бараке на станции Лианозово. Так возникла знаменитая Лианозовская группа – неофициальное художественное объединение.

³ «От него исходили поразительные лучи любви». Беседа с Виктором Кривулиным [Электронный ресурс]. Беседы с Сапгиром и о Сапгире. <http://sapgir.narod.ru/talks/about/krivulin01.htm>

⁴ Г. Сапгир Автобиография [Электронный ресурс] Беседы с Сапгиром и о Сапгире <http://sapgir.narod.ru/album/bio/bio01.htm>.

⁵ Литературное объединение, организованное В. Алейниковым и Л. Губановым в 1965 году. Аббревиатура СМОГ расшифровывается как «Самое Молодое Общество Гениев». Лозунг – Смелость, Мысль, Образ, Глубина. Смотигсты преследовались властями.

⁶ «Новая реальность» – творческое объединение художников неформальных направлений в искусстве СССР второй половины XX века. Руководитель – художник Элий Белютин. Любые неформальные объединения были запрещены и преследовались властями.

⁷ В. Пивоваров. «Серые тетради». М., Музей современного искусства «Гараж», 2017. С. 218.

⁸ В. Кривулин «Последние стихи. Слово о поэте»

[Электронный ресурс] Журнальный зал <https://magazines.gorky.media/arion/2000/1/poslednie-stihi-2.html>

⁹ Лемпорт, Сидур и Силас – скульпторы-шестидесятники группы ЛеСС. Сапгир познакомился с ними, работая на скульптурном комбинате нормировщиком.

¹⁰ Кедров-Челищев. Мемуары о Бурлюке, Сапгире, Холине, метаметафоре.

[Электронный ресурс] <https://proza.ru/2007/11/28/246>

¹¹ В. Пивоваров «Холин и Сапгир ликующие». М., Музей современного искусства «Гараж», 2017. С. 30.

¹² Там же, С. 26.

«ЛИТМУЗЕЙ»

АНДРЕЙ КРАЕВСКИЙ

ХМЕЛЬНОЙ БРОДЯЖИЙ ВЕТЕР С МОРЯ **Аркадий Тимофеевич Аверченко (1880-1925)**

Будущий «Король смеха» родился в марте 1880 года в Севастополе, в городе морской славы. Его отец Тимофей Петрович был небогатым купцом, но при этом деньгами на образование и воспитание сына располагал. У него был в городе средней руки магазин, приносивший доход, позволявший семье не нуждаться в самом необходимом. Сусанна Павловна, мать Аркадия, рожала часто и не всегда удачно: из десяти её детей двое умерли в младенчестве. Да и Аркадий не мог похвастать крепким здоровьем, скорее наоборот – будучи близоруким, он в юности повредил осколками стекла левый глаз, который перестал видеть и навсегда остался неподвижным.

В связи со слабым от рождения здоровьем Аркадий не получил даже начального образования. Но домашние занятия со старшими сёстрами-гимназистками принесли некоторые плоды: Аркадий подготовился для поступления в реальное училище. Однако больше двух лет он не смог выдержать обучения, которое было рассчитано на шесть-семь лет. То ли, действительно, слабое здоровье не переносило постоянных нагрузок, то ли хмельной бродяжий ветер с моря пьянил сознание юноши чем-то не имеющим определения в «практических потребностях к приобретению технических познаний», то ли уже в раннем возрасте Аркадий подсознательно ощущал в себе тягу к совершенно иному направлению жизнедеятельности, которое станет для него тем магистральным ветром, что раздувает паруса мечты и воображения. Кто знает, что явилось причиной ухода из реального училища? Может быть, все эти причины в совокупности...

А тут на беду вскоре разорился отец, оплачивать обучение стало невозможно. Чтобы семья не голодала, Тимофей Петрович отправил сына Аркадия на заработки – транспортной конторе в Севастополе в это время понадобился писец. Недовольный оплатой труда младшего писца, Аркадий в 1897 году, меньше чем через год покинул город морской славы и перебрался на донецкие рудники, где проработал конторщиком аж четыре года! Пятилетний «бумажный» период его трудовой деятельности дал Аркадию прекрасный бытовой материал для написания таких иронично-сатирических произведений, как «О парходных гудках», «Автобиография», «Вечером», «Молния» и другие. Постепенно он стал замечать в себе тягу к написанию острых, жанровых произведений малых форм, способных заинтересовать читателей узнаваемостью сюжетов, похожестью знакомых ситуаций, но одобренных лёгким юмором и доведённых иногда практически до абсурда. Литературная карьера Аверченко началась в 1903 году в Харькове, где он оказался с переехавшим туда управлением рудниками.

Проработав в Харькове три года, Аверченко окончательно забросил канцелярскую службу, чтобы целиком посвятить себя писательскому труду и издательскому делу. Его всё больше манит к себе литературная творческая деятельность и он не находит в себе силы, чтобы сопротивляться влечению, к которому у него лежала душа, через которое он мог выразить своё мировоззрение, оказавшееся на тот момент наиболее востребованным. Уже как лет четырнадцать-пятнадцать никто в России не мог заменить на почве иронии Антошу Чехонте, после поездки на Сахалин ставшего автором серьёзной, большой литературы, в которой всемирно прославился под своим настоящим именем Антон Чехов. Многие тогдашние критики, да и читатели, не могли простить Чехову «измену» жанру, отсутствия в периодике всегда желанных фельетонов, новелл и рассказов на остросоциальные или социально-бытовые темы. Лакуну, заполнение которой было востребовано обществом, никто не был в силах наполнить юмором, скепсисом и иронией, как это удавалось с лёгкой руки и лёгкого пера Антона Павловича. Преемника Чехова ждали...

Аркадий Аверченко оставил Харьков, где сотрудничал с сатирическими журналами «Штык» и «Меч», чтобы, перебравшись в Санкт-Петербург, войти в столичную когорту молодых писателей, объединённых журналом «Стрекоза». Однако вскоре выяснилось, что журнал, тираж которого неотвратимо падал, что называется, реанимировать невозможно – старое породить новое не могло. Поэтому Аверченко и его коллеги по литературно-издательскому цеху пришли к выводу: нужен новый журнал! Так появился легендарный «Сатирикон». С которым сотрудничали такие легендарные литераторы Серебряного века как Сапша Чёрный, Тэффи, Осип Дымов и Николай Ремизов, в ту пору начинающий, но уже невероятно талантливый театральный художник и карикатурист. В молодом (самому старшему из этой когорты едва перевалило за 35 лет) творческом коллективе, извергающем потоки искромётного юмора и не знавшей промахов сатиры, Аверченко не только не потерялся и не поблёк. Да что говорить – Аркадий рельефно выделился на фоне коллег невероятным чувством актуальности, способностью быстро и точно реагировать на малейшие проявления бытовой пошлости и социальной несправедливости. Именно в «Сатириконе» Аркадий превратился в того Аверченко, который уже при жизни стал классиком жанра.

С ростом популярности и тиража «Сатирикона» изменяется имидж Аверченко, его социальная значимость, влияние в обществе и самооценка. На глазах у своих коллег он из провинциального литературного Растиньяка, приехавшего в столицу с пустыми карманами и без всяких связей в обществе, превратился в уважаемого издателя, с мнением которого не только считались, но и соотносили свои жизненные планы многие маститые писатели и государственные чиновники. Именно в Санкт-Петербурге Аркадий Аверченко приобрёл лоск и светскость – верная примета того, что прошлое с неустоенным бытом и долгами осталось за порогом новой жизни.

Что это было за время! Все неприятности, неудобства и страхи, рождённые революционными событиями 1905-07 годов, и контрмеры, принятые правительством на скорейшее преодоление социального кризиса, – всё это было позади! Транспорт работал как часы, магазины обслуживали запросы самых капризных покупателей, а российским театру и литературе, всегда шагавшим в ногу со временем и чутко улавливавшим малейшие отклонения в социальной эстетике и духовности, триумvirат составила Синема – кинематограф! И Аркадий Тимофеевич, человек из российской южной глубинки, не имевший даже начального образования, тут же взялся за освоение нового направления в изобразительном искусстве. Он пишет сценарии для фильмов, создаёт в «Сатириконе» рекламу кинематографу, сам снимается в нескольких картинах! Многие тогдашние корифеи культуры если не с недоверием, то очень индифферентно относились к «живым картинкам», считая эту забаву пошлой и достойной исключительно вкусов ярмарочной публички, полагая ниже своего художественного достоинства опускаться до подобного уровня.

Но Аверченко был иного мнения, далёкого от богемного снобизма, мнения, во многом сформированного во время непосредственного общения с народом в годы работы в порту и на донецких угольных приисках. И то, что чуть позже назовут важнейшим из искусств, многим в России обязано молодому литератору, благодаря своему природному уму и жажде нового, сделавшему для популяризации кино в России значительно больше, чем основатели пролетарского государства – он оснастил кинематограф литературной основой! Сделал его больше чем ярмарочной забавой – видимым воплощением литературной классики. А драматургический опыт у Аркадия Тимофеевича к этому времени уже был: он принимал непосредственное участие в драматургических переложениях для театральной сцены своих литературных произведений. И, как мы с вами сегодня понимаем, Аверченко в межреволюционное десятилетие сопровождал все виды интеллектуального отдыха тогдашней российской интеллигенции. В театре – его пьесы; в *синема* – фильмы на его сюжеты и *он сам*; в журналах – его рассказы, отдельными книгами – его произведения! Уровень его популярности был таков, что его произведениями не манкировали ни в Императорском дворце, ни на парижской кухне в общежитии для политических эмигрантов. Николай II приглашал его для чтения своих произведений для августейшей семьи – но, кажется, Аверченко приглашения не принял. А о симпатиях «кремлёвского мечтателя» и его оценке он узнал только после 1917 года.

Беда Аверченко и всей русской интеллигенции заключалась в том, что они все по определению были природными антимонархистами, антитрадиционалистами, проводниками либеральных свобод в общественной и частной жизни, противниками какого-либо государственного диктата (а уж тем более – произвола), демократами, в деле служения народу оставившими далеко позади самого Демосфена. И как невозможно было себе представить Демосфена при дворе македонских царей, также и Аверченко – нет ни одного подтверждения, что он принял приглашение Николая II. Эти люди, эти умнейшие и образованнейшие представители отечественной интеллигенции, властители умов нарождавшегося третьего сословия, в личной жизни являли нечто совершенно противоположное и несовместимое с традиционными представлениями о семье, являвшейся основой российского общества.

Если внимательно рассмотреть «кумиров», будораживших умы передовому авангарду русского общества на протяжении 70 лет (начиная с середины XIX века), то в глаза бросится огромное количество пресловутых любовных «треугольников», в формате которых существовали лучшие умы тогдашней

России. Герцен – Тучкова – Огарёв; Некрасов – Панаева – Панаев; Афанасий Маркович – Марко Вовчок – Пантелеймон Кулиш; Пантелеймон Кулиш – Марко Вовчок – Иван Тургенев; Тарас Шевченко – Марко Вовчок – Дмитрий Писарев; Дмитрий Мережковский – Зинаида Гиппиус – Дмитрий Filosoфoв; Блок Александр – Любовь Менделеева – Андрей Белый; Маяковский – Лиля Брик – Осип Брик. Не создали семей и не оставили потомства: Иван Сергеевич Тургенев; Владимир Васильевич Стасов; его сестра Надежда Васильевна Стасова; Модест Петрович Мусоргский; Максимилиан Александрович Волошин; Михаил Алексеевич Кузьмин; Николай Алексеевич Клюев; Владимир Владимирович Маяковский; Сергей Павлович Дягилев и многие, многие другие, чьё модернистское мировоззрение не позволяло быть причастными к традиционным ценностям.

В этой позиции российской интеллигенции нетрудно увидеть родственность неприятия и традиционной русской монархии, царизма, произвола, всех и всяческих ограничений, начиная с политических и кончая этическими. Трудно сказать – относился ли Аверченко к подобной плеяде модернистов; но факт остаётся фактом: его отношения с противоположным полом были на редкость своеобразными. Стоит привести лишь одну сентенцию Аверченко, заключённую им в рассказе «Ложь». «Трудно понять китайцев и женщин. Я знал китайцев, которые два-три года терпеливо просиживали над кусочком слоновой кости величиной с орех. Из этого бесформенного куска китаец с помощью целой армии крохотных ножичков и пилочек вырезывал корабль – чудо хитроумия и терпения: корабль имел все снасти, паруса, нёс на себе соответствующее количество команды, причём каждый из матросов был величиной с маковое зерно, а канаты были так тонки, что даже не отбрасывали тени – и всё это было ни к чему... Не говоря уже о том, что на таком судне нельзя было сделать самой незначительной поездки – сам корабль был настолько хрупок и непрочен, что одно лёгкое нажатие ладони уничтожало сатанинский труд глухого китайца. Женская ложь часто напоминает мне китайский корабль величиной с орех – масса терпения, хитрости – и всё это совершенно бесцельно, безрезультатно, всё гибнет от простого прикосновения». А другая сентенция словно уже и не оставляет сомнений в раблезианском антифеминизме Аверченко: «Страшная штука – женщина, и общаться с ней нужно, как с ручной гранатой». Но с другой стороны – не существует опровержений, что Аверченко страдал гомофобией и ему были нестерпимо неприемлемы пристрастия современников: Оскара Уайльда, Сомерсета Моэма, Михаила Клюева и Сергея Дягилева. Так или иначе, но прожив 45 лет, Аркадий Тимофеевич в браке не был, а детьми не обзавёлся...

Выглядел он превосходно: его гардероб, причёска, одеколон, да и самые манеры держаться – ничто не выдавало в нём вчерашнего донецкого клерка или портового конторщика – так быстро и почти безболезненно адаптировался Аверченко к столичной богеме. Ни Чуковский, ни Горький, ни Клюев и, уж конечно, ни Лев Толстой – никто из них никогда даже близко не соответствовал как он облику respectable состоятельного горожанина. Что же, успех сопутствовал Аверченко во всём и везде, к чему бы он ни применил свои дарования. А успех выражался не только в популярности, но в первую очередь, в гонорах, превративших жизнь бедного молодого человека из провинции в нечто, напоминающее пребывание Аполлона-Мусагета на мифическом Парнасе (в переводе с хетто-лувийского – «дом богов»). Его доходы в десятки раз превышали доходы земского врача, специалиста с высшим образованием. Он снял роскошную квартиру у «Пяти углов», став соседом известного авантюриста князя Михаила Андроникова, близкого к Григорию Распутину. Подобное соседство и подобные знакомства льстили «новому буржуа» – его связям завидовали многие, искавшие скандальной популярности и сомнительных связей. Однако, к чести Аркадия Тимофеевича, он никогда в практической жизни не прибегал к заступничеству или поддержке названных персон.

Когда в журнале «Сатирикон» в 1913 году возник финансовый конфликт между учредителями (Корфелем и Аверченко), Аркадий Тимофеевич ничтоже сумняшеся вышел с группой своих сотрудников из издательского дома и в короткий срок организовал журнал «Новый Сатирикон», куда вскоре из старого журнала перебежал Василий Князев. К Ремизову, Радакову, Тэффи, Александру Бенуа, Добужинскому, Бухову присоединились Владимир Маяковский и Александр Грин. Автор более 500 произведений общим тиражом в несколько миллионов экземпляров к 1914 году уже давно имел заслуженное в литературных кругах и у публики прозвание «король смеха». Прежний «Сатирикон» после раскола вскоре обанкротился, а дела Аркадия Аверченко шли в гору. Поэтому, как это обычно бывает, число завистников росло пропорционально гонорарам, ничуть, впрочем, не смущая и не волнуя Аркадия Тимофеевича, эпикурейца и оптимиста, чьим девизом была фраза: «Жизнь – вечный медленный праздник».

Праздники праздниками, но работа в журнале не приостанавливалась ни на один день; и Аверченко играл в журнальном оркестре не только главную скрипичную партию, но и виртуозно дирижировал сверхталантливым и к тому же разнородным коллективом. Даже Первая мировая война не навредила ни популярности, ни прибыльности «Нового Сатирикoна» – изящные выпады в адрес сухого закона и немецких недотёп приводили читающую публику в восхищение, несмотря на их ангажированность и сомнительную актуальность публикаций. Тут уместно вспомнить о методике руководства журналом,

не случайно выбранной Аверченко, соответственно его натуре: обладая мягким характером, он говорил о себе: «Я кисель, никакой бритвой меня не разрежешь». Поэтому в журнале он не редактировал чужих произведений, объясняя это следующим: «Каждый сам за себя отвечает. Напишет несколько раз плохо, перестанем печатать». Подобный подход к творчеству журнальных сотрудников, как ни странно, был эффективен: авторы стали относиться к своим произведениям максимально самокритично.

Существует анекдот, почти бль, придуманный, судя по всему, самим Аркадием Тимофеевичем. Объясняя одному графоману, почему его произведение не опубликовано в «Сатириконе», Аверченко написал: «Вы пишете в рассказе: „Она схватила ему за руку и неоднократно спросила: где ты девал деньги?“». Иностранных произведений не печатаем». Тем не менее следует признать, что юмористические произведения у Аверченко и «сатириконцев» превалировали над сатирическими – так было безопаснее по политическим соображениям издавать журнал, да и не последнюю роль играли гонорары сотрудников и самого Аркадия Тимофеевича, из «высокого, худого как жердь, молодого человека», всего за 10-12 лет превратившегося в «крушного, дородного мужчину», «любящего индейку с каштанами». Несмотря на видимое добродушие, источаемое всей его фигурой и внешним обликом, Аверченко не чужды были маленькие человеческие слабости, такие, как «злая память». Чуковскому, опубликовавшему в газете «Речь» фельетон «Современные Ювеналы», особенно болезненно поразившего Аверченко фразой, «погремушкой малых литературных щекотальщиков, развлекаелей „чуткой публики“», которая относилась к его журналу, Аверченко ответил в «Сатириконе» фельетоном «Ответ читателю Дремаогину», после которого война между писателями разгорелась не на шутку, а отношения между ними оказались разорванными навсегда.

Примерно такие же отношения сложились у Аркадия Тимофеевича и с Горьким, которого уже тогда прозывали Буревестником революции. Всё началось тогда, когда в Ялте «высокий, худой как жердь, молодой человек» Аверченко встретился с Горьким, познакомился и попросил прочитать свои рукописи. Горький якобы сказал после прочитанного: «Господин Аверченко, бросьте писать, так как из вас никогда не выйдет писатель. Займитесь чем-нибудь другим». Хорошо ещё, что не отправил «в люди» набираться житейского опыта, так сказать с глаз долой и долой из гипотетического списка потенциальных конкурентов. А ведь мог бы – была у него такая манера... Странный треугольник представляли собой популярные и известнейшие в те годы литераторы – упрекая друг друга в отсутствии профессионализма и в пошлом, низком стиле, они как бы забывали при этом, что никто из них не получил среднего образования! И при этом один из них – Чуковский – был удостоен степени доктора литературы Оксфордского университета, другой – Горький – избирался почётным академиком Императорской академии наук по разряду изящной словесности и пять раз выдвигался на Нобелевскую премию по литературе, а третий – Аверченко – по праву носил неофициальный, но вполне реальный титул «Король смеха». Удивительны и непредсказуемы в России пути к литературной славе!

В этом контексте хотелось бы упомянуть об одном событии в жизни Аркадия Аверченко, ставшем безусловно определяющим в его судьбе. О нём он написал в своей «Автобиографии», и не верить ему невозможно, так как факты, изложенные в ней, много раз подвергались проверке. Во время работы в Харькове в сатирических журналах «Штык» и «Меч» и готовя себя, что называется, к «полётам в стратосферу» – в столичные журналы той же направленности – Аркадий внезапно был уволен со службы по распоряжению свыше. Теперь уже не имеет значение, на что обозлилось губернское начальство, на карикатуру или стихи, пропущенные редактором в печать, но редактор Аверченко был уволен с наложением на него штрафа в размере 500 рублей. Денег таких у Аркадия в то время не водилось, что и ускорило его «полёт в стратосферу»: он тут же собрался и уехал в Санкт-Петербург. Фамилия генерал-губернатора, отказавшего Аверченко в его хлебе насущном, была Пешков. Как у Максима Горького – Алексея Максимовича Пешкова. Странно, не правда ли?

А журнал «Новый Сатирикон» продолжал успешно издаваться, привлекая читателей анонимностью шаржированных образов и бытовой узнаваемостью персонажей. Как это удавалось? Журнальный коллектив, лично подобранный Аверченко, обладал ярко выраженным инстинктом самосохранения, что выражалось в категоричном табу на острые социально-политические темы и на осмеяние конкретных персон, наделённых государственной властью. Вот и выходило, что с 1908 года журнал ни разу не закрывался по цензурным соображениям вплоть до августа 1918 года, когда был закрыт большевистскими властями за «антисоветскую и контрреволюционную пропаганду». Неужели Аверченко и его коллективу изменил основной инстинкт? Видимо и такое бывает со светочами, почивающими на лаврах. Что это значит? – попробую объяснить.

То, чего удалось добиться в жизни Аверченко пером, упорством, чувством конъюнктуры, помноженными на талант и волю, не удалось никому из российских литераторов в предреволюционный период. Даже Максим Горький, получавший более высокие гонорары за публикации своих произведений по всему миру, не был единственным полноправным распорядителем этих средств. Он был крепко связан с РСДРП и вынужден был отчислять на нужды партии (как фракции меньшевиков, так и большевиков) огромные

суммы. А чтобы «буревестник революции» по забывчивости не задержал очередной транш, к нему были приставлены специальные люди, об истинной роли которых рядом со своей персоной Горький не мог не знать. В отличие от него Аверченко ни в какой партии не состоял и никакому политическому движению денег на развитие не перечислял. Нелюбимый им (как и всем либералам) царизм гарантировал ему стабильное гедонистическое существование при условии, что Аверченко будет придерживаться заведённых правил игры: ни в коем случае не покушаться на существующую политическую систему в журнальных публикациях. И Аркадий Тимофеевич эти условия никогда не нарушал.

Но участие России в Мировой войне продолжалось, сухой закон правительство отменять не соби-ралось, все новостные издания пестрели сообщениями о жертвах на полях империалистической бойни, столицу заполнили наголоватые солдаты из резервных полков, на некоторые виды продовольствия были введены карточки, недовольные положением в стране осуждались по законам военного времени. И при этом «Новый Сатирик» обязан был держать себя в строго ограниченных рамках. Кто же должен был оказаться под прицелом сатириконовских снайперов, на кого должен был обрушиться сарказм со страниц журнала, как на худую овцу в стаде, портившую гуртовщикам представление о собственном пре-восходстве? Ну, конечно, на революционеров из РСДРП, исподволь готовивших за границей на деньги Пешкова приход к власти пролетариата! Того самого пролетариата, жизнь и быт которого Аверченко знал по роду занятий в порту и на рудниках: «основным развлечением, как для шахтёров, так и для слу-жащих конторы являлось беспробудное пьянство и пьяные драки». Ну как тут было полюбить тот мир, от которого десять лет назад он сбежал?

И Аверченко перебрал две артиллерийских журнальных батареи на другое направление, нацелив их огневую мощь на господ эсдеков, членов одной из самых малочисленных политических партий России РСДРП. Но события в России устремились вскачь – не утонишься! В декабре 1916 года был убит Рас-путин, приятель соседа, князя Андронникова – первая ласточка первой оттепели залетела в российские сени. Через два с половиной месяца Николай II внезапно отрёкся от престола и власть в стране перешла к Временному правительству. Аверченко ликовал вместе со всей российской интеллигенцией – рухнули окопы самодержавия, наступило царство свободы! Во главе государства встали умные и интеллигентные люди, такие же, как он, популярные в народе, умеющие расположить к себе публику, произносящие красивые речи. Керенский, например. Только никто (и Аркадий Тимофеевич в том числе) не подумал: а как эти люди будут управлять Россией, если до этого они ничем не управляли?

Ощущение, что политический и социальный климат в России стал напоминать западноевропейский, иной раз обманывало, стоило той же восторженной публике напомнить о своём существовании Советам рабочих и солдатских депутатов, выразившим интересы пролетариата. То есть рабочих, знакомых Аверченко, «для которых основным развлечением... являлось беспробудное пьянство и пьяные драки». Вот они и стали теперь главным объектом сатириконовских артиллеристов! Но на беду (всех россиян, а не одного только Аверченко) – Россия неслась вскачь – через два месяца после крушения самодержавия, из эмиграции вернулся вождь в компании с такими же, как он, представителями авангарда мирового пролетариата, никогда нигде не работавших по рабочим профессиям. И первое, что сообщил гений революции во время его встречи на Финляндском вокзале, были призывы: «Вся власть Советам!» и «До-лой Временное правительство!».

Это поразило не только Аверченко, но и Петроградский Совет, совершенно не собиравшийся в ближайшем обозримом будущем брать власть в свои руки. Немного поразмыслив над услышанным, понаблюдав происходящее на улицах и в общественных местах, Аверченко пришёл к выводу: «Русскую революцию часто – это уже стало трафаретом – сравнивают с ребёнком, появившимся на свет в тяжких родовых муках матери – России... Если это ребёнок, то странный ребёнок: у него две ноги, но обе левые, а голова взрослого человека – Керенского. Благодаря такому устройству ребёнок ходит, переваливаясь со стороны на сторону, и голова часто перевешивает хилое туловище. Вот как!».

К той осознанной Аверченко ситуации, в которой он оказался в 1917 году, через два с небольшим месяца добавился неудачный большевистский путч, который был подавлен войсками в июле месяце. Пьяная матросня, разбитые витрины магазинов на центральных улицах столицы, пулемёты, стрелявшие в толпу, казачьи разъезды и никакой гарантии, что подобное больше не повторится. Политические кризисы в России происходили с калейдоскопической быстротой и непредсказуемостью. Предугадать завтрашний день казалось выше человеческих возможностей. Время в России летело быстрее пули, со-ответствовать переменам становилось всё труднее и труднее... Аверченко не скрывал своего отставания. Его это серьёзно настораживало. «Труднее всего утнаться за веком. Только что ты, запыхавшись, догнал его, оседлал как следует, вспрыгнул и поехал на нём, – как он снова делает скачок, сбрасывает тебя и снова сломя голову мчится вперёд, а ты плетёшься сзади – усталый, сбитый с толку, ничего не понимающий!».

Через два месяца после июльских событий произошло то, что в течение восьмидесяти лет называлось в нашей стране «Корниловским мятежом». Слабая временная власть демократа Керенского нуждалась

в крепких контрфорсах, чтобы не быть разрушенной большевистским землетрясением. Душка Керенский приглашает для укрепления власти в Петрограде популярного в армии генерала Корнилова с войсками, чтобы в короткий срок покончить с новой революционной угрозой, первой жертвой которой он не без основания видел себя. Войска Корнилова выдвинулись из Москвы в сторону столицы. И тут Керенский внезапно понял, что первой жертвой Корнилова будет он, а уж потом – большевики. Он идёт на примирение с Советами и большевиками, выступление Корнилова проваливается, его солдат распропагандировали красные агитаторы, а генералов посадили в тюрьму.

У всех на глазах вчера ещё гонимые большевики становятся реальной политической силой, имеющей под рукой военизированные отряды Красной Гвардии. А Керенский, вчерашний кумир либеральной буржуазии и интеллигенции, теряет остатки народного доверия, до макушки замаравшись в предательстве. Прошло четыре с небольшим месяца после встречи вождя на Финляндском вокзале, а уже обе левых ноги ребёнка стали твёрже стоять на земле, в то время как его голова пошла кругом. Внутренний голос прошептал Аркадию Тимофеевичу: «„Сатириконом“ их не перешибёшь!». И Аверченко принял непростое для себя решение: а вдруг удастся? И пролил со страниц «Нового Сатирикона» уничижительную сатиру на *революционируемый* пролетариат и господина председателя Совета народных комиссаров.

Прошло ещё два месяца после «корниловского мятежа», большевики арестовали в Зимнем дворце Временное правительство, Керенский сбежал, в России была установлена новая власть – «пролетарская диктатура». Но и это событие (как оказалось, имевшее историческое значение) не отозвалось в сознании главного редактора «Нового Сатирикона» набатным звоном. Как и многие либералы, будучи уверенным, что «старая Россия» вот-вот вернётся на своё историческое место, Аверченко не сбавил оборотов печатного станка, продолжая высмеивать и вышучивать новую власть, которая, как оказалось, шутить не умела и шуток не понимала. Через два месяца после захвата власти большевики грубо и цинично разогнали Учредительное собрание – последнюю надежду если не либералов, так демократов оттеснить от кормила власти нелегитимных большевиков. После убийства Распутина прошёл всего лишь год, а его уже никто не вспоминал. Да и ласточка куда-то улетела...

Вся первая половина 1918 года прошла для Аверченко и его журнала как в страшном сне: аресты, обыски, реквизиции, экспроприация, уплотнение, дефицит продуктов, хамство властей, отсутствие в общественных местах «публики», вместо которой огромными массами толпился «народ» на бесконечных митингах и манифестациях... От всего этого кошмара, неизвестно откуда и неизвестно за что свалившегося ему на голову, Аверченко не мог ни о чём другом думать, как о бегстве из этого ада в поисках утраченного рая – мира, к которому он привык. Мира, в котором ещё существовали рысистые бега, дорогие рестораны, ежедневные respectable издания, роскошные квартиры с горячей водой, телефоном, лифтом и паровым пылесосом. На Юг!

В сентябре того же 1918 года (через четыре месяца после закрытия большевистской властью всех буржуазных и частных изданий), в июле был закрыт «Новый Сатирикон», Аверченко внезапно оставляет издательство и в компании нескольких актрис отправляется с концертами в русскую провинциальную глубинку. Подальше от декретов, мандатов, чекистов и комиссаров... Конечная цель его спонтанных гастролей – Севастополь, в то время занятый белогвардейцами. Путь был труден и извилист – линии фронтов перемещались быстрее, чем телеграфист успевал сообщить об этом. Все воевали со всеми: красные, белые, зелёные, казачество, интервенты, национал-сепаратисты, Комуч, белочехи и просто грабители, не прикрывавшиеся никакими партийными или социальными лозунгами. Только через девять месяцев, совершив вояж по маршруту: Петроград – Москва – Киев – Харьков – Ростов-на-Дону – Екатеринодар – Новороссийск – Мелитополь, Аверченко с компанией в феврале 1919 года оказался в родном Севастополе.

Неизвестно, какое впечатление на Аркадия Тимофеевича произвело сообщение о расстреле в Екатеринбурге царской семьи, что он думал при этом. Но представляется, что именно этот бессудный и бесчеловечный акт большевиков стал последней каплей, переполнившей терпение Аверченко, наконец убедившегося, что его пулемёт – «Новый Сатирикон» – стреляет не столько по новой власти, сколько в него самого. И ещё. Его исход из Петрограда, по времени совпавший с трагедией в Екатеринбурге, не мог не вызвать у него воспоминаний об одной его публикации в «Новом Сатириконе» за апрель 1917 года, именно в то время, когда даже ленивый интеллигент не забывал произнести какую-нибудь гадость в адрес арестованных членов императорской семьи. А почему бы и нет? Самодержавие свергнуто, с произволом жандармерии и цензуры покончено – чего бояться, а тем более – стесняться?

«Около двух десятков лет правила нами, умными, свободными людьми, эта мешчанская скучная чета... Кто допустил? И все молчали, терпели и даже распевали иногда во всё горло „Боже, Царя храни!“». Кто допустил это безобразие и всероссийскую насмешку над нами? Кто допустил? Ай – я – яй». Думал ли Аркадий Тимофеевич во время своего бегства на Юг о том, что и он, «свободный, умный человек», приложил руку к выстрелам в доме Ипатьева в Екатеринбурге, ликуя от свержения царя как, например, персонаж картины Репина «17-е октября 1905 года»? Либерал, он не мог принять предложение монарха

почитать во дворце его дочерям так понравившиеся им юмористические рассказы. Либерал, он не мог существовать в условиях диктатуры пролетариата и красного террора, давно уже причисляя себя к публике, а не к народу. Да и вождь не торопился приглашать его в Смольный для чтения своей журнальной периодики Совету народных комиссаров.

В Крыму Аверченко работал не покладая рук, словно у него открылось второе творческое дыхание. Он не сидит на одном месте, всегда в разъездах, выступает с эстрады во всех крымских городах, пишет юмористические прокламации, предназначенные для разбрасывания с самолётов над позициями красноармейцев. Вот примерное содержание одной из них, дающее представление о характере и содержании данной «литературы». «А мы сегодня отлично пообедали. На первое борщ с ватрушками, на второе поросёнок с хреном, на третье пироги с осетриной и на заедку блины с мёдом. Завтра будем жарить свинину с капустой, ветер будет в вашу сторону». Менее чем за полтора года Аверченко открыл два театра, один со знаковым названием «Гнездо перелётных птиц», возглавил актёрскую труппу с таким же названием, которая во время гастролей в Крыму имела громкий успех. Аркадий Тимофеевич в 1920 году выпустил в Севастополе сборник рассказов и фельетонов «Нечистая сила», который, будучи переизданным на следующий год в США, принёс автору коммерческий успех.

Его деятельность, безусловно, была стимулирована родным с детства черноморским ветром, тем самым хмельным и бродяжким, что будоражила воображение, что послужил причиной для ухода из реального училища, скучного для подростка с юга. К тому же в Севастополе жил его мать и две сестры, которых Аркадий Тимофеевич регулярно навещал. Они также являлись для него своеобразным стимулом: ему хотелось показать родным людям себя с той стороны, о которой они знали лишь понаслышке. Там же в Крыму Аверченко написал ещё одну книгу, изданную лишь в 1922 году – «Кипящий котёл», посвящённую событиям Гражданской войны на полуострове. Но главным его произведением той поры стал сборник рассказов «Дюжина ножей в спину революции», пронизанный ностальгией героев, потерявших былую родину, тоскующих по ушедшей России. Через год сборник был переиздан в Париже и по дипломатическим каналам добрался до Москвы, до Кремля...

Вождь, специфически относившийся к отечественной литературе (его любимым произведением был роман Чернышевского «Что делать», Достоевского он вообще не читал), проштудировал сборник от корки до корки и обозвал автора «озлобленным почти до умопомрачения белогвардейцем». Оценка вождя мирового пролетариата «дорогостоящая!» Правда, надо отдать ему должное, он в конце рецензии на книгу, опубликованной в газете «Правда», заключил, что книга «высокоталантливая» и резюмировал: «Некоторые рассказы, по-моему, заслуживают перепечатки. Талант надо поощрять». И до конца 1920-х годов произведения Аверченко (не все, конечно) переиздавались в СССР.

В ноябре 1920 года за несколько дней до занятия Красной Армией Севастополя, Аверченко навсегда покинул Россию, на одном из последних пароходов уплыв в Стамбул. Покидая Севастополь, Аверченко уже не тешил себя иллюзиями относительно своего гипотетического возвращения, равно как и иллюзиями, что советская власть в обозримом будущем прикажет ему долго жить. На основе пережитого и увиденного им за полтора года в Крыму, он принял нелёгкое для себя решение жить, не оглядываясь на прошлое.

И последующие пять лет, что Аверченко жил в Европе, исколесив её вдоль и поперёк, он продемонстрировал своим коллегам по писательскому цеху, как следует капитализировать собственное творчество. Как создавать рекламу продукции, выпущенной из печатного станка, как грамотно внедрять маркетинг в издательско-производственный цикл, чтобы книги на полках магазинов не залеживались подолгу. Чтобы у читателей не иссякала потребность в прочтении его сочинений, а сам он в соответствии, с увеличивающимися прибылями от продаж, ни в чём себе не отказывал. Никто из русских писателей, эмигрировавших из России, не жил в таком же достатке, комфорте и роскоши, которые сопровождали жизнь Аверченко в Европе. Казалось, успешнее его с коммерческой стороны, не было в Европе ни одного литератора.

Однако, как и всякому русскому человеку на чужбине, даже при самых великолепных условиях бытия, ему всегда чего-то не хватало, сущей безделицы, чего, однако, взять с собою в эмиграцию было невозможно. Аверченко испытывал по родине сильнейшую ностальгию, не всегда успешно скрываемую в его творчестве. Как лет через сорок, в одной бардовской песне об этом было наиболее убедительно изложено:

*Над Канадой небо синее,
Меж берёз – дожди косые.
Хоть похуже на Россию,
Только всё же не Россия!*

У Аверченко воспалился изувеченный в подростковом возрасте левый глаз. В Праге его положили в клинику и сделали операцию по удалению воспалённого органа. Однако несколько позже его настигла другая болезнь – болезнь сердца. Умирал Аркадий Тимофеевич тяжело. 29, 30, 31 января...

«Дни бреда – последние дни января прошли; началась борьба с бессонницей. Начались ночи полубольного творчества. В бессонные ночи Аркадий Тимофеевич создавал новые повести и рассказы, новые пьесы. Его удивительная память сохраняла все детали их до утра, и он передавал потом содержание, написанных в уме рассказов, ушедших теперь в вечность», – свидетельствует Константин Бельговский, пражский корреспондент парижской газеты «Сегодня». Завершая повествование о печальной вести, он пишет – «4 часа утра 12 марта произошло роковое второе (желудочное кровотечение), а в начале десятого утра его не стало... Ушла улыбка, ушла радость, ушёл смех. Перестало биться больное, чуткое сердце... Сердце Аверченко...». («Сегодня» 1925. № 61 (17 марта). с. 2). Похоронили русского писателя в столице Чехословакии на Ольшанском кладбище.

P.S. Аверченко не был ни эстетом, ни снобом; ни на службе, ни в быту никогда не выпячивал свою значимость, не щеголял своей исключительностью и одарённостью, что так свойственно провинциалам, достигшим в столице хотя бы минимального успеха. В обычном общении трудно было представить, что твоим собеседником является известный писатель и остролов: Аркадий Тимофеевич был со всеми ровен в отношениях, не подавлял эрудицией или сарказмом. Он просто любил красиво жить, никому этим не мешая и никому подобный образ жизни не навязывая.

ВИКТОРИЯ МИЛЕНКО

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО: «ЭТА МИЛАЯ, ВЕСЁЛАЯ, ЛЮБОПЫТНАЯ ОДЕССА...» (К 110-летию сборника «Одесские рассказы»)

ЛЖЕОДЕССИТ

*У т ё с о в: Странно, что вы не одессит.
А в е р ч е н к о: Слава Богу, иначе моё собрание
сочинений составило бы сто томов.
По воспоминаниям А.С. Ревельс-Утёсовой*

Многие современники считали Аркадия Аверченко одесситом.

Считали по инерции: мол, раз «король смеха», значит, из Одессы.

Писатель никого не разубеждал. Он вообще любил напустить тумана: не говорил, когда родился; не говорил где. И только в эмиграции признался:

«– Гомер побил меня на четыре города.<...>. О месте его рождения спорили семь городов, а о моём рождении только три: Харьков, Севастополь и Одесса.

– А на самом деле – место вашего рождения?

– У меня наибольшие подозрения падают на Севастополь¹.

Да, Аверченко суждено было родиться в строгом военном городе. Поэтому его смех более сдержанный, нежели одесский, однако такой же жизнестойкий и жизнеутверждающий. Южный смех.

Одесское остроумие писатель считал непревзойдённым.

Любил, к примеру, такой анекдот:

«– Абрамович, дайте папироску.

– Вы моих курить не будете.

– Что они, очень крепкие?..

– Нет. Но курить вы их не будете.

– Почему же?

– Я вам не дам².

«ОДЕССКИЕ РАССКАЗЫ»... ДО БАБЕЛЯ

А вообще-то Аркадий Аверченко, сделав головокружительную карьеру в столице, любил считать себя петербуржцем. Поэтому и в первом литературном подарке Одессе – сборнике «Одесские рассказы» (1911) – показал город глазами северянина.

Вот что ему открылось.

Одесситы – гиперконтактны: «Нет более общительного, разбитного человека, чем одессит. Когда люди незнакомы между собой – это ему действует на нервы»³.

Одесситы – гипервлюбчивы: «Любовь одессита так же сложна, многообразна, полна страданиями, восторгами и разочарованиями, как и любовь северянина, но разница та, что пока северянин мямлит и топчется около одного своего чувства, одессит успеет перестрадать, перечувствовать около 15 романов»⁴.

Одесситы – гипергорды своим городом: «Нет ничего красивее одесских улиц. Одесский театр – лучший театр в России. И актеры все играют хорошие, талантливые. Пьесы все ставятся такие, что вы нигде таких не найдёте. Потом Александровский парк... Увидите – ахнете. <...> А если бы вы знали, какое у нас в Одессе пиво! А рестораны!»⁵.

Да, всего в Одессе с избытком, одного, по мысли Аверченко, жителям недостаёт: буквы «Ы». И он мысленно им её подарил.

Вполне вероятно, что писатель, как и утверждал в «Одесских рассказах», действительно впервые наблюдал город. Не обязательно эта встреча случилась в 1911 году. Она могла быть и в 1909-ом, когда начал выходить «Одесский Сатириконе». Или в 1910-ом, когда Аверченко согласился сотрудничать с «Одесскими новостями». В любом случае, его знакомство с городом произошло не позднее 1911 года.

Не полюбить Одессу Аркадий Аверченко не мог: это произошло естественно.

«Одесситы приняли меня так хорошо, что я со своей стороны был бы не прочь сделать им в благодарность небольшой подарок:

Преподнести им в вечное и постоянное пользование букву „ы“» (Арк. Аверченко «Одесса»).

Худ. В. Вознюк, 2021

ОДЕССКАЯ СВИТА «КОРОЛЯ»

Одесситы окружали писателя и в Петербурге. В «Сатириконе» с ним работал Саша Чёрный. Они то ладили, то не ладили. А потом в тлеющие углы этих непростых отношений подлил масла одессит Корней Чуковский, в то время нелицеприятный литературный критик. Разгорелось пламя, и за публичной «дуэлью» знаменитой троицы в 1910-1911 годах следила вся страна⁶.

В 1914 году Аверченко дружески принял приехавшего из Одессы Ефима Зозулю, сразу дал ему работу в своём «Новом Сатириконе». А в 1916-ом пригласил там же карикатуриста Бориса Антоновского, чьи работы есть даже в №18 за 1918 год, которым завершилась история еженедельника. Есть в этом последнем номере и стихи Якова Соснова, «дядя Яши», – одного из авторов песни «Как на Дерibasовской / Угол Риппельевской».

Аверченко дружил и с Александром Куприным, тоже одесситом по праву. Возможно, через него состоялось знакомство с Сергеем Уточкиным, о котором Аверченко писал: «Кто таков был Уточкин, каков был его характер, какова была его жизнь – знают многие, а Одесса, пожалуй, – и вся. Эта милая, весёлая, любопытная Одесса, этот огромный „журнал Пате, который всё видит“ сквозь огромные зеркальные окна своих кафе и ресторанов – вся Одесса напоминает мне огромное окно в кафе; сидишь уютно у самого стекла, и перед тобой проходит вся жизнь огромного города»⁷.

Одним словом, казалось, «за Одессу» Аверченко мог быть спокоен. Но вышло иначе: здесь с ним случился скандал с последующим громким и долгим эхом.

СКАНДАЛ В НОВОЙ БИРЖЕ

Весной 1912 года Аверченко и К^о предприняли турне по югу страны, организовав «Вечер юмористов». Решили начать с Одессы, и в первых числах марта в «Лондонской гостинице» появились Аверченко и его коллеги-сатириконецы Осип Дымов и Владимир Азов. Все трое не были профессиональными чтецами, хорошо это понимали, поэтому привезли с собой актёров Александру Садовскую (гражданскую жену Аверченко в то время) и Филимона Фёдорову. Уже в Одессе гастролёры встретили Петра Пильского, гремевшего тогда критика из свиты Куприна.

4 марта прибыли в переполненный зал Новой биржи. Вечер начался... и чуть сразу не закончился. Некая группа лиц на галерке принялась шаркать ногами, выкрикивать: «Громче! Ничего не слышно! Надувательство!», захлопывать выступавших, провоцировать весь зал, требовать возврата денег.

Авторитет главы «Сатирикона» не сыграл никакой роли: Аверченко не дали дочитать рассказа... Распорядитель вечера Дымов растерялся. На помощь поспешил Пильский – безуспешно. Тогда на сцену поднялся «свой» – уважаемый в городе Д.И. Басманов, антрепренёр Театра Сибирякова. Немного стихло, но люди демонстративно покидали зал.

Явились городовые.

Аверченко трясло – и Садовская ринулась спасать возлюбленного. Весь свой шарм и сценический опыт она вложила в исполнение его рассказа «Приметь» – и произошел желанный перелом. Публика потеплела, актрисе преподнесли букет, вечер закончился мирно⁸.

Стресс снимали на банкете в «Лондонской». Пришли газетчики, пришёл Соломон Юшкевич. Как-то успокоились, снова читали свои вещи, даже развеселились.

На следующий день второй концерт прошёл без эксцессов. Если кто-то и требовал читать громче, то скорее пародируя тех, кто скандалил накануне. Однако слухи просочились в центральную прессу (а ведь турне только началось!). Мститое «Русское слово», раздувая из мухи слона, сообщило, что «Вечер юмористов» закончился грандиозным скандалом, в зал был введен отряд из 40 городовых, а публика почти вся ретировалась⁹. Эту утку перепечатали многие газеты.

Аверченко через «Сатирикон» дал сдачи: «...был ли вообще осведомлённый корреспондент „Русского слова“ на вечере юмористов? Потому что вечер не закончился, а начался грандиозным скандалом. Продолжался же он при мёртвой тишине во время исполнения и аплодисментах после каждой прочитанной вещи, а закончился овациями и нескончаемыми вызовами всех участников вечера»¹⁰.

«Сатирикон» требовал у «Русского слова» опровержения. Пресса мусолила подробности... Даже десятилетия спустя писатель Лев Никулин, живший в 1910-х годах в Одессе, вспоминал: «В скептической Одессе, где испытанные остряки водились стаями, он (Аверченко – В.М.) выступил с чтением рассказов и провалился»¹¹.

В общем, это был не тот случай, когда скандал на руку. И неприятный осадок, несомненно, остался.

ГЕНДЕЛЬМАН И КАНТОРОВИЧ

Однако осадок осадком, но зачем же деньги терять? Одесская тема принесла Аверченко немалые доходы. Ещё в 1910 году он написал рассказ-анекдот «Золотые часы» о евреях Гендельмане и Канторовиче, что никак не могли совершить куплю-продажу тех самых часов. Первый не хотел дать их в руки второму, боялся, что не отдаст и убежит с деньгами, а второй не хотел платить, не видя как следует товара. В этом рассказе герои ещё жили в некоей Мордаховке, но позже Аверченко переработал его в скетч «Одесситы», и Канторович с Гендельманом поменяли вид на жительство. Скетч с оглушительным успехом шёл в питерских театрах миниатюр, например, в Литейном.

Герои полюбили автора. В военном 1915-ом он вывел их в скетче «Одесситы в Петрограде», гремевшем не меньше «Одесситов». На этот раз Гендельман, одержимый спекулянтским задором, пытался продать диабет Канторовича, полагая, что это заграничный товар.

После Февраля 1917 года Канторович и Гендельман вновь воскресли в скетче «Свободные одесситы»: их тревожило слово «свобода», не нравилось, что больше нег околоточных – кому взятки давать?

В последний раз Гендельман – уже без Канторовича – появится в творчестве Аверченко в константинопольском 1921 году, но об этом ниже.

МИХАИЛ ЛИНСКИЙ

Злоключения одесситов в Петрограде Аверченко знал не понаслышке. В конце 1915 года он активно помогал знаменитому одесскому карикатуристу Михаилу Линскому, прибывшему в столицу. Аверченко печатал его в «Новом Сатириконе», а в революционном 1917-ом они вместе начали выпускать сатирико-юмористический журнал «Барабан».

Линский стал настолько близким другом писателя, что тот посвящал его в свою личную жизнь. Письмо Линского и два оригинальных шаржа его работы недавно обнаружены в архиве Елизаветы Петренко – гражданской жены Аверченко в 1915-1920 годах¹².

Сотрудничество в «Барабане» окончилось в феврале 1918-го – журнал закрыли большевики. Линский вернулся в ставшую независимой Украинскую Державу, где основал газету «Зритель» и куда звал своего звёздного столичного друга.

УТЁСОВ

Аверченко был не прочь уехать из красного Петрограда, особенно после запрещения «Нового Сатирикона». В сентябре 1918-го, пробираясь в Киев, он заехал в Гомель. Городок был переполнен, и его, не веря счастью, пригласил к себе молодой артист Леонид Утёсов. Позже он часто вспоминал те дни, что провёл со своим кумиром. Они играли в шахматы, болтали. Утёсов пел под гитару, Аверченко задумчиво слушал, а на прощание подарил портрет с надписью: «Талантливому Утёсову с благодарностью за тёплый, ласковый приём и вечерние песни»¹³.

Конечно, писатель не предполагал, что передаёт символическую эстафету поколений. Пройдут годы, и мало кто в СССР будет знать о нём, Утёсов же прославится широко. Он всегда будет сожалеть об эмиграции Аверченко, а в последние годы жизни, боля, будет просить жену почитать ему «Одесситов в Петрограде». Тех самых, о продаже диабета. И светлеть будет его лицо...¹⁴

ЯКОВ ЯДОВ И БОРИС МАТУСИС

В годы Гражданской войны «штаб-квартирой» Аверченко стал родной Севастополь. Здесь он развил активную деятельность в поддержку Белого движения, стал пайщиком и фельетонистом новой газеты «Юг» (позже «Юг России»). В этом издании осенью 1920-го писатель приютил Якова Ядова, будущую легенду Одессы, автора текста «Бубличков». Аверченко печатал сатирические куплеты Ядова в своей рубрике «Маленький фельетон», а затем тот получил собственную рубрику «Нос по ветру» в старейшей севастопольской газете «Крымский вестник».

Ещё один одессит – бывший владелец нотного издательства «Южная Пальмира» Борис Матусис – оказался причастен к выходу последней российской книги Аверченко «Нечистая сила» (1920). Её тираж хранился на складе Матусиса в Ялте.

Оставление белыми Одессы в феврале 1920 года Аверченко воспринял с большим сочувствием. Размышляя о бесконечных потоках беженцев, он грустно сравнивал их с улитками: «Ползёт этакая маленькая беззащитная штучка, таща на своей спине хрупкий, прихотливо завивающийся спиралью домик, вдруг услышала шум, втянула внутрь свои рожки, втянулась вся – и нет как будто её»¹⁵. Вот писатель встретил на севастопольской улице одну такую «знакомую Улиточку со своим домиком-чемоданом на спине, приползшую сюда из Одессы»:

«– Откуда ползёте?»

– Из Одессы. Позавчера выехали.

– Ого! Быстро же вы двигаетесь. Вот уж нельзя сказать: Улита едет, когда-то будет.

– Да, – засмеялась она. – Мы, одесские улитки, – молниеносные улитки: раз, два и готово!

– Именно что готово. Ловко распорядились. А теперь куда ползёте?

– В гостиницу. Номер искать.

– Трудновато будет. Хотя за последние дни часть улиток и уползла за границу, но теперь эта ваша одесская эвакуация все щели забила. Многие ваши одесситы на улице будут.

– Ну, что ж делать, – вздохнула Улитка. – Как эвакуокнется, так и откликнется.

– Зачем вы Одессу сдали? – с любопытством осведомился я.

– Да кто её там сдавал! Сама сдалась. Такой странный город. Ну-с, поползём»¹⁶.

Подобная обывательская позиция удручала Аверченко – он был вхож в круги ВСЮР, знал подробности одесской катастрофы... Поэтому ещё одну похожую «улитку», «нарядную куклу» с птичьим мозгом, осмеял в фельетоне «„Бандитовка“». Героиня-щебетунья жаловалась, что в Одессе очень тяжело жилось при большевиках:

«– А вы разве были тогда в Одессе, при большевиках?»

– Ну! – обиженно усмехнулась она с непередаваемой, неподражаемой одесской интонацией, придав этому слову из двух букв выражение целой длинной фразы, смысл которой должен был значить:

– Неужели ты сомневался, что я была в Одессе, и что я вместе со всеми пережила все тягчайшие ужасы большевизма, и что я с честью вышла из положения, заслужив титул героини и ореол мученицы!..

Да... многое может вложить настоящий одессит в слово из двух букв»¹⁷.

Читатель, вам это ничего не напоминает? Вернее, никого?»¹⁸

Обложка парижского издания
«Дюжины ножей в спину революции» (1921).
Худ. Михаил Линский.

«ДЮЖИНА НОЖЕЙ В СПИНУ РЕВОЛЮЦИИ»

13 ноября 1920 года Аверченко эвакуировался из Севастополя в Константинополь. Началась его новая, эмигрантская жизнь, в которой связь с Одессой и одесситами не прерывалась.

Михаилу Линскому, осевшему в Париже, писатель доверил переиздание своей симферопольской книги «Дюжина ножей в спину революции» (1920). Линский приложил максимум усилий к тому, чтобы книга с однозным названием и оформлена была однозно¹⁹. На обложке он поместил зловещий шарж на Аверченко, держащего кинжалы, отбрасывающего мрачную тень; рука с кинжалом украшала и страницы сборника. Это оформление (и содержание, конечно) привлекло внимание В.И. Ленина, написавшего на «Дюжину...» рецензию-фельетон «Талантливая книжка». Так Аверченко и Линский вошли в политическую историю XX века.

КОНЕЦ ПОХОЖДЕНИЙ ГЕНДЕЛЬМАНА И КАНТОРОВИЧА

В 1921 году писатель поставил точку в приключениях своих любимцев Гендельмана и Канторовича. Волей фантазии он перенёс первого в Константинополь и представил себе, как спросил бы у него:

«— Вы давно из Одессы?»

— Ай, и не говорите. Чуть не пешком приплыл. Слушайте, Аверченко... (он взял меня за пуговицу). Ну что будет?

— С кем?

— С этой дрянью паршивой, с большевиками. С ума можно сойти. Вы знаете, я жил в Одессе ещё при Толмачёве... Так, знаете, как мне теперь кажется Толмачёв? Родной папа! Дайте мне его, я закричу, ура²⁰.

И Гендельман вдруг обрушился на Канторовича: «В прошлом году приходит он ко мне и говорит: „Прости меня, Гендельман, но я поступил в идейные коммунисты“. Я плонул ему около сапога и говорю: „Ты, Канторович, идейный от слова идёт. Пошёл вон!“²¹.

И стал теперь Меньша Канторович советским атташе в Варшаве.

«Почему Канторовичи должны делать гадости, а на Гендельманах должно отражаться?» — этот вопль посреди константинопольской улицы Аверченко оставляет без ответа.

ЕВГЕНИЙ ИСКОЛЬД

Весной 1922 года писатель со своим театром «Гнездо перелётных птиц» направился из Турции в Европу. Постепенно от всей труппы с ним остались двое актёров: семейная пара Евгений Искольд и Раиса Рапч. Аверченко вместе с ними гастролировал по Чехословакии, Прибалтике, Румынии, Королевству сербов, хорватов и словенцев... Искольд стал импресарио писателя, и тот настолько его любил, что увековечил (не без юмора) в фельетоне «Прага»: «...человек с книжкой театральных билетов вместо сердца и с идеалами, заключающимися в красиво отпечатанной афише»²².

Евгений Искольд был родом из Одессы.

P.S.

Помнит ли Аркадия Аверченко нынешний «город у Чёрного моря»?

Едва ли. Сказались годы забвения, да и другие «короли смеха», другой эпохи сердцу современных одесситов — ближе.

Нужно ли помнить? Непременно нужно.

Что для этого сделать?.. Конечно, памятник открыть перед Новой биржей не призываем (хотя отчего бы и нет: Аверченко, протягивающий букву «ь»). А вот на Аллее Звёзд увековечить — именно сейчас, в честь 110-летия «Одесских рассказов», вполне можно. Там уже есть и Сапа Чёрный, и Куприн. Первый, к слову, об Одессе почти ничего не написал. Второй написал гораздо меньше, чем Аверченко.

За чем же дело стало? Чего ждём?

Одесситы! Имя Аркадия Аверченко делает честь любому городу.

Такое сотрудничество — взаимовыгодно.

Виктория МИЛЕНКО,
биограф Аркадия Аверченко

Примечания:

- ¹ Аркадий Аверченко (Интервью) // Виленское утро. 1923. 20 февраля.
² Аверченко Аркадий. Двунюгое, без перьев // Юг. 1920. 23 февраля.
³ Аверченко Аркадий. Одесса // Аркадий Аверченко. Одесские рассказы. Дешёвая юмористическая библиотека «Сатирикона». Спб., 1911.
⁴ Там же.
⁵ Там же.
⁶ Подробнее см.: Миленко В.Д. Корней Чуковский – Саша Чёрный – Аркадий Аверченко: к истории конфликта // Гуманитарная парадигма. 2019. № 2(9). С. 5-21.
⁷ Аверченко Аркадий. Уточкин / Аркадий Аверченко. Бритва в киселе. М.: Издательство «Правда», 1990. С. 314.
⁸ Пер-ов. Патагонцы на вечере юмористов. Петербуржцы у одесситов // Одесский листок. 1912. 6 марта.
⁹ «Вечер юмористов» // Утро. 1912. 7 марта.
¹⁰ Для восстановления истины // Сатирикон. 1912. № 14. С. 8.
¹¹ Никулин Лев. Люди русского искусства. М.: Советский писатель, 1947. С. 260.
¹² Вареник Олег. Скамья литераторов. Предостережение политического карикатуриста Михаила Линского // Санкт-Петербургские ведомости. 2021. 23 апреля.
¹³ Утёсов Л.О. Спасибо, сердце! Воспоминания, встречи, раздумья. М.: Всероссийское театральное общество, 1976.
¹⁴ Гейзер Матвей. Леонид Утесов. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=119675&r=76> (дата обращения: 28.04.2021).
¹⁵ Аверченко Аркадий. Улитки // Юг. 1920. 2 февраля.
¹⁶ Там же.
¹⁷ Аверченко Аркадий. «Бандитовка» // Юг. 1919. 29 декабря.
¹⁸ И. Ильф и Евг. Петров могли читать этот фельетон ещё в 1919 году: газета «Юг» продавалась повсюду в зоне действия ВСЮР. А могли прочитать его переиздание под названием «Артистка образца 1922 года» в сборнике «Двенадцать портретов (в формате „буауар“)» (1922).
¹⁹ См.: Миленко В.Д. «Дюжина ножей в спину революции» А.Т. Аверченко в контексте политтехнологий XX века: к 100-летию первого издания // Гуманитарная парадигма. 2020. № 4(15). С. 99-121.
²⁰ Аверченко Аркадий. Агташе Канторович // Зарницы. 1921. № 21. С. 6.
²¹ Там же.
²² Аверченко Аркадий. Прага / Аркадий Аверченко. Записки Простодушного. М.: Книга и бизнес, 1992. С. 213.

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО**ОДЕССИТЫ В ПЕТРОГРАДЕ**

Утро в кафе на Невском, где «всё покупают и всё продают».

– А! Канторович! Как ваше здоровье?

– Ничего себе, плохо.

– Слушайте, Канторович... чем вы сейчас занимаетесь?

– Я сейчас, Гендельман, больше всего занимаюсь диабетом.

– Он у вас есть?

– Ого!

– И много?

– То есть как много? Сколько угодно! Могу вам даже анализ

показать.

– Хорошо, посидите. Я сейчас, может быть, всё устрою.

Убегает.

Наталкивается на Шепшовича.

– Гендельман, куда вы бежите?

– У меня есть дело. Не задерживайте меня. Я продаю.

– Что вы продаёте?

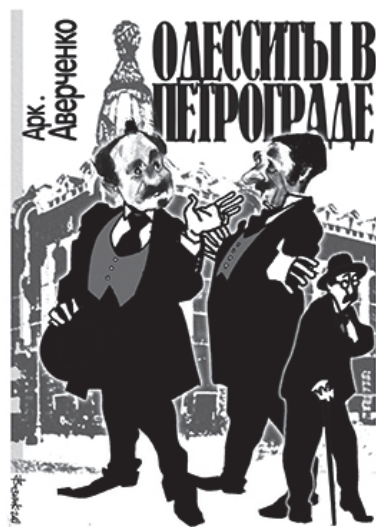
– Диабет продаю.

– Диабет? Гм... Много его есть у вас?

– Положим, он есть не у меня, а у одного человечка.

– У какого?

– Вы замечательный наивник! Я, может быть, на этом заработаю – так я ему обязательно должен сказать, чтобы он из-под носу вырвал!

Худ. В. Вознюк, 2021

– Вы мне можете не говорить, но я вас заверяю, что вы без меня диабета не продадите.
 – Серьёзно?
 – Он спрашивает! Я вам скажу, что теперь весь диабет проходит через мои руки.
 – Кому же вы его ставите?
 – Гендельман! Не надо считать меня идиотом. Это настолько мой хлеб, что я вам даже ничего не скажу.
 – Ну, хорошо. Так сделаем это дело вдвоём.
 – А вагоны?
 – Ой, эти вагоны – вот у меня где сидят. Чистое с ними наказание. Ну, у нас, впрочем, есть специалист по вагонам – Яша Мельник.

– Яша! Здравствуйте, Яша! Вы могли бы достать нам вагонов?
 – Под чего?
 – Под диабет.
 – Что это за диабет?
 – Здравствуйте! Только сегодня на свет родились! Диабет есть диабет.
 – Может, дрянь какая-нибудь!
 – Дрянь? А если я вам покажу анализ – что вы скажете?
 – Если анализ есть, так какой там разговор? Вагоны будут.
 – Значит, всё и устроено!!
 – А у кого диабет?
 – Это еще пока секрет. Но мне сказано, что я могу иметь его, сколько угодно.
 – Почём?
 – Что почём? Вы раньше скажите вашу цену, а потом мы уже поговорим о моей цене.
 – Слушайте! Вы мне должны рубль на пуд уступить.
 – Рубль? Я вам тридцать копеек не уступлю! Вы же знаете, что сейчас диабет с руками отрывается.
 – Серьёзно?
 – Он спрашивает! Вот смотрите: Моносзон! У вас есть диабет?
 – Нет.
 – Видите? Эй, молодой человек... Как вас... Вот вы, в коричневом. У вас есть диабет?
 – Нет.
 – Вы видите? Вы расспросите всё кафе – и почти ни у кого не будет диабета.
 – Хорошо. Мальчик! Дай, милый мальчик, перо и чернила – мы напишем куртажную расписку. Значит, будем работать на проценте. Мои – пятьдесят (я же продаю!), Яше за вагоны – двадцать и вам, Гендельман, за то, что вы найдёте нам диабет, – тридцать процентов. Согласны?
 – Ещё я буду торговаться! Хорошо. Но где же ваш покупатель?
 – Я сейчас буду к нему звонить. Мы в три дня это всё и покончим! Сделаем хорошие деньги. Яша! Я пойду в комитет звонить, а вы работайте насчёт вагонов.
 – Уже!
 – Алло! Это военно-промышленный комитет?
 – Да.
 – Слушайте! Вы интересуетесь диабетом?
 – Что? Алло, что вы говорите?
 – Диабетом интересуетесь?
 – Чем?
 – Диабетом! Вы только скажите: хотите вы иметь диабет? Так вы его будете иметь.
 – Вы – идиот!
 – Что? Алло! Разъединили. Это центральная – прямо какой-то бич народов. Центральная? Дайте мне 628-62. Это что такое? Это военно-промышленный комитет? Слушайте... Вы можете через меня очень быстро иметь диабет, – хотите?..
 – !!
 – ?!!!
 – !!
 – ...?!!
 – !!

Через десять минут Шепшович приближается к Яше Мельнику и Гендельману.

– Ну, что?.. Поговорили с покупателями?

– Гендельман! Скажите мне правду: кто вам сказал, что у него есть диабет?

– Слушайте... Раньше бы я вам не сказал, потому что вы бы из-под носу дело вытащили, но раз мы уже подписали куртажную расписку, так я вам скажу: диабет имеется у Канторовича!

Шепшович со зловещим спокойствием:

– Может быть, вы скажете, сколько у него этого диабета?

– Э-э... Мня... Тысяч тридцать пудов...

– Так-с. И почём?

– Э... семнадцать рублей пуд... Вы же сами понимаете, что раз на рынке диабету почти нет...

– Хорошо, хорошо... Скажите, это цена франко Петроград?

– А то что же!

– Тогда я вам скажу, что вы, Гендельман, не идиот – нет! Вы больше, чем идиот! Вы... вы... я прямо даже не знаю, что вы! Вы – максимум! Вы – форменный мизерабль! Вы знаете, что такое диабет, который есть у Канторовича «сколько угодно»? Это сахарная болезнь.

– Что вы говорите? Почему же вы сказали мне, что весь диабет проходит через вас?

– А!! Если я ещё час поговорю с таким дураком, так через меня пройдёт не только диабет, а и холера, и чума, и всё вообще, что я сейчас желаю на вашу голову!!!

1915 г.

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» ЕЛЕНА СЕВРЮГИНОЙ

ТВОРЯЩИЙ ЛИРИКУ В ЭПОХУ ЭПОСА

(Куприянов В.Г. *Противоречия: Опыт соединения слов посредством смысла* / Вячеслав Куприянов; предисл. А. Скворцова. – М.: Б.С.Г.-Пресс, 2019. – 560 с.)

Читая стихи некоторых поэтов, ощущаешь себя учёным-естествоиспытателем, разглядывающим тонкий художественный замысел сквозь увеличительное стекло микроскопа. Иначе обстоит дело с книгой Вячеслава Куприянова – тут нужен совсем другой прибор для наблюдения, ведь мысли и чувства автора отражают не только личное, но и общечеловеческое, историческое. Да и речь идёт не о маленьком сборнике стихов, а о книге объёмом в 560 страниц. Можно мысленно подержать её в руках и ощутить – действительно весомо. Это накопленный багаж знаний, опыт прожитых лет, помноженный на талант и трудолюбие.

Некоторые исследователи считают куприяновские верлибры архаичными, а между тем из них выросло современное поколение любителей свободного стиха. Правда, никому не удалось добиться такой же масштабности и эпичности мышления. Видимо, время другое.

Сам Вячеслав Куприянов – человек эпохи Ренессанса, Гулливер, которому неловко и неуютно в стране лилипутов. Художественному сознанию таких масштабов тесно в рамках силлабо-тоники, и всё, что оказывается за её границей, уместается на широких полях нерифмованного потока речи.

По утверждению поэта, «проза – речь линейная, прямая, а поэзия – гнутая, вращающаяся, и ей для „виття“ нет необходимости в подпорках рифм». Говоря иными словами, свободный стих даёт больше возможностей в плане выражения сложной и многоуровневой авторской мысли.

Книга весьма необычна в жанровом плане. Её название – «Противоречия» – оправдывает себя от первой до последней строки. Здесь всё, начиная с идеи и заканчивая языковыми приёмами, отражает антиномию нашей жизни: земля и небо, народ и власть, поэзия и проза, безумие, прикрытое рассудительностью, жестокость, кажущаяся благодеянием и т.д.

Автору недостаточно знаний о самом мире – ему важно докопаться до его причин, увидеть явление в генезисе. Многочисленные разделы его книги чем-то напоминают поэтические трактаты из различных областей знаний: это и космогония, и онтогенез, и астрономия, и даже история становления различных экосистем. Это и своеобразная антология русской и мировой истории и культуры. И всё пропущено сквозь призму индивидуального восприятия. В стихах множество отсылок, реминисценций, аллюзий, опоры на предшествующие источники. Язык аллегоричен и интертекстуален, и читателю необходимо быть очень эрудированным, чтобы правильно «считать» множественные смыслы и подтексты.

Само понятие «куприяновский верлибр» можно рассматривать как литературоведческий термин – настолько уникально оно и вместительно. Если у Шекспира есть венки сонетов, то здесь, по сути, венки верлибров. Нет повторяющейся скрепы-строки, но есть тесная связь в пределах созданных поэтом ассоциативно-смысловых полей. Каждая, отдельно взятая часть книги – микропоэма на определённую тему, а сама она в целом – «энциклопедический словарь», из которого можно получить ответ на любой жизненно важный вопрос. Здесь, как в романе знаменитого испанского просветителя Кеведо, уделяется место всему и всем. Названия верлибров говорят сами за себя: «Стихи стиха», «Время любить», «Даль детства», «Расширяющаяся Вселенная», «Человеческая несправедливость», «Дикий Запад» и т.д. Но в итоге всё сводится к единому источнику – языку. Не случайно первый раздел называется «На языке всех». Это и определяет ключевую тональность авторской мысли:

*На языке всех
Я – ты
Мы – вы
Мы молчаливым
Даём Дар речи*

Можно сказать, что автор «Противоречий» создал новый поэтический жанр: верлибр-поэму, или даже верлибр-роман. Художественные замыслы подобного масштаба – большая редкость для наших дней.

Удивительно также свойство поэтического стиля Куприянова – его стихи одинаково блестяще выглядят и на русском, и на английском языках. Есть конкретика и действие, как в европейской традиции стихосложения, при этом в наличии сакральность, образность и мелодичность, как в русской:

*В том
некогда бывшем мире
была у Одних песня
и её отняли у них Другие
И тогда сложили Одни
другую песню
и с ней пошли они
на Других*

Нарративность и сюжетность сочетаются с характерными приёмами поэтической речи, в числе которых может быть назван лексический повтор, многосоюзие, имперсонализация (Одни/Другие) и т.д.

В то же время поэзия Куприянова глубоко иносказательна – часто по форме она напоминает притчу, так называемый эзопов язык. Наряду с пристрастием автора к классической европейской традиции, это обуславливает жанровое разнообразие книги. Иногда верлибр становится похожим на отрывок из словаря, где объединяются слова разных частей речи, но одного ассоциативно-смыслового поля:

*в ароматном цветном словаре растений
есть много имен
для нас
лекарь срывающий изучающий
козась наступающий берегущий
влюблённый искатель даритель*

*в целом мире
не понимающий
ничего*

Иногда авторские верлибры «имитируют» жанры официально-делового письма, напоминают объяснительную записку или протокол судебного заседания; бывает и так, что текст воспроизводит стилевые особенности исторической летописи. Подобное сходство не делает текст менее поэтичным, и даже подчёркивает иносказательность авторского мышления. Да и можно ли, исключив элемент подражательности, отобразить пустоту и абсурдность «торгующего мира», глупость и недалёковидность «зажравшегося» монарха, лицемерие представителей власти:

*П. О. однажды приснилось,
что его покинули все подчинённые,
и ему нечем руководить,
и ему снится кошмар,
что он в сияющих латах с мечом
идёт отвоёвывать подчинённых
в параллельных организациях,
которые подчиняются закону
пересечения параллельных...*

Весьма оригинален цикл верлибров под названием «Поэтические клипсы». Здесь, используя форму причудливой фантазмагии, пугающей мистерии, автор воссоздаёт самые драматичные этапы российской истории, сопоставляя их с судьбами лучших людей своего времени. Внутренняя энергия и драматизм в сочетании с кинематографизмом – характерная особенность этих стихов:

*Маркс переодетый бетховеном
израет апассионату
ленин с перевязанной щекой
зачарованно слушает восклицает
какой матерый человечине
из сугроба в жёлтой кофте
красный как марсельеза
появляется ...летний маяковский
в ужасе восклицает
ленин !!! жив !!*

Важная черта художественной картины мира Вячеслава Куприянова – метаметаморфизм, или мета-реализм. Ключевой механизм метаметафоры – выведение традиционных понятий в зону конечных областей значений, сопряжение различных мифологических и научных систем, при котором они активно обмениваются свойствами, организуя художественное пространство и время. В книге «Противоречия» центральным является принцип аналогии: всё уподобляется всему, и в итоге создаётся мощная предпосылка для создания альтернативной реальности за пределами общепринятого, допустимого. Так, природные явления Куприянов может истолковывать языком общественно-политического устройства, и наоборот – на факты истории накидывается «экологическая» сеть координат. Поэзия, в силу своей уникальной природы, тоже может быть уподоблена чему угодно:

*Возвышенные стихи
проплывают вместе с облаками
не оставляя после себя
даже тени стихов*

*Сырые стихи
выпадают вместе с дождем
но быстро высыхают
не оставляя следов*

*Белые стихи
выпадают вместе со снегом
их мало кто различает
на белом снегу*

Как это и было заявлено в названии книги, Куприянов показывает своему читателю мир контрастов и противоречий. Он склонен глобализировать малое и минимизировать масштабное, колоссальное. По этому земному шару нетрудно погибнуть от бомбы, принятой дворовыми детьми за ёлочную игрушку, а из обычного урока арифметики легко извлекается сама жизнь – полученная путём деления на дружбу плодов и хлеба. В итоге все стихи становятся развёрнутой метафорой уникального содержания, зримым и наглядным образом:

*Стихи взлетают в небо как самолёты
они легко витают в облаках
их не задевает молния
их не пугает гром
они не боятся ночи
с ними перекликаются птицы и звёзды
их пытаются разглядеть одинокие читатели
но стихи разбиваются вдребезги
снижаясь на белую бумагу*

Но верлибры Куприянова хороши ещё и тем, что в них всегда отчётливо слышна авторская интонация. Юмор, ирония, сарказм, скрытые слёзы – то, что всегда стоит за любым поэтическим текстом книги. А более всего это милосердие – к слепому, нередко заблуждающемуся человечеству, к природе, перестающей быть учителем для всех без исключения, к поэту, чей голос нередко становится «гласом вопиющего в пустыне». И кажется, что печаль Вячеслава Куприянова, его невесёлая насмешка – это слёзы Колосса Родосского, чья гигантская статуя возвышается над Эгейским морем в Греции.

Кто знает – возможно, поэт отчасти оплакивает и самого себя. Нелегко автору, наделённому даром эпического сказителя, оставаться при этом лириком, творящим в эпоху эпоса и ежедневно боящимся, что этой эпохе тоже придёт конец:

*Каждое утро
Я испытываю тревогу –
Вдруг не раскроется
Голубой парашют неба
И солнце
Грянет оземь
Некому будет собрать
Его золотые кости*

ТОСКА ЦИКАД

(Сергей Пагын. *Просто жизнь*. – Кишинёв: «Metrompas», 2017. – 128 с.)

Поэтический сборник Сергея Пагына называется «Просто жизнь», и вряд ли можно было придумать более удачное название. Здесь читатель не найдёт ни тени морализаторства, ни грамма назидания, ни одного очевидного умозаключения. Это пристальный и благодарный взгляд наблюдателя, для которого любая деталь – неповторимое чудо. При чтении этих стихов возникает ощущение чего-то нерукотворного, потому что автору удаётся говорить со своим читателем языком самой природы. Кажется, он в совершенстве постиг закон созерцания – познать суть явления можно только слившись с ним воедино, потеряв дистанцию между собой и миром. Сам процесс осмысленного речевого общения тут не столь важен – гораздо важнее атмосфера и эффект присутствия, погружающий нас в авторский поток сознания и через него – в акустическое царство жизни. Тут и всплеск воды, и шум деревьев, и капли дождя, а всё вместе это – плавное течение времени.

Особо следует отметить жанровое своеобразие книги – все произведения написаны на стыке верлибра и хайку. Подобное стилевое смещение оправдано, учитывая, что мы живём в эпоху эклектики, и при этом строгие поэтические каноны силлабо-тоники ограничивали бы свободу автора, для которого гораздо важнее – внутренняя энергия стиха, не подвластная деформации и внешнему воздействию поэтическая материя.

Впрочем, тяготение к верлибру представляется здесь чисто формальным и касается только строфической и ритмической организации текста. Сам автор, избегая данного понятия, заменяет его термином «свободный русский стих».

Черты японской твёрдой формы кажутся более очевидными и логически связанными с общим замыслом книги. Сейчас классический семнадцатисложник фактически перерос в свободную от строгих канонов форму микростиха с характерным для него содержанием и образом автора. У Сергея Пагына этот жанр трансформируется, идёт по пути наращивания структуры и смыслов – кажется, что нередко это спаянные между собой, объединённые сквозной темой хайку, внутри которых развёртывается авторская мысль. И при этом главное содержание всегда оказывается за пределами строки:

*Вещи у меня на столе
говорят о моём присутствии.*

*Ваза,
стичечный коробок,
том стихов Мандельштама,
морская раковина
говорят о моём присутствии
мне,
беспамятному,
безмолвному*

Хайку, классический смысл которого можно было бы уместить в две строки, дополняется и расширяется авторским комментарием. Из традиционной формы как будто изымается его содержание и преподносится читателю в виде отдельного блюда. Но сохраняется главное, присущее сознанию истинного хайдзина – взгляд человека, открытого миру, постигающего сами явления, а не их причины. Автор – всего лишь странник, в чьей памяти запечатлеваются текущие моменты жизни. Но это не просто наблюдения – это едва уловимые настроения, которые можно назвать прозрениями, просветами бытия.

Для Сергея Пагына хайку – это путь, который он прокладывает между земными деталями и явлениями высшего порядка. Его нить, соединяющая земное и небесное, вечное и временное, безупречна, потому что шов не виден, одно от другого неотделимо. В этом смысле он похож на Конфуция – знаменитого китайского мудреца, для которого любое рутинное занятие превращалось в мистическое ритуализованное действие, своего рода камлание, притягивающее энергию жизни. Каждый день и каждое впечатление дня превращаются в неповторимое чудо, а сознание автора пребывает внутри мифа, где господствует «нерукотворный космос огорода», а «взгляд отца, склонившегося над белым ульем», вызывает у автора чувство невыносимой тревоги. Это подвиг, достойный Метерлинка – открыть самому себе и своему читателю истинную душу предметов, увидеть в незначимом на первый взгляд явлении всю полноту и красоту бытия, и тем самым привязать его к чему-то вечному, вневременному. Подобный эффект соотносим с японской эстетикой, где есть понятие югэн – «скрытая красота», «таинственная красота». Югэн часто понимается как внерациональное постижение печальной красоты мира и человеческих чувств. Альтернативным можно считать термин «озарение», то, что скрыто под словами, но прямо не называется.

В силу именно такой особенности художественного мышления у автора книги рождаются яркие, необычные образы, метафоры и сравнения:

*И всё-таки, как сочно бытие!
И дальний гром звучит,
как яблоко в момент надкуса.*

Кажется, мы чувствуем, ощущаем на своих зубах хруст этого яблока – мир поэзии оживает, наполняется жизненной энергией, становится материально осязаемым. Такова сила истинного творца – оживлять всё созданное им, поэтому каждый образ срывается, как сочный плод, и оставляет волшебное послевкусие.

Темы, которые затрагивает Сергей Пагын, разнообразны и хорошо понятны каждому читателю: любовь, дружба, земные заботы, мир природы и мир человека. Но в центре авторских раздумий всегда находится мотив жизни и смерти. Мысль о неизбежности конца и связанная с этим тревога весьма осязаемы в книге. Но при этом автору важно понять, какая часть нашего существования выводит человека за пределы земной, ограниченной физической оболочкой ипостаси. Ответ на этот вопрос очевиден: там, где мы начинаем осознавать себя как нечто неотделимое от природы, длящееся в других предметах и объектах, и находится граница перехода от конечного к вневременному. Недискретность бытия – ключ к бессмертию. И только в нашем сознании существуют отдельно друг от друга человек и дерево, трава и облака, утренняя роса и звёзды. Но замыслом всевышнего всё изначально было связано воедино – почти незаметной тончайшей нитью – всё способно изменить форму и перейти из одного состояния в другое. Важно не бояться совершить этот переход, как не боится каждый раз совершать его лирический герой Сергея Пагына:

*Помоги мне вцарапаться
в эту мёрзлую землю,
зулкую, словно купол пустого храма,
вжиться в этот всё уносящий ветер,
заговорить, как боль, снегопад,
в котором умирают время и память.*

*Помоги мне
остаться.*

Это похоже на язык друидов, своеобразный пантеизм, где каждый объект материального мира становится самостоятельным, полноценным героем, будь то огонь в камине или родинка на плече у любимой. И в этом мире многообразных сущностей есть некое созидающее начало, из которого всё рождается и которое может быть названо тишиной. Тишина – как состояние, предшествующее рождению, преображению или творческому акту:

*Чистая просветлённая тишина,
сулящая преобразование
лицу и слову.*

*По ту сторону тишины –
ветер,
музыка,
лики...*

Отголоски древней формы религиозного сознания и мифологичность авторского мышления выражается также в системе образов. Так, олицетворением вечного, неиссякаемого знания и абсолютного покоя для Пагына является дерево – мудрый друид. Это и нечто противопоставленное изнуряющим человека земным проблемам, источник жизненной силы:

*Я так устал от войны
между мужчинами и мужчинами,
между женщинами и женщинами,
между женщиной и женщиной.
И теперь
я мечтаю стать просто деревом,
растущем
на зелёном холме.*

Но, пожалуй, главная черта книги с притягательным названием «Просто жизнь» – это просто жизнь, безграничная любовь к ней. Автор не задумывается о происходящем – он действительно живёт, тщательно смакуя каждое подаренное ему мгновение. Оттого так разнообразны формы его поэтического выражения любви к жизни – иногда это развёрнутое высказывание, зафиксированное чувство и мысль, а чаще всего это короткие заметки на полях – без комментариев к ним. Так писатели или военные корреспонденты, всегда имея под рукой блокнот, записывают свои впечатления. Впечатления, воспоминания, предчувствия – вот что является главным предметом описания в книге. Или же это просто радость – от того, что не требует дополнительных разъяснений:

*Тёплый пасмурный день октября.
С отцом пилим ветки ореха –
настолько оряхлого,
что вот-вот он свалится на сарай,
Потом латаем мешки,
пахнувшие мукой и мышами –
ведь надо привезти кукурузу.*

– Ну, и в чём здесь смысл? – спросишь ты.

Просто жизнь.

И всё же есть в этой радости одна щемящая нотка – её можно назвать тоской цикады, грустью, порождённой неуловимостью бытия. Присутствие цикады, этого хрупкого эфемерного создания, мы порой распознаём только по звуку, но его источник кажется бесплотным, нематериальным. Так же и человеческая жизнь для Сергея Пагына – тесно связанная с другими жизнями, она всё же кажется почти вымыслом, всплеском воды или вспышкой пламени. Что остаётся от нас, если даже память недолговечна? Возможно, память вещей:

*Когда умрёшь,
не будет ни времени, ни пространства,
и смерти тоже не будет.*

*Лишь градация света,
бесконечная музыка,
полёт одинокой птицы.*

РЕФРЕНЫ ВРЕМЕНИ

(Наташкина серёжка / Сутулов-Катеринич С. Литературно-художественное издание. – Кемерово; Ставрополь: ОАО «ИПП «Кузбасс», 2020. – 224 с.)

Книга, о которой пойдёт речь, вне всяких сомнений представляет особую ценность для автора – это дань памяти близкому человеку, другу, единомышленнику, той второй половинке, обретение которой является чудом и божьим даром. Здесь заведомо нет ничего надуманного, неискреннего, фальшивого – всё пронизано светлой памятью единственной музы и вдохновительницы поэта – его супруги Натальи.

Можно было бы придумать много разнообразных и ярких эпитетов, характеризующих поэзию Сергея Сутулова-Катеринича, но, пожалуй, наиболее точным является определение «художественная эквилибристика» – образная, звуковая и смысловая. Это отнюдь не означает только причудливую игру слов, красивую бессмыслицу – всё здесь осмыслено и тщательно продумано. Всё является показателем высокой степени мастерства автора, способного сделать языковой приём ключом к многоуровневому содержанию.

Автор искусно балансирует на острие звуко смысла и смыслозвуча, на перекрестье понятий, слов, ассоциаций, образов и событий разного порядка. Читать такую поэзию нелегко, потому что она требует не просто вдумчивого отношения, но и глубокой, подлинной эрудированности читателя. Здесь нет ничего очевидного – смыслы искусно замаскированы, зашифрованы в искромётной авторской иронии, нередко горькой, в причудливой словесной игре. И невольно теряешься поначалу среди этого бесконечного моря информации, но постепенно, вдумываясь и вчитываясь, начинаешь понимать, о чём хотел сказать нам автор, какие чувства и мысли одолевали его.

А мысли довольно ясные и важные для каждого из нас – о «стране иконы и кнута... моржей и миражей», Пастернака и Кипренского, о роли поэта, призванного мирную словесную бомбардировку противопоставлять подлинной вражде со смертельным оружием в руках. И конечно же о любви – той, которая превыше всего и чьи законы непререкаемы. Но чтобы «имена во временах» стали явными для читателя, следует пройти через лабиринт авторских аллюзий, неожиданных ассоциаций и бесконечных звуковых и словесных столкновений, лишней раз подчёркивающих абсурдность и трагизм бытия, в котором тьма неотделима от света, а добро от зла:

*...ночной пикник. тостует пейзажист:
– Любовь, надежда, вера – светожизнь!
(Трагична роковая светотьма –
Мистерия, сводящая с ума...)*

Звук – эта подлинная плоть стиха – становится главным инструментарием автора, некой смысловой зацепкой, с помощью которой можно, избегая ненужной очевидности, донести до читателя не собственно даже мысль, а энергию мысли, её ореол, необходимый для постижения законов самой жизни. Звуки, так же, как исторические факты или факты личной биографии, могут перекликаться, сопологаться, притягиваться и отталкиваться друг от друга – это вполне самостоятельные сущности, логика взаимодействия и развития которых понятна автору.

Выбивая из звуков содержание, в том числе и историческое, поэт сталкивает однофамильцев: например, гениального художника Шульженко и гениальную певицу Шульженко, («виновато вино невинное? пораженец возжаждет: глелка! потрясение сердцевиное – глаз Шульженко* и глаз Шульженко**...»), Ричарда Баха и Иоганна Себастьяна Баха («Пока балакали о Бахе, который Ричард, Иоганна Распяли пьяные девахи на крыльях ржавого органа...»). Смысл просвечивает сквозь смысл – в чертах лица великого композитора угадывается святой Себастьян-великомученик, а Франсиско Гойя, автор знаменитых «капричос», идёт рука об руку с Франсиско Франко, выдающимся испанским военным деятелем. Образы истории оживают, как будто спрыгивают с поэтических строк – и становится шумно. Наверное, так должно звучать само время, звукопись которого и стремится передать автор.

Иногда звучание становится трагедийным – слова звенят как натянутая струна, сменяя гармонию диссонансом, становясь «резким вывертом русской перебранки» или «зазеркальной ухмылкой зла». Замок авторской немоты срывается в тот момент, когда он начинает не говорить – звукописать, выражая себя в универсальной речевой артикуляции, используя весь потенциал возможностей гласных и согласных.

Но звук для автора – это ещё и психологический заслон от чрезмерно пытливого читателя. Каламбура и остря подобно гениальному Франсуа Рабле, поражая читателя обилием звуковой и словесной бравады, автор скрывает от него свои истинные чувства – слишком сокровенные и слишком подлинные для того, чтобы их выставлять на всеобщее обозрение. Так королевский шут-балалаешник смеётся там, где впору зарыдать:

*обещания префрасны.
 расставания ужасны.
 карабасны? барабасны?
 – каламбурь или рыдаи,
 разлюбезный раздолбай.
 от сиротства до уродства –
 одиночество юродства.
 по законам донкихотства
 отравляйся на валдай,
 натева я долалай...*

И всё же в тех разделах книги, где речь идёт о жене Наталье («Домолчаться до чуда», «Незаменимость божества», «Бессмертны обоюдно»), в своих поэлладах, а особенно в повести «Наташкина серёжка» автор забывает о том, что хотел быть условно откровенным с читателем и постепенно превращает простое повествование в настоящую исповедь сердца.

Уникальный жанр поэллады (синтез поэмы и баллады) – новаторский элемент книги, форма авторской самоидентификации, попытка проецирования лирического «я» в контекст общечеловеческой истории. Показателен в этом плане «Крылатый бык». Здесь уже трудно считать смыслы, не владея информацией о некоторых фактах жизненной и творческой биографии поэта. Это развёрнутое монологическое высказывание автора о самом себе, спровоцированное цитатой Юрия Беликова, назвавшего Сергея Сутулова-Катеринича «испанским быком современной русской поэзии». На такой многоуровневой метафоре строится сюжет – от первых до последних строк. Образ быка переживает ряд трансформаций, которые одновременно являются вехами судьбы Сутулова-Катеринича. А исходная точка – детские воспоминания:

*Служивые в дверях задрывную споят:
 Зачтём в сентябрых – ликующий салют!
 Отец рычал: «Молчать, мычащий дурачок!»
 Трофейная печать. Келейный коньячок.*

В заключительных главах книги слегка нервная, предельно спрессованная по мысли и чувству поэзия сменяется более мягкой философской лирикой – практически все стихи здесь посвящены жене, и поэтому авторская интонация меняется. Она становится менее гражданской и более камерной, доверительной. Сергей Сутулов, поэт и журналист, трагик и циник, становится просто Серёжкой, ищущим серёжку своей возлюбленной. Он уходит от мистерии звука и пытается постичь магию дат и чисел, среди которых выделяет одно сокровенное число – 23:

*ровно 23 года назад (само собой, тому назад!)
 я встретил женщину, которую полюбил
 тому вперёд (аккурат!) через 23 года.*

Это прамбула той истории, которую мы узнаём из повести, одноимённой с названием книги. И вся эта история – молитва о воскрешении и возможности скорой встречи – уже совсем в другом измерении:

*Беспечен Бог: печальная ладья
 Мерцает купиной неопалимой...
 Отчалишь ты – от боли взвоя я,
 Горбятся под бедой неодолимой!
 Но каждую песчинку жития
 И каждую былинку бытия
 Спасает голос Женщины любимой...*

Повесть о Наталье Сутуловой-Катеринич – это не воспоминания, не мысли о прошлом или даже будущем, а текущий момент бытия. Читая её, понимаешь, что строки, слова и звуки для Сергея Сутулова – это всего лишь рефрены времени, говорящие о периодичности процессов, их повторяемости и чередуемости. Словами автор закликает прошлое вернуться и навсегда запечатлеться в его памяти:

*Всё будет так (пока пророчить) – распишут мраморные льдины
Пингвины (без кавык и точек), муссируя первопричины,
Но соблюдая ритмы строчек – равнины/рытвины/вершины:
Свободен Даниил Заточник! Роден и Родина – едины!*

Нет времени в трёх его обычных ипостасях – есть особое четвёртое время, в котором человек абсолютно счастлив. Это конечная цель существования, та точка устремления, которая рано или поздно должна стать точкой невозврата. Повесть – весьма условное название для жанра, который здесь представлен. Впрочем, жанр определить довольно трудно, поскольку повествование выходит за границы традиционных читательских представлений о прозе. Скорее, это спиритический сеанс, где одна душа вызывает к другой душе, преодолевая неизбежное, подчиняя его своей воле. Это и бесконечный риторический вопрос, адресованный каждому, включая самого автора. Вопрос, на который всегда даётся только один ответ:

«Одна из значимых (для меня – точно!) февральских новостей. Она растиражирована множеством зарубежных и российских изданий: жизнь после смерти всё же существует!».

Всё остальное автора повести мало интересует. Пожалуй, её можно было бы назвать балладой поиска. Чем занят автор уже в самом начале истории? Он ищет свою возлюбленную – ищет в далёком прошлом, где совсем ещё юный студент случайно встречает и тут же теряет гимнастку и циркачку небесной красоты. Ищет в будущем – том будущем, которое было в прошлом более чем двадцатилетней давности, когда единственная избранница была не женой, а призрачной мечтой. Ищет в настоящем, и только в настоящем – когда становится ясно, что прошлого уже не вернуть, а память стереть невозможно.

Но надо ли искать то, что не может быть потеряно? Ведь душа бессмертна, а истинное чувство вечно, и не высшее ли счастье в какой-то момент совместного пути двух душ сказать, обретая тем самым высшую ценность:

«Да святится имя жены моей, земной и Небесной! В конце апреля семнадцатого года я уразумел, сколь мучителен и загадочен путь к тебе, Наташа. Туда, в иное измерение. Но этот многотрудный путь, верю, отнюдь не безнадежен».

Не может быть безнадежности там, где герой беспрепятственно совершает *«Прыжки через бездну времён? Через дни, месяцы, годы, эпохи?! Прыжки через вёрсты, мили, километры... города... страны...».*

Рефрены времени, бесконечные повторы счастья, дающие право знаменитые слова из Песни Песней (*«ибо крепка, как смерть, любовь»*) заменить другими, более правильными и точными: *«истинная любовь сильнее смерти».*

О чём бы ни писал Сергей Сутулов-Катеринич, в его поэзии неизменно присутствуют две ключевые высокие ноты – преданность своей стране и безграничная, неизбывная, всепоглощающая и всё побеждающая любовь к женщине – одной на всю жизнь. Не секрет, что именно из этих двух составляющих (истинный патриотизм и поклонение Прекрасной Даме) складывается рыцарский кодекс чести и благородства. Так что читатель имеет дело с настоящим рыцарем наших дней. Атавизм? Возможно, но какой же прекрасный и редкий.

ПАДЕНИЕ В МУЗЫКУ

(Ярцев Ростислав. Нерасторопный праздник: стихотворения / Ростислав Ярцев. – Москва: ЛитГОСТ, 2021 – 114 с.)

Настоящая поэзия сродни интуитивному распознаванию истины, которая неисчерпаема и непостижима – она всегда выходит за пределы художественного замысла. Методы формальной логики и традиционного толкования не работают там, где гораздо важнее чувственный опыт.

Уже в самом названии дебютной книги молодого поэта Ростислава Ярцева – «Нерасторопный праздник» – содержится определённый потенциал значений и ассоциаций, активизирующих мысль читателя. Относительно небольшой по объёму поэтический сборник, успевший привлечь внимание видных критиков и «толстых» журналов, даёт разностороннее представление об авторе. Свежесть и самобытность звучания его «голоса» очевидна, но при этом очевидны и корни, истоки, от которых щедро питается его талант. Трудно не обнаружить в хрустальных, с ноткой надрыва, строках, отголоска серебряного века. И всего слышнее на этом фоне голос Мандельштама. Кажется, что лирический герой Ярцева непрерывно едет куда-то в душном вагоне, на свою станцию Дальстрой, и в процессе этой езды пытается обрести некую нравственную опору – смысл собственного существования, вписанный в контекст истории и своей эпохи. И возникает ощущение, что главная пытка и мука для поэта – он сам, стремящийся обрести себя подлинного, пытающийся сохранить верность собственному голосу:

*как вода неверна истоку,
но верна устью –
так и я буду верен
не будущему, но бывшему –
тому, прекраснее чего не бывает*

Здесь тот самый случай, когда не стоит искать точных ответов на вопросы и пытаться постичь окончательный замысел творца. Смысл у Ярцева – это лесной дух. Он всё время ускользает, скрывается от посторонних глаз, его нельзя толком ни увидеть, ни услышать. Можно только почувствовать, зайти за грань очевидного. Соглашаясь с Полиной Барсковой, автором предисловия к сборнику стихов Ярцева, скажем, что в его метареалистической поэзии и поэтике мало материального – это действительно «мерцающие», призрачные и прозрачные слова, отражающие неустойчивость мира и человеческого бытия. Здесь всё перевернуто с ног на голову – то, что лежит в области прошлого или будущего, либо имеет статус ещё не свершённого, потенциального действия (будь то мысль, чувство или творческий акт), гораздо более убедительно для автора. Потому что именно с этой призрачной точки отсчёта начинается путешествие по реке, её «первое ощущение». Река в данном случае олицетворяет вечное, непреходящее, явленное в человеке как отзвук более совершенной, подлинной жизни:

*халмы, халмы – и время за халмами
их встреча – ощущение реки*

*чья голоса проложены меж нами
всегда ничьи*

Отсюда соответствующий образный ряд и в целом художественная картина мира Ростислава Ярцева. Для поэта важна не сама вещь, а ментальный её отпечаток – нечто едва уловимое, но единственно важное. Так постоянная величина-константа может иногда «просвечивать» сквозь толщу множественных инвариантных значений телесного мира. Эти «отсветы» становятся главным содержанием книги стихов, именно их по крупницам собирает автор, чтобы не растерять в итоге самого себя. Так за каждой вещью, событием, человеком, в виде ореола или нимба, закрепляется возвышающее его слово: в итоге у слова возникает мощный семантический фон, в котором растворяется поэтический замысел. Память об умершей бабушке предстаёт в виде приторно сладкого рафинада – вкуса раннего детства, а облик любимого человека может преобразоваться в музыку, особенный духовный субстрат, выходящий «из глазниц стрекозиногоря». И лишь подобными метаморфозами памяти мы живы, поскольку всё прочее, временное, наносное давит и уничтожает нас, лишает существование цели и целостности. Оттого милосердными кажутся строки, в которых поэту хочется всеми силами уберечь любую жизнь от саморазрушения в душном бараке быта:

*что же вам будет не жить
не приезжать
телу пустому внушить
рядом лежать*

*жарить вишнёвый пирог
шарить порог
я вас как мог уберёг
я вас как мог*

Быт виной тому, что в кристально чистой атмосфере стихов Ярцева появляется примесь чего-то наносного, земляного, гнетущего. Но, слава богу, есть звук – им, как ладаном или святой водой, поэт отпугивает злых духов, создаёт универсальную среду для существования и развития смысла и слова. И становится намного легче дышать – как будто проветрили помещение душевной комнаты, где лежал тяжелобольной.

Звук у Ростислава Ярцева может быть самодостаточным с точки зрения несомой им смысловой нагрузки и роли в композиционной организации текста. Оригинальные рифмы, соположение или столкновение близких по звучанию слов становятся тем самым неясным гулом, камланием, который преобразует номинативную, вербализующую функцию языка в магический обряд – заклинание.

Это эфирное вещество поэзии, как философский камень, каждый раз неустанно добывает автор книги, и нисколько не боится, что неискушённый читатель или критик сможет упрекнуть его в эгоистической невнятности поэтического высказывания:

*если речи крепчали, непрочное проча сбегать,
значит, было подножие нежного света вначале.
понапрасну не плачь, обречённое не безупречь,
не жалей для живой тишины соловьиной печали.*

Должен ли поэт быть понятным для своего читателя, создавая для него царство «безгранично проходимых смыслов»? Может ли он вообще думать об этом, каждодневно пребывая в совершенно иной системе координат, где «уют картонный» и «быт простой и томный» воспринимаются не иначе как тамбур прокуренного вагона? Именно эта вагонная духота ничего не понимающей и всё отрицающей бытовщины погубила Манделштама – ему просто перекрыли кислород. Почти физически ощутив и как будто по наследству восприняв у своего предшественника это страшное ощущение удущья, Ростислав Ярцев, страдая духовной и социальной клаустрофобией, пишет стихи – как будто настезь открывает окна. Тогда становится понятен смысл чьей-то фразы о том, что поэзия – это сквозняк. Поэт и сам становится сквозняком – мелодией воздушных потоков, слушающих наносную пыль текущего дня ради чуткого дыхания вечности:

*растиражированы жизнь
и оптимизм.
в витрине зага отразись
телесным низом,
пройди словесным сквозняком
через бутки –
культуры вечным должником,
жевкал мастики.*

Для поэтов такого рода как Ростислав Ярцев, любое творческое усилие – это ещё и путь. Движение по Калинову мосту, соединяющему Явь и Навь – мир мёртвых и мир живых. Только на этом пути понимаешь, что твои «родные, вечные, страшные» обрели в тебе вечный дом, а сам ты – музей уходящих в прошлое ценностей, коллекционер-энтомолог, собирающий по крупицам пыльцу света и истины, поглощающих время и пространство:

*людей собирают крупичками
как золото и жемчуга
решетчатых сумерек с птицами
веками влекут берега*

*мой берег далёко рассеянный
и мысли мои не сюда
мне снится безвременник северный
еловых распутиц вода*

Поэт – это тот, кто останется, когда все уйдут; чей голос, заглушённый гулом каждодневных земных забот, действительно способен услышать отнюдь не современник – безвременник. Ростислав Ярцев, прекрасно понимая это, бесстрашно идёт по опасному Калинову мосту поэзии, зная, что в конце его ожидает неизбежное падение – в музыку, не знающую ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, одинаково звучащую для всех:

*перескачу столько лет
да не замечу совсем
верно картридер поэт
перехитрил насовсем –*

*песен и лет световых
невосполнимый баланс
нынче же нянчи живых
и неговорчивых – нас*

...

*и побреду как в бреду
и перейду на ходу
так я придумал: вреду
место со мною в ряду*

БЛАГОВЕСТ АВГУСТА

Разговор о двух книгах

(Август, Ксения. *Преображение. Сборник стихотворений/Ксения Август. – Калининград: ФГУП «Страж Балтики», 2019. – 128 с. – (Издательская программа Правительства Калининградской области). – Калининградская поэзия: литературный дебют. Август Ксения. Солнечный бумеранг. – М.: Стеклограф, 2021. – 120 с.)*

Две книги калининградского поэта Ксении Август (дебютный сборник «Преображение» и «Солнечный бумеранг», выпущенный в издательстве «Стеклограф») появились на свет с разницей всего в два года. Тем удивительнее наблюдать ту метаморфозу, которая произошла с автором в столь короткие сроки. Это два этапа творческого становления: при сохранении образов, сквозных мотивов и стилистики первого сборника, стихи второй книги поражают творческой зрелостью поэта, сумевшего достичь высокого уровня технического мастерства и отчётливости звучания ключевых тем. Художественная мысль Ксении Август обретает цельность и логическую оформленность, то есть происходит чудо – хороший поэт, нашедший свою особую интонацию, становится первоклассным поэтом.

Первая ассоциация, которая возникает при чтении этих стихов – гармония. И начинается она уже с имени. Удивительно, но Ксения Август – это не псевдоним. В сочетании этих слов, как и в имени Сергея Есенина, затаилась сама природа в её изменчивости. Здесь слышатся звуки лета, плавно переходящего в осень. Август – особое время, пограничное состояние мира, когда тепло ещё не ушло, но холода уже близко. Это время зрелости, стоящей на пороге новых душевных потрясений.

Именно таким настроением – чувственности и ожидания – пронизаны обе книги стихов Ксении. Народно-поэтическая и христианско-православная традиция – два источника, из которых вырастает художественный мир калининградской поэтессы. Но было бы неверным считать, что это влияние носит чисто атрибутивный, прикладной характер. За внешними приёмами стилизации, эффектными рифмами и характерной для фольклора ритмико-интонационной и образной организацией текста внимательный читатель может увидеть то, что составляет основу мировоззрения автора. В художественном сознании Ксении Август перекрещиваются человеческое, природное и поэтическое начала. Одно неотделимо от другого, образы и эпитеты становятся взаимозаменяемыми – так возникает целое мифотворчество, основанное на окказиональной метафоре, ассоциативно сближающей предметы и объекты разного порядка. Стих, подобно яблоку, срывается с куста, а любовь, природа и человек пластически соединяются в едином синхронистическом акте, становясь многоуровневым символом гармонии и счастья:

*...И яблоня телом своим сплелась
С гамаком, привязанным корабельным тросом
К толстой ветке на два морских узла.
И я прижималась к твоему торсу.*

Саму себя, своих близких лирическая героиня Ксении Август тоже отождествляет с объектами природного мира, тем самым продолжая традицию, начатую Есениным. Так, говоря о сыне, она вспоминает его глаза, цветом напоминающие «спелый жёлудь». Так же её предшественнику, гениальному поэту-лирику, «отоснилась» навсегда возлюбленная «со снопом волос своих овсяных».

Если вернуться к сопоставительному анализу двух поэтических сборников, то можно увидеть, что вторая книга – «Солнечный бумеранг» – имеет более религиозную, христианскую направленность. Здесь уже нет разделов – всё объединено общей мыслью. И здесь природный синкретизм сменяется настоящей антропософией. Любое жизненное явление, увиденное глазами лирической героини, в силу его цикличности, повторяемости, естественности воспроизводит новозаветную историю распятого и воскресшего Иисуса Христа. Вообще Библия, главы Ветхого и Нового завета определяют угол зрения поэтессы, организуют художественное пространство и время книги на основе магистральной идеи жизни и смерти, расцвета и увядания. Так, например, образ умирающего и воскресающего дня даёт очевидный отсыл к истории сына Божьего:

*Положив во гроб
Жар, и волнорез,
Что от вод багров
Был, в лучах воскрес...*

В то же время природные объекты (травы, берёзы и т.д.) сравниваются с ветхозаветными людьми Адамом и Евой:

*перестилая сонмы трав,
переплетая сны и росы,
рождалась роца из ребра
животрещущей берёзы.*

Библейскими аналогиями насыщена драматичная по своему звучанию любовная лирика Ксении Август. Здесь её лирическая героиня мыслит себя и своего возлюбленного в контексте священной истории, где каждый из участников событий несёт свой крест – страдания или вины. Сама поэтесса примеряет на себя разные роли: то Марии Магдалины, то страдальца Христа. В любом случае, слово «распятие» становится одним из самых часто употребляемых в её поэзии:

*Перепроверь меня, переделай,
И прочитай с листа
Чувства и мысли мои, а тело,
Тело сними с креста.*

Продолжая развивать классическую традицию Бунина и Куприна, автор двух поэтических книг осмысливает любовь как великое страдание и великую жертву. Любимой женский образ, в котором присутствует эта жертвенность, соединённая с величием духа, близок Ксении Август – пусть даже ради этого придётся смешать все мифологии мира. Так в образе Ариадны со священным скарабеем в сердце и путеводной нитью в руках нетрудно угадать черты возлюбленной Бога-Сына:

*Во мне не бог – священный скарабей,
в руках обрывок путеводной нити,
ты слышишь, плачет ангел твой хранитель
в объятиях моих земных скорбей...*

*Когда его руками обовью,
три раза пропоёт над миром пепел,
и снег мой упадёт с небес, как пепел,
на плечи и на голову твою.*

С темой любви и, в частности, любви-страдания связаны сквозные образы-мотивы, объединяющие обе книги стихов Ксении Август. В том числе это и рябина, традиционно отсылающая читателя к Марине Цветаевой. Но в конкретном случае образ может трактоваться намного шире – это не просто статичный символ родины, бесприютности. Это и символ женской судьбы, связанной с любовью, деторождением, заботой о семье. В русской народной традиции рябина всегда ассоциировалась с женщиной.

Подобная неисчерпаемая женственность и красота в творчестве Ксении Август не имеют ничего общего с порочностью и греховностью. Напротив, это удивительно чистая, милосердная поэзия, в которой, наряду с хрупкостью и незащищённостью, появляется и эпическая мощь, и определённая твёрдость духа. Особенно если говорить о более поздних стихах – здесь уже у героини нет страха быть непонятой, есть только желание полноты, исчерпанности поэтического высказывания.

Близость народной поэтике определяет художественные приёмы, с помощью которых эти особенности стихов Ксении Август становятся ещё более яркими и выразительными. Прекрасная звукопись, лексико-интонационные повторы, безупречные и оригинальные рифмы делают поэтическую речь напевной, мелодичной, сближают её с жанрами народной лирической песни или народного плача.

Но более всех остальных Ксении Август близок жанр молитвы, а молится она всегда – таково состояние её души, такова естественная потребность доброго сердца, которое верит только в лучшее и представляет мир в виде нескончаемой религиозной мистерии, где все объекты духовно сопричастны силой божьего замысла и провидения:

*...оброню семена стихов –
и посею любви подсолнух
в этом, пёстром от птиц лесу,
в этих землях, от слёз горчащих,
и увижу, как вновь Иисус
воскресает в полночной чаще,*

*оставляя своё гнездо,
и мой крест на витой цепочке,
и христуется лист – с листом,
и пасхалится почкой – с почкой*

И в сборнике «Преображение», и в книге «Солнечный бумеранг» героиня часто пишет о своей душевной боли, о тех земных страданиях, которые ей было суждено пережить. Но почему-то за неё не страшно – есть уверенность, что всё будет хорошо, и героиня выстоит в любом жизненном испытании. Вопреки своей хрупкости и кажущейся беззащитности, она очень сильна духом. Ей помогает вера – подлинная, настоящая, всё наполняющая смыслом. О чём бы ни говорила Ксения Август – всё, от таинственного рождения стиха до трагически неразделённой любви – звучит из её уст как благая весть. И эта весть адресована миру, людям, нам, читателям. Всё становится благовестом Августа:

*Благовест августа по ветру флаги полощет,
переставляя звёзды в небесном лото,
видишь, это площадь, совсем не площадь –
это моя ладонь.*

*Летняя ночь сбегает к нам по наклонной
плоскости неба, в сердце дрожит строка,
эта колонна тёмная, не колонна –
это моя рука.*

*Вижу, как собирая с полей овёс ты
пересыпаешь в короб, и бирюза
неба темнеет. Нет, там на нём не звёзды –
это мои глаза.*

*Путь пролегает твой через сумный центр,
ты замираешь будто бы не дыша
около церкви, а это совсем не церковь –
это моя душа.*

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» АЛЕКСАНДРА КАРПЕНКО

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ЛИЦОМ РОКА

(Лидия Григорьева, *Термитник – роман в штрихах.* – С-Пб., Алетейя, 2020. – 168 с.)

С лёгкой руки Антона Павловича Чехова принято считать, что краткость – сестра таланта. Лидия Григорьева демонстрирует нам в новой своей книге, что краткость – понятие неоднозначное. Одна краткость пристёгивается к другой, и сумма нескольких краткостей образует нечто новое, достаточно протяжённое, калейдоскопичное. «Термитник» Григорьевой и образован из суммы таких краткостей. Возникает пёстрая мозаика нашего времени. Всем сёстрам таланта роздано по сергам.

Читать этот «роман в штрихах» на первых порах непривычно. Словно бы одновременно подали и первое, и второе, и десерт, и даже четвёртое и пятое. Представьте себе множество «Анн Карениных» в одном томе. Конечно, всё не так детально, как у Толстого. Но «Термитник» – это не 120 романов, а один роман из 120 новелл. Новая романная оптика. Три книги, объединённые в одну, поделены у Лидии Григорьевой на сорок маленьких глав. Почему именно сорок? Загадка. Но число сорок – сакральное. Вспоминаются сорок дней и сорок сороков. Роман состоит из множества отдельных сюжетов. На мой взгляд, лучшие новеллы в книге – те, в которых есть недосказанность. Минимализм в сочетании с широким охватом событий как нельзя лучше служит поставленной художником цели.

Читая «Термитник», невольно вспоминаешь, что основных событий в жизни человека немного: родился, женился (вышла замуж), умер. Трудисься, трудисься, что-то затеваешь, а потом раз – и нет созданного тобой мира. «Внезапно смертен» не только сам человек, но и созданное им дело. Аморфное человечество не замечает «потери бойца». Судьба человека оказывается отделённой от непрерывности человечества. И это не совсем справедливо. Лидия Григорьева показывает в «Термитнике», насколько отважен бывает человек перед лицом рока. В период пандемии возникли вопросы и к бессмертию самого человечества. «Ведь жалко даже не то, что умрём, а что, может быть, все поголовно вымрем! Как бабочки и жучки», – говорит писательница. Человек предполагает, а Господь располагает, – эта нехитрая мысль часто приходит на ум читателю «Термитника». Божий промысел причудливо тасует судьбы людей.

Роман Григорьевой заставляет вспомнить имевшие невероятный успех «Опавшие листья» Василия Розанова. Короткие заметки, составляющие книгу Лидии, несут в себе портрет времени. Есть общемировая тенденция к уплотнению прозаических текстов, к уменьшению их объёма. «Короткие романы» пишет, например, и Ольга Ильницкая. Вот что сказала Ильницкая о «Термитнике»: «Всё в этой книге интересно – её жизнь, понимание этой жизни и размышления, авторское видение, метод мышления, «поступь рассказа», лингвистика, интересна калейдоскопичность сюжетов, фасеточный взгляд, как у стрекозы, сразу и во все стороны, в то же время сосредоточенный, как луч, очень человеческий взгляд, когда получается и вглубь, и вдалё...».

Лидия Григорьева умеет посмотреть на мир всесторонне, по-розановски. Это прозорливый взгляд писателя на текущую сквозь нас жизнь, не только изнутри, но и сверху. Так смотрит человек на термитник, копошащийся внизу. Так смотрит Бог на человека. В жизни вперемежку случаются то комедия, то трагедия. Лидия использует в книге тезы, антитезы, парадоксы, катарсис... У писательницы – дар, который был в своё время у Достоевского – умение слышать и находить острые сюжеты. Иногда это «жестокие рассказы», в духе Эдгара По и Вилья де Лиль-Адана. (1,28), (1,34), (3,1), (3,3), (3,6), (3,10). В «Термитнике» воскресают тени великих новеллистов прошлого.

Кто мы? Зачем мы? Куда идём? Не сказать чтобы эти вопросы когда-либо снимались с повестки дня. Но в последние годы, в том числе из-за пандемии, обособления стран, выстраивания новых железных занавесов, вакцинаций и цифровизаций, трансгуманизма всё ещё более обострилось. Человечество уже

не так уверено в своём бессмертии, многие фундаментальные ценности подверглись переоценке. И «Термитник» Григорьевой как нельзя лучше отвечает запросам современности на правду жизни.

Миниатюрные, сверхкороткие рассказы – это такая «эпитимья», наложенная на себя писателем. Может быть, ради того, чтобы очиститься внутренне и пойти дальше. Или, может быть, вернуться к традиционной, полновесной форме рассказа, что мы уже наблюдаем в новой, ещё не изданной отдельным томом книге «Термитника». Лидия ищет такую форму печатной речи, которая может быть востребована обладателями гаджетов. «Не прогибаясь под изменчивый мир», она ищет более плотный контакт с читателем. И это, несомненно, «высокая» литература. Григорьева всё время говорит «о главном», но косвенно, не в лоб. Название «Термитник» тоже не лобовое, хотя и отражает одну из идей «романа в штрихах». Главное «боится» быть высказанным напрямую.

В «Термитнике» много трагичного. Мы всё время живём на вроде бы потухшем, но скрыто действующем вулкане. И в любой момент может рвануть. Где угодно, даже в тихой деревне. Всё хорошее и всё плохое наступает внезапно. Можно и не узнать о своей трагической участи. «Роман в штрихах» – это, прежде всего, изменённая оптика. Автор не отделяет свою жизнь от жизни героев «Термитника». Все жизни важны! – как для Бога, так и для людей. У писательницы есть протагонисты, но нет «любимчиков». Можно сказать, она отдаёт предпочтение сразу всем. В «Термитнике» нет «людей выдающихся» и «людей невыдающихся». Это неискажённый, «первобытный» взгляд писателя на человечество.

Конечно, Григорьева не первая в мире рассказывает в одной книге множество историй. Достаточно вспомнить такие литературные памятники, как «Шехерезада» или «Декамерон». Но есть существенные отличия. Историй у Лидии в разы больше. Это уже «взгляд из вечности». Человеческие жизни оцениваются как бы с точки зрения итога.

Сейчас Лидия Григорьева работает над продолжением «Термитника». В «Звезде» и «Дружбе народов» опубликованы новые главы «романа в штрихах». Наверное, «умножать сущности» было бы слишком просто. Писательница не ищет лёгких путей в творческой жизни. Её новые рассказы стали значительно длиннее по сравнению с первым томом. Но главное даже не это. Сюжетные линии из первого тома стали развиваться во втором! Главный вывод, который может сделать для себя читатель – жизнь человека фрагментарна. Произведения искусства высвечивают только самые яркие эпизоды. Но ведь даже после хэппи-энда продолжается насыщенная жизнь! И везде человеком управляют пристрастия и предпочтения. Они и формируют, наряду с родительскими генами, канву судьбы. «Мой характер – мой демон», – так говорили древние греки. Многие сюжеты у Лидии – детективные, но это не является для писательницы самоцелью.

В философской основе «Термитника» лежит нетривиальная мысль о том, что всё мироздание кажется работой «бессмысленной и бесполезной», однако можно, при желании, найти смысл и поэзию в судьбах отдельно взятых индивидуумов. Рассказы Григорьевой эмоционально насыщены. Автор устраивает нам «американские горки» порой несовместимых эмоций. Переживания героев не всегда совпадают с эмоциями читателей. Позволю себе процитировать одну из новелл:

«„Жизнь прекрасна!“ – прокричала она на весь интернет, пока муж сворачивал на скоростное шоссе в объезд Парижа. И тут же они врезались в бетонное ограждение, хоть и снизили скорость. Подушки безопасности мужа спасли. А Марину вырезали автогеном. Но ведь выжила, одолела небытие в виде многомесячной комы. И первое, что сказала мужу, очнувшись, словно продолжая тот их восторженный вояж: „Жизнь прекрасна, мой милый! Мы уже проехали Ла-Манш или стоим в Евротоннеле? Темновато что-то“. И умерла с лёгкой улыбкой счастья на сухих, с зажёкшей пенкой, губах».

Счастье, согласно Лидии Григорьевой, – в умении жить на полную катушку, невзирая на все напасти и невзгоды. Как пел Высоцкий, «чую с гибельным восторгом: пропадаю». Или ещё раньше, у Пушкина: «Всё, всё, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья, бессмертья, может быть, залог». Так же ощущают жизнь и многие герои Лидии Григорьевой. Писательница хорошо знает мир, в котором живёт, и эта уверенность сквозит в каждой её строчке. «Взгляд сверху» сообщает «роману в штрихах» ещё одно измерение. Если посмотреть на современный город с высоты птичьего полёта, все эти многоэтажные «соты» действительно кажутся то ли ульями, то ли термитниками. Книжная графика только подчёркивает эту схожесть. Существуют таинственные вещи, силовые линии судеб, которые пронизывают жизнь. Порой жизненный путь героев Григорьевой прерывает какая-нибудь нелепая смерть. Даже на пороге счастья. Какие-то вещи находятся за гранью человеческого понимания.

Книга – пожалуй, лучшая форма объединения разнородных сюжетных линий писательницы. Сжатостью изложения короткие новеллы Григорьевой подобны стихотворениям. Нет, это не стихотворения в прозе. Но «Термитник» представляется мне новаторской формой прозаической жизнедеятельности поэта. Не забудем, что Лидия – прежде всего, поэт.

Что объединяет рассказы-скетчи писательницы? Все они – яркие, неожиданные, парадоксальные. Лидия умеет выслушать людей разных профессий и судеб, сопереживать их судьбам. Сострадание писателя вызывает сострадание и у читателей. Довольно долгая жизнь в Англии подарила писательнице возможность

сравнительного анализа разных обстоятельств жизни. Многие из её героев – выходцы из СССР. Жизни в рассказах у Лидии так много, что это может показаться избытком. Автор показывает неожиданные виды человеческих драм. Во время пандемии гибель людей уже не воспринимается читателем как гипербола.

Судьба настигает человека внезапно, в поворотные моменты жизни. Несомненное достоинство книги Лидии Григорьевой – естественность сюжетов. Рассказы в «Термитнике» очень разнообразны. Есть жёсткие, сентиментальные, дурашливые, поучительные. Книга написана быстро (есть датировка) – и читается тоже быстро, на одном дыхании. К началу третьей части «Термитника» идёт крещендо: нарастает звук, сгущаются события. Рассказы становятся особенно яркими, запоминающимися, остросюжетными. Невозможно оторваться от чтения. Сюжеты у Лидии часто построены на приключенческих моментах жизни. Автор не делит героев на «хороших» и «плохих». Все достойны сочувствия – даже те, действия которых вызывают улыбку или возмущение. Тасуется колода карт в руках у Господа, и начинается непредсказуемая цепь случайностей.

Действие новелл Григорьевой происходит здесь и сейчас. Кроме одной – той, что повествует о китайском философе Конфуции, который... ещё учится в школе. Это своеобразная «китайская нота» в современной жизни. А Китай, как известно, государство очень древнее. Это «константа» человеческой цивилизации. Глядя на Китай, понимаешь, что после нас будет то же самое, что и сейчас, поскольку примерно то же было и за тысячелетия до нас. Конфуций постоянно подсказывает своим одноклассникам, поскольку, возможно, знает даже больше, чем учитель. Поэтому он вызывает гнев наставника, и его выгоняют из класса, чтобы он не мешал вести урок. В этом плане писатель – тоже «Конфуций». Он знает больше, чем рядовой читатель и всё время норовит сделать какую-нибудь подсказку. И его нельзя «выставить из класса».

Есть кардинальное отличие термитника от людского муравейника. Термиты делают какое-то общее дело, а каждый человек занят собственной судьбой. Воскрешать предков и строить всем миром новую жизнь мы так и не научились. Человеческие проекты часто поражают своей утопичностью. У термитов нет свободы выбора – того, что делает человека человеком. Но именно поэтому судьбы людей так непохожи друг на друга. В «Термитнике» Григорьевой – разнообразие судеб, мнений, жизненных позиций. Живёшь и не знаешь, что именно в данный момент решается твоя судьба. Вроде бы герои романа – люди, а вроде бы и не люди, а их мысли и поступки. Всё происходит алогично и парадоксально.

«Термитник» – целая галерея мини-портретов. Тут и дама, которая «заставила бы Моцарта сыграть для неё на гобое», и девушка, которой стыдно, что её парень ни разу не смотрел Хичкока. Родственники всех мастей – мужья, жёны, бывшие мужья, бывшие жёны, тёщи и т.д. В каждом живом человеке – свой «архив», своя иерархия ценностей. Эти ценности неодинаковы в разном возрасте, при разном опыте. Порой смешны и люди, и их ценности. Мужское и женское, «человеческое, слишком человеческое» – вокруг этого вертится множество сюжетов книги. «Она повесила трубку. И повесилась. Но неудачно. И решила повесить занавески». Игра слов конгеннальна здесь игре случая. Писательница не осуждает героев за безумие, за скоропалительность важных решений. Она понимает: всё это переклёт эмоций, без которых немислнна жизнь. И логики нет ни в чём. Нельзя презирать сырых и убогих, больных, насмехаться над неудачниками: зигзаг судьбы – и вот ты уже один из них. (1, 27) «Термитник» производит впечатление энциклопедии современной жизни, данной нам в штрихах. В сущности, это поток сознания нашего времени.

«Термитник» – ещё и книга о разновидностях любви. Тут и любовь к жизни, любовь человека к человеку, платоническая и телесная, к самому себе, к единственной возлюбленной и ко всем женщинам, как объектам искусства, любовь к животным, к собачкам и птичкам и т.д. Писательница объединила в книге разнородную и хорошо темперированную жизнь, создавая ощущение «муравьиного братства» людей. Книга хорошо структурирована и продумана. Многие сюжеты, так или иначе, связаны с музыкой. Жизнь как симфонический оркестр, где роли инструментов исполняют сюжеты, – вот что такое «Термитник». Нумерация глав напоминает музыкальные «opus». Невооружённым глазом видна музыкальная одарённость автора.

Лидия Григорьева живёт богатой, насыщенной жизнью; её талант сверкает самыми разными гранями. Автор многочисленных книг стихов, писательница, фотохудожник, телеведущая увлекательных программ о гениальных русских поэтах в Англии. И вот теперь – новаторская проза «Термитника». Жизнь дана здесь порой в экзистенциальных, крайних проявлениях. Но именно такой мы её и любим. Хочу отметить неиссякаемое жизнелюбие писательницы. У Лидии Григорьевой были в жизни и драматические коллизии, и трагические потери. В этом плане «Термитник» – плоть от плоти самого автора, его alter ego. Книга учит сочувствию и пониманию. Понимание – магическая вещь, объединяющая как ближних, так и дальних.

«ПРИКОСНИСЬ К ГОРЯЩЕМУ ГОРЯЩИМ...»

(Татьяна Кайсарова, Чётки огня. Стихотворения. – М., Вест-Консалтинг, 2021. – 90 с.)

Татьяна Кайсарова – один из самых мистичных современных поэтов. Её поэзия – магическая, колдовская, «приворотная», бытийствующая на границе бдения и сна. Стихи Кайсаровой нетипичны для столичной жительницы, жительницы мегаполиса. В них много природы, и человек с природой – един. Мне кажется, секрет такого единения с природой – в том, что поэт частенько предпочитает страстям мегаполиса глубокое, камерное уединение. Пандемия только усилила такое стремление. Не случайно в «Чётках огня» во многих стихах есть образ «многого захоластья». Рыба ищет, где глубже. А человек – где лучше. Лучше для его духовной индивидуальности. У каждого человека есть своё место силы, где он подзаряжается от природы. Каждый человек создаёт вокруг себя микрокосм, и к Татьяне Кайсаровой это имеет самое непосредственное отношение.

*Этот мир – он наш с тобой и только.
Вёсла отдыхают на воде.
Утро, как Кощеева иголка,
теплится в кукушкином гнезде.*

*Белыми и чёрными ночами
слепнут чайки в водных зеркалах,
забывая всё, о чём кричали
на осенних встывнувших ветрах.*

*Этот дом – коробочка с секретом:
лампы ответ, сладкий дым с огнём.
Ночью тень хоронится от света –
лунного сиянья за окном.*

*Серебро колечек на тарелке
тает в непроглядной пелене.
Счастье останавливает стрелки
у часов на призрачной стене.*

*В бесконечность падают мгновенья,
растворяя бранные тела,
только ощущение вознесеня,
только чуть заметный взмах крыла.*

Стихам Татьяны Кайсаровой свойственна особая доверительность. Камерный мир поэта на поверку оказывается бесконечным, притягивая к себе пространство вплоть до солнца и звёзд. Такая камерность – несомненное достоинство. В поэзии Т.К. ауются две бесконечности: природы и человека. Кувшинки, чабрец, крапива, первоцветы, мелкотравье, жасмин – наверное, по стихам Татьяны можно изучать ботанику.

*Там, на чердаках бессонной ночи,
первоцвет созвездий. И плывёт
Млечный путь, своей рекой молочной,
в мелкотравье северных широт.*

*Твой жасмин давно ночами плачет,
выстилая тропку белизной.
Белотропье ничего не значит
в вечности, у Бога за спиной.*

*Возвращайся радугой рассветной,
ослепи, согрей, разворожи
былью, небыльницей, сном и светом,
потайным пламенем души.*

*Прикоснись к горящему горящим,
светоносной темень назови,
наполняя ночь животворящим
слоухом неведомой любви.*

Татьяна Кайсарова закончила художественно-графический факультет Государственного педагогического университета. Поэтому с живописью она – на «ты», сама оформляет свои книги. «Чётки огня» – не исключение. На страничке Т.К. в инстаграме – большое количество её графики. В стихах Татьяна – пейзажист от Бога, побуждающий читателя вспомнить полотна Ге и Левитана. «Немая полночь. Звёздами насквозь / пробита распротёртая бездонность. / Лишь лунная льняная благосклонность / струится над отчаяньем берёз». Или вот: «Очнись. И ты увидишь, как летят / сквозь ткань судьбы неведомые птицы / куда-то вдаль, и эта даль слюится, / алеет, превращается в закат, / чтобы недолго тлеть и долго сниться». Татьяна – одарённый художник, и словом рисует ничуть не хуже, чем кистью: «Бывает ночь без лун и фонарей, / когда во сне уходишь в тайный город, / где голосам снегов поёт борей, / и хрупкий свод созвездьями проколот». Доминанта художественного видения, визуальные изыски делают поэзию Т.К. яркой и образной. Зима у неё «очнулась вьюготканно и белопростынно». В другом стихотворении героиня мечтает «присниться Богу». Бумага, на которой она пишет или рисует, «мироточит». Это, в сущности, поиск чистоты вне социума. Полотна Кайсаровой космичны:

*Кольца сфер и ноосферы,
Колесо слепой сансары...
Над безверьем чудо веры,
над грехами кутол кары.*

Многие стихи Кайсаровой проходят словно бы по кромке сна и яви. Они настолько музыкальны, что «поются» даже при чтении. Звук нарастает: «когда пространство разорвалось в ключья, / привычных связей сбилась бечева, / и тулями летели многоточья, / пронизывая спящие слова». Героиня стихов Татьяны Кайсаровой живёт в гармонии с собой и внешним миром. «И каждая промолвленная фраза / Всевышним продиктована на треть», – говорит поэт. «Не надо музыки, она уже живёт, / её несёт в себе ночное небо – / она как был, пронзающая небыл, / и растворяет звуком, и зовёт... / иду за ней и повинуюсь слепю».

*...С каких небес приходит первый звук,
сколь нереален, столь и долгожданен?..
Нет, не молчание поражает слух,
а колыханье бабочек в гортани.*

Существует точка зрения: только в обществе человек может раскрыться, черпать энергетику для творчества, жить полнокровной жизнью. Эта точка зрения правдива, но только для тех людей, которых мы называем экстравертами. Книга Татьяны Кайсаровой «Чётки огня», написанная по большей части на природе во время пандемии, наглядно демонстрирует нам, что для интровертной личности шум и гам вредоносны, а своего духовного апогея интроверт достигает как раз в относительном одиночестве. Уединение только помогает. Там, где люди другого склада характера страдают и мучительно ищут выход из положения, интроверт становится сильнее. Героиня Т.К. бежит в уединение от сумбура, от «обманной свободы», где «глухие и незрячие» устраняют пьянку-перебранку. Она не хлопает дверью – просто тихо, без скандала, меняет своё местоположение:

*Но я ухожу по-английски – без слов,
сквозь чащи и рёлки, меж трав и стволлов,
туда, где забытая сага, где свет,
где лики ясны и нечистого нет.
В воде родниковой заварится чай
с лесным ароматом, и кот невзначай
прижмётся к коленям пушистой спиной...
Никто не узнает, что случилось со мной.*

Тема духовного эскапизма проходит через всю книгу Татьяны Кайсаровой. Уход бывает целебным – во имя спасения души. Гераклитовский очистительный огонь сжигает всё ненужное, а любовь выступает поводом для души в тьме. Господь – внутри нас! Страх перед Господом преобразился у современного верующего человека в страх потерять самого себя.

*К большой любви приходишь только Словом.
Бежишь сквозь дым, сжигая миф родства,
и музыка вокруг – она готова,
она уже вливается в слова...*

*И я – уже не я! Неужный ворох
былой одежды оброну в пути,
в пылающий костёр, в щемящий шорох
огня шального, Господи, прости!*

Большое и малое «аукаются» в лирике Кайсаровой ещё и в трепетной теме Родины: «Голубка Русь, по-новому гляжу / в твоё окно на скошенные травы. / Не соловьи, а соколы державы / не покидают взлётную межу». Природа у Кайсаровой – это ещё и «монастырь», куда человек уходит для глубинной связи с ушедшим близким другом. Природный монастырь воскрешает человека. Гармония переполняет сердце, но порой что-то разрушает эту гармонию. Возникает ощущение разрыва между мирами, между пробуждением и сном. Розовые очки героини падают в траву. И тогда пишутся совсем другие строки:

*Горек запах чеснока и сала,
смуты, крови, боли и стыда.
Первая звезда в огонь упала,
бьётся в пристань тёмная вода.*

*Закричать? Не оттолкнуться звуку
от гортани. Медлит взмах руки.
За порогом семь дорог в разлуку,
семь кругов невысказанной тоски.*

*Коломбаина, плачь! Уже не будет
светлой ласки, сонного тепла,
сладких слов, что вспыхнут и разбудят
тишину, в которой страсть спала.*

В такой стилистике, как у Кайсаровой, чистота слога зависит от чистоты души. Телеведущие Соловьёв и Прилепин одинаково не устраивают героиню стихов в качестве нравственных ориентиров. Мегapolis для Кайсаровой – «забытое Спасителем гетто», ни больше, ни меньше. Приходится надеяться только на себя. А помогает вести одиноческий образ жизни вера: «Так и живём, дай, Господи, терпенье. / Мы молимся, и Он пока даёт».

*Давно, в тиши и в панике берёз,
я ощущаю соль и влагу слёз,
а на границе бдения и сна
всплывает запах крымского вина,
шуршит волна и отдыхает плёс.*

*Рождение и смерть. На самом деле,
существование не имело б цели,
когда бы ни живой любви глоток,
крик чайки, ливадийский завиток
хмельной лозы в понтийской колыбели...*

Лирическое «я» стихов Татьяны хорошо проявлено и зримо. Но существует загадочность, недосказанность вокруг лирического «ты». Это и друг, и ангел-хранитель, и любимый человек, покинувший мир. Воздух колеблется. Есть некая замкнутость в этих «мирах Миранды». Замкнутость в безбрежности. Звучит как оксюморон, и тем не менее это так. Вместе с тем стихам Т.К. присуще единство стиля. Стиль Татьяны Кайсаровой – мистически уединённая лирика с оттенком пантеизма. Поэт вслушивается в шорохи мира. Даже если внешний мир, окружающий героиню, камерный, он, как минимум, удваивается её внутренним миром. Поэзия Т.К. – это внутренне-внешний поток сознания, написанный прекрасным языком, с нюансами.

*Подожди говорить. Посмотри, наше тонкое рвётся:
нить уходит от нити, скользит по стерне на межу.
Подступает Сахара к гортани глухого колодца.
Привыкаю молчать. Не проси – ничего не скажу.*

Вспомнился Манделштам: «У меня остаётся одна лишь на свете забота, золотая забота, как времени бремя избыть». Бог читает наши стихи, убеждена Татьяна. В «Чётках огня» есть даже сонеты. Как и у любимого поэта Татьяны – Андрея Ширяева. Я не случайно так много цитирую стихи Т.К. «Чётки огня» – книга очень хорошая, качественная! Думаю, это лучшая книга Татьяны за последние годы. Чем ярче поэтическая книга, тем больше хочется её цитировать.

*Коль случайно загляну в окно –
замирает сколканное слово.
Свет и тьма, фруго не дано.
Жизнь и смерть, и ничего иного.*

*Только безусловна чистота
Божьего небесного холста.*

ПУТЕШЕСТВЕННИК ПО ДОРОГАМ ПАМЯТИ

(Владимир Делба, *Рулетка судьбы*. – М., *Новые Витражи*, 2019. – 178 с.)

Новая книга Владимира Делбы, лауреата престижной премии имени Фазиля Искандера, называется «Рулетка судьбы». Делба – сам герой и участник событий, которые происходят в его новеллах. Это придаёт повествованию особую степень доверительности. Сомнений в том, что всё это было на самом деле, у читателя не возникает. А ведь он нуждается в такой убеждённости – хотя бы потому, что события, которые происходят на страницах книги – порой невероятны. Для советского времени – тем паче. Память служит писателю неиссякаемым, неистощимым поставщиком сюжетов. «Я часто и с удовольствием путешествую по собственной памяти в поисках достойных сюжетов, конх множество хранится там, в её «архивах», – говорит автор. «Рулетка судьбы» объединяет три новеллы. А сами новеллы состоят из маленьких рассказиков, плавно перетекающих друг в друга.

Говоря о новых произведениях Владимира Делбы, мы неизбежно сталкиваемся с таким понятием, как ностальгия. «Не по будущему ностальгия – ностальгия по настоящему» – говорил Андрей Вознесенский. У Делбы это ностальгия по молодости. Часто рассуждают так: время было хорошее, потому что мы были тогда молодыми. Изрядное количество произведений художественной литературы «подпитывается» ностальгией писателей по юности и молодости. Классический пример – знаменитая эпопея Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Время как бы утрачено, но его ещё можно вернуть воспоминанием. И зафиксировать, через анналы памяти, в художественном произведении.

«Рулетка судьбы» Делбы трёхчастна. Если считать три новеллы одним цельным произведением, литературной «симфонией», книга выстроена в высшей степени нестандартно. Если обычно в симфонии медленная средняя часть обрамляется двумя быстрыми, то у Делбы «ударная» часть – именно вторая. Однако такая диспозиция вполне оправдана, поскольку первая часть служит своего рода «введением в философию». И, безусловно, все три новеллы вполне самостоятельны: их связывает только личность рассказчика.

Новелла «Между храмом, стадионом и парком» – экскурс в детство и юность. «И дней минувших анекдоты от Ромула до наших дней хранил он в памяти своей», – говаривал Пушкин. Владимир Делба начинает повествование о своём детстве в высшей степени нетривиально – с трагической гибели своего школьного товарища. Опять вспоминаются строки Пушкина: «Всё, всё, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья. Бессмертья, может быть, залог». Конечно же, юноши, решившие после вечеринки угнать грузовой автомобиль, не думали о предельной рискованности такого предприятия. Гибель товарища была в огромной степени случайной. Милиция стреляла по колёсам угнанной машины, а та, потеряв управление, со страшной силой врезалась в фонарный столб. Один человек погиб, а ещё двое (среди них находился и будущий автор книги) успели выпрыгнуть и не пострадали. Степень важности этого эпизода в жизни Владимира Делбы трудно переоценить. Это, видимо, была первая смерть, увиденная будущим писателем воочию. Такого рода вещи являются для человека инициацией, началом сознательной жизни. Поэтому размещение этого рассказа в самом начале книги биографически оправданно.

В первой новелле Владимир рассказывает нам множество любопытных фактов своей биографии. Оказывается, в детстве он посещал художественную школу. И когда я читаю, например, вот эти строки, уже из второй новеллы: «Воздушное наше судно, как небесная каравелла, величественно плыло над бескрайней, казалось, снежной пустыней, освещённой ярким, загадочным голубоватым светом невидимой мне луны, спрятавшейся где-то в вышине» – я, как читатель, понимаю, откуда «растут ноги». Это чистая живопись! Живопись и умение брать за душу сентиментальными моментами жизни представляются мне важнейшими элементами стилистики произведений Владимира Делбы. К чести автора, он нигде не злоупотребляет своими козырями, отдавая предпочтение цельности повествования.

Первая новелла – своеобразный путеводитель по Сухуми советского периода. Абхазская молодёжь повсеместно увлекалась в советское время футболом. Вместе с Делбой в одном классе учился будущий известный футболист с «древнегреческой» фамилией Алексей Илиади, который, кстати, живёт сейчас именно в Греции. В школьные годы он ни на секунду не расставался с мячом, «на носке ботинка» обводя всех, кто попадался ему на пути. Затем он играл даже за сборные команды СССР. Болельщики со стажем, конечно, помнят это имя. Особенно выразительно звучало оно в устах знаменитого грузинского комментатора Котэ Махарадзе.

Произведения о советской жизни, написанные сегодня, конечно, не являются больше «социалистическим реализмом». У Делбы очень много юмора, особенно в первой новелле. Невозможно забыть историю о том, как ученик художественной школы вял женщину по своему образу и подобию. Он думал, что мужчины и женщины устроены абсолютно одинаково, а отличаются только лицом. Порой юмор у Делбы переходит в сарказм, бурлеск, иронию. Учитель по труду не очень хорошо говорил по-русски. Во время финской военной кампании он плохо понял приказ командира и отдал секретные документы в руки врага. Могли расстрелять. Однако «рулетка судьбы» спасла героя. Более того, за свой поступок он даже был награждён! Автор демонстрирует нам непредсказуемость жизни, её игру людьми в подкидного дурака.

Писатель использует в своих новеллах энергичное начало (внезапный звонок или смерть героя). Это позволяет сразу взять быка за рога, завладеть вниманием читателя. «Удар такой силы не оставил ему шансов». «Известие настигло меня уже в Москве, на третий или четвёртый день после возвращения». Хочется читать дальше! Помните, у классиков: «Гости съезжались на дачу». «Всё смешалось в доме Облонских». Важно хорошо начать произведение!

Из множества фактов своей биографии писатель выбрал именно те, которые так или иначе могут вызвать читательский интерес. Я читал биографию Николая Теслы, и меня поразило, что этот знаменитый человек ещё в детстве несколько раз подвергался смертельной опасности. Даже в деревне, находясь без присмотра, ребёнок может утонуть или попасть под лошадь. Это действительно выглядит как «рулетка судьбы».

«Игроку» Делбы, хотя и переключается названием с произведениями Гоголя и Достоевского, не является повестью об игромании. У главного героя «Игрока» Эдуарда с детства присутствует талант Остапа Бендера. Он тоже великий комбинатор: умеет продумать выигрывающую многоходовку для «сравнительно честного» отъёма денег у населения. Это редкий талант, и обладают им, как правило, жители южных городов, где сама природа благоволит развитию предприимчивости. Эдуард умеет придумать такой способ заработка, который до него никому не приходил в голову. И всегда это целая комбинация.

Например, заменить в железнодорожных билетах римскую цифру VII (июль) на VIII (август) несложно. Но надо ещё раздобыть большое количество использованных билетов, не вызвав подозрений. У Эдуарда подготовка к действию всегда сложнее самого действия. Порой у него это настоящий театр, как в эпизоде с планированием и размещением полигона на территории колхоза-миллионера. В советское время за такие проделки могли и расстрелять (мошенничество в особо крупных размерах). Но героя Делбы это ничуть не смущает. Он верил в свою счастливую звезду и ничего не боялся. Комбинации были для него азартным творчеством, вызывающим выброс адреналина.

Автор пишет о своём герое с неподдельной симпатией. Во-первых, это друг детства. Во-вторых, его способности действительно вызвали восхищение. Противозаконность некоторых его действий мало вязалась с обликом интеллигента-эрудита, наизусть цитирующего Квинтилиана. «Игроку» – это бенефис главного героя. Эдуарду совестно, что он обманывает других людей. Но адреналин перевешивает мораль. Дружбе присуща чистота. Эдуард и Владимир не обсуждали между собой криминальные темы. Возможно, это и позволило им сохранить дружбу.

Если в «Игроке» мы удивляемся личности героя и неожиданности его встреч с автором (они встречаются даже в забытой богом Боливии), то в «Тамге» Делба мастерски описывает римские реалии начала нашей эры. А ещё он рассказывает далёкую историю своего рода, людей, которые носят фамилию Делба. Раньше род писателя существовал под другой фамилией – Цанба. Владимир повествует в художественном произведении об истории своей семьи, используя палиндром времени. «А время-то раскручивается

назад», – говорит он. История и геральдика соединяются в путешествии духа. Это не реинкарнация наоборот, это реконструкция судьбы предка путём перевоплощения в него, почти по системе Станиславского. Нечто подобное демонстрировал нам Анри де Ренье в романе «Живое прошлое».

Подробные описания быта и облачения легионеров целиком погружают читателя в ту далёкую эпоху. «Небо нависло над великим городом, как перевёрнутый кем-то бездонный синий сосуд. Ярко-синий цвет неба живописно контрастировал с белыми стенами и терракотовыми черепичными крышами домов, плавно и торжественно стекающих с холмов в низины. Шёл девятый день пятого месяца Maius, восемьсот тридцать третьего года ab Urbe condita, то есть от основания Рима». Ничего вам не напоминает? Лично мне – «ершалаимские» пейзажи «Мастера и Маргариты». А ещё – «Саламбо» Флобера. Нет, конечно, ничего напрямую Владимир Делба не заимствует. Но мы же всё читаем и творчески переосмысливаем! И, насколько хватает таланта, пытаемся быть на высоте классиков.

Честно говоря, римское летоисчисление, применительно к датам жизни Ирода Великого, повергло меня в смятение: неужели автор ошибся? Ведь Ирод был современником Христа! Не может там быть семьсот какого-то года! Но нет – Делба везде предельно точен. И нимфоманка Береника («Гамга») действительно существовала, и она действительно была привезена императором Титом из Иудеи в качестве военного трофея. «Гамга», на мой взгляд, самая мастеровитая из новелл, вошедших в «Рулетку судьбы». И, конечно, она закономерно «венчает» эту книгу.

Есть в «Рулетке судьбы» и сквозные идеи, которые кочуют из одного произведения в другое. Вот, например, в «Гамге» Береника продумывает многоходовую комбинацию, которая приводит к смерти главного героя новеллы. Но ведь тем же самым, в сущности, занимался и Эдуард, герой «Игрока!» Другое дело, что Эдуард, в силу особенностей характера, никогда не взялся бы режиссировать смерть друга или любимой женщины. Поэтому если Эдуард – современный Остап Бендер, то Береника вызывает ассоциацию с Хулио Хуренито. Интересно, что отравленный герой «Гамги»... анализирует своё отравление. Как такое возможно? Разгадка наступает в самой концовке новеллы. Оказывается, действие происходит... во сне.

Произведения Владимира Делбы свидетельствует об авторе как человеке общительном, умеющем дружить, верном памяти близких, постоянно находящемся в гуще жизни. Делба – «тёплый» автор. Его книги полны любви к людям. «Рулетка судьбы», как явление, пожалуй, в той или иной степени присутствует в судьбе каждого человека. Она отправляет наших современников в горячие точки планеты или далеко в космос. Она уводит порой людей на чужбину, заставляя их с горечью покинуть родную землю. Проекция черт характера человека на современную действительность и формирует, на мой взгляд, невидимый пасьянс, который составляет нашу судьбу.

«ЖИЗНЯНОЧКА И УМИРАНКА»

(Ольга Ильницкая, *Сгущение жизни – моё ремесло. Стихи. Книжная серия «Авангарнды»*. – М., Издательство Евгения Степанова, 2020. – 140 с.)

Есть люди, пребывание рядом с которыми требует душевного труда. Они создают вокруг себя высоковольтное поле мучительных вопросов бытия. И не всякий, общаясь с такими людьми, «готов к труду и обороне». Ольга Ильницкая – человек бескомпромиссный. Ей, как никому другому, хорошо известно, что жизнь – как минное поле. Ильницкая – человек судьбы. О творчестве таких людей сложно говорить вне контекста судеб. «Невидимая» судьба является мистическим Граалем творчества поэта. И проза, и поэзия Ольги Ильницкой живут «сгущением», которое и выведено в заголовок новой книги. При этом сгущение в поэзии Ольги не похоже на сгущение в её прозе. Это не просто уплотнение – это тайнопись, метафора, герменевтика, предельная сжатость повествования. Стихи словно бы устремлены вовнутрь. В то же время, поэзия Ольги самодержавна. На становление Ильницкой как поэта повлияло, как выразился Станислав Айдинян, её ироничное самоощущение, питаемое вольным, смешливым и трагическим характером родного города, это «одесситство», которого у одессита не отнять.

*Поперёк листопада ложится мой путь,
Вдоль гусяного, мелкого ламкого шага.
Если был кто со мною – отстал отдохнуть,
Если шёл параллельно – то так ему надо:
Обмлеть, столбенея от истин сквозных,
Обладеть от раскосого лисьего взгляда.
Подойду и скажу: параллельность прямых
Листопадом нарушена – значит, так надо.*

*Значит, ты потрудишься обнаружить во мне
Глубину зачинанья строки непреложной.
И меня оттолкни, отпусти, отомсти
Теплотой за обманчивость ясности сложной.
Будем живы – и вновь разбежимся поврозь
Листопад разгребать, шелестя и рифмуя
Небо с морем и в небе с волною колюча,
Ощутим глубину. И, волнуясь, глотнём
Эту истину – лживую, горькую, злую.*

Это стихотворение является, на мой взгляд, для Ильницкой знаковым. Оно присутствует практически во всех её сборниках стихов. Ольга использует элементы автопортрета. «Раскосый лисий взгляд», «глубина зачинанья строки непреложной». «Строка непреложная» – это жизненные принципы, которыми героиня не может поступиться. Связь между жизнью и поэзией глубока; жизнь «зачинает» строку. В этом стихотворении хорошо очерчены отношения лирической героини с миром. Она – стержень. Она – нравственный ориентир. Иногда с ней сложно. Кто-то не выдерживает – «отстал отдохнуть». Стихи Ольги парадоксальны – чего стоит одно только «оттолкни, отпусти, отомсти (!) теплотой за обманчивость ясности сложной». У одного русского классика была «прекрасная ясность». У другого – «цветущая сложность». А у Ильницкой – «сложная ясность». Хорошо! Мы помним, кем у нас является «парадоксов друг».

Лирика Ольги – продукт двойного разлома: личного и государственного. Советский Союз и Приднестровье, Россия и Украина – эпоха ломает и режет по живому. Высокая отстранённость и одновременно причастность позволяют Ильницкой писать объёмно и порой злободневно. Её перу принадлежит яркая русско-украинская билингва. «Единство дум, братерство мов скрізь соль і сіль – в одно». «Пам'ять наче дощ та сонце, я то плачу, то смеюся, бо під серцем моім б'ється моя Киевская Русь!». Поэзия настроена на единение. Ольга пишет «с чувством бездны». Бездна, глядящая в человека. Судьба поэта соткана из контрастов. Счастье и несчастье ходят у неё под руку, иногда даже обнявшись. Всё в мире зыбко и непрочно. Ты можешь быть абсолютно, полнокровно, почти неприлично счастлив – и в одночасье всего лишиться.

*Люблю. Люблю. И, значит, потеряю.
Весь мир зачищен. Солнце догорает.
Из одиночества – к себе я говорю,
Из одиночества, где прошлое не тает.
Где только ледяная пустота.
Там крестики нательные летают.
Следит за ними вечная Пьета...*

В новой книге тематически перемешаны стихи разных лет. Некоторые циклы дописаны и составлены заново. Такая компоновка, с указанием дат, позволяет наблюдать изменения в поэтике автора. Бросается в глаза, что стихи нулевых и десятых годов отличаются некоторой «отвязностью», широким употреблением просторечной и даже ненормативной лексики, чего не было в стихах, датированных XX-м веком. Это след от одиночества и самостояния, зачастую – непонимания и зависти окружающих. На всё это наложились ещё и драматические судьбы детей. Но когда у поэта в России была простая судьба? Порой верность любви определяет жизненную позицию человека.

*На руках твоих я распята.
Я была как Иисус на кресте.
В поцелуе теряла брата,
и сияли мы в насоте.
На руках моих ты распят.
Белый свет побеждён и смят.
На кресте нашем общим вдвоём –
Мы одно с головы до пят.*

«Всё наше достаётся, милый, нам – заслуженной и сохранённой мерой», – говорит поэт. Ольга – мистик по своему душевному складу. И к стихам обращается тогда, когда хочет отразить вещи нечёткие в сознании, непроявленные. Поэт-мистик – «вещь в себе»: его страхи, надежды и вожделения не всегда прорываются наружу. Именно поэзия – своего рода «убежище» для мистика. Стихи Ильницкой – о непроявленном, о зреющем исподволь, о «третьей стороне медали». У неё есть какие-то рецепторы, которыми она улавливает это рождающееся, вызревающее в муках. Любимые поэты Ольги – Блок и Сапф Чёрный. Мне очень нравится стихотворение «Просто и бесконечно» о рождении своего ребёнка, о том, что мальчиков-во-

инов часто «употребляет в пищу» государство, не считаясь с горем матерей. «О что за мука – Домом быть. Быть входом...», – вздыхает мама-поэт.

*Мать отделяют от Дитя и... жизни.
Отец ждёт сына,
чтоб вручить Отчизне.
Отчизна ждёт младенца –
чтобы съесть.
И в этом истина и счастье есть.*

Ильницкая – диалектик; мистика часто приводит к диалектике, поскольку умеет увидеть явление с разных, часто противоположных сторон, Ольга постарается понять и, по возможности, принять противоположности; поэт видит и плюсы, и минусы, не боится оксюморона. Каждый, кто читал стихи Ильницкой, наверняка обращал внимание на «нелинейность» её лирики и тяготение к верлибру. Автор книги «Сгущение жизни – моё ремесло», пожалуй, могла бы определить предмет поэзии и свою работу как жизнь с острым чувством боли и сопереживания чужой боли, растворённой в судьбах окружающих людей, попытку преодоления боли словом. Фактически она в поэзии занимается тем же, что и в прозе – только средствами поэзии.

*«Апрельский воздух – веянье печали...».
А нам иного и не обещали.
«Не мир, но меч».
И твёрдые скрижали, не небеса –
исчерканы стрижками.*

Строго говоря, Ильницкая лирик-воин, а не «чистый лирик». Как Николай Гумилёв. Гражданская тема не отпускает автора. Предыдущая книга Ильницкой называлась «Идёт по улице война», и оружием выбрано слово. «Я б диктовала волю полководцам», – говорит поэт. Она – человек старой закалки, воспитанная в семье кадрового офицера, мать была прокурором. Дочь семейные традиции восприняла и в посвящении матери свою позицию выразила определённо:

МАМЕ

*Я детства светлого приметы
В портфеле бережно храню.
На грамотах усатые портреты
День будущий грозит предать огню.
Он очистительно пройдёт из дома в дом.
Который год балуем с петухом...
Мне платья школьные портниха шила
Из прокурорского сукна.
А мать всю жизнь мундир носила.
И тяжести его была верна.*

У Ольги есть дар проникновения в суть вещей. Знание приходит как догадка, как озарение, и тогда именно стихи – лучший способ поведать миру о сокровенном. Надо только «перевести» свои эмоции на «человеческий язык», записать по-русски. Поэтический слух направлен не столько на звук, сколько на смысл, на суть вещей. Поэтому её стихи бывают похожи на статую, извлечённую скульптором из глыбы мрамора. Стихи у Ольги нестандартные, нелинейные, острые, в чём-то угловатые, «неправильные». Каждому стихотворцу знакома ситуация, когда в том или ином слове не хватает слога для правильного синтагматического размера. Как правило, пишущий начинает судорожно искать синонимы для решения этой проблемы, заполняет лакуны предложениями и местоимениями. А вот Ольга Ильницкая этого никогда не делает. Она оставляет строчку, как бы не завершая звука. Это создаёт порой непривычный для слуха ритм. Зато каждое слово на своём месте, нет ничего лишнего. Но степень владения языком, личностный напор и важность того, о чём она говорит, делают эти строки важными для русской поэзии. «Голос мой надломленный и хмурый», – говорит поэт о себе. «Танцуй, как танцуется, – советовал ей великий поэт-фронтовик Юрий Левитанский, – у тебя есть чувство метра и ритма. Ничего не бойся».

*Я знаю страх, и жизнь люблю,
лишь ею я больна смертельно.
Я побывала в том краю,
где тайны нет, а есть терпенье.*

Ильницкая использует в своих стихах дольник, тактовик, акцентный стих. Стихам её присуща «некая сумаспешпинка», – заметила Юнна Мориц. Ольга порой бывает жёсткой в оценках. Она – визионер. Нужда и избыток в её стихах, словно в сообщающихся сосудах, взаимодействуя, создают своеобразный язык, «свой голос», её стихи узнаваемы. Никогда не знаешь, стакан жизни у тебя наполовину пуст или наполовину полон. Но это питает лирику.

*...там вечность смотрит в нас. И молча ждут века.
А мы копаем вглубь. И смотрим в облака.*

Человек в поэтике Ольги Ильницкой – больше чем человек. Человек – весть для другого человека. Ильницкая – поэт стихии. «За жизнью надо ходить!» – убеждена она. Можно сказать, что все стихи у неё – о любви: «У меня нет таких слов, чтобы были не о любви», – говорит она, – а любовь «цепляет» и всё остальное. Ольга-воин («воюет») и жизнь, и любовь.

«Сгущение жизни – моё ремесло» – название, на мой взгляд, длинноватое для книги стихов. Но Ольга в принципе склонна в поэзии к длиннотам – длинным нотам бытия. «Мне дороги длинноты нашей жизни. Но более – мне памятливы мгновенья», – говорит она, и эта текучая, живая парадоксальность, внезапность смены планов и чувствований – характерна для поэзии Ильницкой. «Сгущение» – это авторское избранное. Она берёт с собой в дорогу самое важное. У Ольги всегда бытийствует жизнь внутри. Не та, что за окнами или за рубежом. Это постижение мира в себе. Постигание себя в мире. Другая жизнь. Своя. Свой голос. И растут стихи, «секретные материалы» души поэта.

*Люблю любовь. Мне ничего не поздно.
В моих стихах отныне и для всех
осенняя прозрачность, и морозно,
лукавый взгляд и беззаботный смех.*

«Жизняночка и умираючка» – эту строчку Мандельштама Ольга Ильницкая в новой книге словно бы переадресовывает себе. Подобно Максиму Волошину, Ольга ищет человеческое в человеке. Вне партий и групповых интересов. Поле жизни и работы, творчество и личная жизнь писательницы вызывают к себе повышенное внимание. А, значит, она состоялась – как личность, как человек, чьё мнение всегда важно. «Понт её звезда живая, единство светом поверяя. На смерть? На путь – благослови!». Ильницкая знает свою Звезду, верит в неё.

Поэтическая книга стихов с прозаическим названием «Сгущение жизни – моё ремесло» отмечена дипломом лауреата премии «Писатель XXI века» за 2020 год в номинации «Поэзия». Формулировка лаконична: «За выдающиеся достижения в литературе».

ГЛАЗА В ГЛАЗА, ИЗ ЖИВОГО В ЖИВОЕ

(Эльдар Ахадов, Люблю и помню. Рассказы. – М., Издательские решения, 2021 – 326 с.)

Эльдар Ахадов – представитель современного неоромантизма. Преодоление сложностей, испытания на прочность только делают его героев сильнее. Они всегда идут навстречу испытаниям, а не избегают их. И не ради адреналина, а просто потому, что считают именно такую жизнь настоящей. Любовь к своим героям начинается у писателя с любви к людям вообще. А ещё – его отличает вера в чудо. Эльдар не раз был свидетелем, участником и даже организатором чудесных событий. Его герои способны на нестандартный поступок, которого от них никто не ожидает. Например, художник из рассказа «Меценат» отдаёт все свои картины, чтобы издать стихи слепой девочки. Герои Ахадова всегда нацелены на настоящее. Эти качества и делают его непохожим на других писателей.

Проза Ахадова – очень «авторская». Как авторская песня. Всё, о чём он рассказывает, имеет глубинную связь с его судьбой. «Твой храм – в тебе», – говорит писатель, углубляясь в свой мир. «Люблю и помню» – избранное его большой и малой прозы. Рассказы красноярского писателя трогательны, эмоциональны и познавательны. Путь к Слову никогда не бывает усыпан розами. Чтобы хорошо писать, изначально надо «заплатить за вход». Но Эльдара Ахадова это не смущает. Для понимания особенности его мира процитирую короткий рассказ, которым завершается книга.

КРЫЛЬЯ

Много раз ему говорили: «Даже не мечтай о полётах! У тебя недавно был инсульт. Ты не мог ходить. Ты и сейчас еле ходишь. Ты ложку не мог держать, чтобы самостоятельно поесть. Какой тебе паранлан? Смирись. Такова жизнь».

А он опять и опять отвечал: «Чтобы летать, нужны крылья, а не ноги. Я – поэт. У меня есть крылья! Я обязательно полечу!»

И он полетел.

Произведениям Эльдара Ахадова присуще поэтическое видение мира. Большое сердце и отменное знание жизни делают его рассказы успешными и узнаваемыми. А ещё – он романтик чистой воды и высшей пробы. «Посмотри мне в глаза» – так называется повесть о любви, с которой начинается новая книга писателя «Люблю и помню». У героев Ахадова любовь рифмуется с преданностью. Любовь всегда ищет взаимности, но не рушится в одночасье из-за неразделённости. В разнообразных героях писателя я вижу коллективный автопортрет самого автора. Скажи мне, кто твои персонажи, и я скажу, кто ты. Именно в рассказах о любви талант писателя достигает, на мой взгляд, своего апогея. Здесь у него стирается грань между «чудом» и «реальностью». Реальное согласуется с вымышленным на равных правах.

Рассказы, которые вошли в книгу «Люблю и помню», полны любви и достоинства. Сила Ахадова – в необособленности от проблем человечества. Писатель умирает и возрождается к жизни вместе со своими героями. Он ищет преданного и понимающего читателя: «Чувствуешь, как я радуюсь, как печалюсь вместе с тобой? Пусть я не знаю, где ты, но я чувствую твоё присутствие. Спасибо тебе за это... За что? За то, что ты есть...». Писатель и его читатель рады посмотреть друг другу глаза в глаза.

Эльдар Ахадов внимателен к минувшему и грядущему своего рода. Он понимает, что ныне живущий человек – это мост между предками и потомками, между прошлым и будущим не только рода, но и страны. Слитность со своими героями находит в рассказе «Мамина долма» даже графическое подтверждение: «Это правда, мама знает, как я люблю мамину долму». Разрозненные слова неожиданно соединяются в обрётённой общности!

Поэзия и жизнь – две стороны одной и той же медали. Эльдар Ахадов – поэт и в жизни. А наша реакция на творчество писателя формирует ещё и третью сторону этой медали. Как видим мы из рассказа «Цаеток Чжень», чистота помыслов и доброта души возвращают людям молодость и дарят бессмертие. Эльдар в своём творчестве – больше чем свидетель и бытописатель. Он выступает как мудрец, который делится сокровенным. «Пришло время, прошло и вышло. „Тук-тук!“ – постучалось сердце. „Кто ты?“ – удивилась память. „Кто ты?“ – отозвалось эхо. И всё исчезло. Всё. Кроме любви».

Удивительна и география его произведений. Баку, Уренгой и Красноярск, Южная Америка, блокадный Ленинград... Эльдар любит и ценит людей, готов назвать каждого из героев и свидетелей жизни понимённо. Писатель обладает уникальным талантом находить сюжеты, которые оказывают сильнейшее эмоциональное воздействие на читателей. Он останавливает мгновения высокого звучания. Его рассказы исповедальны, и мы можем многое узнать об авторе из его произведений.

Ахадов – из числа тех замечательных писателей, у которых самые невероятные приключения почерпнуты из реальной жизни. В его рассказах постоянно происходят настолько невероятные события, что невольно начинаешь думать о богатой фантазии автора. Мне кажется, есть люди, которые просто притягивают к себе жизнь. Таков и Эльдар Ахадов. Подобно Альберту Швейцеру, ему тоже свойственно «благоговение перед жизнью». У Ахадова всегда присутствует глубина, разные пласты понимания. Например: «Бога спросили, существует ли человек? Ответа не было, но надежда осталась...». Писателю, как и нам с вами, хочется, чтобы человек всегда «звучал гордо». Его произведениям свойственны афористичность, парадоксальность, ироничность, приверженность фактам. Вместе с верой, надеждой и любовью эти качества образуют щедрую творческую палитру.

«Люблю и помню» – звучит как мантра. Что такое любовь без памяти? Что такое память без любви? Писатель внимателен к жизни. Знание физики, метафизики и философии помогают ему в осмыслении бытия. «Энергия, из которой состоял человек, не исчезает, она только видоизменяется. Происходит перетекание из живого в живое», – говорит Ахадов.

Книга составлена таким образом, что в ней соседствуют и перемежаются короткие рассказы, «афоризмы и мысли» в духе Ларошфуко и полновесные, «длинные» рассказы. И везде автор на высоте слова. Всё это тоже, в сущности, поэзия, только средствами прозы. Философские миниатюры и сентиментальные рассказы образуют два магнитных полюса планеты «Эльдар Ахадов». И везде присутствует доминанта вечного над сиюминутным. «Вечное отнять невозможно», – говорит писатель.

Составление такого рода книги соответствует «времени собирать камни». Из сказок, северных рассказов, военной прозы и других своих тематических книг Эльдар составил антологию любви и памяти.

Память – это ведь не только наши ушедшие. Это воспоминания о тёплых, незабываемых эпизодах из жизни. А поколесил по планете маркшейдер и путешественник, участник географического общества Ахадов изрядно. Интересно, что имя Эльдар широко распространено как в тюркской, так и в европейской культуре. В Европе это имя образовалось от древнескандинавских слов «eldr» (огонь) и «arr» (воин). Эльдар для европейцев – это воин огня. Для тюркских народов Эльдар – «Божий дар». Поэтому, наверное, писатель Ахадов и чувствует себя, странствуя, везде как дома.

Книга «Люблю и помню» производит своего рода спектральный анализ любви как чувства благородного, благодатного и всем необходимого. У Ахадова это не только любовь между мужчиной и женщиной. И не только любовь к Богу. Это, например, ещё и любовь Бога к человеку. Писатель рассказывает, как ангел-хранитель много раз спасал его от смерти. И готов стать такого рода спутником для своего читателя. Настоящая литература укрепляет нас в самих себе и делает мир лучше.

«Не ищи свой Храм ни на земле, ни на небе. Твой Храм в тебе. Не всякий знает о своём Храме. Не всякий, кто знает о Нём, видит Его свет. Не все, кто видят Его свет, войдут в Храм. Но у каждого есть надежда».

ЧЕЛОВЕК ИГРАЮЩИЙ В ПОЭТИКЕ АЛЕКСАНДРА СОБОЛЕВА

(Александр Соболев, *Между волком и собакой. Стихотворения.* – М., Водолей, 2020. – 224 с.)

Не так давно я читал стихи безвременно ушедшего от нас обнинского поэта Валерия Прокошина и «запнулся» на строчке «путешествие вдаль – там, где волк догоняет собаку». «Где это волк гоняется за собакой? – удивился я. Написал на стихи Прокошина музыку, но всё никак не мог разобраться в этой загадочной фразе. Причём тут волк и собака в любовной драме? И, когда поэт Александр Соболев прислал мне в PDF свою книгу «Между волком и собакой», я уже не выдержал: эти люди знают что-то такое, чего я до сих пор не знал! И напрямик спросил об этом у Соболева. По идее писатель, конечно, должен о таких вещах знать. Но судьба порой складывается так, что, находясь в одном месте, ты об этом знаешь, а в другом – остаёшься в неведении. После сократовского «я знаю, что ничего не знаю» частное незнание уже мало смущает людей. Наоборот, оно вызывает энергию постижения. Хочется знать! Оказалось, что речь идёт о ночи, причём о строго определённом времени – между часом ночи и пятью утра. Марина Цветаева говорила, что это «заговорщиков час и юношей, час любовников и убийц».

Здесь, как мне кажется, Александром Соболевым заложен ещё один смысл. Ночь уже на исходе, однако, рассвет ещё не забрезжил. И все мы живём в ожидании, как бы в преддверии чего-то светлого. Сбудутся ли наши надежды? Вот и в жизни всей страны всё словно бы замерло на паузе между тьмой и светом.

В новой книге Александра с самого начала задан тон игры. Homo ludens – человек играющий (мода на латынь в стихах возвращается!). «Что наша жизнь? Игра». «Весь мир – театр, и все мы в нём – актёр». Эти ходячие фразы у всех на слуху. Но, как мне кажется, у Соболева его homo ludens ближе к интеллектуальной «игре в бисер» Германа Гессе. Частным проявлением которой является игра против смерти:

*А значит – верьте или не верьте –
среди забот о любви и корме
играть приходится против смерти
в её отвратной и пошлой форме.*

Когда мы говорим о «homo ludens», безусловно, стоит вспомнить одноимённую фундаментальную книгу-исследование известного голландского историка и культуролога Йохана Хёйзинги. В этом трактате Хёйзинга признаёт за игрой главную формообразующую роль в социальных – и не только – проявлениях. Он считает, что игра не является феноменом культуры, поскольку она намного древнее, чем культура. Однако сама культура, согласно Хёйзинге, имеет игровую природу. Мы видим, что ларчик Александра Соболева, даже если он открывается просто, таит в своих глубинах сюрпризы, а подчас и второе дно.

В современной поэзии сходные мотивы звучат у Григория Марговского («игра игра») и, особенно часто, у Константина Кедрова («я играю ни на чём обо всём»). А вот как это звучит у Соболева:

*Он дарит миру с себя по нитке,
мешая аду, поодаль фая,
играя Гессе, Шекспира, Шнитке,
судьбой и жизнью своей играя.*

И чуть дальше, в этом же стихотворении:

*играть без правил, играть без судей,
ножу ответить своим дуплетом,
отдав фёрзя (да игру, по сути) –
не горевать никогда об этом.*

Особо отмечаю соответствие ритма стихотворения его содержанию. Поэтический слух – основа основ для мастера стихосложения. Соболев много знает, он эрудирован и начитан. Он – знаток, он – магистр. Как Диоген, он ищет человека. А ещё Александр ищет в стихах «философский камень», алхимии слова. Ищет человека в себе самом.

Ростов-на-Дону славится своими поэтическими традициями. В этом городе трудится много поэтов высокого уровня, выпускаются книги и альманахи. Вклад Ростова-на-Дону в русскую поэзию значителен. Александр Соболев, безусловно, выделяется среди ростовских лириков как самобытный мастер. Следует отметить, что по своей основной профессии Александр Соболев – физик. Помните, в советское время было деление творческих людей на физиков и лириков? В 21-м веке, на мой взгляд, произошло «слияние» физиков и лириков. Физики больше не ощущают поэзию как чужую для себя территорию, а отводят ей важную организующую роль.

«Во мне, а не в писаниях Монтеня находится то, что я в них вычитываю – говорил Паскаль. И, конечно, эта рецензия – проекция стихов Александра на мою судьбу, мой образ мыслей и мои духовные интересы. Как это – «ничего личного»? Всё – личное! Я просто не мог пройти мимо стихов Соболева об Афганистане, «Бурой баллады». Очень хорошие стихи! Что лишний раз доказывает: персональное присутствие на войне для поэта необязательно. Важно присутствовать в том или ином месте сердцем, душой, духом. «Бурая баллада», видимо, названа так потому, что льётся бурая кровь, и слово «бурый» идёт рефреном. Но автор-визионер закладывает здесь как минимум ещё один смысл. Может быть, почти случайно. Так, моджахеды стреляли в советских воинов из БУРов. «оБУРели»!

*Больше не мучают горечь и страх,
больше не больно,
только из эха родится в горах
гул колокольный.
Освобождая от здешних забот
русскую душу,
он широко и неслышно плывёт
над Гиндукушем!
Он до краев наполняет собой
гиблую пропасть,
бережно держит над бурной водой
гибкую лопасть...
Вечным вопросам о зле и добре –
он без ответа
длится и длится в стальной коже
бронжилетов.*

Отменно найденный ритм – дактиль с усечёнными парными строками. Стихи у Александра не всегда простые для понимания, и чуткий поэтический слух поэта помогает читателю в поисках истины. Именно по соответствию ритма смыслу читатель сознаёт, что перед ним блестящий поэт и цельная, самостоятельная личность. Достоинство человека можно выразить универсальной формулой Варлама Шаламова – «не верь, не бойся, не проси». Вот как аукается шаламовская триада в строчках Соболева:

*Где смирение на царство венчается,
где подхвачены штаны бечевой –
наше сердце не боится случайного
и не просит у судьбы ничего.*

В целом Александр – «поэт длинного дыхания». Баллады, длинные стихотворения, маленькие поэмы – его привычный ареал обитания, его стихия. Но это отнюдь не значит, что он не может написать прекрасное стихотворение из 12-16 строк.

*Шесть часов у сна, у тишины,
льна и нахражмаленного ситца.
Снег упал. П, снова прощены,
к небу в гости можем попроситься.*

*А не то – плениться январём,
причаститься этой ночи ранней,
во дворе, под сонным фонарём,
нагрести блестящих острых граней
и потом от крохотных кресал
зажигать рождественские свечи.
...Эту ночь вчера живописал,
а сегодня – чайная встреча.*

*Тише... тише... гаснут голоса,
остывают лампочки и строчки,
снежный свет скользит по волосам,
отменив пустые заморочки,
и рекламы клетчат чумовой,
и дверных электроканареек...
А в прогалах туч над головой
всё сильнее звёзды январеют.*

Александр активно использует в своей поэтической речи особые выражения, которые присущи южнорусскому говору. Например, слово «блестящих» в данном стихотворении (блестящих). Соболев – прекрасный пейзажист:

*Налилось и потяжелело,
посырело, как в бельевои,
алебастром и мокрым мелом
загустело над головой.
Капли в листья стучат негромко.
Задымлённый закат-цитрон
оседает песком в воронку,
оплывает за кромку фрон.*

*Потихоньку тянет озоном,
по округе скрипит сверчок,
из промоченных чернозёмов
по стволам темнота течёт.
Всё – намерение и тайна,
всё – мистический тёмный знак:
юго-запада бормотанье,
неуверенный брех собак...*

Книга «Между волком и собакой» даёт самое широкое представление о поэзии Александра Соболева, о разнообразии его личности. Есть у него в стихах и юмор, и сатира. Вот, например, стихотворение «Новые процессы». Смешно и грустно, как юристы «отмазывают» отъявленного мерзавца Бармалея. Адвокату заплачены большие деньги, и он из кожи вон лезет, чтобы обелить своего подзащитного.

*В документе, солидном гробсбуже –
вперемежку котлеты, и мухи,
и астральное тело истца.
Но не сыщется в мире блее
реноме шевалье Бармалея!
Он работает в поте лица!
Посудите, ведь нужно кому-то
поставлять обезьян в институты,*

*где исследуют их потроха?!
А у дока поехала кровля.
Нарушая свободу торговли,
он вопил и руками махал.*

*Мой клиент не приветствует крика.
Он родился на острове диком,
где свобода превыше всего!
Где валы разбиваются, пенясь!
И послал старикашку на... этот...
ну, на место поставил его.*

Адвокатские дела – это тоже ведь «ролевая игра», где нужно обелить злодея и одновременно очернить святого. Смешно, когда вполне себе литературное слово «пенис» (по рифме) замалчивается, как будто obscene, ругательное. Читатель ждёт уж рифмы «розы», но у Соболева, в отличие от Пушкина, не получает её.

Книга Александра «Между волком и собакой» выдвинута на престижную премию им. Фазиля Искандера. Пожелаем ей доброго пути и пытливых, верных читателей.

МОЙ БЕДНЫЙ ДАНИЯ, ИЛИ ЖИЗНЬ ДЛИННОЙ В ЛЮБОВЬ

(Наталья Гринберг, Роман Михеенков, Пластинка на костях. Пьеса-дуэт. – Халландейл Бич, Флорида. Blue Ocean Theater Studio, 2021 – 53с.)

«Пластинка на костях» – пьеса очень трогательная. Трогательность человеческих отношений отличала многие ранние пьесы Алексея Арбузова, например, «Моего бедного Марата». Новую пьесу Натальи Гринберг и Романа Михеенкова вполне можно было бы озаглавить «Мой бедный Дания», поскольку героиня пьесы всё время рассказывает нам об этом человеке. Героями пьесы управляет любовь – взаимная, тайная, планетарная. Она родилась из ничего, из пустоты, просто из любопытства – да так и не отпустила героев «на волю». В мире существует неизбывная тоска человека по идеальному возлюбленному. По чистому чувству, вне соперничества, вне мучительных треугольников. Конечно, в любви участвуют двое и несут ответственность за неё в равной степени. Вот только дальнейшие судьбы героев пьесы Гринберг и Михеенкова оказались неодинаковыми. И главный «пострадавший» в ней – именно Дания.

В «Пластинке» драматурги выступили, на мой взгляд, от имени большей части человечества. Если провести опрос, может оказаться, что каждый второй живёт не с тем партнёром, с которым хотел бы соединить свою жизнь первоначально. Пьеса рассказывает о современных Ромео и Джульетте. Свиты Монтекки и Капулетти, которые мешали героям Шекспира, теперь забаррикадировались внутри наших главных героев. Лены и Дани. «Пластинка на костях» – своего рода поэма, в широком смысле слова, как «Мёртвые души» у Гоголя. У Гринберг и Михеенкова все души – живые. Жизнь человека спрессована в один час сценического времени, из неё выхвачено самое важное. Фрагменты, избирательно подобранные памятью, дают, тем не менее, цельное представление о судьбе человека. Пьеса-дуэт всё время держит читателя в романтическом напряжении.

Любовь в идеале – это «свобода, равенство и братство». «Боже, пошли мне равную!» – говорил поэт. Но Дания изначально не чувствует себя равным Лене, и это, может быть, стержневой фактор, который приводит героев к разлуке. Взаимные чувства на проверку оказываются «с червоточинкой», потому что не идеальны сами люди. У них – комплексы. В решающий момент герои боятся своего счастья. У Дании возникает комплекс неполноценности. Он считает Лену профессионально более талантливым человеком. Говорит, что недостойна её. А ещё паре влюблённых мешает разлитый в воздухе советского времени вирус бытового антисемитизма. Он вроде бы и не является фактором доминирующим, но в то же время влияет подспудно, на уровне возможности такого «неравного» брака. Драма заключается ещё и в том, что Лена не умеет помочь любимому человеку избавиться от комплексов. Её съедают собственные тараканы.

Удивительно, но красивый, высокорослый, неглупый юноша не чувствует себя равным интересной и привлекательной девушке. Дело в том, что первая любовь часто целомудренна и возносит любимого на мысленный пьедестал. А сам ты стоишь на земле! Возникает страх неразделённой любви. И ты ещё больше начинаешь «обожествлять» партнёра. Любовь в этом плане двойственна: с одной стороны, она творит кумиров. С другой, идеализация земного человека неизбежно отдаляет влюблённого от того, кого он посадил на свой трон. И таких историй в жизни сколько угодно! Например, судьба Любы Менделеевой

и Александра Блока. «Он делает шаг назад, втягивает голову в плечи и смотрит на меня, как на статую на пьедестале», – яркая выдержка из пьесы, подтверждающая мою мысль. Помех у любви так много, что Дания, наверное, даже не держит все в голове. Но и того, что он держит, вполне достаточно, чтобы посеять в себе неуверенность. А ведь мужчины и женщины и так друг для друга – «инопланетяне»!

Дания трогает меня за плечо:

– Хочешь ещё одну конфетку? – а я слышу «Хочешь меня?».

Да... я хочу сказать, но отрицательно мотаю головой. Ну как здесь не запутаться в его словах и поступках?

В идеале, тот, у кого меньше комплексов, должен помочь тому, у кого их больше. Во имя любви. Но это в идеале. В реальной жизни мало кто способен простить любимому обиду. Быть обиженным – тоже по-своему яркая роль, и люди любят её играть, невзирая на возможность счастья. «Пластинка на костях» – авторская метафора, нестандартное название «пластинки на рёбрах». Не рекомендованная к прослушиванию музыка записывалась в советское время на использованных рентгеновских снимках. Рентген «удаляет» у человека кожу и кровеносные сосуды, оставляя одни кости.

Мы видим, что пластинка – обязательно винил. И винить в крахе любви – тоже некого. Пластинка на костях соответствует храму на крови. Как в плохом, так и в хорошем смыслах. Плохо, что на крови. Хорошо, что построили храм и молятся. Плохо, что пластинка на костях. Хорошо, что звучит музыка. И эта двойственность прослеживается во всём. Поэтому в жизни трудно отличить удачу от неудачи. Одновременность мажора и минора придаёт пьесе глубину. В ней есть такой момент. Дания в отчаянии хочет... порвать свою тонкую пластинку на костях. Он думал, что она не только гнётся, но и рвётся. Теннисисты, например, снимают стресс, разбивая ракетку о корт. Но пластинка Дании выказала удивительную прочность. Рукописи не горят! Музыка вечна! Поэтому она звучит в душе Лены и Дании и десятилетия спустя.

Поехать со своим курсом на картошку – это же так романтично для влюблённых. Всё время – рядом. Неформальная «семья». Можно даже не признаваться в любви. Ты ведь и так наслаждаешься обществом любимого человека. Студенческие годы – наше «место силы», куда всё время хочется возвращаться. У пьесы Натальи Гринберг и Романа Михеенкова есть одна особенность. Хотя она и написана для театра, прежде всего, это качественная литература. «Пластинка на костях» читается как полноценная повесть. Реплики героев «нюансированы» примечаниями, которые интересно комментируют движения души и поступки героев.

Для Лены муж Илья – это любовь земная, а Дания – это любовь «небесная», романтическая, иррациональная в своей несбыточности. Конечно, и сам Даниил не идеален как мужчина. Так бывает в жизни – неидеальное прекрасно подходит отдельно взятому человеку. Авторы задают читателям простой вопрос: а что такое любовь вообще? В какой-то степени любовь – это высокая обречённость людей друг на друга. Мы сами запутываем свои судьбы, убегая от любви. И трудно бывает распутать эту «самодельную» паутину. В «Пластинке на костях» в какой-то момент кажется, что любовь уже сошла на нет, от костра остались одни головешки. Но так только кажется. У Лены и Дании любовь проявляет способность к самовоспламенению. Пьеса пронизана верой в неубываемость подлинных чувств.

«Он был поэтом, но поэм не создал. Зато всю жизнь он прожил как поэт». Это строки из другой пьесы, «Сирано де Бержерака». Сирано и Роксана, как и Дания с Леной, никак не могут обрести счастье. Всё время кажется: вот сейчас они объяснятся, и всё будет хорошо. Но ожидание растягивается на десятилетия. А любовь – вот незадача – не умирает! Единственность избранника (избранницы) при огромном количестве возможных вариантов потрясает нас до глубины души. Бывают же в мире однолюбы! В «Пластинке на костях» этот посыл ещё более усложнён. Любовь Лены к Данию не мешает её жизни с мужем Ильёй. А вот для Дании Лена оказалась безальтернативной.

– Откуда я знаю? Я просто всё время жду и жду, что ты позвонишь.

– Ты ждёшь и ждёшь? Ждёшь, пока мы умрём?

Несбывшаяся любовь рифмуется у Гринберг и Михеенкова ещё и с ностальгией по всему хорошему, что было в Советском Союзе. Плохого тоже было немало, и это побуждало людей уезжать из своей страны. Сегодня такого рода ностальгия только усиливается – в первую очередь благодаря тому, что мир на глазах деградирует, движется по дороге к худшему. Любовь – такая огромная тема, что она невольно цепляет в пьесе ещё и тему национальной самоидентификации человека, тему эмиграции и другие важные для нас темы. Не выходя за рамки истории любви, авторы подробно рассказывают о психологических аспектах эмиграции. Во время перестройки героиня пьесы возвращается в СССР – в первую очередь ради Дании. Незавершённая, несбыточность любви постоянно воспаляет чувства влюблённых. Сопереживают героям и читатели. Незаконченность любовного романа побуждает каждого из нас попытаться закончить его по-своему.

«Витаю в мыслях, судорожно ищу выход из лабиринта, в центре которого так же мечется Дая. Ромео и Джульетта с мобильными телефонами. Болтаемся во времени и пространстве, вечные мученики своей несгоревшей страсти. Наша любовь всё крутится и крутится. Заевшая пластинка на рентгеновском снимке. Запрещённая. Кем?..».

Пьеса глубоко раскрывает природу женской души. Открытая концовка пьесы оставляет героям надежду на новую встречу. Пьеса так хорошо скомпонована, будто бы и нет этих длительных пауз в жизни. Сцену на вокзале, когда Дая провожает Лену, которая уезжает навсегда, невозможно читать без слёз. Пьеса побуждает читателей и зрителей бережнее относиться к своим партнёрам, ко времени, отпущенному на жизнь и на любовь. Надежда на лучшее – есть! С кем это говорит Лена по телефону из манхэттенского парка после очередной неувстречи? Не с ним ли, не со своим ли Даней?!

Пьеса Натальи Гринберг и Романа Михеенкова «Пластинка на костях» делает нас лучше, чище, чутче друг к другу. «Пластинка» благодаря своей универсальности может рассчитывать на самое широкое прочтение. Переживания героев близки всем и каждому. В кульминационные моменты пьесы язык дуэта авторов творит чудеса. Лена ни много ни мало отождествляет любимого человека, Даню, с родиной: «Я не оставляю позади СССР или город N-ск. Я оставляю позади Даню. Может, моя родина и есть он?». Наверное, половиной своего успеха пьеса обязана изумительным мизансценам и мастерским диалогам. В «Пластинке» много запахов и музыки. Героев связывают мелодии Джона Леннона. Воспоминания о минутах счастья остаются в сердце навсегда. В пьесе Гринберг и Михеенкова каждый читатель, который хотя бы раз в жизни любил, узнает самого себя. Эти ценности – общечеловечны, и над ними не властны ни люди, ни время.

«ШКАФ»

ЮЛИЯ РУДЕНКО

ФОРМУЛА БОГАТСТВА

(Галина Соколова, Элла Мазько. Тайные касания Ариады – К: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2021. – 246 стр.)

Формулу богатства, согласитесь, ищут гораздо чаще, чем формулу любви. Хотя почти вся художественная литература мира строится по Фрейдовскому «закону». Новая книга Галины Соколовой и Эллы Мазько начала 2021 года честнее в этом плане. Авторы предлагают читателю познакомиться с той самой пресловутой формулой богатства, причём в такой форме, которой бы позавидовали (не побоюсь этого слова!) Ильф и Петров. Роман создан в духе озаповеданных идей. Но Бендер – герой прошлого века. Каковы же реалии начала XIX века? С этим ироническим «анализом» и предстоит познакомиться читателям в «Тайных касаниях Ариады». И, как говорится, в каждой шутке есть доля правды...

Скажу сразу о своих ощущениях от чтения. Меня будто взяли и окунули в некий очень мощный поток сознания. Однако вряд ли такую насыщенную событиями, персонажами и фольклором прозу можно было создать так же играючи, как она воспринимается. Фельетон в трёхчастной форме с эпилогами – это серьёзный писательский труд, где выверено каждое слово, где прецедентный феномен на прецедентном феномене сидит и прецедентным феноменом погоняет. Это я и о видоизменённых народных поговорках, пословицах, применяемых Соколовой и Мазько сплошь и рядом. Собственно, эта писательская манера присуща авторам и в других произведениях, выпущенных ранее: «Хождение по Золотой горшок, или Сказки Гофкина» (2016), «Евина груша, или Пицца счастья» (2017), «Страшная ночь, или Визит зелёной феи» (2018), «У попа была собака» (2020). В обилии исконных традиций разных стран они верны себе и здесь. А как вкусно вековая мудрость преподносится! Ууу... Странички оближешь! В буквальном смысле! Не поверите, но в конце

этого чисто приключенческого тома про касания Ариады вдруг появляется ряд кулинарных рецептов. Логически они приемлемы – даны как подспорье для той самой пресловутой формулы богатства. И в книге какого-нибудь коуча, рассказывающего об успешном успехе через здоровое питание, я бы не обратила на это никакого особого внимания. Но здесь – в романе – о том, как приготовить блюда из бобовых!? О, авторы не случайно попирают жанровые основы! Они шаг за шагом мастерски рушат все литературные клише, рождая свою уникальную форму художественного произведения.

Однако, и про любовь тут тоже есть. Но не идеализированно книжно, у двух главных героев, а так, как в жизни бывает: у всех персонажей понемножку. «Любовь в жизни скучна», – могут воскликнуть многие. Да, возможно, но сквозь призму сатирического взгляда философски эрудированных писательниц, эта любовь становится таким крутым замесом, что скучать точно не доведётся. Фантастогоричный сюжет плюс яркие характеры и устремления героев равны эмоционально бурлящему котлу.

Немного о сюжетной интриге. Некто Алиса Борисовна Хуторецкая находилась в расстроенных чувствах после предательства любимого и юного по сравнению с ней Васи. Она была оставлена по хозяйству в огромном доме олигархических супругов Чужало, которые отбыли из Одессы на отдых в Европу. И однажды Алиса Борисовна забралась в холодильник под названием «Ариада», в котором застряла. Этот холодильник и стал мощным поворотом на удачу в её жизни. Вот если вкратце, без спойлерства. Как магнитом стали притягиваться в дом Чужало различные люди, в которых Соколова и Мазько нещадно высмеивают отсутствие ума, порочность, алчность и прочие качества совре-

менного гражданина потребительского общества. Да, в какой-то момент, знакомясь с произведением, я подумала: а что бы написал Гоголь, если бы попал в современный мир? А Зощенко? А Булгаков? Может быть что-то подобное? Ведь по сути происходящие события повести - это смех сквозь слёзы. Глубинность взгляда на ограниченность сознания нынешнего высшего и низшего класса очень мастерски завуалирована лёгкостью повествования через призму местного колорита. И при всей такой описательно-диалоговой воздушности в словесную ткань плотно влетают различные философские термины, словно попутная оценка незримого высокого эксперта по людским мыслям и поступкам. Не знаю, как у кого, а у меня сложная терминология раздраконивает познавательный инстинкт. Я обязательно лезу в Википедию или Гугл, чтобы разобраться – что же авторы имели в виду. И радуюсь, когда мне удалось понять подтекст. Или надтекст...

Но в целом «Тайные касания...» создают великолепную атмосферу непрекращающегося юмора. Причём с самой первой строки и до последней. Назовите это как хотите – хоть социальная сатира, хоть политическая (да-да, встречаются намёки!), хоть моральная! Кстати, о последнем. Полагаю, у Эрики Леонард Джеймс, создательницы «Пятьдесят оттенков серого», теперь появились явные конкуренты. Шутка.

Итак, сочная палитра оксюморонов и метафор ведёт нас по закоулкам человеческой сущности. Наиболее типичной персоной нашего времени перед нами предстаёт Адрон Фёдорович Чужало, совладелец дилерского автоцентра «Мерседес-Бенц», сам ездящий исключительно на «Лексусе». Как действующее лицо он остаётся как бы за кадром, но его шикарный дом с акулой Манькой, огромными холодильниками, подземным ходом и сухарями в мешках говорит о многом. Три подруги-

одесситки, по иронии судьбы познакомившиеся друг с другом только в Америке, тоже достаточно распространённое явление дней начала XXI века. Михайлова, Петрова и Солдатова в молодости мечтали выйти за иностранца, но разочаровались, когда мечта о супружеской жизни в Штатах сбылась. Думаю, многие читательницы узнают в них себя. Особо тщательнейшим образом создан образ турка Измаила Рамазан-оглу, сорокадвухлетнего пенсионера, бывшего сотрудника турецкой разведки. «Наш герой изрядно потрудился в средиземноморье. Внёс свой пиастр в ИГИЛа становление, потом в его разрушение, получил ранение и, отчаянно хромяя, ушёл в запас...». Честное слово, многостраничные абзацы о нравах Измаила я сочла для себя путеводителем по Турции. С учётом сложностей въезда в излюбленную многими зону отдыха, подробности турецких традиций – словно бальзам на душу. А уж как насмешила стычка Измаила из-за кумира россиян Владимира Высоцкого с ещё одной героиней – Катериной Петровной Переляк! «Профессию свою она не любила, считая психологию пустой тратой времени и аженаукой. Данный силлогизм осенил её уже после покупки надлежащего диплома. На более крутой денег тогда не хватило, а нового шанса приобрести его не случилось», – вот так мы знакомимся с ней в самом начале книги.

Это далеко не все участники «якутского дела» в Одессе. Но уже и по этим лицам наверняка у вас сложилось впечатление, чего ждать от остальных. Хотя предположение в любом случае будет в корне не верно. Предсказать и предугадать что-либо в повести о тайных касаниях холодильника абсолютно невозможно. Ну разве что хаотичность... В хорошем смысле слова. В котором есть свобода и бессистемность. Ну и формула богатства, взращенная из корней времён инквизиции и проросшая турецким потоком в эпоху зума!

АЛЕКСАНДР РУДНЕВ

«ПОДЗЕМНАЯ РЕКА»

(Юрий Гурфинкель. «Ещё легка походка...» Анастасия Цветаева и её современники». – М., «Серебряные нити», Центр гуманитарных инициатив, 2021. – 237 с., илл.)

Недавно мне попала в руки книга, о которой сейчас пойдёт речь – в чём-то совершенно необыкновенная. Её автор Юрий Ильич Гурфинкель, врач-кардиолог, доктор медицины, ведущий научный сотрудник МГУ имени М.В. Ломоносова, в течение семнадцати лет был близко знаком и дружен с Анастасией Ивановной Цветаевой и написал о ней великолепные воспоминания, ни в чём, по-видимому, не повторяя других, а об

А.И. Цветаевой, как известно, во многом уникальной личности в истории нашей культуры, написано немало. Но несомненно то, что каждая деталь, каждая подробность жизни и облика этого человека драгоценна не только для её современников, но и для тех, кто будет жить после нас.

А.И. Цветаевой, здесь же заметим, принадлежит, по нашему мнению, необыкновенно точная, ёмкая и умная, во многом исчерпывающая харак-

теристика, которую она дала своему приятелю и собеседнику, впоследствии написавшему о ней эти мемуары.

«Как писателю, Юрию Ильичу Гурфинкелю присуще то свойство улавливать влияние истинной фантастичности жизни над реальностью дня». Гурфинкель, по мнению А.И. Цветаевой, «отбрасывает всё то, что льнёт к перу в спешке, то, что не подходит, пока не найдёт единственно нужное для строки, как единственно нужное лекарство больному...».

Эта тонкая и проникновенная характеристика как нельзя более отражает сущность незаурядного писательского дара Ю.И. Гурфинкеля, который в этой книге проявился во всём блеске. И даже более того – в истории литературы хорошо известен целый перечень великолепных писателей-медиков – это и В.И. Даль, и А.П. Чехов, и В.В. Вересаев, и народник С.Я. Елпатьевский, и М.А. Булгаков и, по-видимому, этот список можно было бы ещё продолжить. В этом ряду Ю.И. Гурфинкелю принадлежит, несомненно, одно из заметных мест, ибо эти пять очерков-эссе, которые составили книгу «Ещё легка походка» (строчка из стихотворения А.И. Цветаевой «Мне восемьдесят лет, ещё легка походка...»), читаются как увлекательный роман путешествий, нравоописаний, и самое важное то, что главной героиней является человек необыкновенный во всех отношениях, человек страшной, трагической судьбы, сумевший с огромным достоинством перенести тяжелейшие испытания и почти до 100 летнего возраста сохранившей творческий дар, острый ум, прекрасную память и доброжелательное, неозлобленное отношение к людям и миру, хотя признание к ней, как к писателю пришлось, увы, слишком поздно, хотя А.И. Цветаева прожила не только очень долгую жизнь вообще, но и у неё был столь же долгий литературный путь, несмотря ни на что.

В 1916 году вышла её вторая книга «Дым, дым и дым», которую в пух и прах несправедливо и пристрасно изругал очень знаменитый тогда Леонид Андреев в газете «Русская воля» в своей заметке «Литературный дневник. Печаль наших дней», там есть в частности такие слова о той книге – «Здесь розановщина, облеченная в кимоно...».

А её последними уже, можно сказать, старческими произведениями были очерки «Зимний старческий Коктебель», «Моя Голландия», «Моя Эстония», «Моя Сибирь», роман под названием «Атом», известная книга «Воспоминания» и другие.

В очерках, составивших рассматриваемую книгу – «Коктебель», «Голландия», «Белый кофе», «Кунины, Нисс и другие люди прекрасной эпохи», «Подземная река», «Цветаева и Чижевский. Чёрное солнце двух судеб» – увлекательно рассказывается о разных поездках и путешествиях, предпринятых

автором вместе с Анастасией Ивановной – вначале в очень памятный и дорогой для семьи Цветаевых Коктебель, в ноябре 1988 года, где происходили съёмки фильма о Марине Цветаевой – героине книги в это время было уже 94 года, но всех, кто встречался с ней, она поражала своим живым и острым восприятием внешних впечатлений и, самое главное, своей исключительной, не потускневшей с годами изощрённой интеллектуальностью, в которой чувствовалась «непреодолённая» и ничем не потопленная культура русского Серебряного века, с которой она была органически связана, и с которым был тесно связан этот знаменитый посёлок в восточном Крыму, «голом и суровом, с колючками», воспетом М.А. Волошиным и отражённом в великолепных киммерийских пейзажах К.Ф. Богаевского.

Автор приводит в связи с этим слова самой Анастасии Ивановны: «<...> В парадном костюме сижу в кресле и, смеясь внутренне, отвечаю на вопросы о почти легендарной уже старине». И здесь во многом почти весь непростой и многогранный характер этого удивительного человека.

Исключительно пластично и живописно написан очерк о путешествии в Голландию, предпринятом А.И. Цветаевой в апреле 1992 года в возрасте уже 98 лет, за полтора года до её смерти, также в сопровождении Ю.И. Гурфинкеля по приглашению на конгресс писательниц-женщин и международную книжную ярмарку, где Анастасии Ивановне пришлось выступить перед большой аудиторией – на это живо откликнулись западные газеты, радио и телевидение, и это в самом деле было очень заметным культурным событием тогдашнего времени.

Прелестные живые подробности, тонко и точно подмеченные детали, обрисовка людей, обстановки и, конечно же, в первую очередь главной героини, её всегдашнее живое восприятие всего – всё это создаёт необыкновенно пленительную, изящную, почти воздушную «читабельность» этих путевых записок.

Описание амстердамских встреч А.И. Цветаевой с разными лицами, посещение ею исторических достопримечательностей – например, могилы Рембрандта, или дома известной Анны Франк – представлены здесь самым колоритным и запоминающимся образом. И несколько комической, забавной тональностью окрашена концовка (set ridicule франц.) – о том, как во время прилёта в Москву из Голландии «старую леди» посадили два дюжих молодца в обыкновенную тачку, предназначенную для перевозки кирпичей, чтобы вывести её в здание аэропорта.

Одна из глав книги посвящена спутникам А.И. Цветаевой, последних, и не только, лет её жизни – это и родственница художника Р. Фалька,

и поэт-мистик Б. Зубакин, и В. Маяковский, и прежде всего семья Е.Ф. Куниной, в обществе которой она провела своё последнее лето 1993 года в Переделкинском Доме творчества – с нашей точки зрения, это одни из лучших страниц книги. Это место, когда-то, как известно, бывшее всесветно знаменитым, теперь, увы, во многом утратившее своё прежнее лицо, очень памятное и автору этой статьи, описано очень выразительно и колоритно. Здесь тоже немало забавных эпизодов – например, о том, как А.И. Цветаева кормила рыбой кота, называя его на «вы» и многое другое.

В книге запечатлены многочисленные подробности, надо сказать, очаровательные и совершенно уникальные, о том, какой была в повседневной жизни и своём непростом быту эта достигшая предельной старости, но не сломленная женщина, никак и ничего не растерявшая из своего бесценного духовно-интеллектуального багажа – её суждения в том числе и о сложнейшей современной политической ситуации, которая пришла как раз на её последние годы, всегда острые, ёмкие, неожиданные, иногда лишь одним выразительным словом она могла «припечатать» и окружавших её людей и обстоятельства, которые ей сопутствовали и т.д.

Самым запоминающимся образом в этих мемуарах описывается и жилище А.И. Цветаевой – однокомнатная квартира на Большой Спасской улице неподалёку от площади Трёх вокзалов, где были на таком малом пространстве свои, какие-то потаённые уголки, о которых, возможно, не знали даже самые близкие ей люди, в том числе и её сын Андрей Борисович Трухачёв, умерший раньше её. В этом смысле особенно примечательна глава «Подземная река», где рассказывается, в основном, уже о завершающихся днях этой почти столетней жизни, жизни мужественной и во многом героической. Очень интересны также, казалось бы, попутно сделанные замечания автора по поводу документальной повести А.И. Цветаевой «Моя Сибирь», в центре которой «та же тема одиночества и безысходности человека, брошенного в жерно-

ва истории» (с. 219) – надо сказать, что книга эта сразу же после своего выхода в свет и при вполне приличном тираже стала библиографической редкостью.

В последние годы жизни А.И. Цветаевой, вспоминает Ю.И. Гурфинкель, были выбраны и опубликованы по совету её литературного секретаря Ст.А. Айдиняна, короткие истории-миниатюры о животных, которые, по мнению мемуариста, являются своего рода «литературными шедеврами высокой пробы» (с. 220). Это, в сущности, рассказы не столько о животных, сколько о людях, утративших или же, напротив, сохранивших «редкое свойство души в эпоху войн и террора – сострадание» (с. 221).

И заключая, невозможно ещё раз не отметить того, что в книге Ю.И. Гурфинкеля превосходно показан воздух эпохи, так ощутимо и физически осязательно, со всеми её трагедиями и немногими, пусть даже ничтожными, убогими радостями, что его хочется потрогать руками, как это бывает иногда с произведениями живописи.

Завершает же книгу очерк об известном учёном-физике А.Л. Чижевском, также опосредованным образом связанном с семьёй Цветаевых. У А.Л. Чижевского осталось, замечает Ю.И. Гурфинкель, своего рода стихотворное завещание своим друзьям, единомышленникам и последователям:

*Благословим же дальнюю звезду,
И горсть своей земли печальной!
Друзья мои, я к вам иду,
Как к истине первоначальной!*

Прозрачные, почти по-пушкински ясные стихи!

Таким образом, читатель получает в подарок чудесную книгу, и это в наш избалованный всяческими книжными изысками век. Эту книгу читатель прочтёт на одном дыхании, невзирая на мелкие неточности, на которых, пожалуй, нет особого смысла останавливаться.

ДАРЬЯ ТОЦКАЯ

СТИХООСЁТР НА ВКУС

(Анна Харланова. Стихоосётр – М.: Формаслов, 2021. – 90 с.)

Жизнь прожить – не реку перейти; книга начинается с особого стихотворения, даже с одного особенного слова, пришедшего из заводи времён, так и получила название «Стихоосётр» Анны Харлановой.

Осётр для русской культуры – рыба почти что сакральная, современник динозавров, он облю-

бовал крупные реки и моря и вплоть до второй половины XX века помогал целым семьям выжить в голодное время. В среднем осётр достигает возраста и размеров человека, но иногда происходит нежданное, и природа порождает чудиш, живущих по сотне лет, совсем как хорошие стихи проживают жизни больше человеческих.

Отношение к осетру на Руси особое, в былые времена даже прибрежные церкви переставали звонить в колокола во время нереста. «Москва и москвичи» Гиляровского были бы неполными без описаний расстегаев с осетровой хордой, а «Мёртвые души» Гоголя – без пирогов с щеками девятипудового осетра. О нём писали Пушкин в «Истории Пугачёва» и Аксаков в «Записках об ужении рыбы». При помощи него Грин выражал составной архетип гармонии («ночь тиха, прекрасна водка, трепещите осетры»), Горький говорил о классовом неравенстве («осётр сому не товарищ, стерлядь сельдке не подруга»), а Чехов просто шутил («Пётр, ты не осётр»). Наконец, у Островского встречается даже имя – Осётр Савельич, а русскую деревенскую прозу невозможно представить без «Царь-рыбы» Астафьева. Восторгаются осетром и за границей, там он стал частью пышного фламандского барокко у Снейдерса, Корнелиса де Воса, Адриана ван Утрехта и других живописцев.

«Время и вода связаны. / Порой мне кажется, что прошлое ушло / Как тени отступают перед светом», – пишет Анна Харланова, и здесь нужно сказать, что осётр видит свет не так, как человек в воздушной среде; под водой свет может расходиться из одной точки лучами, стремящимися к поверхности и мерцающими от набегающих волн, и мало что может показаться чудеснее этого зрелища.

Открывающее стихотворение будто идёт неспешной рябью: *«Издали / Вижу тучи, что за ночь вырели, / Белой мякотью крупяной / Просыпаются над рекой»* и далее – *«Но не слышно мне их лихих / Кукареку, кукареку. / Дед соседский на перекур / Вышел, топает вдоль реки...»*. Перекрёстная рифма создаёт ощущение неспешного заплыва, вглядывания в нереальное. «Бесконечная рябь и рыба». Для Анны нереальное примета не потустороннего, а изменения в восприятии окружающего мира. Упомянутое вырванное облако встречается в других её текстах, как и снег в качестве метафоры времени, которого каждому явлению и предмету отмеряно определённое количество. Но, что интересно, тиканье биологических часов не становится поводом для страхов и даже рождает успокаивающую предопределённость.

В качестве чудесного Анна подаёт занятия нарочито обыденные: *«А я полдня пытаюсь разлучить / Смородину с одним кустом хотя бы», «Горячая, как поцелуй внезапный, / Смородина смеется надо мной...», «День потерян, и дым – это просто дым».*

«И не сплю я уже, не бодрствую – существую на острие... Интересно, а будет вкусным этот странный стихоосётр?» Неспроста заверчено всё вокруг этого слова, напоминающего об окказионализмах Маяковского («эскадры верблюдокорабледраконьи»), в одном из произведений Харланова даже вкрапляет оммаж этим небесным верблюдам. Поэзия для неё существует как эрратив в этом выверенном, хроно-

типичном мире; подобно хтоническому осетру, из обыденного вырастает до невероятного и выходит за рамки отмерянного ей времени и фатума. *«Время вымерло, время – пустой мешок».*

Впрочем, когда у Харлановой появляется «рябь и рыба» – это уже ближе к неологизмам Есенина, так автору удастся сочетать оба подхода в образовании новых слов: гармоничный, подобный капели есенинский – и рубленный Маяковского. В целом же «Стихоосётр» кормится где-то под пирсами русской классической литературы; временами всплывает Фет с его метафорами, не затрудняющими чтение, а напротив, создающими эффект прозрачного для понимания, но накаченного средствами выразительности текста. Пейзажная и любовная лирика часто подсвечена экзистенциальными вопросами, что придаёт ей глубину, как тут ни вспомнить поэтизированные пейзажи Некрасова, Никитина, Сологуба, Буннина, упоминаемого Харлановой Бориса Рыжего и Саша Чёрного, последний особенно проступает в укорачивании строки и склонности к риторическим вопросам.

Нарратив часто тянет одеяло на себя, не давая вконец очароваться особым мировосприятием, в котором и мальвы, и левкои вроде бы те же, что для всех, но какие-то иные; свои ритма порой выглядят взбрыкнувшими пристяжными, но тем не менее атмосфера восторженного ощущения природы как свободы разума, возврат к детскому восприятию миру *ala paive*, которое одно только и может говорить о всяком без изматывающих душу терзаний, – вот те задачи-флажки, которые уже освоены поэтессой. В конце концов, то ли заумь, то ли внутренний монолог с их недоговоренностью, просто интересно читать.

Апофения, взаимосвязь всего со всем, приводит к неожиданным, но тем и ценным сравнениям: *«в большую чашку труда – великанью посуду», «а ветер крошит день – сухарь из белой булки», «знак тифе – это минус благоразумие».* Ближе к финалу помещены её *impressions* от творений норвежского живописца Мунка, подсмотревшего свою дрожащую ноту, без сомнения, у Достоевского; самое прекрасное в этом цикле – синестезия.

Сила, которая рождает движение внутри механизма стихов Анны Харлановой, – конечно, любовь ко всему сущему: к кислой ягоде, к заросшему болотцу, кишащему лягушками, к осени как синониму увядания. Когда знаешь вселенский секрет и не сомневаешься в нём, слова перестают блуждать и путать, а говорят о тех вещах, которые как будто знал всегда; они разлиты в воде и в воздухе природы.

*Любовь не исчезает никогда:
Она янтарной бусинкой на чётках
Висит себе, – я вижу это чётко.
И доказательство не требует труда.*

СТАНИСЛАВ АЙДИНЯН

ОГОНЁК ПОСТБЛОКОВСКОЙ ПОРЫ

(Евгений Чигрин – Старый кочевник – Сборник стихотворений. – Тверь, Москва: Альфа-Пресс, 2020. – 122 с. с илл. – Серия «Срез»)

В последние годы в современной русской поэзии постблочноковским огоньком, разгорающимся с каждым годом всё ярче, светит имя Евгения Чигрина. Поэзия сегодня во многом переселилась в облачную сеть, но не зависла там, а пульсирует, дышит, движется вперёд... Литература – живой процесс, в котором сотворяются образы, мнения и формы, они как пузырьки в броющем вине в стеклянной бутылке, находятся в непрестанном движении... И среди этого вселенского брожения сами собою выделяются имена, тексты которые читают десятки тысяч... Чигрин в восприятии современников стал таким искрящимся в облачной сети ярким поэтическим, броющим, путешествующим «огоньком»...

Известный поэт и литературный критик Даниил Чкония в рецензии на предыдущую книгу Е. Чигрина «Невидимый проводник», выпущенную в 2018 году, писал: «Можно было бы сказать о его чутьё и вкусе, как о признаках хорошей школы, но тут больше прочитывается природный дар автора. Ему известны разнообразные приёмы письма, он хорошо оснащён технически, прекрасно знаком с литературными течениями прошлых времён и современности, но определяющими для себя выбирает традиции русской лирической поэзии, декларируя это негромким, но твёрдым голосом...».

В словах Д. Чкония много прозорливо верного. Чигрин действительно принадлежит к хорошей литературной школе и сам как-то говорил о своём отдалённом «родстве» с акмеизмом. Но всегда ли Чигрин лирик? А если лирик, то какой? Нам представляется, что он – лирик-созерцатель...

*В личном небе я до рассвета буду скитаться
С маленькой лирой, с маленькой книжкой солнца и ветра.
От междометий до Ганимеда не с кем обняться:
Жёлтые звёзды, полная полночь, музыка спектра.
В личном пространстве молодость-старость без сожалений
Я принимаю, что ещё делать? – если по звёздам –
Столько скитаний! И от светила – жёлтые тени
По марсианским строфам и песням, даже по гнёздам
Ангелов света, что в колыбелях: виделось как-то...
В старой одежде – старый кочевник – старый зевака –
В небе сущённом я проплываю будто бы яхта:
От междометий до параллелей – местный гуляка
Маленькой лирой, маленькой книжкой солнца и ветра
Я расплываться с космосом близким врёд ли сумею.
Знаю немного. Вижу большую... Сколько тут света! –
Тянут возницы, тянет Возничий – Кассиопею.*

Чигрин лирически созерцает свой внутренний мир, оснащённый неисчислимым богатством образов и явлений, подаренных ему человеческой цивилизацией, её искусством, её историей. А когда рождаются собственные стихи, он лучшие из них выдыхает с такой нотой горькой искренности, непосредственного живого чувства, что навстречу ему – ответный вздох читающих. Души отзываются!..

Чигрин размышляет и говорит с читателем. В его стихах бывает своего рода *усечённый диалог* с тем, кто читает его, во всяком случае, бывает, слышится обращение – «Не спрашивай, откуда осень...». Вот и тень диалога. Это ощущение порой возникает, возможно, из-за исповедальной ноты, звучащей в чигринской строке...

Наш поэт – мастер множества скрытых, постмодернистских по сути, реминисценций – вслушаемся, например, в окончание его стихотворения, опубликованного не в книге «Старый кочевник», а в имевшей широкий отклик авторской подборке в журнале «Звезда», 2020, № 10:

*...Смотрит ангел-очкарик-двойник-одиночка на юг,
Нет в печурке огня, тот, что бился, отбился от рук...
Паровоз постойт и, заправившись сказкой морской,
Станет слушать опять, как тоскует твой голос живой.*

Тут, как видим, отзвук известного стихотворения «В землянке» Алексея Суркова, популярнейшего в годы войны, положенного на музыку композитором К. Листовым. Евгений сказал, что это получилось у него неумышленно, продумано, а по вдохновению, – А. Сурков: «Бьётся в тесной печурке огонь...». Е. Чигрин: «Нет в печурке огня, тот, что бился, отбился от рук...». Алексей Сурков: «Я хочу, чтобы слышала ты, Как тоскует мой голос живой». Евгений Чигрин: «Станет слушать опять, как тоскует твой голос живой».

Есть и *отсылки* к Гоголю, они у Чигрина рассыпаны щедро по его журнальным подборкам и книгам – «...Что вспомнишь с длинным носом человека...» – Человеком с длинным носом называли Гоголя. Или внезапно узнаем там же, в чигринской подборке в «Звезде», в последнем её стихотворении, выделенную автором строку из «Собаки Качалова» Есенина:

*...И падает, как ветвь сирени в лужу,
За всё, в чём был и не был виноват.
Воображает, что могло быть хуже...*

У лиры Чигрина очень много сторонников, но есть и недруги, – каждое состоявшееся явление притягивает подобное и отталкивает чуждое. Присутствует и здоровая и нездоровая зависть к его таланту, который живёт на энергии неослабевающее сильного темперамента. В его стихах есть и ум и сердце, всегда в разном соотношении меж собою, каждый раз больше то того, то другого... Но и то и другое волшебным подчиняется музыке, гармонии, своей неповторимости то органного, то лютого звука...

И права Мария Бушуева, когда пишет о поэте: «...поэтические путешествия лирического героя Евгения Чигрина не линейны и происходят не на земной плоскости (реальные – лишь повод для стихов), а в историко-мифологическом, то есть опять же культурологическом, многомерном пространстве. И далее – «Гюгчевское „Душа моя – Элизум теней“ меняет направление путешествия – теперь оно устремлено в глубину самого себя. Именно от „Элизума теней“ – ещё одна, своеобразная и глубокая, поэтическая реальность Евгения Чигрина: сновидная, наполненная почти гипнагогически-галлюцинаторными образами и готическими персонажами: демонический романтизм, в меньшей степени от Жуковского и романтиков XIX века, больше от предсимволистов и символистов, а романтическое острие, упирающееся в тему смерти, указывает нам на Бориса Поплавского».

Это сказано М. Бушуевой опять же о генезисе поэтического строя и смысла сочинений Евгения Михайловича. Но помимо уже упомянутых черт можно отметить и то, что его лирический герой не чужд и лиро-эротическим мотивам:

*...Прижмись ко мне и нежным ртом возьми,
Коснись меня согласной грудью ночи,
Пока весь мир за крепкими дверьми
Перетекает в сонный и цветочный.
Поддай мне свет, как поддают свечу,
Я постою над наготой и болью,
Последнее и первое смолчу,
Запомню всё, что тяготеет к морю...*

Вот вам стиховой вихрь чувства, где уж нет никакого созерцания, а пламенеет порыв, дышит любовь...

Книга «Старый кочевник» очень во многом «изошла» из его же «Невидимого проводника», изданного известным издательством «Никитские ворота», но она несколько меньше и избранные стихи тут улучшены автором, переработаны. Так свой новый взгляд на собственные творения в новые издания книг вносили практически и Б. Пастернак и К. Бальмонт и М. Цветаева, так же поступают и современные авторы. Книга вышла и возникает в авторе «взгляд со стороны», когда сам как посторонний смотришь на свой текст.

Такой взгляд по сути своей духовен. Ведь истина в тебе возникает и в жизни, когда у человека есть миг мудрости взглянуть на неё «со стороны»!.. В смысле же отдалённого сходства в частности в «распространённости строки», самого дыхания, то возможно уловить призрачный отзвук стихов Олега Чухонцева, но этот призрак очень скоро пропадает...

Поэт и учёный, исследователь русской литературы, Жанна Щукина про Чигрина написала пристрасно и тонко: «Один из лучших, по моему убеждению, современных поэтов, в стихах которого вижу доброе соседство, почти родство, того, в чём родственности казалось бы не обнаружить: тончайший лиризм, изысканность чувства ювелирно созданной поэтической души и эпичность, „сказовость“ умудрённого опытом жизни странника, сверхгустую метафоричность, для дешифровки которой необходимо активизировать все интеллектуальные ресурсы и свежесть, прозрачность, понимаемость многих поэтических образов. Наш прекрасный современник Евгений Чигрин...».

Вот какие отклики у поэзии, в которой всемирное странничество, путешествия духа и буквы, обретают «лица необщее выражение», обретают ту облачную высь, где мерцает огонёк его весьма современного, прихотливо причудливого порой таланта.

В оформлении книги «Старый кочевник» использованы фрагменты картины «Под старым Капром» классика русской живописи Василия Поленова; а графический портрет поэта, характерный, психологически тонкий, исполнил художник Юрий Авалишвили, выпускник Тбилисской академии художеств, автор выразительных портретов Б. Пастернака и К. Чуковского, хранящихся в Москве в Литературном музее и в Литературно-художественном музее М. и А. Цветаевых в Александрове.

Закончить хочется цитатой из письма Андрея Попова – Евгению Чигрину, в ней наглядна тональность увлечения Чигриным-поэтом, свойственная нашему времени: «Я уже как-то писал, что ваши стихотворения – это всегда внутреннее потрясение, это метафизическая загадка, которая отзывается внутри долгим, несмолкаемым эхом. К ним постоянно возвращаешься, перечитываешь – и всякий раз убеждаешься, насколько неисчерпаемы они по смыслу, как насыщены головкружительными метафорами, аллюзиями, мифологическими и литературными отсылками – тоже порой ошеломительными...».

Редакция «Южного Сияния» поздравляет Евгения Михайловича Чигрина с юбилеем, с 60-летием, и желает ему нарастания и продолжения его Творчества, находящегося в читателях широко и определённо выраженное в откликах признание.

ИРИНА ЧУДНОВА

ОТ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЛИРИКИ К МЕТАМЕТАФОРЕ о поэзии Ростислава Русакова

*заполняя лакуну
между деревенской лирикой и метаметафорой
автор
неизбежно порождает
как минимум новые
две*

И.Ч.

Однажды, в начальный период пандемии и самоизоляции, когда почти каждая зоом-конференция с чтением стихов и разговорами о поэзии начиналась с опроса участвующих, как они это время переживают – пишется ли им или нет, Ростислав ответил, что пишет ночами и пишет стихи на стыках между разными направлениями в поэзии. Но архитектура поэтических плит устроена так, что, пытаясь поставить что-то на мнимый стык, неизбежно расширяешь это пространство и образуешь новые мнимые стыки. Однако именно этим и прирастает эксперимент в поэзии.

Со стихами Ростислава я познакомилась в начале 19-го года. Это была лирика о деревне, о детстве, чистые по звуку и образу стихи со значительными нарративным каркасом и лирической интонацией. Потом я узнала и другие его стихи, стихи, выходящие за пространство, очерченное кругом настольной лампы, кругом домашнего очага, где даже воспоминания о детстве поданы уже не с позиции прямого описания и взгляда в упор, но с позиции последующего опыта – личного и культурного взросления и возмужания.

ВЕЧЕР

*Туманный вечер, дышать легко –
Бреду дамой вдоль чудных лачуг,
Обнявши банку с парным молоком –
Мне семь – я знаю, чего хочу.*

*Остыло небо, остыл прогон,
Дрожит крапива, кивнёт лопух.
Белеет банка с парным молоком
Седой просёлок душист и глух...*

*Да, мне не ясен соседей крик,
Пацанский грай из-за гаража:
В моих руках тёплый бог притих –
Я буду крепче его держать.*

Притихает тёплый парной бог, руки ещё не забыли его мерного колыхания в литровой банке, но уже настало время расширения бытийного круга – деревня, где прошло детство Ростислава, сменяется городом. Как в стихотворении «я стоял на спичечном балконе»:

*Я стоял на спичечном балконе
смотрел на летние полосы шоссе
две туда две обратно
туда шли машины
обратно троллейбус
белый с синим
у него были тонкие длинные
как их там называют
и сам он был тонкий и длинный
с буро-бордовой крышей
с буро-бордовой крышей
и тут я вспомнил свой дом
его буро-бордовую крышу
вспомнил жуков-древоточцев
у них были тонкие длинные
усы
а ещё почему-то
вспомнил бабу-соседку
все её звали Синявина
и я всегда думал
что прозвище так себе
особенно если и правда
у тебя под глазами такие отёки
теперь понимаю
фамилия
добрая в общем-то бабка
вот помню
сидел с ней на лавочке
под кислым пока терновником
под горькой пока рябиной
смотрел на эти отёки
и слушал про Жади
и кушал сахарные квадратки
почему-то коричневые
почему-то пахнут горелым
как спичечный коробок
белый с синим
как его необычные боковины
буро-бордовые боковины
вот поставлю его на одну боковину
и поиграю в троллейбус.*

Здесь уже взгляд на деревенское детство идёт из городского быта, посмотрите, как просто и поэтично выворачивается спичечный коробок то в балкон, то в троллейбус, то в самого себя, которой представляется троллейбусом, будучи поставленным на ребро, буро-бордового поверхностью вверх. Мальчик играет со спичечным коробком – в этом есть и предчувствие «игры со спичками», игры, которая опасна по общим представлениям, но в которую каждый повзрослевший ребёнок вынужден сыграть. Город вырастает из природы, как троллейбус складывается из усов жука и спичечного коробка, город начинает пахнуть горелым – это запах жжённого сахара, но это образ более глубокий, чем только лишь воспоминание – это запах городского смога и терактов в троллейбусах, принесённых уже новым веком.

Старуха Синявина – даже сама фамилия не случайна, соположна синему цвету коробка, она и есть уходящая натура, лик деревни. Здесь есть и природа, и ощущение времени – горькая пока рябина и кислый пока терновник – и указание на лето, но и указание на незрелость детского опыта. ПУТЬ ПРОТЕЯ и ПРОТЕЙ ПОКИДАЕТ ГОРОД – два стихотворения, объединённых одним общим образом – Протея, изменчивого античного бога, чью помощь в предсказании будущего получает только тот, кто сумеет его удержать, как мальчик удерживает тёплого молочного бога в стеклянной банке. Протей – это и поэзия как отражение мира, и сам мир, бесконечно изменчивый, сложный, имеющий тысячу лиц, личин и образов, перетекающих в образа. Это переход в мир культуры, знака, символа – переход ещё более сложный, чем переезд из деревни в город, переход в пространство, в котором нет ни карт, ни торных путей, где всё становится всем, в зависимости от того, как крепко ты сам укоренён в этот мир, как смело и долго ты можешь смотреть в глаза его чудовищ.

Поэт, а Ростислав Русаков несомненно поэт, мир образов которого ещё совсем недавно опирался на детские и деревенские, родные, традиционные, предсказуемо трогающие душу каждого архетипы, вышел из колыбели быта и двинулся на свет, на голос бытия, на чистый звук, на высокий голос неведомого, невыразимого, того, что постепенно прорастает из тумана неясности, что вытаскивается оптикой слова на наших глазах, становясь мостиком между поэтикой прошлого и ритмами, образами будущего. В прямом смысле будущего – именно такое, многоликое, непостоянное будущее нам предстает. Мы страшимся его, желая избежать перемен, но повинно ли в том честное зеркало Протея – перечёркнуто – Поэта, который нам эту изменчивость показывает? Нужно ли оставаться в кружке уютного света, там, где комфортно ребёнку, под защитой материнских рук или уже пора надеть отцовский свитер и попробовать быть мужчиной? Вопрос, несомненно, риторический.

Взросление неотменимо. Негоже и нам, читателям, бояться мира сложного и изменчивого, ведь он такой и есть на самом деле. Отвергая изменчивость новых стихов, мы лишь прячемся от реальности, замуривая глаза. Она вокруг нас, надо принять её, эту жизнь, понять и прожить осознанно.

Стихи Ростислава Русакова невозможно цитировать частично, настолько плотен их текст, настолько они цельны и работают «одним куском», утрачивая от цитирования цельность и живую ткань метко сказанного поэтического слова. Приведу полностью ещё одно стихотворение:

АНДРЕЮ ТАВРОВУ

Говорят, он цыган.

Голова его – профиль быка:

ухом вбирает он шелест и запах травы,

глядит вперёд и назад

роговым взглядом,

зубы его золотые гудят как шмели

в набухших бутонах дёсен,

скальные зубы бескровно бликуют –

так ошлифованы ветром.

У, прислушайся...

Вольная песня гудит

в густой пустоте переносицы,

будто блестящий отвес

и ведёт его,

и ведёт.

Вот он щурится

на худую струну горизонта.

Вот сжимает пружину момента

в длинную гулкую паузу.

Вот бьёт по ней камень зрачка –

и на вдохе растёт, балансируя,

ослеплённый дрожащий тугой

огнедышащий мир.

Разумеется, в стихотворении описывается не Андрей Тавров, а оптика Андрея Таврова, преломлённая взглядом самого Ростислава Русакова, Русаков рассказывает нам, как смотрит Тавров. Но не прикидывается Тавровым, а лишь отражает его поэтику в зеркале своего голоса и дыхания, демонстрируя нам поразительную зоркость и внимание к поэтике детали.

Так расширяется пространство слова, образа, отзвука, отражения. Так расширяется пространство поэзии, если его видит человек, не боящийся того, что уже всё обо всём написано другими, и шагу некуда ступить, чтобы не споткнуться о сделанное до тебя, но находит стыки стилистик и направлений, перекидывая мосты между ними, осваивая эти лакуны, чем неизбежно порождает новые стыки для освоения – собой будущим или другими, теми, кто пожелает прирастить уже существующие материи сказанного живым веществом своего слова. Таков путь молодого поэта Ростислава Русакова.

ББК 84 (4 Укр-4 Оде) 62я45
Ю 195
УДК 821.161.1'06 (477.74) – 94

Підписано до друку 24.05.2021 р.
Формат 60х70/8. Гарнітура Garamond Narrow.
Папір офсет. Друк офсет. Ум. друк. арк. 22,14
Зам. 1449. Тираж 500 прим.

Видавництво КП ОМД (свід. ДК № 774 від 17.01.2002 р.)
Надруковано в КП «Одеська міська друкарня»
65012, Одеса, вул. Пантелеймонівська, 17